

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,

Председатель Следственного комитета Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, генерал юстиции Российской Федерации

А.В. Федоров,

советник Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

А.А. Бессонов,

ректор Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент,
член-корреспондент
Академии военных наук

О.Ю. Антонов,

проректор (по учебной
и научной работе) Московской
академии Следственного
комитета имени
А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,

главный научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный работник
высшего профессионального
образования Российской
Федерации

Л.В. Голоскоков,

профессор кафедры
прикладного правоведения
и междисциплинарных
юридических исследований
Института правоведения
Российского государственного
гуманитарного университета,
доктор юридических наук, доцент

И.В. Groшев,

заместитель директора
по научной работе НИИ
образования и науки, доктор
психологических наук, доктор
экономических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

Р.А. Каламкарян,

ведущий научный сотрудник
сектора международно-
правовых исследований
Института государства
и права РАН, профессор
кафедры международного
права Российского
университета дружбы народов
(РУДН), доктор юридических
наук, профессор, лауреат премии
имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

В.Н. Карагодин,

заведующий кафедрой
криминалистики
Екатеринбургского филиала
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, профес-
сор, Заслуженный юрист
Российской Федерации,
Почетный сотрудник
Следственного комитета
Российской Федерации

А.Н. Кузбагаров,

заведующий кафедрой
гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственно-
го университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор

Р.А. Курбанов,

директор НИИ «Институт
правовых исследований
и региональной интеграции»
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Е.Л. Логинов,

профессор департамента
мировой экономики
и международных финансов
Финансового университета
при Правительстве
Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор РАН

И.М. Мацкевич,

ректор Университета
прокуратуры Российской
Федерации, доктор
юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный
работник прокуратуры
Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,

ректор Российской академии
адвокатуры и нотариата,
президент Гильдии
российских адвокатов,
президент Международной
ассоциации русскоязычных
адвокатов, доктор юридических
наук, профессор,
Заслуженный юрист
Российской Федерации

В.С. Осипов,
заведующий кафедрой
мировой экономики
и управления
внешнеэкономической
деятельностью МГУ
имени М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук,
профессор

И.М. Рассолов,
Московский городской
педагогический университет,
профессор кафедры
информационного права
и цифровых технологий
Московского государственно-
го юридического университета
им. О.Е. Кутафина, доктор
юридических наук, доцент

А.Л. Санташов,
профессор 25 кафедры
Военного университета имени
князя Александра Невского
Министерства обороны
Российской Федерации,
профессор кафедры
уголовного права и
криминологии Северо-
Западного института
(филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), доктор юридических
наук, доцент

А.Ж. Саркисян,
декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева, кандидат
юридических наук, доцент

С.Г. Симагина,
заведующий кафедрой
прикладной информатики
Поволжского
государственного
университета телекоммуникаций
и информатики, доктор
экономических наук,
профессор

А.Б. Скаков,
профессор кафедры
уголовного права,
уголовно-процессуального
права и криминалистики
Казахского национального
университета им. аль-Фараби,
профессор кафедры
криминологии Академии
ФСИН России, доктор
юридических наук,
профессор, Почетный
работник образования
Казахстана

А.Е. Суглобов,
Российский университет
кооперации, доктор
экономических наук,
профессор

В.Н. Ткачев,
начальник Службно-
правового управления
Договорно-правового
департамента МВД России,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Ю.А. Цыпкин,
профессор кафедры
маркетинга Государственного
университета
по землеустройству,
доктор экономических наук,
профессор

В.Б. Шабанов,
заведующий кафедрой
криминалистики
юридического факультета
Белорусского
государственного
университета, доктор
юридических наук,
профессор

В.А. Шестак,
профессор 25 кафедры
Военного университета
имени князя Александра
Невского Министерства
обороны Российской
Федерации, доктор
юридических наук, доцент

Н.Д. Эриашвили,
профессор кафедры
гражданского и трудового
права, гражданского
процесса Московского
университета МВД РФ
им. В.Я. Кикотя, главный
редактор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА», доктор
экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства Российской
Федерации в области науки
и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, General
of Justice of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Advisor to the Chairman
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Candidate of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian
Federation

A.A. Bessonov,

Rector of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor,
Corresponding Member
of the Academy of Military
Sciences

O.Yu. Antonov,

Vice-Rector (for academic
and scientific work)
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Associate Professor

Yu. M. Antonyan,

Chief Researcher
of the All-Russian Research
Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian
Federation, Doctor of Law,
Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher
Professional Education
of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,

Professor of the Department
of Applied Jurisprudence
and Interdisciplinary Legal
Studies of the Institute
of Law of the Russian State
University for the Humanities,
Doctor of Law, Associate
Professor

I.V. Groshev,

Deputy Director for Scientific
Work of the Research Institute
of Education and Science,
Doctor of Psychology,
Doctor of Economics,
Professor, Honored
Scientist of the Russian
Federation

R.A. Kalamkarian,

Leading Researcher
of the International Legal
Research Sector
of the Institute of State
and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Professor of the Department
of International Law
of the Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN),
Doctor of Law, Professor,
laureate of the F.F. Martens
Prize (2007)

V.N. Karagodin,

Head of the Criminalistics
Department of the
Ekaterinburg Branch of the
Sukharev Moscow academy
of the Investigative
Committee, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Investigative
Committee of the Russian
Federation

A.N. Kuzbagarov,

Head of the Department
of Civil Law of the North-
Western Branch of the Russian
State University of Justice,
Doctor of Law, Professor

R.A. Kurbanov,

Director of the Research
Institute "Institute of Legal
Studies and Regional
Integration" of Plekhanov
Russian University of
Economics, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

E.L. Loginov,

Professor of the Department
of World Economy
and International Finance
of the Financial University
under the Government
of the Russian Federation,
Doctor of Economics,
Professor of the Russian
Academy of Sciences

I.M. Matskevich,

Rector of the University
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Prosecutor's
Office of the Russian
Federation

G.B. Mirzoev,

Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

V.S. Osipov,

Head of the Department of Global Economy and Foreign Economic Activity Management of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor

I.M. Rassolov,

Moscow City Pedagogical University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Associate Professor

A.L. Santashov,

Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor

A.Zh. Sarkisyan,

Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor

S.G. Simagina,

Head of the Department of Applied Informatics of the Volga State University of Telecommunications and Informatics, Doctor of Economics, Professor

A.B. Skakov,

Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan

A.E. Suglov,

Russian University of Cooperation, Doctor of Economics, Professor

V.N. Tkachev,

Head of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

Yu.A. Tsypkin,

Professor of the Marketing Department of the State University of Land Management, Doctor of Economics, Professor

V.B. Shabanov,

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor

V.A. Shestak,

Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor

N.D. Eriashvili,

Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the publishing house "UNITY-DANA", Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

**Федеральное государственное
казенное образовательное
учреждение высшего
образования «Московская
академия Следственного
комитета Российской
Федерации имени А.Я. Сухарева»**

*Ректор Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации имени
А.Я. Сухарева, доктор
юридических наук, доцент,
генерал-майор юстиции,
член-корреспондент
Академии военных наук*
А.А. Бессонов

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических
и исторических наук,
профессор*
E-mail: professor60@mail.ru

**Научный редактор,
ответственный за издание**

А.Ж. Саркисян,
*декан факультета
повышения квалификации
Московской академии
Следственного комитета
имени А.Я. Сухарева,
кандидат юридических наук,
доцент*

**В подготовке номера
участвовали:**

Редакторы
**О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова**

Художник
А.П. Яковлев
Верстка номера
М.А. Бакаян

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69345*

Адрес редакции:
125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

ВЕСТНИК МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ № 2/2026

А.А. БЕССОНОВ. Геноцид в уголовно-
правовом измерении 11

Юридические науки

**Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве**

Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Политико-правовые
и управленческие аспекты опричнины
Ивана IV Грозного 19

А.А. КОБОЗЕВ, В.Б. КОРОБОВ. Генезис
института регулярной полиции в России:
историко-правовой анализ.
Часть II. Эволюция внутренних предпосылок
создания регулярной полиции в России 25

**Конституционное право; конституционный
судебный процесс; муниципальное право**

Е.И. БЫЧКОВА. Сохранение исторической
памяти — важнейшая конституционная
ценность России 41

**Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право**

Т.А. ЗЕЗЮЛИНА, Н.А. ГОРШКОВА.
Назначение осужденным к лишению
свободы вида исправительного учреждения
при рецидиве преступлений: опыт
и вопросы совершенствования 49

А.Ж. САРКИСЯН. Основные меры
виктимологической профилактики
преступности в киберпространстве 58

С.В. ФИДЕЛЬСКИЙ. Воинское
должностное лицо как специальный субъект
превышения должностных полномочий:
проблемы квалификации и пути
совершенствования законодательства 64

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации» ссылка на журнал обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60х84 1/8. Печ. л. 24,5
Печать офсетная
Подписано в печать: 27.06.2026
Отпечатано в типографии
ООО «Буки Веди» 117452, г. Москва,
вн.тер.г. муниципальный округ Южное
Бутово, ул. Адмирала Руднева, д. 4,
помещ. 13/6. Тел.: +7 (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com, info@bukivedi.com
Заказ №
Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод — 1000 экз.

Уголовный процесс

Н.Н. ЛУНИНА. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела, и их имплементация в федеральное законодательство 70

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Е.В. ИЛЬЮК. Служение Отечеству как мотивация к государственной службе в правоохранительных органах 80

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

А.В. АКЧУРИН. Предпосылки разработки методики расследования пенитенциарных преступлений в чрезвычайных ситуациях 87

В.Б. БАТОВЕВ. О зарубежном опыте противодействия использованию «темного» искусственного интеллекта в преступной деятельности 96

Е.В. ИВАНОВА. Судебно-экспертная, криминалистическая и экспертно-криминалистическая деятельность: вопросы соотношения 109

О.А. СТАРОСТЕНКО. Криминологический портрет жертвы дистанционных хищений 120

Н.Г. ШУРУХНОВ, В.А. ШУРУХНОВ. Тактические основы, технические средства, информационно-телекоммуникационные технологии в розыскной (поисковой) деятельности следователя на первоначальном этапе расследования 126

Административное право; административный процесс

Н.Н. ИЛЬИН. Сапборды: проблемы законодательного регулирования и пути решения 136

**Гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право**

О.В. СТАРОВЕРОВА. Правовое регулирование страхования предпринимательских рисков в отечественной экономике	143
--	-----

Экономические науки

А.В. ЯГУДИНА, А.В. ТОКОЛОВ. Сравнительный анализ подходов к реализации цифровых повесток ОЭСР и БРИКС	149
--	-----

Исследования молодых ученых

К.С. КОМАРСКИХ. Историческое развитие уголовно-правового регулирования должностных преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий	157
--	-----

Р.А. КОЧНЕВ. Согласие Государственной Думы на направление уголовного дела в суд: процессуальное излишество или профессиональная необходимость?	166
---	-----

А.В. СЕРОУХОВ. Вопросы уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей при злоупотреблении полномочиями в сфере государственного оборонного заказа	173
--	-----

Е.В. ШМИРОВ. К вопросу об объекте и объективной стороне должностных преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа	181
---	-----

В.Н. ЮРЧЕНКОВА. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации: вопросы правового регулирования, организационного и научно-методического обеспечения	188
--	-----

FOUNDER

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

*Rector of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, doctor of juridical
sciences, associate professor,
Major General of justice,
Corresponding Member
of the Academy
of Military Sciences*

A.A. Bessonov

EDITORIAL STAFF

*Editor-in-Chief of the Joined
Editorship*

N.D. Eriashvili,

*the winner of an award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of science and
equipment, doctor of economy,
candidate of law and history,
professor*

E-mail: professor60@mail.ru

**Scientific editor,
responsible for publishing**

A.Zh. Sarkisyan,

*Dean of the Faculty
of Advanced Training
of the Sukharev Moscow
academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor*

**The issue was prepared by:
Editors**

O.V. Berberova,

I.D. Nesterova

Painter

A.P. Yakovlev

Imposition

M.A. Bakayan

*The journal is registered
by the Federal Service
for supervision in the sphere
of telecom, information
technologies and mass
communications.*

**The certificate of registration PI
№ FS 77-69345**

Editorial staff adress:

125080, Moscow, st. Vrubelya, 12

Tel.: 8 (499) 740-60-14,

8 (499) 740-60-15

E-mail: ask_rf@mail.ru

BULLETIN OF THE MOSCOW ACADEMY OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

CONTENT № 2/2026

A.A. BESSONOV. Genocide in the criminal
law dimension 11

Legal sciences

Theory and history of law and the State; the history of the teachings of law and the State

L.V. GOLOSKOKOV. Political, legal
and management aspects of the oprichnina
of Ivan IV the Terrible 19

A.A. KOBOZEV, V.B. KOROBV.

The genesis of the regular police
institution in Russia: historical
and legal analysis. Part II. The evolution
of internal prerequisites for the creation
of a regular police force in Russia 25

Constitutional law; constitutional judicial process; municipal law

E.I. BYCHKOVA. Preservation of historical
memory is the most important constitutional
value of Russia 41

Criminal law and criminology; penal enforcement law

T.A. ZEZYULINA, N.A. GORSHKOVA.

Assigning a type of correctional facility
to persons sentenced to imprisonment
for recidivism: experience and issues
of improvement 49

A.Zh. SARKISYAN. The main measures
of victimological cybercrime prevention 58

S.V. FIDELSKY. A military official
as a special subject of excess of official
powers: problems of qualification and ways
to improve legislation 64

The original-model is created
by publishing house
UNITY-DANA

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8
Print. sh. 24,5. Offset printing
It is sent for the press 27.06.2026
Printed in the printing house
LLC "Buki Vedi" 117452, Moscow,
ext.ter.g. Yuzhnoye Butovo municipal
district, Admiral Rudnev str., 4,
room. 13/6. Phone: +7 (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com , info@bukivedi.com
Order No.
Contractual price
The circulation is 3000 copies
The first plant — 1000 copies

Criminal trial

N.N. LUNINA. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the rights and legitimate interests of an individual at the stage of initiation of a criminal case, and their implementation into federal legislation 70

Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities

E.V. ILYUK. Service to the Fatherland as motivation for public service in law enforcement agencies 80

Criminalistics; forensic expertise; operational investigative activities

A.V. AKCHURIN. Prerequisites for the development of a methodology for investigating penitentiary crimes in emergency situations 87

V.B. BATOEV. On foreign experience in countering the use of dark artificial intelligence in criminal activities 96

E.V. IVANOVA. Criminalistic, expert-criminalistic and forensic examination activities: issues of correlation 109

O.A. STAROSTENKO. Criminological profile of a victim of remote theft 120

N.G. SHURUKHNOV, V.A. SHURUKHNOV. Tactical fundamentals, technical means, and information and telecommunication technologies in investigative search activities at the initial stage of an investigation 126

Administrative law; administrative process

N.N. ILYIN. Paddleboards: legislative challenges and solutions 136

**Civil law; business law; family law;
private international law**

O.V. STAROVEROVA. Legal regulation of business
risk insurance in the domestic economy 143

Economic sciences

A.V. IAGUDINA, A.V. TOKOLOV. Comparative
analysis of approaches to the implementation
of digital agendas of the OECD and BRICS 149

Research by young scientists

K.S. KOMARSKIKH. Historical development of criminal
liability for official crimes committed using information
technologies 157

R.A. KOCHNEV. State Duma consent to refer
a criminal case to court: procedural redundancy
or professional necessity?..... 166

A.V. SEROUKHOV. Issues of criminal liability
for the misappropriation of payment funds in cases
of abuse of authority in the field of state defense orders 173

E.V. SHMIROV. On the subject and objective aspects
of official crimes committed in the field of state
defense order 181

V.N. YURCHENKOVA. Interaction between law
enforcement agencies and the media: issues
of legal regulation, organizational, scientific
and methodological support 188

Геноцид в уголовно-правовом измерении

Алексей Александрович Бессонов

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, bestallv@mail.ru

Аннотация. Геноцид является жесточайшим изобретением человечества. Во всей своей силе он проявился в действиях нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Это обусловило признание геноцида преступлением против человечности на международном и национальных уровнях.

Автором рассматривается определение геноцида, закреплённое в нормативных правовых актах ООН и Российской Федерации, а также в некоторых публикациях. Суть геноцида раскрывается через примеры из решений российских судов о признании таковым преступлений, совершённых в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками. Преступления, совершаемые сегодня неонацистами, позволяют вести речь о существовании культурного и даже цивилизационного геноцида. Требуется реальное расследование всех имевших место фактов совершения геноцида как в прошлом, так и в наше время.

В основу статьи положены тезисы выступления автора на II форуме по защите традиционных ценностей имени Татьяны Щипковой «Русский мир против нацизма» в г. Смоленске 25 сентября 2025 года.

Ключевые слова: геноцид, геноцид советского народа, нацизм, неонацизм.

Для цитирования: Бессонов А.А. Геноцид в уголовно-правовом измерении // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 11—18. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.001.

Genocide in the criminal law dimension

Alexey A. Bessonov

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, bestallv@mail.ru

Abstract. Genocide is among the cruelest inventions of humankind. It manifested in its full brutality in the actions of the Nazis and their accomplices during the Great Patriotic War of 1941 – 1945. This led to the recognition of genocide as a crime against humanity at both the international and national levels.

The author examines the definition of genocide as codified in the normative legal acts of the United Nations and the Russian Federation, as well as in selected scholarly publications. The essence of genocide is elucidated through examples drawn from Russian court rulings that recognized as such the crimes committed by Nazi German invaders during the Great Patriotic War. Contemporary crimes perpetrated by neo Nazis give grounds to speak of cultural and even civilizational genocide. There is an urgent need for genuine investigation of all documented instances of genocide – both historical and contemporary.

This article is based on the author's key theses from a presentation delivered at the 2nd Forum on the Protection of Traditional Values named after Tatyana Shchipkova, titled "The Russian World vs Nazism," held in Smolensk on September 25, 2025.

Keywords: genocide, genocide of the Soviet people, Nazism, neo-Nazism.

For citation: Bessonov, A.A. (2026) Genocide in the criminal law dimension. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 11 – 18. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.001.

Сказал безумец в сердце своём: «нет Бога».
Они развратились, совершили гнусные дела;
нет делающего добро.

Пс. 13:1

Упомянутые в эпиграфе слова из Священного Писания, на наш взгляд, очень точно отражают суть проявившегося в прошлом и текущем столетиях человеконенавистничества и желания уничтожать других людей по национальному, этническому, расовому, религиозному признаку, что является не чем иным, как отрицанием существования Бога и всечеловеческих ценностей, а по сути это настоящее безумие, ярким воплощением которого выступает такое преступление против человечности, как геноцид.

Подтверждение этому прежде всего можно найти в материалах уголовных дел о зверствах немецко-фашистских захватчиков, их сателлитов и пособников на территории нашей Родины в годы Великой Отечественной войны. Приведём буквально несколько примеров.

Так, во время рассмотрения в августе 2021 года Псковским областным судом дела о геноциде фашистскими оккупантами советских граждан на территории этой области в годы Великой Отечественной войны жительница региона В.А. Барина сообщила, что вместе с сёстрами была вывезена немецкими военнослужащими в концлагерь в г. Магдебург в Германии, где они содержались в ужасных условиях и подвергались постоянным избиениям. В один из дней пребывания в концлагере она наблюдала, как каратели издевались над молодой девушкой и мужчиной. Девушке, которая была беременна, каратели разрезали живот, достали ребёнка и бросили его на землю, после чего стали издеваться над мужчиной и убили его¹.

При рассмотрении Брянским областным судом гражданского дела по заявлению прокурора о признании вновь выявленных преступлений, совершённых в годы Великой Отечественной войны немецко-фашистскими захватчиками на территории Брянской области, геноцидом народов Советского Союза установлено, что в г. Клинцы в декабре 1941 года гитлеровцы учинили кровавую расправу над местными жителями, в первую очередь евреями. Их истязали, морили голодом, расстреливали. Палачи

выстраивали детей в ряд на краю заранее подготовленных рвов, били по головам прикладами винтовок и сталкивали в ямы, после чего ещё живыми закапывали. Грудных детей фашисты убивали либо ударом об сосну, либо били друг об друга и бросали в ямы на глазах их родителей, которых затем тоже убивали. Некоторых детей фашисты над ямой подбрасывали в воздух, а другие палачи их расстреливали. В общей сложности гитлеровцами убито до 10 тыс. жителей этого города².

Допрошенная в 2022 году в Верховном Суде Республики Крым по гражданскому делу по заявлению прокурора об установлении факта совершения немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками против населения Крымской АССР геноцида Л.Я. Тимошенко дала показания о том, что, будучи малолетним ребёнком, в годы Великой Отечественной войны находилась в оккупированной Керчи, где немецкие врачи в поликлинике в целях проведения медицинских экспериментов делали детям прививки, от которых те умирали. Также с самолётов фашистские захватчики сбрасывали отравленные конфеты и начинённые взрывчаткой игрушки, которые взрывались в руках у детей³.

Подобных фактов возможно привести бесчисленное количество, поскольку геноцид входил в гитлеровский замысел военных действий против СССР ещё до их начала и нашёл свою реализацию в создании по сути конвейеров смерти⁴. Как однозначно показали 40-е годы прошлого века, идеология геноцида, базирующаяся на новом характере войны, обусловленном технологическими изменениями, и нацеленная на уничтожение целых народов и этносов, стирание государств и неугодных людей с лица земли, приводит к десяткам миллионов убитых ни

¹ Гражданское дело № 3-27/2сс/2021 // Архив Псковского областного суда.

² Гражданское дело № 3-1023/2022 // Архив Брянского областного суда.

³ Гражданское дело № 2-158/2022 // Архив Верховного Суда Республики Крым.

⁴ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Геноцид советского народа в германской оккупационной политике: цивилизационный ракурс «войны на уничтожение» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24, № 2. С. 133.

в чём не повинных людей и масштабным разрушениям⁵.

На примере действий немецко-фашистских захватчиков можно обоснованно констатировать, что для оправдания геноцида человеко-нацистскими хищниками создаётся серьёзный идеологический, правовой и организационный фундамент. Такая идеология в век новейших достижений шестого технологического уклада становится реальной экзистенциальной угрозой для всего человечества и потому не может не признаваться преступной. В этой связи рассмотрим генезис криминализации действий, сегодня нам известных как геноцид.

Термин «геноцид» в 1933 году введён в научный оборот польским юристом Рафаэлем Лемкиным путём сложения двух слов: *genos*, в древнегреческом языке означающее «раса», «нация» или «племя», и *caedere* — «убийство» по-латыни. Сформулированное им определение геноцида, с одной стороны, было узким, поскольку касалось лишь преступлений, направленных против «национальных групп», с другой стороны, оно было широким, так как включало не только физический геноцид, но и действия, направленные на уничтожение культуры и необходимых для существования такой группы средств⁶. Однако на мировом уровне геноцид независимо от его совершения в мирное или военное время признан преступлением принятой резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него⁷ (далее — Конвенция).

В свою очередь, юридической основой для принятия этой Конвенции послужил приговор Международного военного трибунала⁸, состоявшегося в Нюрнберге в 1945—1946 гг., хотя непосредственно в его тексте рассматриваемый термин вовсе не упоминается. Также в пункте «с» статьи 6 Устава Международного военного трибунала, созданного для суда и наказания главных военных преступников европейских стран

оси, к его юрисдикции отнесены в качестве преступления против человечности те действия, которые составляют суть геноцида⁹, однако без их наименования в качестве такового.

Под геноцидом указанной Конвенцией понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- убийство её членов;
- причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства её членам;
- предумышленное создание для этой группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое её уничтожение;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Помимо собственно геноцида уголовно наказуемыми признаются следующие деяния:

- заговор с целью его совершения;
- прямое и публичное подстрекательство к его совершению;
- покушение на его совершение;
- соучастие в нём.

Сегодня эти деяния отечественными и зарубежными юристами именуются «преступлением из преступлений». И они, как мы знаем, не имеют срока давности. Признавая международный характер геноцида, принятый в 1998 году Римский статут Международного уголовного суда¹⁰ включил его в юрисдикцию обозначенной международной судебной инстанции.

В вопросе криминализации геноцида не остались в стороне и национальные правовые системы. Так, уголовная ответственность за это злодеяние в нашей стране предусмотрена статьёй 357 УК РФ¹¹. Согласно её диспозиции под геноцидом понимаются действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путём убийства членов этой

⁵ Савенков А.Н. Нюрнберг. Приговор во имя Мира: монография. М., 2021. С. 422.

⁶ Schabas W. Genocide in international law: the crimes of crimes. Cambridge University Press, 2000. P. 25.

⁷ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // Организация Объединённых Наций: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 20.09.2025).

⁸ Савенков А.Н. Указ. соч. С. 22.

⁹ Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М., 2006. С. 65.

¹⁰ Римский статут Международного уголовного суда: принят в Риме 17 июля 1998 г.: вступил в силу с 1 июля 2002 г. // Организация Объединённых Наций: [сайт]. URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 20.09.2025).

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Вполне закономерно этот состав преступления включён в раздел, посвящённый преступлениям против мира и безопасности человечества, что в очередной раз подтверждает его повышенную общественную опасность.

С 1 января 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»¹², которым в юридический оборот введён термин «геноцид советского народа» (ч. 2 ст. 1). Под ним понимаются действия нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., направленные на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию СССР.

Для более полного понимания концепта рассматриваемого феномена обратимся к некоторым его дефинициям, заслуживающим, на наш взгляд, отдельного внимания.

Определяя геноцид как согласованный план различных действий, направленный на разрушение существенных основ жизни национальных групп, с целью уничтожения самих таких групп, Р. Лемкин указывает, что он имеет две формы: первая — разрушение национальной идентичности угнетённой группы; другая — навязывание этой группе национальной идентичности угнетателя. Целями таких действий выступают дезинтеграция политических и социальных институтов, культуры, языка, национального самосознания, религии и экономического существования национальных групп, а также лишение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизни людей, принадлежащих к таким группам. При этом геноцид направлен против национальной группы как целого, а соответствующие действия направлены против отдельных лиц не как самостоятельных индивидов, а как членов конкретной национальной группы¹³.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 17, ст. 2103.

¹³ Lemkin R. Axis rule in occupied Europe: laws of occupation, analysis of government, proposals for redress. Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 79.

Согласно определению, данному в Толковом словаре русского языка, под геноцидом следует понимать истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам¹⁴. Содержащееся в Российском энциклопедическом словаре и Оксфордской иллюстрированной энциклопедии подобное определение дополнено указанием на этнический признак уничтожения, а также на умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение отдельных групп населения, равно как и меры по предотвращению деторождения в их среде¹⁵.

Таким образом геноцид — это физическое или духовное истребление конкретной общности людей по расовым, национальным, этическим или религиозным мотивам. Высшая степень опасности этого деяния заключается в обесценивании жизни тех групп людей и даже целых народов, которые человеконенавистниками в силу своей гордыни определены как заслуживающие истребления, потому что они противопоставлены как «другие», не достойные жить.

Для приведения масс в движение с целью реализации замыслов идеологов геноцида осуществляется целенаправленная подготовка общества путём внедрения в сознание каждого отдельного её члена обоснования неизбежной необходимости истребления другой общности людей по указанному мотивам, возведённого в ранг витальной потребности и экзистенциальной миссии. После реализации такой идеологической политики идеи геноцида становятся неотъемлемым элементом мировоззрения членов того общества, которое в определённый момент в большей своей части становится агрессором и без капли сомнения направляет все свои усилия на уничтожение и порабощение этих «других». Наиболее опасным является формирование мировоззрения с идеологией геноцида у детей с самого раннего возраста, поскольку она в таком случае становится неотъемлемым элементом их личности.

При этом важно отметить, что причина человеконенавистничества лежит в отступлении

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. С. 128.

¹⁵ Оксфордская иллюстрированная энциклопедия: в 9 т. Т. 7. Народы и культуры: пер. с англ. М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2002. С. 50; Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. Кн. 1 / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. С. 335—336.

человека, группы людей или целого народа от Бога. Корень же этого явления заключается в духовной болезни тех, кто становится носителем лежащей в его основе идеологии. Общество, поражённое этой духовной болезнью, обречено на саморазрушение, избежать которого удаётся только путём переноса вектора этой разрушительной энергии за его пределы. Как верно указывает Н.П. Таньшина, членам такого общества важно внушить, что «источник бед находится вне общности, что все другие являются Чужими, не просто людьми низшего сорта, а вовсе нелюдьми, которых можно убивать»¹⁶. В этом случае на арену государственной политики и выходит теория и практика геноцида.

Более того, на наш взгляд, природу геноцида именно как духовной болезни подтверждают результаты работы психиатра Дугласа Келли и психолога Густава Гилберта, проводивших во время Нюрнбергского процесса исследование подсудимых, согласно которому у нацистов (за исключением Р. Лея) не было выявлено каких-либо психических заболеваний и отклонений, а наоборот, установлены средние и высокие показатели интеллекта, никто из обследуемых во время тестов не выказал склонность к насилию¹⁷.

Акцентируем внимание на том, что по вышеуказанным причинам геноцид несёт с собой колоссальные человеческие потери, разрушает миллионы судеб и забирает жизни ни в чём не повинных людей в угоду преступной идеологии. Это наиболее жестокое из всех преступлений, любое игнорирование его проявлений создаёт реальную угрозу для всего человечества¹⁸.

Именно признание на мировом уровне всех имевших место фактов геноцида является лучшей профилактикой его проявлений в настоящем и будущем. В этой связи Следственный комитет Российской Федерации проводит последовательную работу по расследованию всех фактов геноцида советского народа со стороны немецко-фашистских захватчиков.

Ключевые цели расследования фактов геноцида, имевшего место в годы Великой Отечественной войны, заключаются в следующем:

- защита и сохранение исторической памяти;

- установление точного количества и личностей жертв, павших от рук немецко-фашистских захватчиков;
- фиксация античеловеческой сущности и крайней губительности идей фашизма, в том числе с целью противодействия героизации нацистских преступников и реабилитации нацизма;
- установление всех нацистских преступников и их пособников, факта их виновности в совершённых злодеяниях;
- предупреждение подобных античеловеческих преступлений в будущем.

Представляется, что целостную картину геноцида советского народа составляют результаты расследования, осуществлённого, во-первых, Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, созданной в 1943 году, во-вторых, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации уже в настоящее время. По этой причине Следственным комитетом Российской Федерации расследуются уголовные дела как о геноциде советского народа, так и геноциде жителей Луганской и Донецкой народных республик.

Логическим завершением расследования имевших место в 1941—1945 гг. фактов является обращение прокуроров с соответствующими заявлениями в суды Российской Федерации, которыми по итогам рассмотрения выносятся решения о признании фактов геноцида советского народа гитлеровцами и их пособниками в годы Великой Отечественной войны. По состоянию на 01.10.2025 принято 34 таких решения в различных регионах нашей страны¹⁹.

В текущем столетии первое судебное решение, зафиксировавшее факт геноцида советского народа, вынесено 27 октября 2020 года Солёцким районным судом Новгородской области. Этим судебным актом массовые убийства 2600 мирных граждан в деревне Жестяная Горка Батецкого района Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны, совершённые нацистами в период 1942—1943 гг., при-

¹⁶ Таньшина Н.П. Русофобия. История изобретения страха. М., 2023. С. 25.

¹⁷ Звягинцев А.Г. Нюрнберг. Высший суд. М., 2023. С. 743—750.

¹⁸ Бастрыкин А.И. Расследование преступлений геноцида в практике СК России // Эволюция следствия в России: сборник трудов 2020—2022 гг.: в 2 т. / А.И. Бастрыкин. Т. 2. М., 2023. С. 245.

¹⁹ Козлова Н. Дело об убийцах народов: [интервью с Председателем Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкиным] // Российская газета. 06.05.2025. URL: <https://rg.ru/2025/05/06/delo-ob-ubijcah-narodov.html> (дата обращения: 16.09.2025).

знаны преступлениями против человечества, геноцидом национальных, этнических и расовых групп²⁰.

По нашим подсчётам, произведённым на основании судебных решений, вынесенных судами 33 субъектов Российской Федерации за период с 2020 по 2025 г., установлено, что жертвами геноцида советского народа стали 8 млн 175 тыс. 471 человек. Из них физически уничтожено 7 млн 143 тыс. 943 человека, угнано в плен 1 млн 31 тыс. 528 человек. Дифференцировать эти показатели по категориям: мирное население, военнопленные и дети — не представляется возможным, так как не во всех судебных решениях, к сожалению, такое разделение осуществлено.

А что мы имеем сегодня? Как отмечает А.Г. Звягинцев, страны, некогда осудившие фашизм, теперь открыто поддерживают режимы, прославляющие его символику и даже идеологию, и стараются не говорить о геноциде, который творили гитлеровцы. На Западе геноцид связывают лишь с Холокостом, так как именно он интегрирован в западную повестку, и мало кто говорит о геноциде представителей других национальностей, например славян. В западном нарративе геноцид по сей день просто отсутствует²¹!

К сожалению, в XXI веке мы столкнулись с не менее страшной реальностью, когда в 2014 году начался вооружённый конфликт в Донбассе, инициированный политическим и военным руководством Украины и являющийся по своей сути геноцидом мирного русскоязычного населения этого региона. Среди жертв этих преступных действий, творящихся уже на протяжении более чем 10 лет, много детей, женщин, пожилых людей.

Приведём буквально один пример. Так, в августе — октябре 2021 года в районе г. Снежное, пгт Славяносербск, одного из жилых массивов г. Первомайск, пос. Видное-1 неподалёку от Луганска и на окраине с. Верхнешевыревка Краснодарского района Луганской Народной Республики обнаружены пять стихийных массовых захоронений около 300 гражданских лиц, погибших в результате неизбирательных обстрелов со стороны украинских вооружённых

формирований в 2014 г.²² К сожалению, такие факты не единичны.

Обратим внимание, что идеология этнического геноцида в настоящее время в ряде случаев заменяется или дополняется инструментами геноцида культурного, в частности релятивизацией традиционных моделей идентичности²³. В этой связи представляется, что именно сейчас было бы весьма уместным актуализировать понятие геноцида существенными дополнениями и поставить вопрос об ответственности за национально-культурный геноцид и его пропаганду.

Более того, глубокий анализ политики геноцида нацистской Германии и её исторических аналогов, в том числе современных дней, позволяет вести речь о геноциде по принципу цивилизационной принадлежности — «цивилизационном геноциде»²⁴.

Также требуется закрепление в отечественном законодательстве института посмертного осуждения для преступлений без срока давности, к каковому относится и геноцид. Это представляется крайне необходимым, поскольку именно приговор, которым установлена виновность конкретных лиц в совершении геноцида, является важным и незаменимым инструментом предупреждения реабилитации нацизма и повторения нацистских практик, в первую очередь рассматриваемого вида преступлений против человечности. Например, согласно Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь производство по уголовным делам возможно в отношении умерших, совершивших преступления против мира и безопасности человечества, а также военные преступления, в отношении которых не применяются сроки давности, независимо от волеизъявления близких родственников таких лиц²⁵.

Наконец, материалы уголовных дел о геноциде после вынесения приговора должны предаваться широкой огласке в целях культурно-патриотического воспитания населения, служить основой для музейных экспозиций, документальных и художественных фильмов и ли-

²⁰ Гражданское дело № 2-582/2020 // Архив Солецкого районного суда Новгородской области.

²¹ Звягинцев А. Уроки Нюрнберга. История на перепутье: кто сегодня переписывает Победу? // Российская газета. Неделя. 2025. 19—25 ноября (№ 263). С. 23.

²² Белая книга преступлений украинского режима / под ред. А.И. Бастрыкина. М., 2022. С. 81.

²³ Щипков А.В. Парадигмальные основания и истоки глобального нацистского проекта // Ортодоксия. 2025. № 1. С. 38.

²⁴ Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Указ. соч. С. 144.

²⁵ Швед А.И. Правовые основы привлечения к ответственности за геноцид: современный опыт Республики Беларусь // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 18.

тературных произведений, научных исследований. В этой связи представляется крайне важным установление в Российской Федерации 19 апреля Дня памяти жертв геноцида советского народа, совершённого нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов²⁶.

Подводя итог изложенному, сделаем следующие выводы. Для предупреждения гибели человечества недостаточно лишь признания геноцида в качестве преступления, пусть даже и на международном уровне, необходимо полное, объективное и всестороннее расследование всех имевших место фактов его совершения. При этом результаты каждого такого расследования следует сделать достоянием широкой общественности на мировом уровне. Более того, все случаи геноцида должны быть признаны в качестве таковых именно международным сообществом. Наконец, от человечества требуется осознание того, что в основе геноцида лежит духовная болезнь и обусловленное ей искажённое мировоззрение, связанные с отступлением от Бога.

Список литературы

1. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Геноцид советского народа в германской оккупационной политике: цивилизационный ракурс «войны на уничтожение» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24, № 2. С. 126—147. doi: 10.22363/2312-8674-2025-24-2-126-147.
2. Бастрыкин А.И. Эволюция следствия в России: сборник трудов 2020—2022 гг.: в 2 т. Т. 2. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 287 с.
3. Без срока давности: к 60-летию Нюрнбергского процесса. М.: Мысль, 2006. 400 с.
4. Белая книга преступлений украинского режима / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2022. 172 с.
5. Звягинцев А.Г. Нюрнберг. Высший суд. М.: Эксмо, 2023. 928 с.
6. Звягинцев А. Уроки Нюрнберга. История на перепутье: кто сегодня переписывает Победу? // Российская газета. Неделя. 2025. 19—25 ноября (№ 263). С. 22—23.

²⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 523-ФЗ «О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512290011> (дата обращения: 29.12.2025).

7. Савенков А.Н. Нюрнберг. Приговор во имя Мира: монография. М.: Проспект, 2021. 760 с.

8. Танышина Н.П. Русофобия. История изобретения страха. М.: Концептуал, 2023. 496 с.

9. Швед А.И. Правовые основы привлечения к ответственности за геноцид: современный опыт Республики Беларусь // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 2 (106). С. 13—21.

10. Щипков А.В. Парадигмальные основания и истоки глобального нацистского проекта // Ортодоксия. 2025. № 1. С. 30—43. doi: 10.53822/2712-9276-2025-1-30-43.

11. Lemkin R. Axis rule in occupied Europe: laws of occupation, analysis of government, proposals for redress. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.

12. Schabas W. Genocide in international law: the crimes of crimes. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2000. xvi, 624 p.

References

1. Bagdasaryan, V.E., Resnyanskiy, S.I. (2025) Genotsid sovetskogo naroda v germanskoy okkupatsionnoy politike: tsivilizatsionnyy rakurs “voyny na unichtozhenie” [Genocide of the Soviet people in German occupation policy: civilizational perspective on the “war of extermination”]. *RUDN Journal of Russian History*, vol. 24, no. 2, pp. 126—147. (In Russ.). doi: 10.22363/2312-8674-2025-24-2-126-147.
2. Bastyrykin, A.I. (2023) Evolyutsiya sledstviya v Rossii [The evolution of investigation in Russia]. Collection of works 2020—2022. In 2 volumes. Vol. 2. Moscow, UNITY-DANA, 287 p. (In Russ.).
3. Bez sroka davnosti: k 60-letiyu Nyurnbergskogo protsesssa [Without a statute of limitations: On the 60th anniversary of the Nuremberg Trials]. Moscow, Mysl', 2006, 400 p. (In Russ.).
4. Bastyrykin, A.I. (ed.) (2022) Belaya kniga prestupleniy ukrainskogo rezhima [The White Book of crimes of the Ukrainian regime]. Moscow, Investigative Committee of the Russian Federation, 172 p. (In Russ.).
5. Zvyagintsev, A.G. (2023) Nyurnberg. Vyshiy sud [Nuremberg: The Supreme Court]. Moscow, Eksmo, 928 p. (In Russ.).
6. Zvyagintsev, A. (2025) Uroki Nyurnberga. Istoriya na pereput'e: kto segodnya perepisyyaet Pobedu? [Lessons of Nuremberg: History at a crossroads—who is rewriting the Victory today?]. *Rossiyskaya Gazeta. Nedelya*, November 19—25, no. 263, pp. 22—23. (In Russ.).

7. Savenkov, A.N. (2021) Nyurnberg. Prigovor vo imya Mira [Nurnberg: Verdict for name of Peace]. Monograph. Moscow, Prospekt, 760 p. (In Russ.).

8. Tanshina, N.P. (2023) Rusofobiya. Istoriya izobreteniya strakha [Russophobia: The history of inventing fear]. Moscow, Kontseptual, 496 p. (In Russ.).

9. Shved, A.I. (2025) Pravovye osnovy privlecheniya k otvetstvennosti za genotsid: sovremennyy opyt Respubliki Belarus' [Legal basis for bringing to justice for genocide: modern experience of the Republic of Belarus]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, no. 2, pp. 13–21. (In Russ.).

10. Shchipkov, A.V. (2025) Paradigmal'nye osnovaniya i istoki global'nogo natsistskogo proekta [Paradigmatic foundations and origins of the global Nazi project]. *Orthodoxia*, no. 1, pp. 30–43. (In Russ.). doi: 10.53822/2712-9276-2025-1-30-43.

11. Lemkin, R. (1944) Axis rule in occupied Europe: laws of occupation, analysis of government, proposals for redress. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, 674 p.

12. Schabas, W. (2000) Genocide in international law: the crimes of crimes. Cambridge, U.K., Cambridge University Press, xvi, 624 p.

Информация об авторе

А.А. Бессонов — ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, член Международного союза криминалистов, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции, член-корреспондент Академии военных наук.

Information about the author

A.A. Bessonov – Rector of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Member of the International Union of Criminalists, Doctor of Law, Associate Professor, Major General of Justice, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Правоохранительные органы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под науч. ред. П.А. Кучеренко, Г.Б. Мирзоева; под общ. ред. О.В. Химичевой, Р.С. Тамаева. — 14-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. — 415 с.

ISBN 978-5-238-03962-6

В учебнике рассмотрены вопросы правового статуса судебных и правоохранительных органов Российской Федерации и правоприменительных органов зарубежных стран.

Особенности правового регулирования деятельности правоохранительных органов Российской Федерации представлены с учетом положений таких доктринально-концептуальных документов, как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Концепция общественной безопасности Российской Федерации и др.

Для бакалавров и магистров, изучающих основы правоведения.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 19–24.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 19–24.

УДК 340

doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.002

NIION: 2015-0065-02/26-377

MOSURED: 77/27-010-2026-02-576

NIION: 2015-0065-02/26-377

MOSURED: 77/27-010-2026-02-576

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Политико-правовые и управленческие аспекты опричнины Ивана IV Грозного

Леонид Викторович Голоскоков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия, l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Аннотация. В статье рассмотрены исторические предпосылки появления опричнины Ивана IV Грозного. Показано, что явление опричнины было многоплановым, состояло из многих плоскостей реальности, которые все были переплетены сложными и динамичными связями, и единственного правильного объяснения этого сложного явления не существует. Описаны методы и инструменты опричнины, её правовые и управленческие аспекты, длительный характер, проникновение её элементов в последующие эпохи и проявления как негативных, так и позитивных сторон этого явления.

Ключевые слова: опричнина, Иван IV Грозный, право, политика, государство, управление, идеология, религия.

Для цитирования: Голоскоков Л.В. Политико-правовые и управленческие аспекты опричнины Ивана IV Грозного // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 19–24. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.002.

Political, legal and management aspects of the oprichnina of Ivan IV the Terrible

Leonid V. Goloskokov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Abstract. The article examines the historical background of the emergence of the oprichnina of Ivan IV the Terrible. It is shown that the oprichnina as a phenomenon was multifaceted, consisted of many planes of reality, which were all intertwined with complex and dynamic connections, and there is no single correct explanation for this complex phenomenon. The methods and instruments of the oprichnina, its legal and management aspects, long-term nature, the penetration of its elements into subsequent eras and the manifestations of both negative and positive aspects of this phenomenon are described.

Keywords: oprichnina, Ivan IV the Terrible, law, politics, state, governance, ideology, religion.

For citation: Goloskokov, L.V. (2026) Political, legal and management aspects of the oprichnina of Ivan IV the Terrible. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 19–24. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.002.

Одним из центральных событий российской истории XVI в. является введение опричнины царём Иваном IV Грозным. Это явление во все последующие времена оценивалось историками, писателями, политическими деятелями по-разному, иногда с прямо противоположных позиций. Каждый видел в нём свои стороны и ссылался на свой круг источников.

Действительно, источников много, они разные, и трактовки одних и тех же событий прошлого сильно разнятся. Мы не будем вставлять на сторону одних и утверждать о неправильности взглядов других, так как считаем, что у всех исследователей были свои объективные причины думать определённым образом и у них были свои субъективные основания: научный и не совсем научный подход к пониманию и описанию опричнины, приверженность тем или иным

государственным установкам, разные политические платформы, взятые за основу различные аспекты рассмотрения явления, преданность определённым идеям, через которые они не могли переступить, и т. п. Кроме того, исследователи опричнины жили в разное время, налагающее на каждого исследователя свой неумолимый отпечаток, избавиться от которого никому не было дано. Каждая эпоха налагала на ход исследования или выбранный для рассмотрения аспект своё невидимое для исследователя воздействие, которое приводило к выводам исследования, не всегда позволяющим их сравнивать с выводами исследователя, жившего в другую эпоху и находящегося под влиянием других главенствующих идей того времени.

Рассмотрим, каковы были исторические и временные предпосылки формирования опричнины. Опричнина Ивана IV Грозного созрела как механизм воспроизводства самодержавно-монархической государственности, однако она возникла в своё время, а не раньше, потому что предшественник Ивана IV Грозного Иван III, как пишет О.П. Володьков, «просто не мог приступить к непосредственному внедрению режима неограниченной власти самодержца независимо от своих личных устремлений. Ведь перед ним стояла масштабная задача складывания и первоначального обустройства единого государства, перед грандиозностью которой отступало на второй план, терялось всё остальное»¹. Таким образом, если смотреть на опричнину с позиций времени, то находится объяснение того, что она появилась совсем не случайно именно в период царствования Ивана IV Грозного, а не раньше. И никто не может теперь сказать, как нужно было в то время и какими способами строить империю. Оказалось, что для достижения столь грандиозной цели и понадобилась опричнина. Она соответствовала задачам и духу времени.

Исследуя отражения опричнины в работах М.Н. Покровского, О.П. Володьков пишет, что «М.Н. Покровский исходил из того, что она была фундаментальным явлением всей русской истории XVI в., „кульминационным пунктом длительного социально-политического процесса, который начался задолго до Грозного и кончился несомненно после его смерти“, отличаясь „своей неотвратимой стихийностью“. „Политика опричнины красною нитью проходит через все

три царствования — от 60-х годов XVI века вплоть до Смуты, имея минуты ослабления и напряжения“. Зарождение опричнины можно непосредственно отсчитывать от правления Глинской (борьба с удельными князьями и политическая программа Пересветова)»².

Временные аспекты опричнины показывают совсем не случайный характер её возникновения, а длительность внешних проявлений говорит об объективных факторах генезиса и эпохальном характере опричнины, не обусловленных только лишь одной волей или причудами конкретного персонажа истории — Ивана IV Грозного.

Историк В.О. Ключевский так описал внешнюю сторону и одну из упрощённых причин появления опричнины: «Для расправы с изменниками и ослушниками царь предложил учредить опричнину. Это был особый двор, какой образовал себе царь, с особыми боярами, с особыми дворецкими, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, с целым придворным штатом. Летописец усиленно ударяет на это выражение „особной двор“, на то, что царь приговорил всё на этом дворе „учинити себе особно“. Из служилых людей он отобрал в опричнину тысячу человек, которым в столице на посаде за стенами Белого города, за линией нынешних бульваров, отведены были улицы (Пречистенка, Сивцев Вражек, Арбат и левая от города сторона Никитской) с несколькими слободами до Новодевичьего монастыря; прежние обыватели этих улиц и слобод из служилых и приказных людей были выселены из своих домов в другие улицы московского посада»³.

Доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов В. Аракчеев пишет, что «споры о том, что представляла собой и для чего создавалась опричнина, были предприняты тем обстоятельством, что опричный архив хранился отдельно от государственного, в царском опричном дворце на Воздвиженке, и погиб в огне пожара во время нападения крымского хана Девлет-Гирея в 1571 году, навсегда лишив потомков возмож-

¹ Володьков О.П. К вопросу о характере и сущности опричнины // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 59.

² Володьков О.П. М.Н. Покровский о социальном содержании опричнины в связи с его концепцией торгового капитализма // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 44.

³ Ключевский В.О. Лекция XXIX // Сочинения: в 8 т. / В.О. Ключевский. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 175.

ности изучать этот загадочный феномен русской истории по основополагающим документам — царским указам с боярскими приговорами. Не сохранился и сам указ Ивана IV об учреждении опричнины. Судя по его летописному изложению, царь заранее оговорил невозможность какого-либо заступничества будущих жертв и неотвратимость конфискации их вотчин»⁴. Иначе говоря, формальные источники права отсутствуют, и таким образом, казалось бы, невозможно точное установление причин появления опричнины. Однако невозможно только по официальным документам правового характера, но есть ещё и иные источники.

Упомянув про исторический факт пожара, следует также привести и одну из версий пожара, которая объясняет его не только как случайность, но и как возможный способ укрепления власти опричников. Так, в записках немца-опричника Генриха Штадена говорится, что «если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников. Но так как Москва сгорела, а с ней вместе и все челобитья, судные списки и расписки, земские остались в убытке»⁵. Какова бы ни была реальная причина пожара, в выгоде от сгорания расписок в опричном архиве оказались именно опричники, а не земские. Древний Рим научил нас задавать вопрос: *Cui prodest?* (лат.) — кому выгодно? Ответ повис в истории...

Несмотря на отсутствие важной части исторических документов, мы полагаем, что загадка опричнины во многих аспектах поддаётся воссозданию из совокупности оставшихся фактов, тем более если рассматривать опричнину не только в её формальном проявлении, как, например, в разделении страны на опричнину и земщину, что можно рассматривать с позиций права как правовой акт, но и с позиций управленческой науки. Такая позиция даёт свой ответ на вопрос, для чего была введена опричнина. Но следует сразу же сказать, что опричнина как явление была многоплановой, состояла из многих плоскостей реальности, которые все были переплетены сложными и динамичными связями, и только в таком ключе следует

рассматривать это явление — комплексно, а не в какой-то одной плоскости.

Итак, В. Аракчеев излагает общеизвестные факты и пишет, что в результате начавшейся в 1558 году Ливонской войны возникли трудности на поле боя, поражения, наказания за них опалой, что вызывало побегі воевод. Состав Государева двора к тому времени достиг 2600—2800 человек и был переплетён родственными и свойственными связями, поэтому за каждой опалой следовала реакция в виде многочисленных «печальников» — дворян, которые были готовы ручаться за провинившихся. Таким образом, управление царём своими подчинёнными оказалось крайне затруднительным и в итоге привело к коллапсу, вертикаль власти переставала проводить управленческие сигналы, что в воюющем государстве было недопустимо. Для обеспечения чрезвычайных полномочий был учреждён особый (опричный) Государев двор, куда брали наиболее преданных царю⁶.

В то же время исследователь опричнины В.Б. Кобрин пишет, что «в работах, посвящённых истории опричнины, формирование кадров Опричного двора рисуется обычно как процесс, начавшийся только после учреждения опричнины. Думается, это не совсем верно. Исследования П.А. Садикова показали, что создание „государева удела“ не являлось результатом внезапного решения Ивана Грозного, хотя и было, возможно, неожиданным для политических противников царя. Ему предшествовала длительная подготовка. Естественно предположить, что одним из её звеньев должен был стать отбор служилых людей в новый государев двор. Вполне объяснима малочисленность сведений об этом „утробном“ периоде существования Опричного двора — ведь вся подготовка опричнины, судя по летописным известиям, намеренно окутывалась покровом тайны, пусть многим известной, но официально не могущей быть оглашённой. Вероятно, только узкий круг ближайших доверенных царя — Басмановы, Юрьевы, Афанасий Вяземский — был посвящён в эту тайну. Тем не менее в Александро-Невской летописи мы находим сведения о формировании кадров Опричного двора до учреждения опричнины»⁷.

Известно предшествующее опричнине событие, когда царь, столкнувшись с неуправляемостью подчинёнными, повязанными родственными связями, в декабре 1564 года обратился

⁴ Аракчеев В. Загадка опричнины // Историк. 2025. № 2 (122). С. 50.

⁵ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника / пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. Л., 1925. С. 97.

⁶ Аракчеев В. Указ. соч. С. 50.

⁷ Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М., 2008. С. 99.

к боярам, священству и московскому посаду с заявлением об отказе от трона. Эти события описывает С.М. Соловьев: «Духовенство и бояре явились в Александровскую слободу и объявили Иоанну общее решение, общую мольбу: пусть правит как ему угодно, только бы принял снова в руки правление. Иоанн челобитье их принял с тем, что ему на всех изменников и ослушников опалы класть, а иных казнить, имени их брать в казну и учредить себе на своем государстве опричнину: двор и весь свой обиход сделать особый; бояр, окольничих, дворецких, казначеев, дьяков, всяких приказных людей, дворян, детей боярских, стольников, стряпчих и жильцов назначить особым; во дворцах — Сытном, Кормовом и Хлебном — назначить особым ключников, подключников, сытников, поваров, хлебников, всяких мастеров, конюхов, псарей и всяких дворовых людей на всякий обиход; наконец, стрельцов назначить себе особым же. Назначены были города и волости, с которых доходы шли на государский обиход, из этих же доходов шло жалование боярам, дворянам и всяким дворовым людям, которые будут в опричнине; а если этих доходов неостанет, то брать другие города и волости; в опричнину собрать князей, дворян и детей боярских, дворовых и городских 1000 человек; поместья им будут розданы в тех городах, которые взяты в опричнину, а вотчинников и помещиков, которым не быть в опричнине, из этих городов вывести и дать им земли в других городах. Также в самой Москве взяты были в опричнину некоторые улицы и слободы, и в них велено было жить только тем боярам, дворянам и приказным людям, которые были отобраны в опричнину, а прежние обыватели переведены на другие улицы»⁸.

О возможных источниках опричнины, имевших место вне царской воли и разума, С.М. Соловьев пишет, что «страшному состоянию души Иоанновой соответствовало и средство, им придуманное или им принятое, ибо, по некоторым известиям, план опричнины принадлежал Василию Юрьеву и Алексею Басманову с некоторыми другими»⁹. С другой стороны, причины учреждения опричнины историк видел весьма определёнными и точными: «Опричнина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему; чтобы быть угод-

ным царю, опричник должен был враждовать к старым вельможам и для поддержания своего значения, своих выгод должен был поддерживать, поджигать эту вражду к старым вельможам в самом царе. Но этого мало: можно ли было поручиться, что в таком количестве людей если не все, то по крайней мере очень многие не захотят воспользоваться выгодами своего положения, именно безнаказанности; кто из земских правителей, заподозренных, опальных, мог в суде решить дело не в пользу опричника? Кто из заподозренных, опальных мог решиться принести жалобу на человека приближенного, доверенного, который имел всегда возможность уверить подозрительного, гневливого царя, что жалоба ложная, что она подана вследствие ненависти к опричникам, из желания вооружить против них государя, которому они преданы, которого защищают от врагов; если не все опричники были одинаково приближены, пользовались одинакою доверенностью, то все они, от большого до малого, считали своею первою обязанностью друг за друга заступаться. Целая многочисленная толпа, целая дружина временщиков!»¹⁰

Вот что далее пишет С.М. Соловьев: «Мы видели, что сам Иоанн в завещании сыновьям смотрел на опричнину как на вопрос, как на первый опыт. После мы увидим, как будет решаться этот важный вопрос об отношениях младшей дружины к старшей. Государство складывалось, новое сводило счёты со старым; понятно, что должен был явиться и громко высказаться вопрос о необходимых переменах в управлении, о недостаточности прежних средств, о злоупотреблениях, от них происходящих, являются попытки к решению вопроса — губные грамоты, новое положение дьяков относительно воевод и т. д. Понятно, что в то же время должен был возникнуть вопрос первой важности — вопрос о необходимости приобретения средств государственного благосостояния, которыми обладали другие европейские народы; и вот видим первую попытку относительно Ливонии. Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступить немедленно к их решению»¹¹.

Быстро позволял их решить новый инструмент и метод опричнины, ибо другими способами решить проблему было невозможно — нельзя было далее вести государственные дела путём долгих уговоров воевод, бояр и дворян, привык-

⁸ Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М., 1989. С. 534.

⁹ Там же. С. 535.

¹⁰ Там же. С. 536—537.

¹¹ Там же. С. 683—684.

ших к известной вседозволенности и расхлябанности. Отвечая на главный вопрос о том, зачем в конечном итоге нужна была опричнина, И.А. Иванников пишет: «Одним из главнейших итогов опричнины, и это отмечено И.Я. Фрояновым, было также достижение религиозно-идеологического единства в обществе»¹². То есть цель была великой и поэтому требовала для её достижения каких-то особых усилий и методов, и таким методом и таким особым институтом стала опричнина.

Укрепление государства — это была ещё одна причина введения института опричнины. По этому поводу А.М. Сахаров и В.С. Шульгин в комментариях к тексту С.М. Соловьева обобщают своё видение описанных процессов: «Концепция опричнины как необходимого этапа в процессе укрепления Русского централизованного государства, представления о борьбе боярства и дворянства как о главном стержне политической истории средневековой России, об антицентрализаторских устремлениях боярства и соответственно об антибоярской направленности опричнины надолго стали господствующими в советской исторической литературе. На определённом этапе это привело к непомерному преувеличению роли Ивана IV в истории России, к идеализации его личности и деятельности, что особенно ярко проявилось в работах Р.Ю. Виппера, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова. После справедливой критики, которой подверглись эти работы в 1956 г., началась интенсивная разработка проблем политической истории России XVI в., сопровождавшаяся пересмотром традиционных представлений. Появился ряд монографий, авторы которых занимают далеко не одинаковые позиции, многие вопросы продолжают оставаться спорными. Хотя в некоторых из этих работ сохраняются традиционные представления, в целом в них проявляется стремление к пересмотру вопросов о боярстве и его роли в политической борьбе, о боярском землевладении, о смысле и направленности опричных мероприятий»¹³.

Здесь мы видим отражение борьбы разных советских школ и партийной установки по «правильному» отражению истории. Факт, однако, состоит в том, что не существует единого общепринятого

мнения о явлении опричнины в силу недостатка сохранившихся решающих документов, а также в силу сложности исследуемого явления, которое не лежит в плоскости простых и однозначно толкуемых фактов истории, но является также феноменом, расположенным в сферах управления, политики, психологии, экономики, финансов, географии, геостратегии, если говорить об исследуемом явлении в современных терминах.

Историки не могут учесть все эти факторы в связи с отсутствием соответствующих документов по всем перечисленным нами направлениям и, соответственно, в связи с невозможностью их комплексного анализа. Кроме того, заглянуть в душу самого царя и узнать, что и почему он думал, чем руководствовался в своём конгломерате знаний, подозрений, страхов, устремлений государственного и личного толка, какими продуманными или импульсивными движениями мысли он был движим — понять всё это также не представляется возможным, поэтому явление опричнины именно в субъективном смысле является в принципе не познаваемым полностью.

Однако отдельные его объективные элементы вполне могут быть объяснены, реконструированы и даже пролонгированы в современность, и таким объективным элементом является необходимость эффективного в текущий момент государственного управления, позволявшего относительно быстро решить текущую управленческую проблему. При этом возникали и далеко идущие последствия, но они тогда считались отдалёнными и гипотетическими, если над ними вообще думал царь при решении неотложных дел.

В то же время другие исследователи обращают внимание на иные факты, и нельзя сказать, что они не заслуживают внимания. Так, О.П. Володьков пишет, что «опричная политика не имела строго определённой, конкретной цели, так как её функционирование критически зависело от воли государя, инструментом которой это учреждение выступало. Предназначением опричнины была та цель, которая на каждый данный момент предполагалась (или могла предполагаться) для неё государем. „Правила игры“ в рамках опричнины устанавливались и изменялись произвольно, поэтому так много споров вызывает её отмена»¹⁴. Отсюда вытекает подтверждение нашего объяснения — необходимо было в каждый текущий момент времени быстро реагировать. Это был инструмент оперативного управления. Обычный правовой документ, закреплённый на бумаге, та-

¹² Иванников И.А. Опричнина: причины, содержание, последствия // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 3, ч. 1. С. 60.

¹³ Сахаров А.М., Шульгин В.С. Комментарии к пятому и шестому томам «Истории России с древнейших времен» // Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. Кн. 3. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М., 1989. С. 726.

¹⁴ Володьков О.П. К вопросу о характере и сущности опричнины. С. 60.

кой возможности не давал, как не даёт, как правило, и в настоящее время, поэтому отмеченный управленческий элемент опричнины, дающий возможность мгновенного управления, является актуальным и сегодня.

Список литературы

1. Аракчеев В. Загадка опричнины // Историк. 2025. № 2 (122). С. 50—55.
2. Володьков О.П. К вопросу о характере и сущности опричнины // Вестник Омского университета. 2009. № 1. С. 58—62.
3. Володьков О.П. М.Н. Покровский о социальном содержании опричнины в связи с его концепцией торгового капитализма // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 44—47.
4. Иванников И.А. Опричина: причины, содержание, последствия // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 3, ч. 1. С. 56—61. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-56-61.
5. Ключевский В.О. Лекция XXIX // Сочинения: в 8 т. / В.О. Ключевский. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 175.
6. Кобрин В.Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика: избранные труды. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 369 с.
7. Сахаров А.М., Шульгин В.С. Комментарии к пятому и шестому томам «Истории России с древнейших времен» // Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев. Кн. 3. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М.: Мысль, 1989. С. 717—727.
8. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 3. История России с древнейших времен. Т. 5—6. М.: Мысль, 1989. 783 с.
9. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника / пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. Л.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 182 с.

References

1. Arakcheev, V. (2025) Zagadka oprichniny [The riddle of the oprichnina]. *Istorik*, no. 2, pp. 50—55. (In Russ.).

2. Volodkov, O.P. (2009) K voprosu o kharaktere i sushchnosti oprichniny [On the character and essence of the oprichnina]. *Herald of Omsk University*, no. 1, pp. 58—62. (In Russ.).

3. Volodkov, O.P. (2009) M.N. Pokrovskiy o sotsial'nom soderzhanii oprichniny v svyazi s ego kontseptsiei torgovogo kapitalizma [The views of M.N. Pokrovsky on the social meaning of oprichnina in connection with his commercial capitalism conception]. *Omskiy nauchnyy vestnik*, no. 5, pp. 44—47. (In Russ.).

4. Ivannikov, I.A. (2017) Oprichnina: prichiny, soderzhanie, posledstviya [Oprichnina: causes, content, consequences]. *Historical Sciences and Archaeology*, vol. 9, no. 3, iss. 1, pp. 56—61. (In Russ.). doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-56-61.

5. Klyuchevskiy, V.O. (1957) Lektsiya XXIX [Lecture XXIX]. In: *Klyuchevskiy, V.O. Sochineniya: v 8 tomakh [Collected works in eight volumes]*. Vol. 2. *Kurs russkoy istorii [The course of Russian history]*. P. 2. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, p. 175. (In Russ.).

6. Kobrin, V.B. (2008) Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymics]. Selected works. Moscow, Russian State University for the Humanities, 369 p. (In Russ.).

7. Sakharov, A.M., Shulgin, V.S. (1989) Kommentarii k pyatomu i shestomu tomam "Istorii Rossii s drevneyshikh vremen" [Comments on the fifth and sixth volumes of the "History of Russia from ancient times"]. In: *Solov'ev, S.M. Sochineniya: v 18 knigakh [Collected works in eighteen parts]*. P. 3. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [The history of Russia since ancient times]*. Vol. 5—6. Moscow, Mysl', pp. 717—727. (In Russ.).

8. Solov'ev, S.M. (1989) Sochineniya: v 18 knigakh [Collected works in eighteen parts]. P. 3. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen [The history of Russia since ancient times]*. Vol. 5—6. Moscow, Mysl', 783 p. (In Russ.).

9. Staden, Heinrich von (1925) O Moskve Ivana Groznogo: zapiski nemtsa-oprichnika [About Ivan the Terrible's Moscow: notes of a German oprichnik]. Leningrad, M. and S. Sabashnikov, 182 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Голоскоков — профессор кафедры прикладного правоведения и междисциплинарных юридических исследований Института правоведения Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L.V. Goloskokov — Professor of the Department of Applied Jurisprudence and Interdisciplinary Legal Studies of the Institute of Law of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 25—40.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 25—40.

УДК 351.74(091)
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.003

NIION: 2015-0065-02/26-378
MOSURED: 77/27-010-2026-02-577

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Генезис института регулярной полиции в России: историко-правовой анализ Часть II. Эволюция внутренних предпосылок создания регулярной полиции в России

Алексей Анатольевич Кобозев¹, Виктор Борисович Коробов²

¹Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Домодедово, Московская область, Россия, aleksey-kobozev@mail.ru

²Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия,
kvbdoc@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья является второй публикацией в серии, посвященной историко-правовому анализу генезиса регулярной полиции в России¹. В рамках исследования рассматривается эволюция ключевых внутренних предпосылок формирования отечественной регулярной полиции. С использованием исторического, формально-юридического, статистического и других методов познания анализируются основные этапы развития полицейских функций в России, начиная с догосударственного периода и до начала XVIII столетия. Особое внимание уделяется особенностям трансформации полицейских функций в контексте различных геополитических условий. Проводится анализ основных письменных источников русского права, регулировавших полицейскую деятельность в период становления российской государственности. Результатом исследования является вывод о том, что к началу XVIII века в России были сформированы необходимые предпосылки для создания института регулярной полиции, функционирующей на кадровой профессиональной основе.

Ключевые слова: государство, преступность, полиция, полицейские функции, общественный порядок, Русская Правда, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., Разбойный приказ, Соборное уложение 1649 г.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Кобозев А.А., Коробов В.Б. Генезис института регулярной полиции в России: историко-правовой анализ. Часть II. Эволюция внутренних предпосылок создания регулярной полиции в России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 25—40. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.003.

The genesis of the regular police institution in Russia: historical and legal analysis Part II. The evolution of internal prerequisites for the creation of a regular police force in Russia

Alexey A. Kobozev¹, Victor B. Korobov²

¹All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation, Domodedovo, Moscow Region, Russia, aleksey-kobozev@mail.ru

²All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russia, kvbdoc@yandex.ru

Abstract. This article is the second publication in a series dedicated to the historical and legal analysis of the genesis of the regular police in Russia. The study examines the evolution of the key internal prerequisites for the formation of the

¹ См.: Кобозев А.А., Коробов В.Б. Генезис института регулярной полиции в России: историко-правовой анализ. Часть I. Внешние предпосылки генезиса регулярной полиции в России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 1. С. 11—23. doi: 10.54217/2588-0136.2026.47.1.001.

Russian regular police. Using historical, formal legal, statistical, and other methods of cognition, the article analyzes the main stages of the development of police functions in Russia, from the pre-state period to the early 18th century. Special attention is given to the specific features of the transformation of police functions in the context of various geopolitical conditions. The article analyzes the main written sources of Russian law that regulated police activities during the formation of Russian statehood. The study concludes that by the early 18th century, Russia had the necessary prerequisites for establishing a regular police force based on professional staff.

Keywords: state, crime, police, police functions, civil order, Russkaya Pravda, Judicial Code of 1497, Judicial Code of 1550, Robbery prikaz, Sobornoe ulozhenie of 1649.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Kobozev, A.A. & Korobov, V.B. (2026) The genesis of the regular police institution in Russia: historical and legal analysis. Part II. The evolution of internal prerequisites for the creation of a regular police force in Russia. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 25–40. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.003.

Становление и развитие предпосылок для возникновения регулярной полиции в догосударственный период и на ранних этапах формирования Российского государства определялось формой правления, уровнем развития государственного механизма, национальной правовой системы и государственной службы. Каждая эпоха ставила свои задачи, что приводило к появлению, исчезновению или изменению критериев, определяющих само понятие полиции, ее основное предназначение, а также формы и методы полицейской деятельности.

Эволюция институтов, предвосхитивших формирование современной полиции в России, демонстрирует значительное сходство с аналогичными процессами в других государствах. Исторически эти структуры трансформировались от личных вооруженных дружин, обеспечивавших безопасность своих предводителей, к специализированным формированиям, наделенным полицейскими полномочиями.

Возникновение отечественной правоохранительной функции было обусловлено насущной потребностью в обеспечении защиты частной и общинной собственности². Уже в период разложения родоплеменных структур восточных славян и формирования раннефеодального государства (Древняя Русь) остро встал вопрос о противодействии внешним угрозам общинным владениям и родовым хозяйственным территориям. Эти угрозы исходили как от кочевых племен, так и от вооруженных бродячих групп, прозванных «лихими людьми».

Цели и методы правоохранительной деятельности формировались исходя из принципов общественной собственности, ставя во главу угла благополучие всей общины. Защита прав собственности обеспечивалась специальными «сторожами», выполнявшими разнообразные функции:

- *межевые обходчики* отвечали за контроль границ между племенами;
- *полевые и луговые дозорные посты* предотвращали потравы скотом и незаконные покосы;
- *лесная «сторожа»* осуществляла надзор за рубкой леса, боролась с браконьерством, кражей дикого меда и изъятием добычи из силков и перевесов;
- *вооруженные отроки* охраняли общинное стадо;
- *охранная застава* располагалась у зерновых посевов вне поселения.

Кроме того, территориальная община несла полную ответственность за правопорядок и криминогенную обстановку в своих границах.

За исключением критических угроз, таких как вооруженные нападения, охрану общины осуществляли специально выделенные люди. Как правило, это были пожилые, но еще сильные общинники, раненые воины или подростки, владеющие оружием и способные дать отпор³. Таким образом, для защиты общей собственности славянская родовая община обладала отлаженной веками охранительно-защитной структурой. Она выполняла в пределах общины функции, аналогичные современным полицейс-

² См., напр.: Байкова Н.Ф. Формирование и развитие полицейских функций государства в России в IX — нач. XX вв. (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 11–12; Матиенко Т.Л. Организация сыска в России в IX — начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 5–7.

³ Подробнее об этом см.: Рыбников В.В., Алексушин Г.В. История правоохранительных органов Отечества: учеб. пособие. М.: Щит-М, 2008. С. 5–6; Кобозев А.А. Историко-правовые предпосылки возникновения полицейских функций в системе органов власти Древнерусского государства (IX — середина XIII веков) // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 1 (65). С. 22–23.

ким, и, по сути, являлась прообразом нынешних подразделений ФГУП «Охрана» Росгвардии.

В VII—IX веках восточные славяне переживали период разложения родоплеменного строя. Этот процесс характеризовался переходом от родовой общины к соседской, что стало отправной точкой для формирования социальных классов. Наблюдалось имущественное расслоение, выделение богатых и бедных, а также становление правящей верхушки⁴. Дружина, отделившись от племенного ополчения, трансформировалась в профессиональную группу воинов, лично преданных князю. Эти «отроки» уже не занимались земледелием, скотоводством или торговлей; их основной деятельностью стала война⁵. Как отмечает источниковед И.Н. Данилевский, «дружина являлась гарантом реализации решений князя и соблюдения достигнутых при его участии договоренностей. Она могла выполнять как полицейские (внутренние), так и „внешнеполитические“ функции по защите племен, пригласивших данного князя, от насилия со стороны соседей»⁶.

Со временем князь обзавелся верными соратниками — старшими дружинниками-боярами. Сначала они служили ему, получая взамен право собирать дань, вершить суд и взимать пошлины. Но эпоха менялась, и бояре стали получать куда более ценное вознаграждение — право владеть землей. Эти пожалованные за службу земли, вотчины, начали активно вытеснять прежнее общинное земледелие, порождая в обществе все новые споры и столкновения.

Формирование Киевской Руси и становление древнерусского феодального права, наряду с урбанизацией, развитием ремесел и активизацией торговых связей, закономерно привели к объективной потребности в укреплении механизмов защиты интересов и собственности привилегированных групп населения: удельных князей, воевод, старших дружинников и племенной знати.

В ранних восточнославянских государственных образованиях (VI—VIII вв.) и в Древнерусском государстве (IX—XII вв.) функции, отве-

чающие за поддержание порядка, не были четко разграничены. Это приводило к тому, что одни и те же должностные лица, например вотчинники и наместники князей, а также первые общегосударственные органы одновременно совмещали несколько ролей. Они занимались розыском, дознанием и расследованием (полицейские функции), выносили судебные решения и исполняли собственные приговоры. Значительную роль в этой деятельности играли княжеские дружины, а также активно привлекалось население.

Отсутствие у властных структур средств на содержание специализированных полицейских органов стало основной причиной такого подхода к организации полицейской деятельности. Директор Департамента полиции С. Белецкий и чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Российской империи П. Руткевич подчеркивали это в своих обращениях к правительству. Так, в приложении к законопроекту о реформе полиции, представленном 23 марта 1913 г. в Совет министров⁷, они отмечали: «В первичную эпоху образования Российского государства, в начале удельно-вечевого периода государственная власть не обладала достаточными средствами для развития своей полицейской деятельности. Охрана граждан против посягательств на их жизнь и имущество, в смысле предупреждения и пресечения покушений, прежде всего и главным образом лежала на каждой отдельной личности»⁸.

Историческая ретроспектива показывает, что с возникновением Древнерусского государства ситуация в правоохранительной сфере существенно не изменилась. На протяжении долгого периода (с IX по XVII в.) Российское государство было иррегулярным: оно только формировалось, не имело профессиональных и специализированных институтов. В это время практически все его структуры — государственный аппарат, вооруженные силы, суд, полиция, фиск — были нерегулярными. Служащие в них набирались по случайному принципу, либо на добровольной, либо на повинностной основе.

Еще в конце XIX века знаменитый Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона отмечал, что государственная служба «есть результат долгого исторического процесса, находяще-

⁴ История России. С древнейших времен до начала XXI века: учеб. пособие / под ред. А.Н. Сахарова. М.: АСТ: Астрель, 2010. (Далее — История России.) С. 41—42.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). Курс лекций: учеб. пособ. для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 79.

⁷ См.: Полиция и милиция России: страницы истории / А.В. Борисов, А.Н. Дугин, А.Я. Малыгин [и др.]. М., 1995. С. 67.

⁸ Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб, 1913. С. 3.

гося в тесной связи с развитием самого государства»⁹. Применительно к нашему исследованию это положение означает, что предпосылки возникновения полицейских учреждений в системе государственной власти были еще в Древнерусском государстве IX века. Они формировались параллельно с другими государственно-правовыми институтами вплоть до первой четверти XVIII века. Именно тогда, 25 мая 1718 года, Петр I учредил должность Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера, подчинил ему Главную полицейскую канцелярию и издал первый руководящий документ о деятельности полиции¹⁰. Это стало началом формирования первых специализированных полицейских органов.

На наш взгляд, ключевыми предпосылками трансформации российской иррегулярной полиции в регулярную (профессиональную) в указанный период стали следующие организационно-правовые события.

Возникновение Русского государства в 862 году¹¹ стало отправной точкой для длительного и непростого процесса формирования российской государственности. Этот процесс включал в себя эволюцию организационно-правовых институтов и государственной службы, тесно связанных с системой органов власти и их аппаратом. Значимость полицейской функции в государственном механизме подчеркивал известный русский правовед А.С. Оскольский, справедливо утверждая: «общество нуждается, прежде всего, в безопасности, зная о том, что прочие цели не могут быть достигнуты, пока эта первая, необходимая цель не будет осуществлена»¹². Исходя из этого, исследователи организационно-правовых основ деятельности государственных органов, выполнявших полицейские функции в России с IX по середину XIII века, сходятся во мнении, что правоохранительная функция появилась одновременно с рождением российской

государственности и стала ее ключевым предназначением¹³.

Развитие новых феодальных отношений и количественный рост княжеской администрации способствовали появлению чиновников, наделенных полицейскими функциями. Параллельно осуществлялось официальное оформление и регламентация их служебных обязанностей, а также установление размеров вознаграждения за труд. Дружины, как старшие (бояре), так и младшие (служилые люди, отроки), ранее выполнявшие исключительно военные задачи, начиная с конца X века и на протяжении всего XI столетия всё активнее интегрировались в управленческий аппарат, становясь инструментами государственной власти.

Согласно отечественным исследованиям, корни русской полиции уходят в церковные Уставы святых Владимира и Ярослава, датированные концом X — началом XI в. Эти ранние правовые акты возлагали на духовенство обязанности по надзору за общественной нравственностью и контролю за добросовестностью торговых операций. В частности, Устав Ярослава, аналогичный Уставу святого Владимира, передавал духовному суду юрисдикцию по делам, касающимся преступлений против добрых нравов¹⁴. Профессор полицейского права В.Н. Лешков, декан юридического факультета Императорского Московского университета, считал, что эти первые начатки полицейских функций и благоустройства были заимствованы из Византии и находились в спектре церковного, а не светского законодательства¹⁵.

Формирование Древнерусского государства неразрывно переплеталось с масштабным процессом трансформации и освоения природного ландшафта Восточной Европы, представленного непроходимыми лесами, болотами и бескрайними степями. Центральным элементом этого нового мира стал город — территория, преобразованная человеком, культурно освоенная и отвоеван-

⁹ Государственная служба // Энциклопедический словарь. Т. 30. Сим — Слюзка / под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1900. С. 436.

¹⁰ См.: № 3203 [Пункты, данные Петром I Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру 25 мая 1718 г., в которых определялся круг задач полиции] // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 5. 1713—1719. СПб, 1830. С. 569—571.

¹¹ См.: Петрухин В.Я. Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры / Ин-т славяноведения РАН. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2014. С. 213, 415.

¹² Оскольский А.С. О понятии полицейского права // Варшавские университетские известия. 1894. Т. 6. С. 5—6.

¹³ См., напр.: Майор Ф.М. Зарождение системы правового регулирования в Древнерусском государстве IX—XIII вв. (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2008. С. 7—19; Байкова Н.Ф. Указ. соч. С. 11; Матиенко Т.Л. Указ. соч. С. 4, 15; Андреева И.А., Зайцева Е.С. История органов внутренних дел России: учеб. пособие. Омск, 2017. С. 3.

¹⁴ См.: Устав князя Ярослава о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы XI—XV / отв. ред. Л.В. Черепнин; изд. подгот. Я.Н. Шапов; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976. С. 85—139.

¹⁵ Лешков В.Н. О древней московской городской полиции: исторические известия. М., 1852. С. 10.

ная у дикой природы. Это упорядоченное, урбанизированное пространство служило фундаментом для новой социальной организации¹⁶.

IX век, время формирования Древнерусского государства и угасания родоплеменных связей, ознаменовался появлением крупнейших городов Руси. К началу XI века их насчитывалось уже около 30, каждый с укрепленным детинцем, или кремлем, площадью более 2,5 гектара. К середине XII века число таких центров возросло до 42, а к середине XIII века — до 62¹⁷. Советский специалист в области истории и культуры России X—XIX вв. академик АН СССР М.Н. Тихомиров полагал, что «общее количество русских городов... ко времени монгольского нашествия, вероятно, близко подходило к 300»¹⁸.

Города служили центрами власти и экономики. В них концентрировались княжеские резиденции, дворцы знати и состоятельных горожан, а также административные учреждения. Именно здесь князь вершил правосудие, собирал пошлыны, принимал дань и контрибуции. В городах также формировались купеческие объединения, обладавшие собственными уставами и фондами. Каждый город, помимо прочего, служил торговым центром для прилегающих к нему территорий.

В ходе становления Древнерусского государства происходило очерчивание его территориальных границ, налаживались экономические связи между отдельными княжествами, формировалась централизованная система управления с соответствующими административными структурами на центральном и местном уровнях. Параллельно возникала потребность в разработке общего законодательства.

Одновременно стало ясно и другое: рост общеуголовной преступности (кражи, разбои, грабежи и т. п.) и усложнение преступных схем требовали усиления княжеской власти, в том числе ее полицейских функций. Централизация власти, в свою очередь, стимулировала развитие национального законодательства, что создало основу для появления регулярной полиции, главными предпосылками которой стали нормативное закрепление полицейских функций за определенными лицами и их выполнение на основе материального вознаграждения.

Анализ источников по эволюции древнерусской дружины свидетельствует о щедром одаривании князем своих воинов, которых объединяли общая добыча и богатство. Как отмечает выдающийся отечественный историк А.Е. Пресняков, дружинники, связанные с княжеским двором службой и защитой, стояли к князю и в особом имущественном отношении¹⁹. Эта связь также подтверждается И.Н. Данилевским, который подчеркивает, что регулярная выплата полудья и, возможно, дани — своеобразного государственного налога на содержание князя и его дружины — служила внешним подтверждением властных полномочий киевского князя²⁰. В дальнейшем, по мере развития феодального общества, полицейские функции начали переходить к должностным лицам княжеской администрации. Законодательное закрепление некоторых способов их осуществления к XI веку косвенно подтверждает эту тенденцию.

В Русской Правде²¹ упоминаются мечники и вирники — должностные лица, ответственные за исполнение судебных приговоров. В их обязанности входило взыскание штрафов (вир), продажа имущества осужденных и сбор судебных пошлын²². Т.Л. Матиенко точно проследила эволюцию полицейской функции. Она отмечает, что «если в IX—XI вв. княжеские представители (мечники, мешальники, отроки, емецы, приставы, рекрутируемые либо из княжеских холопов, либо из лиц, находящихся на княжеской службе) проводили розыск преступников по личному поручению князя, получая за это вознаграждение от потерпевших, то в XII в. сыск — это постоянная функция административно-судебных чиновников на местах — вирников»²³.

¹⁹ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 418.

²⁰ Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 152.

²¹ Первый список Русской Правды как правового кодекса норм прецедентного права появился в 1016 г., когда князь Ярослав Мудрый даровал ее своим новгородским дружинникам в качестве привилегии. В дальнейшем ее действие распространилось на всех подданных киевского князя. См.: Правда Русская: учеб. пособие для исторических факультетов, университетов и педагогических институтов / отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: Академия наук СССР, Институт истории, 1940. С. 68, 78.

²² См.: Русская Правда: текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций: издал Н. Калачов. М.: тип. Августа Семена, 1846. (Далее — Русская Правда.) С. 1, 7—8, 32; История России. С. 134.

²³ Матиенко Т.Л. Указ. соч. С. 34.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Данилевский И.Н. Указ. соч. С. 82—83.

¹⁷ История России. С. 124.

¹⁸ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1956. С. 43.

Развитию полицейских функций способствовало также закрепленное в нормах Русской Правды положение о содержании (кормлении) должностных лиц, исполнявших полицейские обязанности. Так, ст. 41 Русской Правды регламентировала выплаты на содержание мечников, устанавливая: «а от гривне мечнику куна, а в девятину 15 кун». Аналогично ст. 42 определяла содержание вирника, предусматривая еженедельное вознаграждение в размере «60 гривен и 10 резан и 12 вевериц», т. е. 15 кун на неделю²⁴.

Таким образом, развитие правовой системы в Древней Руси привело к появлению в XI веке должностных лиц, выполнявших отдельные полицейские функции. В частности, вирники отвечали за сбор штрафов, а мытники — за взимание налогов и пошлин, получая за это вознаграждение. Значительным достижением стало ограничение самосуда. Вторая редакция Русской Правды (1072 г.) и последующие законодательные акты запретили «полюбовные сделки» по таким преступлениям, как разбой, грабеж и кража.

Признание восстановления справедливости государственной задачей²⁵ привело к глубокой трансформации судопроизводства. Это выразилось, в частности, в появлении институтов свидетелей и свидетельских показаний²⁶. Данное обстоятельство, в свою очередь, стимулировало формирование специализированных служб и административных органов. Эти структуры, созданные как на центральном, так и на региональном уровнях, получили соответствующие полномочия по применению мер государственного принуждения в рамках новых направлений государственного управления.

С течением времени всё яснее прослеживается тенденция к специализации в выполнении полицейско-судебных функций. Письменные источники XIV—XV веков служат убедительным подтверждением этого процесса. Так, Белозерская уставная грамота (март 1488 г.) фиксирует практику вызова государственных чиновников в регионы для проведения расследований и судебных разбирательств, известную как «езд на правду»²⁷. Аналогично Псковская судная грамота (1397—1497 гг.) устанавливает обязанность

князя или посадника по требованию потерпевшего направлять специального пристава для расследования краж («обыскивати татыбы») ²⁸.

Правоохранительные методы Русского государства в период позднего средневековья (1250—1500 гг.) демонстрировали определенное развитие, однако оно не носило системного характера и в значительной степени зависело от личной инициативы представителей власти. В этот период отсутствовали специализированные органы, предназначенные для защиты личности, общества и государства от противоправных действий, а также для осуществления оперативно-разыскной и следственной деятельности. Функции, которые впоследствии стали прерогативой правоохранительных органов, до XVI века выполнялись органами центрального и местного управления.

Существенное влияние на данный процесс оказали специфические черты российской правовой системы, а также неординарный и самобытный характер государственного устройства того времени. Эксперты подчеркивают, что Русская Правда на протяжении почти пяти столетий выполняла роль общенационального правового свода, пока ее функции не перешли к Судебнику Ивана III, который, в свою очередь, во многом базировался на ее основополагающих принципах²⁹.

С образованием централизованного Московского государства в сентябре 1497 г. был принят Судебник Ивана III — первый общероссийский уголовно-правовой и уголовно-процессуальный акт. Этот документ унифицировал судебные нормы по всей стране и впервые официально ввел смертную казнь за ряд тяжких преступлений, таких как убийство господина, похищение людей, крамола, кража церковного имущества и др.³⁰ Поскольку такое суровое наказание

²⁴ Русская Правда. С. 4—5.

²⁵ См.: Малыгин А.Я., Лукьянов С.А. История органов внутренних дел: основные этапы развития полиции — милиции России: учеб. пособие по курсу «История органов внутренних дел». М., 2010. С. 6.

²⁶ История России. С. 135.

²⁷ См. ст. 16 указанного правового акта. (Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Изд. третье, доп. Киев; СПб, 1887. С. 78.)

²⁸ См. ст. 66, 99 указанного правового акта. (Псковская судная грамота (1397—1497): подлинная и в пер. на совр. язык с примеч. по установлению переводного текста / сост. И.И. Василев и Н.В. Кирпичников. Псков: Псковск. археол. о-во, 1896. (Далее — Псковская судная грамота.) С. 24, 34.)

²⁹ См.: Актуальные проблемы истории органов внутренних дел: учеб. пособие / А.В. Борисов [и др.]. М.: Акад. управления МВД России, 2019. (Далее — Актуальные проблемы истории ОВД.) С. 10.

³⁰ См. ст. 8—11, 13, 39 указанного правового акта. (Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. / сост. В.Н. Автократов, А.А. Зимин, С.М. Каштанов, А.Г. Поляк; ред. Л.В. Черепнин. М.: Госюриздат, 1955. (Далее — Судебник 1497 г.) С. 347—348, 353, 358—360, 367.)

требовало тщательного расследования, своевременного розыска и обезвреживания преступников, в конце XV — начале XVI в. из Москвы направлялись специальные чиновники — «особые обыщники». Они обладали полномочиями проводить розыск, следствие и суд в местностях, где участились разбои и кражи³¹.

Судебник 1497 г. вводил новые методы доказывания вины: свидетельские показания, задержание с поличным и судебный поединок. Это отличало его от Русской Правды, где месть и самосуд были допустимы. Судебник Ивана III, напротив, категорически запрещал подобные практики и детально прописывал, кто и каким образом может вести судебное разбирательство³².

Во второй половине XV века наметилась тенденция к обособлению нарушений общественного порядка как отдельной категории. Псковская судная грамота уже предусматривала особый подход к деяниям, совершенным в публичных местах, таких как рынок, улица или пир³³. Позднее Судебник 1497 г. учредил должность «недельщика». На эти позиции, как правило, назначались небогатые феодалы с небольшими земельными владениями. Их обязанности длились одну неделю, а основной функцией было поддержание общественного порядка. При совершении тяжких преступлений в определенной местности великокняжеская власть направляла туда недельщиков для организации розыска. Их розыскные действия заключались в допросе местных жителей для выявления лиц, которые могли быть причастны к «лихому делу»³⁴.

Кроме того, нормы статей 29—30 Судебника 1497 г. устанавливали вознаграждение недельщикам за исполнение их обязанностей и проезд к месту преступления по поручению суда³⁵.

Формирование к концу XV века единого Русского централизованного государства с центром в Москве стало катализатором существенного роста как численности населения, так и количества городских поселений. Параллельно с этим активное развитие ремесленного производства и торговых связей закономерно привело к увеличению числа социальных конфликтов, обусловленных противоправными действиями подданных.

В этой связи в начале XVI века великокняжеская власть приступила к дальнейшему совершенствованию системы охраны общественного порядка и предупреждения преступлений. В 1504 году по указу Ивана III на выездах из Москвы были установлены заставы, а на улицах — решетки, на которых дежурили специальные наряды во главе с «решеточными сторожами» и «решеточными приказчиками». Как отмечал выдающийся отечественный правовед В.Н. Лешков, эти наряды можно считать первым полицейским учреждением Москвы³⁶.

С точки зрения науки полицейского права на это также обращал внимание известный русский ученый М.М. Шпилевский, который пришел к выводу, что «полиция, как установление, как практика жизни, является гораздо раньше, нежели появилась полиция, как доктрина, догма, учение»³⁷. Он справедливо подчеркивал: «Можно даже считать города родиной полиции, как установления. Первые полицейские учреждения возникли на городской почве»³⁸. Данный вывод также подкрепляется фактом организации круглосуточного дежурства на заставах. Под непосредственным руководством решеточного надзирателя или приказчика горожане несли службу в режиме постоянной готовности, выделяя по одному представителю от каждых десяти дворов. За нарушение ночного комендантского часа обывателя ожидала тюрьма, а в лучшем случае — кнут. Опыт этот вскоре получил распространение и в других городах Русского государства³⁹.

К середине XVI века в русском праве отчетливо выделился образ «лихого человека» — того, для кого разбой и бандитизм стали профессиональным занятием. К 30-м годам того же столетия относятся сведения о масштабной деятельности фальшивомонетнических преступных организаций во многих городах⁴⁰. Усиление крепостного права спровоцировало рост крестьянских выступлений и широкое распространение разбоя. Однако формирование массовой преступности в первой половине XVI века было обусловлено не только социально-эконо-

³¹ Малыгин А.Я., Лукьянов С.А. Указ. соч. С. 7.

³² Подробнее об этом см. ст. 7, 14, 34, 35, 48—50 (Судебник 1497 г. С. 358, 360, 365, 369—370).

³³ См. ст. 28, 35, 81. (Псковская судная грамота. С. 10, 13, 28.)

³⁴ См. ст. 28, 34—35 (Судебник 1497 г. С. 350—352, 363, 365—366).

³⁵ Там же. С. 350—351, 363—364.

³⁶ Лешков В.Н. Указ. соч. С. 16.

³⁷ Шпилевский М.М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса, 1875. С. 14.

³⁸ Там же. С. 15.

³⁹ См.: Лешков В.Н. Указ. соч. С. 14, 16—17; Рыбников В.В., Алексушин Г.В. Указ. соч. С. 17; Актуальные проблемы истории ОВД. С. 12—13.

⁴⁰ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVII вв. М., 1995. С. 61—62.

мическими, но и другими факторами. Как отмечают И.А. Андреева и Е.С. Зайцева, профессиональная преступность «лихих» того времени имела всесословный характер⁴¹.

Увеличение уровня преступности, прежде всего профессиональной, послужило непосредственной причиной для усиления карательной функции государства. Исторические свидетельства указывают на то, что усиление репрессивной политики осуществлялось параллельно с проведением комплексных организационно-правовых мероприятий.

Так, в 1530—1540-х гг., во время малолетства Ивана Грозного, в ходе земско-губных реформ были учреждены органы местного самоуправления, известные как земские и губные избы. Территории, называвшиеся «губами», представляли собой административные единицы в составе уезда. Эти органы выполняли функции следствия и суда, то есть осуществляли полицейско-судебные полномочия. Из ведения судов наместников были изъяты дела о разбойниках и ворах, которые передали выборным губным избам, чья компетенция постепенно расширялась. Для предупреждения разбойных нападений губным старостам разрешалось задерживать подозрительных проезжих — «необычайных» и «незнаемых», которые вели себя скрытно и подозрительно. Помимо разбойных дел, в их ведение вошли дела о ворах, полицейский надзор за населением и управление тюрьмами. Для проведения общих обысков собирались съезды губных старост всего уезда.

Во главе уездной губной избы, которая играла ведущую роль в борьбе с преступностью, особенно с ее наиболее тяжкими проявлениями, стоял губной староста. Его избирали представители всех сословий уезда: князья, дети боярские, духовенство, а также крестьяне из числа дворян и детей боярских. Государство предъявляло к кандидатурам на должность губного старосты определенные требования: он должен был быть «грамоте горазд, душою прям, животом прожиточен»⁴². После избрания кандидат являлся в Разбойный приказ для получения соответствующего наказа. Первоначально губные старосты избирались бессрочно, а впоследствии — на годичный срок.

Изначально губной староста опирался на аппарат, состоявший из старост, десятских и так называемых «лучших людей». Однако эта система вскоре была заменена. Новая структу-

ра включала «целовальников» — выборных представителей из числа наиболее влиятельных крестьян и посадских жителей. Их назначение на должность проходило через обряд целования креста, что означало торжественное обещание верной службы. Этот обычай имеет заметное сходство с современной присягой, которую приносят граждане Российской Федерации, поступающая на службу в полицию. Кроме того, в аппарат входили рассыльщики, тюремные старосты, палачи и биричи. За ведение документации отвечал губной дьяк.

До губной реформы право выносить смертные приговоры принадлежало исключительно центральной власти. Летописи ясно отражают эту фундаментальную трансформацию, фиксируя, что главные прерогативы выборных органов заключались в том, чтобы «судить, пытать, казнить»⁴³. Тем не менее нельзя отрицать, что основной задачей губных изб была охрана общественного порядка и противодействие преступности. Как справедливо подчеркивал советский историк государственных учреждений Н.П. Ерошкин, «институт губных старост, наряду с городскими приказчиками, способствовал упразднению кормленщиков. Этого требовало поместное дворянство, заинтересованное в увеличении государственных доходов»⁴⁴.

В своем исследовании реформ Ивана Грозного середины XVI века советский историк-археолог А.А. Зимин акцентировал внимание на новом законодательном кодексе, составленном в июне 1550 года. Он констатировал, что это было, «бесспорно, самое крупное начинание правительства», заменившее устаревший Судебник 1497 года⁴⁵. Полностью разделяя данную точку зрения, мы считаем необходимым отметить, что этот нормативно-правовой акт, являясь первым в русской истории и провозглашенный единственным источником права своего времени, оказал существенное влияние на формирование отечественной полицейской функции.

⁴¹ Андреева И.А., Зайцева Е.С. Указ. соч. С. 19—20.

⁴² Малыгин А.Я., Лукьянов С.А. Указ. соч. С. 7.

⁴³ Подробнее об этом см.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России: [учебник для студентов по спец. «Историко-архивоведение»]. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. С. 44—46; Перевезенцев С.В. Традиции народовластия в России в XV—XVII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2017. № 3. С. 49—50; Андреева И.А., Зайцева Е.С. Указ. соч. С. 20—22; Актуальные проблемы истории ОВД. С. 13.

⁴⁴ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 44.

⁴⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 348.

Судебник 1550 г. закрепил территориальный характер судопроизводства «по приказам» (ст. 7, 72)⁴⁶. Это обусловило формирование центральных органов отраслевого управления — приказов, в том числе тех, что осуществляли охрану правопорядка. Наряду с этим обособлению общеполицейской функции в государственном управлении способствовали иные новеллы Судебника 1550 г. К ним относятся: выделение новых, особо опасных видов преступлений, непосредственно направленных против государственных основ; увеличение числа составов должностных преступлений и преступлений против порядка управления судами; а также попытка разграничения грабежа и разбоя, татьбы⁴⁷ и впервые вводимого данным кодифицированным актом мошенничества.

В сравнении с Русской Правдой Судебник 1550 г. демонстрирует существенное ужесточение системы наказаний и порядка их исполнения. Данные изменения были направлены на достижение максимального устрашения преступников и населения. Вследствие этого штраф как основное наказание был вытеснен смертной казнью, телесными наказаниями и лишением свободы. В целях усиления карательных мер впервые вводится тюремное заключение, выполняющее как предварительную функцию, так и выступающее в качестве меры наказания. Расширение и уточнение процессуальных норм осуществлялось по пути подчинения частных интересов государственным, введения губного самоуправления и усиления розыскной деятельности⁴⁸.

Значительным шагом в развитии правовой базы правоохранительной деятельности стало принятие в 1649 году Соборного уложения⁴⁹ (да-

лее — Уложение) — первого в истории России систематизированного законодательного акта. В апреле того же года царь Алексей Михайлович утвердил Наказ «О Градском благочинии»⁵⁰ (далее — Наказ). Этот документ стал первым нормативным правовым актом, специально разработанным для регулирования исключительно полицейских функций государства, охватывающих обеспечение общественной, экономической и пожарной безопасности.

Уложение впервые получило структуру, разделённую на тематические главы. Каждая глава посвящена определённой отрасли права или конкретному объекту регулирования. Следует отметить, что некоторые его главы включают в себя нормы административно-полицейского права.

Для глубокого понимания развития отечественной полицейской функции важно обратить особое внимание на Уложение и его отношение к Разбойному приказу. Глава XXI «О разбойных и татиных делах», состоящая из 104 статей, подробно регламентировала его деятельность. По сути, эта глава служила служебной инструкцией не только для самого Разбойного приказа, но и для других приказов, а также для земских и губных органов. Эти органы на протяжении двух веков действия Уложения⁵¹ выполняли судебно-полицейские функции. Кроме того, третья статья главы определяла состав и задачи низших полицейских и судебных инстанций в уездных городах — губных старост при рассмотрении дел о разбое, татьбе и убийствах⁵².

Помимо упомянутых в заголовке XXI главы Уложения преступлений «разбоя» и «татьбы», статьи 1 и 2 выделяют и третий вид противоправных деяний — «убийственные дела». Под этим термином понимается убийство, или, как его именовали в ту эпоху, душегубство. Хотя убийство зачастую сопровождалось разбоем и татьбой, выступая в качествеотягчающего обстоятельства, оно могло рассматриваться и как самостоятельное преступление⁵³.

⁴⁶ Судебник 1550 года // Судебники XV—XVI веков / подгот. текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; коммент. А.И. Копанева, Б.А. Романова и Л.В. Черепнина; под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. С. 142, 165—166.

⁴⁷ Термин «**татьба**» в историческом контексте обозначал противоправное изъятие чужого имущества, не сопровождавшееся насилием, характерным для разбоя. Как отмечал И.Я. Фойницкий, данное деяние характеризовалось корыстной целью, при этом акцент делался не столько на нарушении имущественных прав, сколько на умысле преступника. См.: Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву: сравнительное исследование. СПб, 1871. С. 20—21.

⁴⁸ См.: Судебники 1497 и 1550 годов // Российское законодательство X—XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 53.

⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. 1649—1675. СПб, 1830. С. 1—161.

⁵⁰ Там же. С. 164—166.

⁵¹ Как отмечает известный советский и российский специалист по истории государства и права России А.Г. Маньков, Соборное уложение 1649 г., несмотря на последующие дополнения, оставалось действующим кодексом более двух столетий. См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 4.

⁵² Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. / коммент. Г.В. Абрамовича и др.; руководитель авт. коллектива А.Г. Маньков. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1987. (Далее — Соборное уложение 1649 г.: комментарий). С. 355.

⁵³ Там же.

Доминирование термина «татьба» в нормах Уложения, вероятно, объясняется значительными масштабами воровства и грабежей в конце XVI и в XVII вв. Это подтверждается многочисленными законодательными актами и другими историческими источниками⁵⁴. Н.П. Шалфеев отмечал, что «с XV века разбои все более и более увеличиваются» и в XVI веке доходят «до таких страшных размеров, что даже жители городов не были безопасны от грабежей и убийств, совершаемых открыто»⁵⁵. Далее, характеризуя криминальную ситуацию того времени, он констатирует: «Смутное время помогло развитию разбоев; по свидетельству Уложения царя Алексея Михайловича, они значительно против прежнего усилились и во второй половине XVII ст. даже в самой Москве свирепствовали шайки разбойников»⁵⁶.

При анализе влияния Уложения на формирование полицейской функции особый интерес

представляет исследование И.В. Упорова, посвящённое правовому регулированию полицейского ареста в Московском государстве. Он идентифицирует в Уложении нормы, относящиеся к личному задержанию (аресту). Согласно его трактовке, ряд норм (ст. 15, 28 главы XXI и др.) свидетельствует о том, что основной мерой пресечения при ведении уголовных дел в отношении обвиняемых являлось личное задержание (арест). Оно осуществлялось караулом при съезжей избе или в тюрьме, если дело рассматривалось в городе⁵⁷.

Уложение значительно повысило значение вещественных доказательств, введя понятие «поличного». Наряду с поличным, изъятым в присутствии пристава и понятых (ст. 50, 57, 87), упоминается и то, за которое «поимаются» (ст. 51). При этом, согласно ст. 54, человека могли привести с поличным и без участия пристава. Однако законодатель четко определил процедуру изъятия поличного: уголовное судопроизводство учитывало только те доказательства, которые были изъяты с участием представителя власти (пристава) и понятых («людей добрых, кому мочно верити») (ст. 87 гл. XXI)⁵⁸.

Уложение оказало существенное влияние на развитие розыскного процесса, призванного раскрывать и расследовать преступления. Согласно его положениям, розыск, как и в настоящее время, широко применялся к основным уголовно наказуемым деяниям, включая государственные преступления (гл. II), разбой, воровство, татьбу и др. Обнаруженное поличное служило достаточным основанием для начала розыска, минуя стадии обыска и очной ставки⁵⁹. Как верно заметила Т.Л. Матиенко, «правовые основы преследования преступлений против государства, закрепленные в Соборном уложении 1649 г., становятся отправной точкой организационно-структурного выделения политического сыска в самостоятельный вид деятельности государства»⁶⁰.

Уложение также регламентирует ряд преступлений в сфере общественного порядка. Так, в первой главе «О богохульниках и церковных мятежниках» законодатели определили субъектов преступлений, предусмотренных ст. 2, 3, 6 и 7, термином «бесчинник». За непристойное

⁵⁴ См., напр.: Царская грамота в Переславль-Рязанский от 5 августа 1651 г. «О доставлении стольнику Плещееву пушкарей и затинщиков для поимки воров, разбойников и убийц» // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 4. СПб, 1836. С. 72—73; Наказ Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича сотскому, пятидесятским и десятским вотчины Сретенского монастыря Кашинского уезда от апреля 1656 г. «О поимке и приводе в Кашин к государеву сыщику разбойников, убийц и всяких воровских людей» // Там же. С. 132; Царская грамота в Бежецкий Верх на Городецк от 4 октября 1667 г. «О содействии государеву сыщику в поимке и искоренении разбойников и всяких воровских людей» // Там же. С. 209—211; Именной указ Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича от 20 октября 1653 г. «О наказании воров и разбойников вместо смертной казни кнутом, с отсечением у левой руки по персту, о ссылке их в Сибирь, и об учинении смертной казни за повторение тех же преступлений» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. 1649—1675. С. 301—302; Царская грамота Боярину и Воеводе Князю Долгорукову от 8 августа 1659 г. «О наказании воров, которые по дорогам грабят и деревни разоряют, кнутом, а пущих заводчиков смертию» // Там же. С. 488; Именной указ Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича от 20 февраля 1664 г. «О сыске воеводам воров и разбойников» // Там же. С. 586—587; Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 62, 71, 74; Лобанов А.В., Кузнецов О.В. Борьба с преступностью в Нижнем Поволжье в конце XVI — начале XVII века // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2 (3). С. 90—96.

⁵⁵ Шалфеев Н.П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб, 1868. С. 18.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Упоров И.В. Особенности правового регулирования полицейского ареста в период Московского государства // Право и практика. 2013. № 3. С. 7.

⁵⁸ Соборное уложение 1649 г.: комментарии. С. 370.

⁵⁹ Там же. С. 371.

⁶⁰ Матиенко Т.Л. Указ. соч. С. 39.

поведение, нарушающее спокойствие и порядок во время церковной службы, предусматривалось строгое наказание, вплоть до смертной казни (статьи 1—7)⁶¹.

В статьях 6 и 7 главы III «О государевом дворе, чтоб на государевом дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было» «установлен запрет на ношение и тем более использование дальнотойного оружия — пищадей и луков — без государева указа. Этот запрет распространялся как на царский двор и Москву, так и на любые другие места при царских выездах»⁶². Само название главы подчеркивает ее целенаправленность — недопущение бесчинства и брани в общественных местах. Данное положение полностью согласуется с суждением А.В. Седунова о том, что «в Соборном уложении 1649 г. слова „бесчиние“ и „бесчинство“ применялись к лицам, нарушающим порядок в общественных местах. В тот же период для обозначения общественного порядка и безопасности употребляется слово „благочиние“»⁶³.

В свою очередь, Наказ устанавливал порядок дневных и ночных обходов по Москве для охраны города. В этом документе Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович повелел подчинённым Новикову Ивану Андреевичу и подъячему Викуле Панову «взять на Земском дворе, согласно прежнему Государеву указу, пять решеточных прикащиков и велеть им быть с собой, чтобы они беспрестанно ездили в своём обходе по всем улицам и переулкам, как днём, так и ночью». Кроме того, для надёжной охраны всех улиц и переулков им было поручено расписать решеточных прикащиков и сторожей, которые должны были ходить по улицам и переулкам в любое время суток и строго следить, чтобы в городе не было ни драк, ни грабежей, ни незаконной торговли (корчмы, табака), ни какого-либо иного воровства и разврата⁶⁴.

Изначально задуманный для Москвы, тогдашней столицы империи, Наказ вскоре получил распространение и на другие города. Этот документ заложил основу для формирования независимых городских полицейских структур, к деятельности которых активно привлекались сами горожане⁶⁵.

Реформы органов управления и государственной власти, проведенные Иваном Грозным в 1550-х годах, инициировали процесс обособления полицейской деятельности в системе государственного управления. Это стало возможным благодаря выделению из великокняжеского хозяйства группы судебно-полицейских приказов (Разбойного, Земского и др.). В их основе лежали функции охраны общественного порядка, розыска преступников и проведения предварительного расследования. Формирование аппарата для обеспечения деятельности этих приказов привело к появлению центральных государственных учреждений.

Определение точного момента перехода от поручения к должности, а затем от должности с полицейскими функциями к полноценному учреждению представляет собой значительную сложность. Тем не менее мы полагаем, что такая трансформация происходит в процессе формирования приказной системы Русского централизованного государства. Данный вывод подкрепляется анализом функций ключевых отраслевых приказов и вытекающих из них полномочий их сотрудников.

Так, Разбойный приказ, возникший в 1539 году на основе Разбойной избы Боярской думы, изначально утверждал приговоры губных органов. Он служил второй инстанцией для рассмотрения «разбойных и лихих» дел по всей стране, за исключением Москвы и Московского уезда. В ходе губной реформы приказ обрел самостоятельность, фактически став органом уголовной полиции. В 1555 году была разработана Уставная книга Разбойного приказа, регламентирующая его основные функции. Согласно Н.П. Ерошкину, к данному периоду относится формирование самостоятельного приказа, о чем свидетельствуют первые упоминания «разбойных дьяков», датируемые 1560-ми годами⁶⁶. В 1683 году Разбойный приказ был переименован в Сыскной, в 1687 г. — в Приказ сыскных дел. В 1701 году учреждение было упразднено, а его дела переданы в другие приказы в соответствии с подсудностью обвиняемых.

Разбойный приказ обладал широкими полномочиями: он утверждал на должности губных старост, целовальников, дьяков и тюремных сторожей по всей стране. Приказ имел право издавать указы для губных изб, привлекать к ответственности за должностные проступки и преступления, а также функционировал как апелляционная инстанция. Руководство приказа

⁶¹ Соборное уложение 1649 г.: комментарии. С. 143—144.

⁶² Там же. С. 157.

⁶³ Седунов А.В. Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX — первой половине XX века (на материалах Северо-Запада России): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб, 2006. С. 21.

⁶⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. 1. 1649—1675. С. 164—165.

⁶⁵ Актуальные проблемы истории ОВД. С. 16.

⁶⁶ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 41.

зом осуществляла следственно-судебная коллегия, в которую входили боярин (или окольничий), дворянин (стольник) и два дьяка. Государство стремилось укрепить авторитет Разбойного приказа, возлагая на него борьбу с самыми серьезными преступлениями. Показательным примером является назначение национального героя князя Дмитрия Пожарского на пост главы приказа в период после Смутного времени (1623—1636 гг.). В это время, когда страна переживала последствия Смуты и столкнулась с резким ростом преступности, от власти требовались решительные меры⁶⁷.

За разбойные и татинные дела в Москве и Московском уезде отвечал Земский приказ. Этот орган, возникший, по мнению исследователей, в первой половине XVI века (первое упоминание — 1564 г.)⁶⁸, выполнял широкий спектр задач. Он преследовал разбойников и других «лихих людей», вел учет населения города и посада, собирал подати с посадских жителей, а также следил за порядком, безопасностью и благоустройством столицы, особенно в праздничные дни. Таким образом, Земский приказ обладал более широкой компетенцией в области предупреждения преступности, охраны порядка и обеспечения безопасности граждан, чем Разбойный приказ, фактически выполняя функции местного управления. В конце XVI века Земский приказ был объединен со Стрелецким, который затем взял на себя полицейские функции в Москве.

Круг учреждений, ответственных за полицейско-судебные и карательные функции в Московской Руси, не ограничивался Разбойным и Земским приказами. Эти задачи также решались Разрядным, Поместным, Холопным, Стрелецким и даже Посольским приказами.

В данном контексте значительную роль играл Стрелецкий приказ⁶⁹. Его личный состав —

стрельцы — отвечал за поддержание общественного порядка в городах. Они несли дневные и ночные караулы, участвовали в поимке преступников (татей, разбойников и грабителей) и выполняли конвойные функции. С 1550 года, когда Иван Грозный сформировал первые постоянные части пеших стрелков, стрельцы стали не только важным этапом в эволюции вооруженных сил от княжеских дружин и ополчения к регулярной армии, но и заложили основу для будущих полицейских структур.

Стрелецкое войско не только участвовало в военных походах и охраняло границы, но и выполняло множество полицейских функций. До 1740 года стрельцы несли патрульно-постовую службу, обеспечивая правопорядок в местах своей дислокации. Все вопросы, связанные со службой, содержанием, управлением и судом над стрельцами, находились в ведении Стрелецкого приказа. В одной только Москве в середине XVII века действовало до 20 полков, каждый из которых состоял из 800—1000 человек⁷⁰. Полковники, возглавлявшие эти подразделения, были не только командирами, но и судьями. Каждый полк имел свою канцелярию — стрелецкую избу.

В мирное время стрельцы поддерживали законность и порядок в Москве, защищая город и его жителей от преступников. Их обязанности включали сопровождение арестованных, проведение обысков и другие задачи. Во время царских выходов стрельцы обеспечивали безопасность, сдерживая или разгоняя любопытные толпы. Особый конный полк, стремянные стрельцы, охранял царя и его семью как в Кремле, так и в поездках. Служба в стрелецком войске была пожизненной, а со временем стала наследственной. В отличие от служивого дворянства, стрельцы занимали менее привилегированное положение. Их называли «служивыми людьми по прибору», и жалование они получали в основном денежное или натуральное, а не земельное⁷¹.

После стрелецкого мятежа 1697—1698 годов Петр I начал реорганизацию стрелецких войск. Вследствие этого компетенция Стрелецкого приказа претерпела существенные изменения, сместившись в сторону административно-хозяйственных функций. Данная трансфор-

⁶⁷ См.: Актуальные проблемы истории ОВД. С. 13; Костюкова А.В., Штрейс Д.С. К истокам зарождения приказной системы в России в конце XV — первой половине XVI века // Государственная служба. 2020. № 6 (128). С. 74, 76; Малыгин А.Я., Лукьянов С.А. Указ. соч. С. 8; Рыбников В.В., Алексушин Г.В. Указ. соч. С. 19—20.

⁶⁸ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 42; Рыбников В.В., Алексушин Г.В. Указ. соч. С. 20.

⁶⁹ Учреждение, которое впоследствии стало известно как Стрелецкий приказ, существовало еще при правлении Ивана Грозного под названием «стрелецкая изба». Собственно же наименование «Стрелецкий приказ» появляется в исторических источниках впервые в 1601 году. См.: Энциклопедический словарь. Т. 25. Пряга — Просрочка отпуска / под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. СПб: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1898. С. 191.

⁷⁰ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 53.

⁷¹ Байкеева С.Е. Эволюция приказной модели государственного управления и правовые основы формирования бюрократического аппарата в России в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2 (38). С. 65.

мация привела к его реорганизации в 1701 году в Приказ земских дел. Этот новый орган управления наследовал полномочия упраздненного в 1699 году Земского приказа, который ранее осуществлял полицейское управление Москвой⁷².

Приказы, появившиеся в конце XV — начале XVI в., за столетие выстроили свою структуру, определили задачи и функции в различных сферах государственного и местного управления. Они отвечали за противодействие преступности, поддержание общественного порядка и обеспечение безопасности населения. Не случайно М.Б. Булгаков отмечает, что в XVII веке почти все сословия были заняты на государственной службе⁷³. Именно этот сформированный к концу XVII века корпус «приказных людей» стал ключевым источником кадров для государственной службы в первой половине XVIII века, заложив основу кадрового обеспечения государственного аппарата, в том числе «государевых служащих» регулярной полиции.

В заключение исследования, лежащего в основе настоящей работы, мы акцентируем внимание на следующих обобщающих выводах.

Первый вывод: зарождение и развитие предпосылок для формирования института регулярной полиции в России аналогично странам Западной Европы было детерминировано совокупностью последовательно развивающихся социально-экономических, политических, культурных и иных общественных процессов. Среди наиболее значимых факторов выделяются возникновение Российского государства, становление национальной правовой системы, прирост численности населения и его урбанизация, а также рост криминальной активности и профессионализация общеуголовной преступности, что в целом ухудшало криминогенную обстановку.

Во-вторых, отечественная полицейская функция, зародившись в глубокой древности, эволюционировала вместе с развитием государства и русской правовой системы. Этот процесс проходил двумя основными этапами. На первом этапе государство санкционировало правовые обычаи, способствовавшие защите государствен-

ных интересов и поддержанию правопорядка. Затем оно начало создавать новые правовые нормы, в результате чего обычное право постепенно уступало место прецедентному, основанному на административных и судебных решениях. Позднее прецедентное право сменилось статутным — законами, получившими письменную форму и обеспеченными государственным принуждением. В этих законах, сводах, уставах и кодексах преступление стало рассматриваться как деяние, нарушающее интересы государства и установленный правопорядок. При этом значительно возросла роль государственных органов в осуществлении полицейского контроля. В результате эволюция российской правовой системы выступила катализатором, способствовавшим переходу от иррегулярной формы полиции к ее регулярной структуре.

В-третьих, к началу XVIII века Московское централизованное государство обладало значительным опытом в организации государственного аппарата и службы. Ключевую роль в становлении этих институтов играла приказная система центрального управления, просуществовавшая до петровских реформ. Ее эволюция характеризовалась не только количественными, но и качественными изменениями. В частности, происходила дальнейшая дифференциация правоохранительных функций государства по компетенции, что привело к появлению подразделений с общеполицейскими задачами.

Важным шагом стало законодательное закрепление правовых основ деятельности и компетенции приказов. Наиболее значимый этап в этом процессе — Соборное уложение 1649 года. Этот фундаментальный документ кодифицировал множество предшествующих актов, определявших организационно-правовые основы и полномочия приказов, а также регламентировавших порядок ведения служебной документации. Помимо развития процессуального и материального права, нормы первой половины XVII века, направленные на обеспечение деятельности приказных учреждений, отличались ростом положений, регулирующих их устройство, режим работы, внутренний распорядок, а также формулирующих принципы государственной службы и условия назначения должностных лиц.

Тем не менее в Московском государстве мы наблюдаем лишь зачатки того, что впоследствии будет квалифицироваться как полицейская деятельность. Законодательство XVII века запрещало и преследовало лишь немногие и достаточно простые нарушения, угрожающие внутренней безопасности. В допетровский период

⁷² Подробнее об этом см.: Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 53; История органов внутренних дел России: учеб. пособие / А.Д. Гуляков, В.Н. Колемасов, А.В. Лобанов [и др.]; под общ. ред. В.В. Гошуляка. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. С. 15—17; Малыгин А.Я., Лукьянов С.А. Указ. соч. С. 9; Рыбников В.В., Алексупин Г.В. Указ. соч. С. 20—21.

⁷³ Булгаков М.Б. Государственная губная служба посадских людей в XVII веке // Государство и право. 2005. № 12. С. 80.

полицейские функции государства сводились главным образом к обеспечению внутренней и внешней безопасности подданных. Защитив их от «лихих людей» внутри страны, государство считало свою задачу выполненной, зачастую предоставляя подданным право самостоятельно регулировать свои отношения. Отсутствие регулярной полицейской службы частично компенсировалось привлечением населения к выполнению полицейских функций на добровольно-принудительной основе.

К началу XVIII века, достигнув вершины своего развития, действующая приказная система управления сформировала общее представление о полицейской деятельности и ещё более чётко обозначила необходимость создания специализированного аппарата служивых «государевых людей», основная задача которых заключалась бы в постоянном и профессиональном осуществлении полицейских функций.

Завершающий этап становления регулярной полиции требовал фундаментальных преобразований всей структуры государственных институтов. Этот период в развитии отечественной правоохранительной системы, ознаменованный учреждением штатных полицейских органов в Санкт-Петербурге (25.05.1718) и Москве (19.01.1722) в первой четверти XVIII столетия, неразрывно связан с масштабной реформаторской политикой Петра I, первого императора Российской империи.

Список литературы

1. Андреева И.А., Зайцева Е.С. История органов внутренних дел России: учеб. пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 276 с.
2. Байкеева С.Е. Эволюция приказной модели государственного управления и правовые основы формирования бюрократического аппарата в России в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 2 (38). С. 64—72.
3. Байкова Н.Ф. Формирование и развитие полицейских функций государства в России в IX — нач. XX вв. (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 23 с.
4. Булгаков М.Б. Государственная губная служба посадских людей в XVII веке // Государство и право. 2005. № 12. С. 80—88.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 2. Изд. третье, доп. Киев; СПб: изд. книгопродавца Н.Я. Оглоблина, 1887. V, 236 с.
6. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с.
7. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб: тип. М-ва внутр. дел, 1913. 42 с.
8. Кобозев А.А. Историко-правовые предпосылки возникновения полицейских функций в системе органов власти Древнерусского государства (IX — середина XIII веков) // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 1 (65). С. 20—29. doi: 10.29039/2312-7937-2023-1-20-29.
9. Костюкова А.В., Штрейс Д.С. К истокам зарождения приказной системы в России в конце XV — первой половине XVI века // Государственная служба. 2020. № 6 (128). С. 72—77. doi: 10.22394/2070-8378-2020-22-6-72-77.
10. Лешков В.Н. О древней московской городской полиции: исторические известия. М., 1852. 56 с.
11. Лобанов А.В., Кузнецов О.В. Борьба с преступностью в Нижнем Поволжье в конце XVI — начале XVII века // Информационная безопасность регионов. 2008. № 2 (3). С. 90—96.
12. Майор Ф.М. Зарождение системы правового регулирования в Древнерусском государстве IX—XIII вв. (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2008. 20 с.
13. Малыгин А.Я., Лукьянов С.А. История органов внутренних дел: основные этапы развития полиции — милиции России: учеб. пособие по курсу «История органов внутренних дел». М.: Спутник+, 2010. 137 с.
14. Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 272 с.
15. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэкгиз, 1937. 206 с.
16. Матиенко Т.Л. Организация сыска в России в IX — начале XX вв.: генезис, закономерности, исторический опыт: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 57 с.
17. Перевезенцев С.В. Традиции народовластия в России в XV—XVII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2017. № 3. С. 44—66.
18. Петрухин В.Я. Русь в IX—X веках. От призвания варягов до выбора веры / Ин-т славяноведения РАН. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Форум: Неолит, 2014. 464 с.
19. Полиция и милиция России: страницы истории / А.В. Борисов, А.Н. Дугин, А.Я. Малыгин [и др.]. М.: Наука, 1995. 318 с.
20. Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 632 с.

21. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV—XVII вв. М.: Юристъ, 1995. 288 с.

22. Седунов А.В. Обеспечение общественной и государственной безопасности в XIX — первой половине XX века (на материалах Северо-Запада России): автореф. дис. ... д-ра истор. наук. СПб, 2006. 40 с.

23. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.

24. Упоров И.В. Особенности правового регулирования полицейского ареста в период Московского государства // Право и практика. 2013. № 3. С. 4—10.

25. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву: сравнительное исследование. СПб: тип. т-ва «Обществ. польза», 1871. VIII, 256, 289 с.

26. Шалфеев Н.П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб: тип. Мор. м-ва, 1868. 76 с.

27. Шпилевский М.М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: тип. Ульриха и Шульце, 1875. 196 с.

References

1. Andreeva, I.A., Zaytseva, E.S. (2017) *Istoriya organov vnutrennikh del Rossii* [The history of the internal affairs bodies of Russia]. Textbook. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 276 p. (In Russ.).

2. Baykeeva, S.E. (2008) *Evolutsiya prikaznoy modeli gosudarstvennogo upravleniya i pravovye osnovy formirovaniya byurokraticheskogo apparata v Rossii v XVII veke* [Evolution of the order model of state administration and the legal foundations of the formation of the bureaucratic apparatus in Russia in the 17th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2, pp. 64–72. (In Russ.).

3. Baykova, N.F. (2009) *Formirovanie i razvitiye politseyskikh funktsiy gosudarstva v Rossii v IX – nach. XX vv. (istoriko-pravovoy aspekt)* [Formation and development of police functions of the state in Russia in the IX – early XX century (historical and legal aspect)]. Abstract of Ph. D. thesis. Saratov, 23 p. (In Russ.).

4. Bulgakov, M.B. (2005) *Gosudarstvennaya gubnaya sluzhba posadskikh lyudey v XVII veke* [State service of posad people in the 17th century]. *State and Law*, no. 12, pp. 80–88. (In Russ.).

5. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1887) *Khrestomatiya po istorii russkogo prava* [Anthology

on the history of Russian law]. Iss. 2. 3rd ed. Kiev, Saint Petersburg, N.Ya. Ogloblin, V, 236 p. (In Russ.).

6. Zimin, A.A. (1960) *Reformy Ivana Groznogo* [Ivan the Terrible's reforms]. Moscow, Sotsekgiz, 511 p. (In Russ.).

7. *Istoricheskiy ocherk obrazovaniya i razvitiya politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii* [Historical essay on the formation and development of police institutions in Russia]. Saint Petersburg, Ministry of Internal Affairs of Russian Empire, 1913, 42 p. (In Russ.).

8. Kobozev, A.A. (2023) *Istoriko-pravovye predposylki vozniknoveniya politseyskikh funktsiy v sisteme organov vlasti Drevnerusskogo gosudarstva (IX – seredina XIII veka)* [Historical and legal prerequisites for the emergence of police functions in the system of authorities of the Ancient Russian state (IX – mid-XIII centuries)]. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, no. 1, pp. 20–29. (In Russ.). doi: 10.29039/2312-7937-2023-1-20-29.

9. Kostyukova, A.V., Shtreis, D.S. (2020) *K istokam zarozhdeniya prikaznoy sistemy v Rossii v kontse XV – pervoy polovine XVI veka* [To the origins of the Central state bodies (Prikaz system) in Russia in the late XV – the first half of the XVI centuries]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 6, pp. 72–77. (In Russ.). doi: 10.22394/2070-8378-2020-22-6-72-77.

10. Leshkov, V.N. (1852) *O drevney moskovskoy gorodskoy politsii: istoricheskie izvestiya* [On the ancient Moscow city police: historical news]. Moscow, 56 p. (In Russ.).

11. Lobanov, A.V., Kuznetsov, O.V. (2008) *Bor'ba s prestupnost'yu v Nizhnem Povolzh'e v kontse XVI – nachale XVII veka* [The fight against crime in the Lower Volga region at the end of the XVI – beginning of the XVII century]. *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*, no. 2, pp. 90–96. (In Russ.).

12. Mayor, F.M. (2008) *Zarozhdenie sistemy pravovogo regulirovaniya v Drevnerusskom gosudarstve IX–XIII vv. (istoriko-pravovoy aspekt)* [The origin of the system of legal regulation in the Ancient Russian state of the IX–XIII centuries (historical and legal aspect)]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 20 p. (In Russ.).

13. Malygin, A.Ya., Luk'yanov, S.A. (2010) *Istoriya organov vnutrennikh del: osnovnye etapy razvitiya politsii – militsii Rossii* [The history of the internal affairs bodies: the main stages of the development of the police – militia of Russia]. Textbook. Moscow, Sputnik+, 137 p. (In Russ.).

14. Mankov, A.G. (1980) Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii [The Code of 1649 – the code of feudal law of Russia]. Leningrad, Nauka, 272 p. (In Russ.).

15. Massa, I. (1937) Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. [Brief news about Muscovy at the beginning of the XVII century]. Moscow, Sotsekgiz, 206 p. (In Russ.).

16. Matienko, T.L. (2010) Organizatsiya syska v Rossii v IX – nachale XX vv.: genezis, zakonmernosti, istoricheskiy opyt [Organization of investigation in Russia in the IX – early XX centuries: genesis, patterns, historical experience]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 57 p. (In Russ.).

17. Perevezentsev, S.V. (2017) Traditsii narodovlastiya v Rossii v XV–XVII vv. [Traditions of Russian popular sovereignty from the 15th to the 17th centuries]. *Lomonosov Political Science Journal*, no. 3, pp. 44–66. (In Russ.).

18. Petrukhin, V.Ya. (2014) Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very [Russia in the IX–X centuries. From the vocation of the Varangians to the choice of faith]. 2nd ed. Moscow, Forum, Neolit, 464 p. (In Russ.).

19. Borisov, A.V. et al. (1995) Politsiya i militsiya Rossii: stranitsy istorii [Russian police and militia: pages of history]. Moscow, Nauka, 318 p. (In Russ.).

20. Presnyakov, A.E. (1993) Knyazhoe pravo v drevney Rusi. Lektsii po russkoy istorii. Kievskaya Rus' [Princely law in ancient Russia. Lectures on Russian history. Kievan Rus']. Moscow, Nauka, 632 p. (In Russ.).

21. Rogov, V.A. (1995) Istoriya ugolovnogo prava, terrora i repressiy v Russkom gosudarstve XV–XVII vv. [History of criminal law, terror and repression in the Russian state of the XV–XVII centuries]. Moscow, Yurist, 288 p. (In Russ.).

22. Sedunov, A.V. (2006) Obespechenie obshchestvennoy i gosudarstvennoy bezopasnosti v XIX – pervoy polovine XX veka (na materialakh Severo-Zapada Rossii) [Ensuring public and state security in the XIX – first half of the XX century (based on materials from the North-West of Russia)]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Saint Petersburg, 40 p. (In Russ.).

23. Tikhomirov, M.N. (1956) Drevnerusskie goroda [Ancient Russian cities]. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat, 477 p. (In Russ.).

24. Uporov, I.V. (2013) Osobennosti pravovogo regulirovaniya politseyskogo aresta v period Moskovskogo gosudarstva [Features of legal regulation of police arrest during Moscow State]. *Pravo i praktika*, no. 3, pp. 4–10. (In Russ.).

25. Foynitskiy, I.Ya. (1871) Moshennichestvo po russkomu pravu: sravnitel'noe issledovanie [Fraud under Russian law: Comparative research]. Saint Petersburg, VIII, 256, 289 p. (In Russ.).

26. Shalfeev, N.P. (1868) Ob Ustavnoy knige Razboynogo prikaza [On the Statute Book of the Robbery prikaz]. Saint Petersburg, Printing House of the Ministry of the Navy, 76 p. (In Russ.).

27. Shpilevskiy, M.M. (1875) Politseyskoe pravo, kak samostoyatel'naya otrasl' pravovedeniya [Police law as an independent branch of jurisprudence]. Odessa, Ulrich and Schulze, 196 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Кобозев – профессор кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом органов внутренних дел ВПМК МВД России, доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России;

В.Б. Коробов – главный научный сотрудник НИЦ № 2 ВНИИ МВД России, доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

A.A. Kobozev – Professor of the Department of Human Resources and Personnel Management in Internal Affairs Bodies of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

V.B. Korobov – Chief researcher of the Research center 2 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 41—48.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 41–48.

УДК 342.4
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.004

NIION: 2015-0065-02/26-379
MOSURED: 77/27-010-2026-02-578

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Сохранение исторической памяти — важнейшая конституционная ценность России

Екатерина Игоревна Бычкова

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, katya_kr_08@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию исторической памяти как конституционной ценности. На основе анализа документов стратегического планирования и иных нормативных правовых актов обосновывается тезис о том, что историческая память является основой национальной идентичности, государственного суверенитета и целостности.

Проводится анализ понятия «память», выделяются виды памяти. Автором предлагается многоярусный правовой механизм охраны исторической памяти, который включает в себя как регулятивные, так и охранительные средства, состоящий из таких уровней, как конституционный, стратегический, охранительный и судебный.

Также проводится комплексный разбор понятий, обозначающих негативные воздействия на историческую память: уничтожение, фальсификация, деформация, искажение и разрушение.

Автор приходит к выводу о необходимости законодательного уточнения понятия «историческая память», унифицирования подходов к таким понятиям, как уничтожение, разрушение, фальсификация, деформация, искажение исторической памяти, в целях исключения множественности их толкования и выработки единой судебно-следственной практики.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, конституционная ценность, фальсификация истории, деформация, искажение, разрушение, уничтожение исторической памяти, реабилитация нацизма.

Для цитирования: Бычкова Е.И. Сохранение исторической памяти — важнейшая конституционная ценность России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 41—48. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.004.

Preservation of historical memory is the most important constitutional value of Russia

Ekaterina I. Bychkova

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, katya_kr_08@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of historical memory as a constitutional value. Based on the analysis of strategic planning documents and other regulatory legal acts, the thesis is substantiated that historical memory is the basis of national identity, state sovereignty and integrity.

The concept of memory is analyzed, and types of memory are distinguished. The author suggests a multi-tiered legal mechanism for the protection of historical memory, which includes both regulatory and protective means, consisting of such levels as constitutional, strategic, protective and judicial.

A comprehensive analysis of the concepts denoting negative effects on historical memory is also carried out: destruction, falsification, deformation, distortion and annihilation.

The author comes to the conclusion that it is necessary to clarify the concept of historical memory in legislation, to unify approaches to such concepts as annihilation, destruction, falsification, deformation, and distortion of historical memory in order to exclude the multiplicity of their interpretation and to develop a unified judicial and investigative practice.

Keywords: historical memory, collective memory, constitutional value, falsification of history, deformation, distortion, destruction, annihilation of historical memory, rehabilitation of Nazism.

For citation: Bychkova, E.I. (2026) Preservation of historical memory is the most important constitutional value of Russia. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 41–48. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.004.

Конституционная реформа, начатая в 2020 году, задала вектор укрепления в российском обществе ряда конституционных ценностей. Впервые текст российской Конституции обогатился такими понятиями, как «вера в Бога», «память предков», «идеалы предков», «тысячелетняя история», «историческая память», «историческая правда». Государство берет на себя обязанность обеспечить защиту исторической правды и сохранения исторической памяти. Следует отметить, что историческая память является основой национальной идентичности и единства многонационального российского народа, а также важным показателем преемственности и стабильности государственно-правовых институтов. Кроме того, эффективное обеспечение национальной безопасности также возможно только при условии наличия в государстве крепких исторических связей. Сохранение исторической памяти — один из важнейших гарантов государственного суверенитета и государственной целостности.

Признание исторической памяти одной из конституционных ценностей и объектом правовой охраны на конституционном уровне явилось ответом государства на сложившиеся вызовы и угрозы российской государственности.

Однако следует уточнить, что понимается под такой категорией, как память, которая может быть рассмотрена в контексте философской, социологической науки, истории, психологии, юриспруденции и иных отраслей знаний.

Согласно словарю С.И. Ожегова, память — это способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта¹.

С точки зрения психологии память — это психическая функция, которая обеспечивает фиксацию (рецепцию, импрегнацию), сохранение (ретенцию) и воспроизведение (репродукцию) различных впечатлений, дает возможность копировать информацию и пользоваться прежним опытом².

Память может быть как индивидуальной, так и коллективной.

Понятие коллективной памяти ввел социолог Морис Хальбвакс в 1925 году. Он выделял

два вида памяти, доступных для человека, — индивидуальную и коллективную. По его мнению, память у человека появляется в процессе социализации. Несмотря на то, что памятью обладает каждый отдельный человек, эта память все же формируется коллективом. Согласно М. Хальбваксу, коллективная память формируется в контексте конкретного времени и проблем, сопутствующих ему. Лидеры группы реконструируют прошлое, выбирают, какие события сохранить в памяти, а какие исключить в соответствии с текущими задачами и общественными проблемами³.

Одной из форм коллективной памяти и является историческая память, которая определяется как способность восприятия и мировой истории, и истории конкретного государства⁴.

Конечно, есть и индивидуальная историческая память, например, воспоминания ветерана боевых действий о событиях войны или воспоминания о членах семьи, прошедших Великую Отечественную войну. Однако в российском законодательстве идет речь, прежде всего, именно о коллективной исторической памяти, которая подвергается сегодня разрушительному воздействию и находится в условиях жёсткой необходимости встать под охрану государства.

Юридически историческая память недавно стала частью системы традиционных духовно-нравственных ценностей нашего общества. Историческая память, как и иные конституционные ценности, является предметом правового регулирования и охраны различной отраслевой принадлежности. Тем не менее как правовая категория историческая память не имеет определения и ее феномен с точки зрения юриспруденции еще недостаточно изучен⁵.

Сохранение исторической памяти — это обязанность государства по созданию комплекса

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2024.

² Жмуров В.А. Общая психопатология. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986.

³ Арбузова А. Они и мы: как коллективная память формируется и влияет на идентичность // РБК. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/646b3caf9a79472b63589571> (дата обращения: 04.06.2026).

⁴ Шевелева К.В. Уголовно-правовые средства защиты исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024.

⁵ Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: опыт социологического исследования / Шамсунов С.Х., Меркурьев В.В., Агапов П.В., Новиков А.В., Радченко Т.В., Шевелева К.В. // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 127—145.

правовых, социальных, экономических, политических и организационных мер, направленных:

- на передачу научно достоверных знаний об истории российской государственности, мировых исторических событиях;
- воспитание ответственного и уважительного отношения к предкам;
- пресечение попыток деформирования исторической памяти.

Попытки и имеющиеся уже факты пересмотра исторического нарратива, информационное противостояние, направленное на разрушение российской государственности, подтверждающее важность и особое значение разработки механизма реализации норм об охране исторической памяти общественного и государственного реагирования.

Можно констатировать, что сегодня формируется многоярусный правовой механизм охраны исторической памяти, который включает в себя как регулятивные, так и охранительные средства. Анализируя механизм охраны исторической памяти, основные нормативные правовые акты, направленные на ее защиту, постараемся сформулировать определение понятия «историческая память».

Механизм включает в себя такие уровни, как:

1. Конституционный, который закладывает ценностные основы исторической правды. Так, в торжественно-декларативной части — в преамбуле Конституции говорится, что Конституция принимается «многонациональным народом Российской Федерации, соединенным общей судьбой на своей земле», который «читает память предков». В ст. 67.1 в ходе конституционной реформы были закреплены важнейшие нормы, укрепляющие позиции России как правопреемника и правопродолжателя Союза ССР относительно членства в международных организациях (что важно, поскольку некоторые недружественные страны оспаривали членство Российской Федерации в Организации Объединенных Наций) и участия в международных договорах.

Внимание государства к защите исторической памяти на конституционном уровне прямо прослеживается и в следующих положениях указанной статьи: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической

правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

2. Стратегический, который посредством документов стратегического планирования определяет долгосрочные цели и задачи государственной политики и основные направления ее реализации в сфере охраны исторической правды. Так, Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая содержит раздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти», закрепляющий, что историческая память является одной из российских традиционных духовно-нравственных ценностей и подлежит государственной защите. Кроме того, Указом Президента РФ от 2 ноября 2023 г. № 817 создана автономная некоммерческая организация «Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации», учредителем которой стало Управление делами Президента Российской Федерации.

В Основах государственной культурной политики, утвержденных Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808, к наиболее опасным для будущего России возможным проявлениям гуманитарного кризиса отнесены в том числе деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России⁶.

Следует обратить внимание и еще на один документ, в котором историческая память определяется как объект охраны, — это Указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35, который вносит изменения в Основы государственной культурной политики. Несомненно, поддержка культурной деятельности напрямую связывается с исторической памятью, ведь культура — это носитель памяти, которая отражается в артефактах культуры (и это не только памятники архитектуры, литературы, это и поля сражений российских войск). Историческая память лежит в основе культурной идентичности народа. Отчасти можно сказать, что культура выбирает, какие исторические события важно запечатлеть в памяти народа. Культура оживляет историческую память и поддерживает ее, тогда как без исторической памяти культура утратила бы связь поколений.

⁶ Петюкова О.Н. Преемственность в сохранении исторической памяти как основа обеспечения государственного суверенитета России // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 32—47.

Примечательно, что рассматриваемый Указ Президента РФ дает определение понятию «культурный суверенитет» и закрепляет, что он непосредственно является фактором, обеспечивающим сохранность исторической памяти.

Нашего внимания в рамках исследуемого вопроса заслуживает и такой документ стратегического планирования, как Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809.

В данном документе выражается опасение, что распространение деструктивной идеологии создает риск разрушения исторической памяти. В качестве решения этой проблемы предлагается повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории.

Сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю, в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России, — это важный элемент государственной политики, направленной на сохранение и укрепление традиционных ценностей.

Среди документов стратегического планирования следует обратить внимание и на Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, где закреплено, что историческое просвещение — это регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества.

Отмечается, что российское общество и государство сегодня столкнулось с такими явлениями, как попытка деформировать историческую память, отрицание исторического вклада России в мировую историю, негативные оценки событий периода Великой Отечественной

войны и др.⁷ Установлено, что для создания эффективного механизма управления в сфере исторического просвещения требуется государственная поддержка общественных объединений, деятельность которых направлена на сохранение исторической памяти, и проектов, реализуемых в данной сфере, в целях противодействия идеологической и информационной агрессии против России.

Определяется и одно из направлений деятельности Правительства Российской Федерации — повышать историческую грамотность путем содействия повышению роли семьи.

3. Охранительный, включающий в себя нормы уголовного и административного права, а также законодательства в сфере профилактики правонарушений.

Прежде чем начать анализ охранительных норм, необходимо четко определить объект правовой охраны. Отметим, что универсального, легального определения понятия «историческая память» в российском законодательстве нет. Это собирательное понятие, которое раскрывается в комплексе норм различных отраслей права.

Следует отметить, что историческая память рассматривается в нескольких плоскостях. Например, к нематериальным элементам может относиться защита исторической правды о событиях Великой Отечественной войны, признанные официально факты, установленные приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге, дни воинской славы, символы воинской доблести и героизма, борьба с фальсификацией истории. Материальной составляющей исторической памяти выступают музеи, памятники, места захоронения, мемориальные комплексы, памятники культуры и истории.

Однако объектом правовой охраны выступает не просто прошлое и информация о нем, а способность общества передавать и сохранять гражданскую идентичность и уникальную культурно-историческую индивидуальность.

В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях можно выделить несколько статей, прямо направленных на

⁷ Бехтерев С.Л. Нюрнбергский процесс и проблема формирования исторической памяти: историко-правовой аспект // Нюрнбергский процесс и его влияние на формирование международной уголовной юстиции: история и современность: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию со дня начала работы первого в истории Международного военного трибунала в Нюрнберге. Ижевск, 2025. С. 14.

защиту исторической памяти. Так, в 2022 году была введена статья 13.48, в которой устанавливается ответственность за отождествление целей, решений и действий руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии и отрицание решающей роли советского народа в разгроме нацистской Германии и гуманитарной миссии СССР при освобождении стран Европы.

Поскольку сохранение исторической памяти во многом связано с эффективностью охраны культурного наследия, то следует отметить и ст. 7.13 — нарушение требований законодательства об охране объектов культурного наследия.

Также административному наказанию подлежит пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ).

Таким образом, административное законодательство направлено на охрану всех элементов исторической памяти — и материальных элементов, и духовно-нравственной составляющей, которая образует основу для формирования гражданской идентичности.

Уголовно-правовая охрана исторической памяти прямо осуществляется несколькими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации:

- ст. 243.4 «Уничтожение, повреждение либо осквернение воинских захоронений, захоронений жертв геноцида советского народа, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов, жертв геноцида советского народа либо посвященных дням воинской славы России»;

- ст. 354.1 «Реабилитация нацизма».

4. Судебный, осуществляющий функцию судебной защиты исторической правды через нормы процессуального права.

Судебная практика защиты исторической памяти в настоящее время пока недостаточно сложилась для серьезного анализа, однако можно на основании данных судебной статистики сделать вывод, что количество преступлений, направленных на уничтожение исторической памяти, а также преступлений, ставших следствием деструктивного воздействия, растет.

Так, в 2022 году по ст. 354.1 УК РФ было осуждено 28 человек, 8 из которых — к лишению свободы. За 2023 год по этой же статье было осуждено 52 человека, 20 из которых — к лишению свободы, за 2024 — 52 человека, 16 из которых приговорены к лишению свободы.

В качестве примера правоприменительной практики можно привести недавний приговор Верховного Суда Республики Татарстан № 2-50/2025 от 26 ноября 2025 г. по делу № 2-50/2025⁸. Так, согласно приговору, в августе 2025 года гражданка М., держа в правой руке сигарету, взойшла ногами в обуви на площадку постамент мемориального сооружения «Памятник жителям Московского района, защищавшим страну в годы Великой Отечественной войны», облицованную гранитными полированными плитами, являющуюся неотъемлемой частью мемориального сооружения, поднесла сигарету к пламени Вечного огня и подожгла сигарету.

Суд отмечает в приговоре, что действия девушки были умышленными, она осознавала, что мемориальное сооружение является символом воинской славы, что вокруг находятся люди, наблюдающие за ее действиями, а она совершает деяние в общественном месте (то есть действует публично). Кроме того, важным элементом состава преступления явилась и цель совершаемого преступления — это выражение презрительно-негативного отношения и публичное осквернение символа воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества. Гражданка М. действовала вопреки нормам морали и нравственности, совершила позорящие, циничные действия, выразила таким образом неуважение к российскому обществу и публично осквернила символ воинской славы России, оскорбила память защитников Отечества. Приговорена судом к штрафу в размере 40 000 руб.

Очевидно, что подобные действия совершаются в результате влияния деструктивных идеологий, деформирующих историческую память, а также вследствие исторической неграмотности.

В качестве дела об административном правонарушении можно привести пример решения Якутского городского суда, в который обратился прокурор с административным иском заяв-

⁸ Приговор Верховного Суда Республики Татарстан № 2-50/2025 от 26 ноября 2025 г. по делу № 2-50/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r7uyjy508v50> (дата обращения: 04.06.2026).

лением. Суть его в том, что в ходе мониторинга сети Интернет прокуратура г. Якутска выявила страницы, доступные для публичного ознакомления неопределенному кругу лиц, на которых размещены изображения с демонстрацией нацистской атрибутики и символики, а также атрибутики и символики, схожей с нацистской атрибутикой и символикой до степени смешения. Прокуратура обратилась с требованием признать размещенную информацию запрещенной и внести страницы данных сайтов в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (далее — реестр)⁹.

Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в Республике Саха (Якутия) представило в суд отзыв, в котором сказано, что исследуемая информация не является запрещенной, однако суд всё-таки усмотрел признаки состава правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП, и постановил внести сайты в соответствующий реестр.

Итак, историческая память — это:

- конституционная ценность;
- одна из традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- предмет регулирования различных отраслей права, то есть понятие междисциплинарное;
- объект административных правонарушений и преступлений;
- совокупность исторически достоверных фактов о прошлом.

Таким образом, историческая память — это конституционная и духовно-нравственная ценность, выражающаяся в совокупности исторически достоверных фактов о прошлом и способности общества передавать их через поколения, формируя коллективную идентичность.

В нормативных правовых актах и в актах стратегического планирования относительно исторической памяти и негативного воздействия на нее встречаются такие понятия, как *уничтожение, разрушение, фальсификация, деформация, искажение* исторической памяти. Необходимо разобраться, как и в каком контексте

данные понятия применяются законодателем и как они разграничиваются, потому что, несмотря на смысловую схожесть, они все же несут различные правовые последствия.

Так, уничтожение и разрушение представляют собой формы физического воздействия на материальные носители исторической памяти (объекты культурного наследия, памятники, захоронения). Их юридическая конструкция наиболее разработана в уголовном праве (ст. 243.4 УК РФ) и предполагает наличие прямого умысла и специальной цели причинения ущерба историко-культурному значению. Уничтожение — это приведение объекта в состояние полной негодности, то есть объект навсегда может потерять культурно-историческое значение, это одна из форм противоправного деяния наряду с повреждением и осквернением воинских захоронений и мемориальных объектов. Разрушение применяется к объектам культурного наследия, имеющим архитектурное и строительное происхождение (здания, ансамбли).

Фальсификация истории — это процесс любого изменения (неверная интерпретация фактов об историческом событии, его переписывание таким образом, чтобы оно отражало интересы определенных субъектов и соответствовало их представлениям и идеалам). В отличие от уничтожения, фальсификация воздействует не на материальный носитель, а на содержание исторического знания — его смысловое и фактологическое наполнение¹⁰.

Фальсификация истории является формой интеллектуального воздействия на содержание исторического знания, направленной на распространение заведомо ложных сведений об исторических событиях. Ее правовая основа — ст. 354.1 УК РФ, однако практика применения сталкивается с проблемами разграничения противоправной деятельности и научной дискуссии.

Термины «деформация исторической памяти» и «искажение исторических фактов» занимают промежуточное положение между уничтожением (как физическим актом) и фальсификацией (как целенаправленным интеллектуальным действием). Деформация, как правило, понимается как процесс постепенного изменения содержания коллективной памяти под влиянием внешних факторов — идеологических, политических, информационных.

⁹ Решение № 2А-11061/2025 2А-11061/2025-М-11093/2025 М-11093/2025 от 1 декабря 2025 г. по делу № 2А-11061/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3DIDZqmhOJQp> (дата обращения: 04.06.2026).

¹⁰ Решение № 2А-11061/2025 2А-11061/2025-М-11093/2025 М-11093/2025 от 1 декабря 2025 г. по делу № 2А-11061/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/3DIDZqmhOJQp> (дата обращения: 04.06.2026).

Деформация и искажение исторической памяти — более широкие социально-правовые феномены, которые могут быть как результатом целенаправленных фальсификаций, так и следствием системных факторов. Они признаются на уровне стратегических документов в качестве угроз национальной безопасности, но не имеют самостоятельной уголовно-правовой квалификации.

Ключевое отличие деформации и искажения от фальсификации заключается в субъективной стороне и характере деяния. Если фальсификация предполагает целенаправленные действия по распространению заведомо ложных сведений, то деформация может быть результатом системных факторов — идеологического давления, информационной войны, несовершенства механизмов трансляции памяти.

Итак, полагаем, что в целях совершенствования механизма сохранения исторической памяти необходимо дальнейшее доктринальное осмысление и законодательное оформление понятия «историческая память» как объекта правовой охраны.

Кроме того, для выработки непротиворечивой и консолидированной концепции правовой охраны исторической памяти необходимо обратить внимание на взаимосвязь между собой документов стратегического планирования, унифицировать подходы к пониманию понятий «уничтожение», «разрушение», «фальсификация», «деформация», «искажение» исторической памяти.

Список литературы

1. Бехтерев С.Л. Нюрнбергский процесс и проблема формирования исторической памяти: историко-правовой аспект // Нюрнбергский процесс и его влияние на формирование международной уголовной юстиции: история и современность: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 80-летию со дня начала работы первого в истории Международного военного трибунала в Нюрнберге. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2025. С. 3—18.
2. Грачева Ю.В., Чалышева Ю.В. Общественная опасность и уголовно-правовая оценка фальсификации национальной истории в компьютерных играх // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5 (129). С. 84—92. doi: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.084-092.

3. Петюкова О.Н. Преемственность в сохранении исторической памяти как основа обеспечения государственного суверенитета России // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 32—47. doi: 10.61205/S160565900034120-6.

4. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: опыт социологического исследования / Шамсунов С.Х., Меркурьев В.В., Агапов П.В., Новиков А.В., Радченко Т.В., Шевелева К.В. // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58). С. 127—145. doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002.

5. Шевелева К.В. Уголовно-правовые средства защиты исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 29 с.

References

1. Bekhterev, S.L. (2025) *Nyurnbergskiy protsess i problema formirovaniya istoricheskoy pamyati: istoriko-pravovoy aspekt* [The Nuremberg trial and the problem of the formation of historical memory: a historical and legal aspect]. In: *Nyurnbergskiy protsess i ego vliyaniye na formirovaniye mezhdunarodnoy ugolovnoy yustitsii: istoriya i sovremennost'*. *Sbornik statey Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya nachala raboty pervogo v istorii Mezhdunarodnogo voennogo tribunala v Nyurnberge*. Izhevsk, Udmurt State University, pp. 3–18. (In Russ.).
2. Gracheva, Yu.V., Chalysheva, Yu.V. (2025) *Obshchestvennaya opasnost' i ugolovno-pravovaya otsenka fal'sifikatsii natsional'noy istorii v komp'yuternykh igrakh* [Social danger and criminal-legal assessment of falsification of national history in computer games]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, no. 5, pp. 84–92. (In Russ.). doi: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.084-092.
3. Petyukova, O.N. (2025) *Preemstvennost' v sokhranении istoricheskoy pamyati kak osnova obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta Rossii* [Continuity in the preservation of historical memory as the basis for ensuring the state sovereignty of Russia]. *Journal of Russian Law*, no. 4, pp. 32–47. (In Russ.). doi: 10.61205/S160565900034120-6.
4. Shamsunov, S.Kh., Merkur'ev, V.V., Agapov, P.V., Novikov, A.V., Radchenko, T.V.,

Sheveleva, K.V. (2022) Ugolovno-pravovaya okhra-
na istoricheskoy pamyati narodov Rossiyskoy
Federatsii o sobytiyakh Vtoroy mirovoy i Velikoy
Otechestvennoy voyn: opyt sotsiologicheskogo
issledovaniya [Protected by criminal law, histo-
rical memory of the peoples of the Russian Fe-
deration of the World War II and the Great
Patriotic War: experience of sociological research].
Penitentiary Science, vol. 16, no. 2, pp. 127–145.
(In Russ.). doi: 10.46741/2686-9764.2022.58.2.002.

5. Sheveleva, K.V. (2024) Ugolovno-pravovye
sredstva zashchity istoricheskoy pamyati narodov
Rossiyskoy Federatsii o sobytiyakh Vtoroy
mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voyn [Criminal
law means of protecting the historical memory of
the peoples of the Russian Federation about the
events of World War II and the Great Patriotic
War]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 29 p.
(In Russ.).

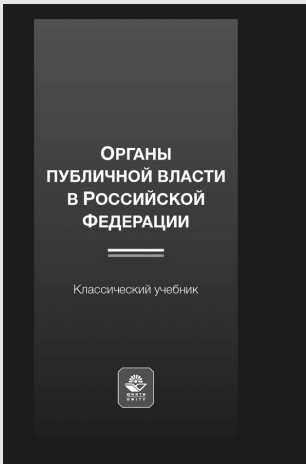
Информация об авторе

Е.И. Бычкова — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Information about the author

E.I. Bychkova – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor, Lieutenant Colonel of Justice.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Органы публичной власти в Российской Федерации: учебник для студен-
тов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч.
ред. Б.С. Эбзеева, К.К. Гасанова; под общ. ред. Л.Т. Чихладзе, Т.Э. Кал-
лагова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2025. — 367 с. — (Серия
«Классический учебник»).

ISBN 978-5-238-04019-6

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию
Российской Федерации в 2020 г. и в законодательство Российской Феде-
рации в связи с конституционной и муниципальной реформой.

Дан анализ сложных юридических конструкций «публичная власть»,
«единая публичная власть». Рассмотрены структурные элементы единой
публичной власти, их взаимодействие, цели, задачи. Показаны измене-
ния правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, слушателей, курсантов, магистрантов и аспи-
рантов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 49—57.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 49–57.

УДК 343.26
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.005

NIION: 2015-0065-02/26-380
MOSURED: 77/27-010-2026-02-579

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения при рецидиве преступлений: опыт и вопросы совершенствования

Татьяна Александровна Зезюлина¹, Наталья Андреевна Горшкова²

¹Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
tatina_zezyulina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4559-434X>

²Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия,
natva33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9210-2076>

Аннотация. В статье изучаются законодательные основы назначения осужденным к лишению свободы видов исправительных учреждений при рецидиве преступлений. Обозначены особенности их определения в зависимости от стигматизации осужденных за рецидив преступлений по гендерным и уголовно-правовым характеристикам. Проанализированы уголовно-правовые и уголовно-исполнительные предпосылки неназначения осужденным к лишению свободы при любом виде рецидива такого вида исправительного учреждения, как колония-поселение. Уточнено понятие «лицо, ранее отбывавшее лишение свободы», и проанализировано влияние данного уголовно-правового статуса на выбор вида исправительного учреждения при рецидиве преступлений. Выявлены проблемы законодательного и правоприменительного порядка, связанные с несовершенством законодательства в указанной области, и предложены пути их устранения посредством внесения изменений в ст. 58 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: множественность преступлений, рецидив преступлений, судимость, категория преступления, назначение наказания, лишение свободы, исправительное учреждение, исправительная колония, тюрьма.

Вклад авторов: Зезюлина Т.А. — анализ и систематизация полученных данных, их верификация, написание текста; Горшкова Н.А. — сбор и изучение научно-теоретического материала, написание текста.

Для цитирования: Зезюлина Т.А., Горшкова Н.А. Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения при рецидиве преступлений: опыт и вопросы совершенствования // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 49—57. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.005.

Assigning a type of correctional facility to persons sentenced to imprisonment for recidivism: experience and issues of improvement

Tatyana A. Zezyulina¹, Natalya A. Gorshkova²

¹Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia,
tatina_zezyulina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4559-434X>

²Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia,
natva33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9210-2076>

Abstract. The article examines the legislative basis for assigning types of correctional institutions to persons sentenced to imprisonment in case of recidivism. The features of their definition are outlined depending on the stigmatization of those convicted of recidivism according to gender and criminal law characteristics. The article analyzes the criminal law and penal enforcement prerequisites for non-assignment a colony-settlement to a convicted person for any type of recidivism. The concept of “a person who has previously served a prison sentence” is clarified, and the influence of this criminal status on the choice of the type of correctional institution in case of recidivism is analyzed. The problems of the legislative and law enforcement order related to the imperfection of legislation in this area have been identified, and ways to eliminate them have been proposed through amendments to Art. 58 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: multiple crimes, recidivism, criminal record, category of crime, sentencing, imprisonment, correctional institution, penal colony, prison.

Contribution of the authors: Zezyulina T.A. — data analysis, systematization and verification, text writing; Gorshkova N.A. — collection and study of scientific and theoretical materials, text writing.

For citation: Zezyulina, T.A. & Gorshkova, N.A. (2026) Assigning a type of correctional facility to persons sentenced to imprisonment for recidivism: experience and issues of improvement. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 49–57. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.005.

Введение. Сложные геополитические и внутриполитические процессы, с которыми сталкивается Российская Федерация в последние годы, требуют укрепления ее внутренней безопасности и консолидации граждан. Препятствий к этому довольно много. Одним из них выступает преступная деятельность отдельных граждан, некоторые из которых склонны к повторному совершению преступлений. Этот феномен получил уголовно-правовое закрепление в ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) в качестве рецидива преступлений.

В современной структуре российской преступности за период с 2020 по 2025 г. хотя и наблюдается тенденция снижения общего количества лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за совершение повторных преступлений, но их качественная характеристика свидетельствует о превалировании тех, кто представляет повышенную общественную опасность. Так, ежегодно порядка 56 % всех выявляемых лиц совершают преступления повторно, из них 51 % ранее судимы, а у порядка 3,5 % данные преступления признаются опасным или особо опасным рецидивом¹. Количество осуждаемых, признанных судами Российской Федерации совершившими преступления при рецидиве, ежегодно составляет порядка 15 % от общего количества осужденных в нашей стране, при опасном рецидиве — 2 %, при особо опасном рецидиве — 0,9 %².

Исходя из приведенной официальной статистики, более 50 % лиц, совершающих повторные преступления, являются уже ранее судимыми, а порядка 18 % осуждаемых признаются совершившими преступления при различных видах рецидива преступлений. Это само по себе свидетельствует об определенных недостатках реализации уголовной политики на современном этапе, а также об имеющихся организаци-

онно-правовых проблемах, среди которых можно отметить несовершенство существующего института уголовной ответственности за повторно совершенные преступления, в том числе института рецидива преступлений; пробельность в процессе достижения целей наказания; слабую реализацию нового института постпенитенциарной поддержки бывших осужденных (системы пенитенциарной и постпенитенциарной probation³).

Кроме того, установлено преимущественное осуждение лиц, допустивших рецидив преступлений, к наказанию в виде лишения свободы⁴, что неизбежно формирует необходимость выбора вида исправительного учреждения (далее — ИУ), в котором такие лица будут отбывать данный вид наказания. С учетом повышенной опасности категории осужденных при рецидиве преступлений уголовный и уголовно-исполнительный законы сформировали правовые стандарты, в соответствии с которыми им определяются и назначаются виды ИУ, в которых реализуется последующий процесс достижения целей наказания.

Основная часть. Термин «назначение осужденным к лишению свободы вида ИУ» следует признать доктринальным, поскольку в уголовном законе его официального толкования не приводится. Под указанным термином О.Р. Шайхисламова понимает «выбор и указание судом в приговоре в соответствии с уголовным и уголовно-исполнительным законодательством модели учреждения, исполняющего реальное лишение свободы, предназначенной для достижения целей наказания в отношении конкретного лица, совершившего преступление»⁵. Соответственно, указанный термин можно рассматривать как минимум с двух позиций — как процесс и как результат. В качестве процесса назначение осужденным к лишению свободы

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 г. по январь — декабрь 2025 г. // Министерство внутренних дел России: [официальный сайт]. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 15.03.2025).

² Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2020 г. — 6 месяцев 2025 г. (форма № 11.2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 15.03.2026).

³ О probation в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ: в ред. от 29 мая 2024 г. № 108-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 6, ст. 917; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3046.

⁴ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2020 г. — 6 месяцев 2025 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [официальный сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 15.03.2026).

⁵ Шайхисламова О.Р. Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 9.

вида ИУ представляет собой нормативно определенную процедуру соотнесения судом тяжести совершенного преступления с установленным в ст. 58 УК РФ видом ИУ и мотивировку принимаемого решения в пользу выбора того или иного ИУ. Как результат назначение осужденным к лишению свободы вида ИУ состоит в указании в резолютивной части обвинительного приговора вида ИУ, в котором осужденному определено отбыть назначенный срок лишения свободы.

В свою очередь, П.В. Тепляшин верно охарактеризовал предназначение современных учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в том числе ИУ, подчеркнув, что они «выступают неотъемлемым элементом механизма государственной власти и субъектом реализации уголовной политики государства, являются итоговым звеном процесса противодействия преступности, проводят деятельность по реализации всех видов probation»⁶. Исчерпывающий перечень видов ИУ, при помощи деятельности администрации которых достигаются цели наказания в виде лишения свободы и реализуется исправительное воздействие на осужденных, обозначен в ст. 58 УК РФ и ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее — УИК РФ), а порядок отбывания лишения свободы в них дополнительно определен Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»⁷ и Правилами внутреннего распорядка⁸.

⁶ Тепляшин П.В. Некоторые вопросы структуры учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы комплекса международных научно-практических конференций, 15–16 мая 2025 г. Т. 1. СПб, 2025. С. 211.

⁷ Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: закон от 21 июля 1993 г. № 5473-1: в ред. от 29 мая 2024 г. № 126-ФЗ // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316; Собрание законодательства РФ. 2024. № 23, ч. 1, ст. 3064.

⁸ Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110: в ред. от 30 сентября 2025 г. № 248 // Официальный интернет-портал правовой информации: [официальный сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.03.2026).

В отличие от процедуры назначения наказания, в процессе определения (выбора) вида ИУ лицам, совершившим рецидив преступлений, необходимо в обязательном порядке руководствоваться видами допущенного ими рецидива, установленными в ч. 2, 3 ст. 18 УК РФ. По мнению И.Г. Возжанниковой, «законодательство сузило возможности судебного усмотрения и установило достаточно строгие ограничения, связанные с формой вины, сроком наказания, категорией преступления»⁹. В указанном контексте уголовный закон устанавливает четкие критерии, содержащиеся в ст. 58 УК РФ, строго предписывающие определять осужденному вид ИУ в первую очередь в зависимости от вида допущенного им рецидива преступлений.

Верховный Суд РФ в п. 1 постановления Пленума от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» указал, что «назначение вида исправительного учреждения в соответствии со статьями 58 УК РФ обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности, реализацию принципов справедливости и гуманизма, достижение целей наказания, а также индивидуализацию исполнения наказания в отношении лица, осужденного к лишению свободы»¹⁰. В таблице 1 отражена общая схема распределения осужденных в зависимости от пола и допущенного вида рецидива преступлений по видам ИУ. Это своего рода уголовно-правовая классификация по видам ИУ осужденных, допустивших разные виды рецидива преступлений, которая обладает определенными отличительными особенностями, нуждающимися в последовательной характеристике.

В первую очередь отметим, что всем категориям осужденных при рецидиве преступлений не может быть назначено отбывание лишения свободы в колонии-поселении, как наименее строгим виде ИУ. На наш взгляд, это предопределено общественной опасностью личностей рецидивистов, в отношении которых необходимо реализовывать более строгие меры исправительного воздействия, что не позволяет сделать режим, установленный в колонии-поселении и регламентированные в них условия отбывания наказания.

⁹ Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2014. С. 89.

¹⁰ О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9: в ред. от 26 ноября 2024 г. № 36 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 7; 2025. № 1.

Таблица 1

Распределение осужденных при рецидиве преступлений по видам ИУ
(согласно ст. 58 УК РФ)

Вид ИУ	Вид рецидива	Категория осужденных
ИК общего режима	рецидив; опасный рецидив; особо опасный рецидив	женщины
ИК строгого режима	рецидив; опасный рецидив	мужчины, ранее отбывавшие лишение свободы
ИК особого режима	особо опасный рецидив	мужчины
Тюрьмы(часть срока наказания)	особо опасный рецидив	мужчины

Так, согласно ст. 129 УИК РФ для осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях, установлены весьма льготные условия. Среди прочего это содержание без охраны, свободное передвижение по территории колонии-поселения, свободное передвижение без надзора вне колонии-поселения, но в пределах муниципального образования, ношение гражданской формы одежды, возможность проживания вне территории колонии-поселения и т. д. Очевидно, что подобные условия отбывания лишения свободы являются, скорее, поощрением, нежели наказанием, хотя и ограничивают определенную свободу осужденных. В связи с этим нахождение в таких условиях лиц, допустивших рецидив преступлений, идет вразрез с необходимостью реализации в отношении них более строгих мер ответственности и наказания по сравнению с теми категориями осужденных, которые не допустили рецидива преступлений.

Вместе с тем осужденным, допустившим рецидив преступлений, предоставлена возможность по решению суда быть переведенными в колонию-поселение через определенный период времени. Соответствующие правила закреплены в ч. 1—3 ст. 78 УИК РФ. Такие осужденные должны в обязательном порядке положительно характеризоваться и получить разрешение на перевод со стороны администрации того ИУ, в котором они отбывают наказание. Именно такой правовой посыл можно расценивать в качестве поощрения для данных осужденных, поскольку, как подчеркнула Л.Е. Прихожая, «в процессе исполнения наказания учитывается изменившееся поведение осужденных, дос-

тижение (недостижение) определенной степени исправления»¹¹.

Примечательно, что осужденным женщинам при любом виде рецидива не может быть назначен иной вид ИУ, кроме исправительной колонии общего режима. Здесь прослеживается гуманизм законодателя именно к особой категории осужденных, выделенной по гендерному признаку. В основу такого подхода заложено понимание того, что на женщин государство возлагает демографическую миссию и что даже те из них, которые совершили особо опасные преступления, не могут подвергаться более суровой ответственности, нежели мужчины. Также стоит учитывать и то, что доля женщин, осуждаемых за рецидив преступлений, не так велика. Исследования других специалистов¹², а также проведенный нами анализ статистики продемонстрировали, что в среднем ежегодно рецидив преступлений допускает порядка 9 % от общего количества осужденных женщин, в общей массе осужденных за рецидив преступлений доля женщин ежегодно составляет также примерно 9,5 %¹³. Это сравнительно неболь-

¹¹ Прихожая Л.Е. Проблемы раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 1. С. 23.

¹² Денисов А.Д. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1—4), № 3. С. 273.

¹³ Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2020 г. — 6 месяцев 2025 г. (форма № 11.2) (дата обращения: 15.03.2026).

шие показатели, свидетельствующие о прева-
лировании лиц мужского пола среди тех, кто
допускает рецидив преступлений.

Вместе с тем есть ученые, критикующие
содержание ст. 58 УК РФ в части избрания вида
ИУ осужденным женщинам, допустившим ре-
цидив преступлений. Так, Н.В. Заярная предла-
гает модифицировать п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ,
формулируя его новое содержание следующим
образом: «...а также женщинам, осужденным к
лишению свободы, кроме перечисленных в п. „а”
настоящей статьи»¹⁴. По мнению автора, в ука-
занной диспозиции законодатель упустил из
виду необходимость указать об осуждении жен-
щин при любом виде рецидива именно к лише-
нию свободы. На наш взгляд, такое уточнение
является лишним, поскольку сама ст. 58 УК
РФ, исходя из ее названия, уже дает понять, о
чем именно в ней идет речь.

Другое, о чем более важно задуматься в кон-
тексте ответственности женщин за рецидив пре-
ступлений, — это нивелирование законодатель-
ной позиции, содержащейся в ч. 5 ст. 18 УК РФ,
определяющей, что «рецидив преступлений вле-
чет более строгое наказание». Получается, что
назначение женщинам при любом виде рецидива
исправительной колонии общего режима нарав-
не с другими категориями женщин, осужденных
за совершение тяжких и особо тяжких преступ-
лений, не позволяет признать, что первой катего-
рии назначено более строгое наказание. В этой
части мы солидарны с мнением Е.А. Жарких,
особо подчеркнувшей непоследовательность за-
конодателя при определении пределов наказае-
мости содеянного при рецидиве преступлений¹⁵.

Более того, существуют примеры пригово-
ров судов, где осужденным женщинам за со-
вершение рецидива преступлений было назна-
чено отбывание наказания в колонии-поселе-
нии¹⁶. В подобных ситуациях суды руководству-
ются положениями п. 8 постановления Плену-
ма Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9
«О практике назначения и изменения судами

видов исправительных учреждений», согласно
которому «судам необходимо учитывать, что
лицам женского пола, осужденным к лишению
свободы за совершение умышленных тяжких и
особо тяжких преступлений, независимо от вида
рецидива преступлений отбывание лишения
свободы назначается в исправительной колонии
общего режима, а в остальных случаях, в том
числе при осуждении за преступления неболь-
шой или средней тяжести, совершенные при
любом виде рецидива преступлений, а равно за
тяжкие преступления, совершенные по неосто-
рожности, — по правилам пункта „а” части 1
статьи 58 УК РФ, согласно которым отбывание
лишения свободы назначается в колонии-посе-
лении, если суд с учетом обстоятельств совер-
шения преступления и личности виновного не
примет мотивированное решение о назначении
отбывания этого наказания в исправительной
колонии общего режима».

Вместе с тем ученые, проводившие исследо-
вания по данной проблематике в более ранние
периоды, настаивали на необходимости пере-
смотра назначения вида ИУ женщинам, в том
числе при различных видах рецидива преступ-
лений¹⁷. Однако в современных условиях мы не
считаем необходимым радикально менять су-
ществующую систему пенальной политики в от-
ношении лиц женского пола. Здесь скорее сле-
дует идти по пути дифференциации сроков ли-
шения свободы по весьма простой формуле: чем
опаснее вид допущенного женщиной рецидива,
тем более длительный срок лишения свободы
необходимо назначить.

Следующая особенность назначения видов ИУ
при рецидиве преступлений состоит в невозмож-
ности назначения осужденным мужчинам, до-
пустившим рецидив или опасный рецидив пре-
ступлений, отбывания лишения свободы в ис-
правительной колонии строгого режима, если они
ранее не отбывали лишения свободы. Такой за-
прет следует из лингвистического толкования
п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ. Вместе с тем возникает
логичный вопрос относительно того, какой вид
ИУ необходимо назначать такой категории осуж-
денных. Данный вопрос возникал у исследова-
телей института рецидива преступлений сразу

¹⁴ Заярная Н.В. Уголовно-правовая регламентация ре-
цидива преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид.
наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 8.

¹⁵ Жарких Е.А. Институт рецидива преступлений: ге-
незис понятия и трансформация системно-структур-
ного и функционально-ролевого содержания: автореф.
дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. С. 14.

¹⁶ Приговор Печенгского районного суда № 1-6/2025
1-87/2024 от 28.04.2025 по делу № 1-6/2025 // Судеб-
ные и нормативные акты Российской Федерации:
[сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/5aBW2GRsjnU8
(дата обращения: 15.03.2026).

¹⁷ Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном и уго-
ловно-исполнительном законодательстве Российской
Федерации: влияние на реализацию принципов равен-
ства граждан перед законом, справедливости и гума-
низма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивос-
ток, 2009. С. 11.

после принятия УК РФ¹⁸ и до сих пор остается нерешенным в правовом поле.

Здесь необходимо уточнить, какая категория осужденных относится к числу «ранее отбывавших лишение свободы» в контексте признания рецидива преступлений исходя из содержания п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений», а именно:

а) лицо, ранее содержавшееся в ИУ, независимо от того, снята или погашена судимость за ранее совершенное преступление;

б) лицо, условно осужденное к лишению свободы, которое по основаниям, изложенным в ч. 3, 4 и 5 ст. 74 УК РФ, было направлено для отбывания лишения свободы в ИУ;

в) лицо, осужденное к лишению свободы, которое по отбытии части срока наказания освобождено из ИУ досрочно на основании применения положений ст. 79, 80, 80.2, 81, 84, 85 УК РФ;

г) лицо, осужденное к иным видам наказания, которые при злостном нарушении их отбывания были заменены лишением свободы согласно ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53.1 УК РФ;

д) лицо, осужденное к лишению свободы по приговору суда другого государства, которое в связи с последующей передачей его в Россию для дальнейшего отбывания наказания отбывало лишение свободы в исправительном учреждении Российской Федерации в соответствии с судебным решением о признании и об исполнении приговора иностранного государства;

е) лицо, осужденное к лишению свободы, освобожденное условно от дальнейшего отбывания наказания из исправительного учреждения в связи с прохождением военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время в соответствии со ст. 80.2 УК РФ и ч. 8 ст. 173 УИК РФ.

Позволим себе не разделить мнение некоторых специалистов, полагающих, что к категории «ранее отбывавшие лишение свободы» необходимо также относить тех осужденных, что были освобождены от отбывания лишения свободы с предоставлением отсрочки его отбывания на основании положений ст. 82, 82.1 УК

РФ¹⁹. Если такие лица фактически даже не начинали отбывать лишение свободы, то они не могут признаваться «ранее отбывавшими лишение свободы». При этом не следует смешивать категории «судимость» и «отбывание наказания», поскольку это разные правовые основания, формирующие различные состояния осужденных, на что обращают особое внимание специалисты²⁰. В иных случаях, когда предоставленная таким осужденным отсрочка была аннулирована (отменена) и их по решению суда обязали прибыть в ИУ для исполнения приговора, можно считать, что они начали отбывать лишение свободы, даже если физически уклонились от самостоятельного прибытия в ИУ и были объявлены в розыск. Такой подход полностью соответствует позиции Верховного Суда РФ, отраженной в п. 11 постановления Пленума от 29 мая 2014 г. № 9, а именно: «при назначении вида исправительного учреждения ранее отбывавшим лишение свободы следует считать лицо, которое за совершенное им в прошлом преступление отбывало наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, воспитательной колонии, тюрьме, лечебном исправительном учреждении либо следственном изоляторе в случаях, указанных в части 1 статьи 74 УИК РФ, если судимость за это преступление не была снята или погашена на момент совершения нового преступления».

Таким образом, для осужденных мужчин, допустивших рецидив или опасный рецидив преступлений, если они ранее не отбывали лишение свободы, должна назначаться исправительная колония общего режима. Но подчеркнем, что в уголовном законе об этом ничего не сказано. Такое положение дел, на наш взгляд, порождает правовую неопределенность. В целях ее избежания и приведения содержания ст. 58 УК РФ в логично-структурированный вид считаем, что п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ требует дополнения соответствующим указанием: «*мужчинам, осужденным к лишению свободы при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее не отбывал лишение свободы*».

Далее обратим внимание на то, что отбывание лишения свободы в тюрьме может назна-

¹⁸ Тосакова Л.С. Назначение наказания при рецидиве преступлений по действующему уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1997. С. 15.

¹⁹ Суменков А.К. Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 8.

²⁰ Сюзаев И.И., Лысова П.К. Спорные вопросы назначения вида исправительного учреждения // Уголовное право. 2023. № 8. С. 38.

чаться исключительно мужчинам, совершившим преступления при особо опасном рецидиве, а период их пребывания в ней ограничен определенным судом количеством лет, после чего такие осужденные переводятся для отбывания оставшегося срока лишения свободы в исправительную колонию особого режима. По общему правилу, суд засчитывает время содержания осужденного под стражей до вступления в законную силу обвинительного приговора в срок отбывания наказания в тюрьме (ч. 2 ст. 58 УК РФ), и расчет происходит по формуле «один день содержания под стражей равен одному дню отбывания наказания в тюрьме» (п. «а» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ). Но вместе с тем, как правильно отметила в своем исследовании Т.А. Зезюлина, «законом не регламентировано минимальное и предельное количество дней, месяцев, лет, которые осужденному в обязательном порядке необходимо пробыть в тюрьме»²¹. Соответственно, в отношении осуждаемых, совершивших преступления при особо опасном рецидиве, какую именно часть срока они пробудут в тюрьме, решается в каждом случае индивидуально с учетом всех обстоятельств совершенного преступления и с опорой на судебное усмотрение, которое, как мы понимаем, в этой части весьма широкое.

Условия отбывания лишения свободы в тюрьмах подробно регламентированы ст. 131 УИК РФ и предполагают самую строгую изоляцию осужденных в запираемых общих либо одиночных камерах, а также иные ограничения их законных интересов по сравнению с другими видами ИУ. В силу такой крайней изоляции отбывание части срока наказания осужденным, совершившим особо опасный рецидив, является скорее исключением, чем правилом. О таком исключительном подходе свидетельствует минимальное количество лиц, которым суды назначают отбывание части срока в тюрьме.

Закключение. Определение вида ИУ осужденным, признанным виновными в совершении преступлений при рецидиве, следует рассматривать как нормативно определенный процесс и как юридически императивный результат, отраженный в обвинительном приговоре суда.

Избрание судом конкретного вида ИУ зависит, во-первых, от гендерной принадлежности

осуждаемого (мужчина или женщина), во-вторых, от вида допущенного рецидива (ст. 18 УК РФ), за исключением рецидива и опасного рецидива, отбывание наказания за которые мужчинам определяется в исправительной колонии строгого режима.

Наличие в действиях осужденного особо опасного рецидива преступлений формирует самый строгий подход к выбору вида ИУ, обусловленный необходимостью назначения отбывания всего срока лишения свободы в исправительной колонии особого режима и определенной части срока (на усмотрение суда) — в тюрьме.

Установленные в ходе исследования противоречия в содержании ст. 58 УК РФ позволили сформулировать следующие предложения по изменению уголовного закона в области регулирования правил назначения осужденным к лишению свободы вида ИУ при рецидиве преступлений: дополнить п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ положением следующего содержания — *«мужчинам, осужденным к лишению свободы при рецидиве или опасном рецидиве преступлений, если осужденный ранее не отбывал лишения свободы»*.

Список литературы

1. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2014. 112 с.
2. Денисов А.Д. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1—4), № 3. С. 269—273. doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.269-273.
3. Дядюн К.В. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. 25 с.
4. Жарких Е.А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого содержания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 32 с.
5. Заярная Н.В. Уголовно-правовая регламентация рецидива преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 28 с.
6. Зезюлина Т.А. Правила назначения отбывания части срока наказания в тюрьме: вопросы современной теории и практики // Пенитен-

²¹ Зезюлина Т.А. Правила назначения отбывания части срока наказания в тюрьме: вопросы современной теории и практики // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 1 (19). С. 96.

циарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 1 (19). С. 94—97.

7. Прихожая Л.Е. Проблемы раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 1. С. 22—25. doi: 10.18572/2072-4438-2020-1-22-25.

8. Суменков А.К. Рецидив преступлений и проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 23 с.

9. Сюбаев И.И., Лысова П.К. Спорные вопросы назначения вида исправительного учреждения // Уголовное право. 2023. № 8. С. 35—40. doi: 10.52390/20715870_2023_8_35.

10. Тепляшин П.В. Некоторые вопросы структуры учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Петербургские пенитенциарные конференции: материалы комплекса международных научно-практических конференций, 15—16 мая 2025 г. Т. 1. СПб: Университет ФСИН России, 2025. С. 211—213.

11. Тосакова Л.С. Назначение наказания при рецидиве преступлений по действующему уголовному законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1997. 17 с.

12. Шайхисламова О.Р. Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.

References

1. Vozzhannikova, I.G. (2014) Retsidiv kak vid mnozhestvennosti prestupleniy [Recidivism as a type of multiple crimes]. Monograph. Moscow, Kontrakt, 112 p. (In Russ.).

2. Denisov, A.D. (2019) Sotsial'no-demograficheskaya i ugolovno-pravovaya kharakteristika osuzhdennykh, sovershivshikh prestuplenie pri retsidive [Socio-demographic and criminal-legal characteristics of convicts who committed a crime during recidivism]. *Penal Law*, vol. 14 (1-4), no. 3, pp. 269–273. (In Russ.). doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.269-273.

3. Dyadyun, K.V. (2009) Gendernyy podkhod v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii: vliyanie na realizatsiyu printsipov ravenstva grazhdan pered zakonom, spravedlivosti i gumanizma [Gender approach in the criminal and penal enforcement legislation of the Russian Federation: impact on the implementation of the principles of equality of citizens before the law, justice and humanism].

Abstract of Ph. D. thesis. Vladivostok, 25 p. (In Russ.).

4. Zharkikh, E.A. (2019) Institut retsidiva prestupleniy: genezis ponyatiya i transformatsiya sistemno-strukturnogo i funktsional'no-rolevogo soderzhaniya [Institute of recidivism: the genesis of the concept and the transformation of the system-structural and functional-role content]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 32 p. (In Russ.).

5. Zayarnaya, N.V. (2008) Ugolovno-pravovaya reglamentatsiya retsidiva prestupleniy [Criminal law regulation of recidivism]. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 28 p. (In Russ.).

6. Zedulina, T.A. (2019) Pravila naznacheniya otbyvaniya chasti sroka nakazaniya v tyur'me: voprosy sovremennoy teorii i praktiki [Rules of appointment serving part of the sentence in prison: questions of modern theory and practice]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika*, no. 1, pp. 94–97. (In Russ.).

7. Prikhozhaya, L.E. (2020) Problemy razdel'nogo soderzhaniya osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Issues of separate placement of convicts in penitentiary facilities]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, no. 1, pp. 22–25. (In Russ.). doi: 10.18572/2072-4438-2020-1-22-25.

8. Sumenkov, A.K. (2003) Retsidiv prestupleniy i problemy ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody [Recidivism of crimes and problems of execution of punishment in the form of imprisonment]. Abstract of Ph. D. thesis. Ryazan, 23 p. (In Russ.).

9. Syubaev, I.I., Lysova, P.K. (2023) Spornye voprosy naznacheniya vida ispravitel'nogo uchrezhdeniya [Controversial issues of assignment of the type of correctional institution]. *Ugolovnoe pravo*, no. 8, pp. 35–40. (In Russ.). doi: 10.52390/20715870_2023_8_35.

10. Teplyashin, P.V. (2025) Nekotorye voprosy struktury uchrezhdeniy i organov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Rossiyskoy Federatsii [Some issues of the structure of institutions and bodies of the penal system of the Russian Federation]. In: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii. Materialy kompleksa mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsiy, May 15–16, 2025. Vol. 1*. Saint Petersburg, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, pp. 211–213. (In Russ.).

11. Tosakova, L.S. (1997) Naznachenie nakazaniya pri retsidive prestupleniy po deystvuyushchemu ugovolnomu zakonodatel'stvu [The appointment of punishment in case of recidivism of a crime under the current criminal legislation]. Abstract of Ph. D. thesis. Kazan, 17 p. (In Russ.).

12. Shaykhislamova, O.R. (2005) Naznachenie osuzhdeniy k lisheniyu svobody vida ispravitel'nogo uchrezhdeniya [Assignment of a type of correctional institution to persons sentenced to imprisonment]. Abstract of Ph. D. thesis. Saratov, 26 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.А. Зезюлина — заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент;

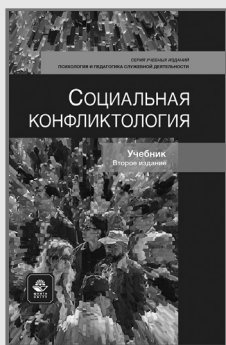
Н.А. Горшкова — заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

T.A. Zezyulina – Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Investigator Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor;

N.A. Gorshkova – Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Социальная конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / под науч. ред. И.В. Грошева, А.Н. Сухова; под общ. ред. И.И. Аминова. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03933-6

В учебнике раскрываются понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и классификация. Особое внимание уделяется освещению истории развития как западной, так и отечественной социальной конфликтологии. Излагается социально-психологический подход к пониманию различных видов конфликта.

Содержатся не только теоретические, но и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Анализируются различные технологии их превенции.

Для студентов-бакалавров и магистрантов, обучающихся по гуманитарным специальностям, в том числе психологов, социологов, политологов, социальных работников, юристов, экономистов, преподавателей, менеджеров, политиков и госслужащих.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 58—63.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 58–63.

УДК 343.988:343.72
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.006

NIION: 2015-0065-02/26-381
MOSURED: 77/27-010-2026-02-580

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Основные меры виктимологической профилактики преступности в киберпространстве

Армен Жораевич Саркисян

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, 7700153@gmail.com

Аннотация.

Постановка проблемы: цифровизация общества влечёт устойчивый рост преступности в киберпространстве, при этом традиционные методы предупреждения преступлений не в полной мере учитывают специфику виктимного поведения пользователей информационно-телекоммуникационных сетей.

Цель исследования: выявить и систематизировать основные меры виктимологической профилактики киберпреступности, определить их уровни и соотношение с общекриминологическими превентивными мерами.

Методы: использованы формально-логический, системно-структурный, сравнительно-правовой и аналитический методы, а также контент-анализ научных публикаций.

Результаты и выводы: установлено, что виктимологическая профилактика в киберпространстве включает общий и индивидуальный уровни, реализуемые через легальный, академический, институциональный, технический и идеологический инструменты; предложена авторская классификация мер профилактики и обоснована необходимость их законодательного закрепления.

Ключевые слова: киберпреступность, виктимологическая профилактика, кибервиктимизация, цифровая безопасность, предупреждение преступлений, виктимность.

Для цитирования: Саркисян А.Ж. Основные меры виктимологической профилактики преступности в киберпространстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 58—63. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.006.

The main measures of victimological cybercrime prevention

Armen Zh. Sarkisyan

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, 7700153@gmail.com

Abstract.

Statement of the problem: The digitalization of society leads to a steady increase in crime in cyberspace, while traditional crime prevention methods do not fully account for the specific features of victimization of information and telecommunication network users.

Purpose of the study: to identify and systematize the main measures of victimological prevention of cybercrime, to determine their levels and correlation with general criminological preventive measures.

Methods: formal-logical, system-structural, comparative-legal and analytical methods, and content analysis of scientific publications.

Results and conclusions: The article establishes that victimological prevention in cyberspace includes general and individual levels implemented through legal, academic, institutional, technical and ideological tools. The author proposes an original classification of preventive measures and justifies the need for their legislative consolidation.

Keywords: cybercrime, victimological prevention, cyber victimization, digital security, crime prevention, victimhood.

For citation: Sarkisyan, A.Zh. (2026) The main measures of victimological cybercrime prevention. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 58—63. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.006.

Введение

Современное информационное общество характеризуется устойчивой тенденцией к росту преступности в киберпространстве. По данным МВД России, удельный вес преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ежегодно увеличивается, что требует поиска новых эффективных инструментов предупреждения. Одним из таких инструментов выступает виктимологическая профилактика — комплекс мер, направленных не только на нейтрализацию противоправных намерений преступника, но прежде всего на снижение виктимности потенциальных жертв.

Виктимологический подход к предупреждению преступности базируется на идее, высказанной ещё Ч. Беккариа: предупреждать преступления значительно эффективнее, чем карать за их совершение. Применительно к киберпространству данная идея приобретает особую значимость, поскольку анонимность, трансграничность и технологическая динамика делают традиционные уголовно-правовые меры воздействия недостаточными. Необходима самостоятельная система мер виктимологической профилактики, ориентированная на потенциальную жертву цифровых преступлений.

Настоящая статья посвящена анализу основных мер виктимологической профилактики преступности в киберпространстве с учётом мнений ведущих учёных в данной области. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, ростом числа кибержертв, а с другой — явной недостаточностью законодательного регулирования виктимологической профилактики в Российской Федерации.

1. Понятие и значение виктимологической профилактики в киберпространстве

В науке сложились различные подходы к понятию виктимологической профилактики. В.И. Полубинский понимал её как деятельность, направленную на «приобщение человека к социальному опыту, формирование у него положительных личностных качеств, поднятие уровня сознания до высоты общественного в целях уменьшения индивидуальной виктимности»¹. Данное определение, сформированное применительно к традиционной преступности, сохраня-

ет методологическую ценность и для киберпространства, однако нуждается в существенной адаптации.

Д.В. Жмуров, разрабатывающий концептуальные основы кибервиктимологии, определяет общую виктимологическую профилактику на общесоциальном уровне как «деятельность, направленную на устранение и нейтрализацию факторов, способствующих виктимизации общества, сокращение показателей массовой виктимности граждан»². Учёный разграничивает два ключевых уровня превенции — общий и индивидуальный, указывая, что они не конкурируют, а взаимодополняют друг друга.

Е.А. Родина справедливо подчёркивает, что виктимологическое предупреждение преступлений в киберпространстве представляет собой специфический вид деятельности, отличающийся от традиционной виктимологической профилактики прежде всего особенностями объекта воздействия — личности, реализующей активность в цифровой среде³. По мнению исследователя, отсутствие у пользователей минимальных навыков цифровой гигиены превращает их в группу повышенного виктимного риска.

Н.А. Гришко рассматривает виктимологический подход к защите жертв киберпреступлений как «системную превентивную деятельность», выделяя в поведенческой модели жертвы когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты⁴. Данная трёхкомпонентная модель позволяет адресно воздействовать на каждый из источников виктимности.

Таким образом, виктимологическая профилактика преступности в киберпространстве — это системная деятельность правоохранительных органов, государственных структур, гражданского общества и самих пользователей, направленная на выявление, нейтрализацию и устранение факторов, детерминирующих виктимизацию в информационно-телекоммуникационной среде, а также на снижение виктимного потенциала конкретных лиц и социальных групп.

¹ Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М., 1980.

² Жмуров Д.В. Общая виктимологическая профилактика киберпреступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 136.

³ Родина Е.А. Виктимологическое предупреждение преступлений в киберпространстве // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 19. С. 510—524.

⁴ Гришко Н.А. Защита потенциальных жертв киберпреступлений: виктимологический подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 5. С. 236, 237.

2. Общие меры виктимологической профилактики

Д.В. Жмуров систематизирует меры общей виктимологической профилактики, выделяя пять взаимосвязанных уровней⁵. Первый — легальный уровень — предполагает формирование виктимологического законодательства, включая разработку нормативно-правовых механизмов защиты жертв киберпреступлений, уточнение понятийного аппарата в сфере информационной безопасности. Применительно к российскому праву данный уровень приобретает особую актуальность ввиду отсутствия в УК РФ легального определения киберпреступления.

Второй уровень — академический — связан с активизацией виктимологических исследований цифровой среды. В.П. Кириленко и Г.В. Алексеев подчёркивают, что системное изучение виктимизации пользователей в интернет-пространстве позволяет формировать эффективные правовые стандарты противодействия⁶. Без развитой научной базы принимаемые превентивные меры неизбежно отстают от стремительно эволюционирующих форм киберпреступности.

Третий уровень — институциональный — охватывает администрирование и организацию превентивных процессов в цифровой среде. А.П. Суходолов, Л.А. Колпакова и Б.А. Спасенников указывают, что эффективное противодействие преступности в сфере цифровой экономики невозможно без чёткой системы межведомственного взаимодействия и координации усилий государственных органов⁷. На институциональном уровне выделяются организационная, информационная, дидактическая, координационная и процедурная составляющие.

Четвёртый уровень — технический — предполагает внедрение перспективных технологических разработок, направленных на девиктимизацию субъектов информационно-технологического мира: систем обнаружения фишинга, инструментов верификации контрагентов, антивирусного программного обеспечения. Т.П. Будякова обо-

снованно указывает, что технические средства защиты являются необходимым, хотя и недостаточным условием виктимологической профилактики⁸: их действенность многократно возрастает в сочетании с правовым просвещением.

Пятый, идеологический, уровень предполагает выработку системы ценностей и установок, формирующих у пользователей «цифровой иммунитет» — способность критически оценивать информацию, противостоять социальной инженерии, осознавать собственную уязвимость. С.М. Миронова и С.С. Симонова подчёркивают, что именно цифровое просвещение является наиболее долгосрочной и эффективной мерой защиты прав граждан в цифровом пространстве⁹.

3. Индивидуальные меры виктимологической профилактики

Индивидуальная виктимологическая профилактика, по определению Д.В. Жмурова, представляет собой «превентивную деятельность, направленную на лиц, обладающих повышенной виктимностью в информационно-технологической среде»¹⁰. В отличие от общих мер, она персонифицирована, дифференцирована и направлена на конкретного субъекта с учётом его поведенческих характеристик.

Традиционно в виктимологической науке выделяют первичную, непосредственную и вторичную профилактику. Применительно к киберпространству Д.В. Жмуров предлагает трёхуровневую модель: доинцидентный, инцидентный и постинцидентный уровни¹¹. На доинцидентном уровне осуществляется разработка и внедрение стандартов безопасного поведения в цифровой среде, проводится раннее выявление лиц с повышенной виктимностью. На инцидентном — фиксация и статистическое отображение виктимизированных лиц, оперативное противодействие угрозам. На постинцидентном — реабилитация жертв, правовая, психологическая и техническая помощь пострадавшим.

⁸ Будякова Т.П. Основы криминальной виктимологии: учебное пособие. Елец, 2019.

⁹ Миронова С.М., Симонова С.С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 234—241.

¹⁰ Жмуров Д.В. Индивидуальная виктимологическая профилактика киберпреступности // Сибирский юридический вестник. 2023. № 1 (100). С. 52.

¹¹ Жмуров Д.В. Кибервиктимология: концептуальные основы учения о жертве киберпреступлений. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб, 2024.

⁵ Жмуров Д.В. Общая виктимологическая профилактика киберпреступности. С. 136—140.

⁶ Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 898—913.

⁷ Суходолов А.П., Колпакова Л.А., Спасенников Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 2. С. 258—267.

А.И. Бастрыкин, рассматривая виктимологическую профилактику применительно к несовершеннолетним в интернет-пространстве, указывает, что ключевым направлением должна стать работа с уязвимыми группами населения¹². Данное положение справедливо и для иных категорий пользователей: пожилых граждан, лиц с низким уровнем цифровой компетентности, а также корпоративных пользователей, подвергающихся целенаправленным атакам.

С.А. Стяжкина в исследовании виктимологической профилактики кибермошенничества акцентирует внимание на необходимости создания алгоритмов безопасного поведения при онлайн-транзакциях¹³. А.А. Комаров, изучая виктимологические риски интернет-мошенничества в зависимости от возраста, установил, что наиболее уязвимы пользователи старшей возрастной группы, слабо ориентирующиеся в механизмах цифровой аутентификации¹⁴. Это свидетельствует о необходимости адресности индивидуальных профилактических мер.

Е.В. Савиных обращает внимание на проблему эффективности виктимологической профилактики в целом: меры, не подкреплённые систематической обратной связью с потенциальными жертвами, неизбежно теряют действенность¹⁵. В контексте киберпространства это означает необходимость регулярного обновления профилактических стандартов в соответствии с актуальными угрозами.

4. Авторская классификация мер виктимологической профилактики в киберпространстве

На основании проведённого анализа представляется возможным предложить следующую классификацию основных мер виктимологической профилактики преступности в киберпространстве.

¹² Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 1. С. 5—12.

¹³ Стяжкина С.А. Виктимологическая профилактика кибермошенничества // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32, № 3. С. 546—552.

¹⁴ Комаров А.А. Исследование виктимологических рисков интернет-мошенничества в зависимости от возраста пользователей глобальной сети // Криминологический журнал БГУЭП. 2012. № 1. С. 65—68.

¹⁵ Савиных Е.В. Основные направления и проблемы виктимологической профилактики преступности // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 51—54.

По субъекту реализации: а) государственные меры (нормативно-правовое регулирование, деятельность правоохранительных органов, государственные просветительские программы); б) корпоративные меры (политики информационной безопасности организаций, обучение персонала, технические средства защиты); в) меры гражданского общества (деятельность некоммерческих организаций, общественных объединений, СМИ); г) индивидуальные меры (самозащита пользователя, формирование навыков цифровой гигиены).

По временному критерию: а) доинцидентные (направлены на предотвращение первичной виктимизации); б) инцидентные (направлены на минимизацию последствий текущего преступного воздействия); в) постинцидентные (реабилитация жертвы, профилактика повторной виктимизации).

По содержанию: а) правовые меры (совершенствование законодательства, правовое просвещение); б) организационные меры (координация субъектов профилактики, создание специализированных структур); в) технические меры (программно-аппаратная защита, системы мониторинга угроз); г) образовательные меры (цифровая грамотность, формирование виктимологической осведомлённости); д) психологические меры (развитие критического мышления, работа с эмоциональными компонентами виктимности).

Предложенная классификация, опираясь на концептуальные труды Д.В. Жмурова по кибервиктимологии и системный подход Н.А. Гришко к защите жертв киберпреступлений, развивает их концепции применительно к комплексному видению превентивного механизма, позволяющему охватить весь спектр профилактических возможностей.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие авторские выводы.

Во-первых, виктимологическая профилактика преступности в киберпространстве является самостоятельным направлением криминологической превенции, обладающим специфическими объектом, субъектами и инструментарием воздействия. Её нормативно-правовое закрепление в российском законодательстве явно недостаточно, что требует разработки специального федерального закона о виктимологической защите в информационно-телекоммуникационной среде.

Во-вторых, эффективность виктимологической профилактики прямо зависит от органичного сочетания общих и индивидуальных мер: общая профилактика создаёт системную среду защиты, тогда как индивидуальная обеспечивает адресное воздействие на конкретного носителя виктимности. Ни один из уровней не является достаточным в отрыве от другого.

В-третьих, предложенная авторская классификация мер по субъекту реализации, временному критерию и содержанию формирует теоретическую основу для разработки практических профилактических программ, способных обеспечить снижение уровня кибервиктимизации населения России в условиях нарастающих цифровых угроз.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11, № 1. С. 5—12. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).5-12.
2. Будякова Т.П. Основы криминальной виктимологии: учебное пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2019. 86 с.
3. Гришко Н.А. Защита потенциальных жертв киберпреступлений: виктимологический подход // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2025. № 5. С. 234—243. doi: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.234-243.
4. Жмуров Д.В. Индивидуальная виктимологическая профилактика киберпреступности // *Сибирский юридический вестник*. 2023. № 1 (100). С. 52—59. doi: 10.26516/2071-8136.2023.1.52.
5. Жмуров Д.В. Кибервиктимология: концептуальные основы учения о жертве киберпреступлений. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб: Научно-технологические технологии, 2024. 410 с.
6. Жмуров Д.В. Общая виктимологическая профилактика киберпреступности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 4 (60). С. 135—142. doi: 10.36511/2078-5356-2022-4-135-142.
7. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Гармонизация российского уголовного законодательства о противодействии киберпреступности с правовыми стандартами Совета Европы // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 6. С. 898—913. doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).898-913.
8. Комаров А.А. Исследование виктимологических рисков интернет-мошенничества в за-

висимости от возраста пользователей глобальной сети // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2012. № 1. С. 65—68.

9. Миронова С.М., Симонова С.С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14, № 2. С. 234—241. doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).234-241.

10. Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. М.: Академия МВД СССР, 1980. 77 с.

11. Родина Е.А. Виктимологическое предупреждение преступлений в киберпространстве // *Актуальные проблемы государства и права*. 2021. Т. 5, № 19. С. 510—524. doi: 10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524.

12. Савиных Е.В. Основные направления и проблемы виктимологической профилактики преступности // *Виктимология*. 2014. № 1 (1). С. 51—54.

13. Стяжкина С.А. Виктимологическая профилактика кибермошенничества // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2022. Т. 32, № 3. С. 546—552. doi: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-546-552.

14. Суходолов А.П., Колпакова Л.А., Спасенников Б.А. Проблемы противодействия преступности в сфере цифровой экономики // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11, № 2. С. 258—267. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).258-267.

References

1. Bastrykin, A.I. (2017) Prestupleniya protiv nesovershennoletnikh v internet-prostranstve: k voprosu o viktimologicheskoy profilaktike i ugovolno-pravovoy otsenke [Online crimes against minors: to the issue of victimological prevention and criminal law assessment]. *Russian Journal of Criminology*, vol. 11, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).5-12.
2. Budyakova, T.P. (2019) Osnovy kriminal'noy viktimologii [Fundamentals of criminal victimology]. Textbook. Elets, Elets State University, 86 p. (In Russ.).
3. Grishko, N.A. (2025) Zashchita potentsial'nykh zhertv kiberprestupleniy: viktimologicheskii podkhod [Protecting potential victims of cybercrime: a victimological approach]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, no. 5, pp. 234–243. (In Russ.). doi: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.234-243.

4. Zhmurov, D.V. (2023) Individual'naya viktimologicheskaya profilaktika kiberprestupnosti [Individual victimological prevention of cybercrime]. *Siberian Law Herald*, no. 1, pp. 52–59. (In Russ.). doi: 10.26516/2071-8136.2023.1.52.
5. Zhmurov, D.V. (2024) Kiberviktimologiya: kontseptual'nye osnovy ucheniya o zhertve kiberprestupleniy [Cybervictimology: conceptual foundations]. 2nd ed. St. Petersburg, Naukoemkie tekhnologii, 410 p. (In Russ.).
6. Zhmurov, D.V. (2022) Obshchaya viktimologicheskaya profilaktika kiberprestupnosti [Measures of general victimological prevention of cybercrime]. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4, pp. 135–142. (In Russ.). doi: 10.36511/2078-5356-2022-4-135-142.
7. Kirilenko, V.P., Alekseev, G.V. (2020) Garmozizatsiya rossiyskogo ugolovnogo zakonodatel'stva o protivodeystvii kiberprestupnosti s pravovymi standartami Soveta Evropy [The harmonization of Russian criminal legislation on counteracting cybercrime with the legal standards of the Council of Europe]. *Russian Journal of Criminology*, vol. 14, no. 6, pp. 898–913. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).898-913.
8. Komarov, A.A. (2012) Issledovanie viktimologicheskikh riskov internet-moshennichestva v zavisimosti ot vozrasta pol'zovateley global'noy seti [A study of victimological risks of the Internet fraud depending on the age of the Internet users]. *Criminology Journal of BNUEL*, no. 1, pp. 65–68. (In Russ.).
9. Mironova, S.M., Simonova, S.S. (2020) Zashchita prav i svobod nesovershennoletnikh v tsifrovom prostranstve [Protection of the rights and freedoms of minors in the digital space]. *Russian Journal of Criminology*, vol. 14, no. 2, pp. 234–241. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2020.14(2).234-241.
10. Polubinskiy, V.I. (1980) Viktimologicheskie aspekty profilaktiki prestupleniy [Victimological aspects of crime prevention]. Moscow, Academy of the USSR Ministry of Internal Affairs, 77 p. (In Russ.).
11. Rodina, E.A. (2021) Viktimologicheskoe preduprezhdenie prestupleniy v kiberprostranstve [Victimological prevention of cyberspace crime]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava = Current Issues of the State and Law*, vol. 5, no. 19, pp. 510–524. (In Russ.). doi: 10.20310/2587-9340-2021-5-19-510-524.
12. Savinykh, E.V. (2014) Osnovnye napravleniya i problemy viktimologicheskoy profilaktiki prestupnosti [Primary trends and problems of victimological crime prevention]. *Victimology*, no. 1, pp. 51–54. (In Russ.).
13. Styazhkina, S.A. (2022) Viktimologicheskaya profilaktika kibermoshennichestva [Victimological prevention of cyber-attacks]. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, vol. 32, no. 3, pp. 546–552. (In Russ.). doi: 10.35634/2412-9593-2022-32-3-546-552.
14. Sukhodolov, A.P., Kolpakova, L.A., Spasennikov, B.A. (2017) Problemy protivodeystviya prestupnosti v sfere tsifrovoy ekonomiki [Issues of counteracting crimes in the sphere of digital economy]. *Russian Journal of Criminology*, vol. 11, no. 2, pp. 258–267. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).258-267.

Информация об авторе

А.Ж. Саркисян — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. Zh. Sarkisyan – Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 64—69.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 64–69.

УДК 343.35
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.007

NIION: 2015-0065-02/26-382
MOSURED: 77/27-010-2026-02-581

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Воинское должностное лицо как специальный субъект превышения должностных полномочий: проблемы квалификации и пути совершенствования законодательства

Станислав Вячеславович Фидельский

Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Краснодар, Россия, weststas@icloud.com

Аннотация. В статье на основе анализа доктрины, судебной практики и материалов конкретного уголовного дела исследуются теоретические и прикладные аспекты установления признаков воинского должностного лица при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 286 УК РФ. Выявляются противоречия между военно-административным и уголовно-правовым пониманием должностного лица, обосновывается необходимость законодательной дифференциации ответственности воинских должностных лиц. С использованием методов сравнительно-правового и системного анализа формулируются предложения по дополнению Уголовного кодекса РФ специальной нормой, а также по созданию единого электронного реестра воинских должностных лиц в целях оптимизации правоприменительной практики.

Ключевые слова: воинское должностное лицо, превышение должностных полномочий, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции, специальный субъект, реестр должностных лиц, квалификация преступлений.

Для цитирования: Фидельский С.В. Воинское должностное лицо как специальный субъект превышения должностных полномочий: проблемы квалификации и пути совершенствования законодательства // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 64—69. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.007.

A military official as a special subject of excess of official powers: problems of qualification and ways to improve legislation

Stanislav V. Fidelsky

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, weststas@icloud.com

Abstract. The article, based on an analysis of doctrine, judicial practice, and the materials of a specific criminal case, examines the theoretical and practical aspects of establishing the characteristics of a military official when classifying crimes under Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation. It identifies contradictions between the military-administrative and criminal-law understandings of an official, and substantiates the need for legislative differentiation of the responsibilities of military officials. Using comparative legal and systemic analysis, proposals are formulated to supplement the Criminal Code with a special provision, as well as to create a unified electronic registry of military officials in order to optimize law enforcement practices.

Keywords: military official, abuse of office, organizational and managerial functions, administrative and economic functions, special subject, register of officials, classification of crimes.

For citation: Fidelsky, S.V. (2026) A military official as a special subject of excess of official powers: problems of qualification and ways to improve legislation. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 64—69. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.007.

Введение

В условиях реформирования Вооружённых Сил при проведении специальной военной операции, а также оптимизации системы военного управления особую актуальность приобретают вопросы уголовной ответственности военнослужащих, наделённых властными полномочиями. Специфика военной службы, основанная на принципах единоначалия и безусловной субординации, предопределяет особый правовой статус командиров (начальников), которые одновременно являются и носителями публично-властных функций, и участниками военно-служебных отношений, подчинённых жёсткой дисциплине. Совершение такими лицами превышения должностных полномочий посягает не только на интересы государственной службы, но и на установленный порядок прохождения военной службы, что придаёт этим деяниям повышенную общественную опасность.

Вместе с тем действующее уголовное законодательство не содержит специальных норм, учитывающих особенности воинских должностных преступлений.

Глава 33 УК РФ, посвящённая преступлениям против военной службы, не предусматривает составов, аналогичных общеуголовным должностным преступлениям, что вынуждает правоприменителя квалифицировать деяния воинских начальников по статьям главы 30 УК РФ. Такой подход, как справедливо отмечают О.К. Зателепин и К.В. Фатеев, приводит к смещению различных по своей природе институтов и порождает многочисленные ошибки в следственной и судебной практике¹.

В статье преследуется цель, основанная на теоретическом осмыслении и анализе эмпирического материала, выявить основные проблемы установления признаков воинского должностного лица при квалификации превышения должностных полномочий и предложить пути их решения, включая совершенствование законодательства и внедрение организационно-учётных механизмов.

Воинское должностное лицо в системе уголовно-правовых категорий: теоретико-методологические аспекты

Так, определение должностного лица содержится в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, согласно которому таковыми признаются лица, осу-

ществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооружённых Силах, других войсках и воинских формированиях. Очевидно, что законодатель распространил общее понятие должностного лица на военнослужащих, не учитывая специфики их правового положения.

Однако военная служба, будучи особым видом федеральной государственной службы, характеризуется наличием у военнослужащих не только должностных, но и так называемых общевоинских обязанностей, вытекающих из требований воинских уставов. Командир (начальник)² выступает не просто руководителем, но и лицом, ответственным за боевую готовность, воинскую дисциплину, морально-психологическое состояние подчинённых.

В силу ст. 33 Устава внутренней службы ВС РФ единоначалие выражается в праве командира единолично принимать решения, отдавать приказы и обеспечивать их выполнение. Для успешного выполнения возложенных на командиров (начальников) задач относительно обеспечения боевой готовности войск к защите государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, безопасности государства, отражению вооруженного нападения последние наделены широкими полномочиями, которые четко регламентированы в нормах военного законодательства, в том числе воинских уставах³. Эта властная вертикаль существенно отличается от отношений в гражданских государственных органах, что, на наш взгляд, должно находить отражение в уголовно-правовой характеристике субъекта.

Анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько подходов к определению воинского должностного лица. Так, Н.А. Петухов и его соавторы определяют воинское должностное преступление как общественно опасное деяние, совершённое воинским должностным лицом в связи с его служебным положением, вопреки интересам военной службы, посягаю-

¹ Зателепин О.К., Фатеев К.В. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // Военно-уголовное право. 2003. № 9-10. С. 6.

² О понятии командира (начальника) см.: Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М., 2008. С. 188—189.

³ Военно-уголовное право: учебник / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина. М., 2008. С. 286.

щее на воинский правопорядок⁴. В этом определении акцент сделан на объекте посягательства — воинском правопорядке, что принципиально отличает такие деяния от общеуголовных должностных преступлений.

Другие авторы, в частности О.К. Зателепин, обращают внимание на необходимость выделения четырёх групп признаков, присущих воинскому должностному лицу: статусное положение по отношению к военной службе; правовое положение в военной организации (характер функций); длительность осуществления функций; место осуществления функций⁵. Представляется, что такая классификация обладает высокой эвристической ценностью и может служить основой для законодательного закрепления понятия воинского должностного лица.

Обсуждаемым остаётся вопрос о возможности признания должностными лицами военнослужащих, не занимающих штатных командных должностей, но в силу воинского звания являющихся начальниками для нижестоящих по званию. В соответствии со ст. 36 Устава внутренней службы сержанты и старшины являются начальниками для солдат и матросов одной с ними воинской части. Однако означает ли это автоматическое наделение их организационно-распорядительными функциями в уголовно-правовом смысле? Полагаем, что здесь необходим дифференцированный подход: само по себе воинское звание не создаёт должностного положения, но в сочетании с фактическим выполнением распорядительных функций (например, при назначении старшим команды, руководителем занятия и т. п.) может служить основанием для признания лица субъектом должностного преступления. В противном случае мы придём к необоснованному расширению круга должностных лиц, что противоречит принципу правовой определённости.

Организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции военнослужащих: содержание и разграничение

Ключевое значение для квалификации деяния по ст. 286 УК РФ имеет установление

характера выполняемых военнослужащим функций — организационно-распорядительных или административно-хозяйственных. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 16.10.2009 № 19⁶ раскрывает содержание этих функций применительно к общим должностным преступлениям. Однако применительно к военной службе требуются дополнительные разъяснения.

Организационно-распорядительные функции⁷ воинских должностных лиц проявляются в руководстве подчинёнными, организации боевой подготовки, поддержании воинской дисциплины, применении мер поощрения и дисциплинарных взысканий. Существенным признаком является наличие властных полномочий в отношении других военнослужащих, не связанных с управлением материальными ресурсами. Как справедливо отмечается в литературе, такие функции могут осуществлять не только штатные командиры, но и лица, временно исполняющие обязанности, а также военнослужащие, наделённые соответствующими полномочиями специальным приказом⁸.

Административно-хозяйственные функции, напротив, связаны с управлением и распоряжением имуществом и денежными средствами. Это полномочия начальников служб (финансовой, вещевой, продовольственной), руководителей складов, мастерских, лиц, ответственных за учёт и хранение материальных ценностей. Важно подчеркнуть, что простое наличие материальной ответственности (например, у водителя за закреплённую технику) не превращает военнослужащего в должностное лицо — необходимо наличие именно распорядительных полномочий (право распределять, передавать, списывать имущество)⁹.

Практика же идёт по пути признания должностными лицами тех военнослужащих, ко-

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС КонсультантПлюс.

⁷ См.: Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. 2010. № 6. С. 10—15.

⁸ Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2004. С. 45.

⁹ См. особенности: Степаненко Н.Е., Чумаченко Н.А. К вопросу об обоснованности признания начальников по воинскому званию должностными лицами // Право в Вооружённых Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 9. С. 31—38.

⁴ Военно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования: сборник научных трудов / под общ. ред. Н.А. Петухова. М., 2010. С. 298.

⁵ Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. М., 2009. С. 69.

торые выполняют хотя бы одну из названных функций. Однако в ходе расследования нередко допускается смешение этих понятий. В уголовном деле в отношении М., находящемся в производстве Военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Объединенной группировке войск (сил), следствие одновременно вменяло ему и организационно-распорядительные, и административно-хозяйственные функции, не конкретизируя, в чём именно они выражались. Такой подход недопустим, поскольку каждая из функций имеет свою правовую природу и определяет пределы полномочий должностного лица.

Проблемы документального подтверждения статуса воинского должностного лица (на примере конкретного уголовного дела)

Для примера обозначенных теоретических положений обратимся к материалам уголовного дела, находившегося в 2023 году в производстве Военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Объединенной группировке войск (сил). Старший сержант М. обвинялся в превышении должностных полномочий с применением насилия, повлекшем смерть потерпевшего (ч. 5 ст. 286 УК РФ). Следствие исходило из того, что М., являясь начальником по воинскому званию для ефрейтора А. и рядовых В. и Я., был наделён организационно-распорядительными функциями в Вооружённых Силах.

Однако изучение материалов показало, что приказ о назначении М. на должность командира отделения отсутствовал. Имелась лишь выписка из приказа по строевой части, согласно которой назначение произведено приказом командира дивизии. Между тем, согласно п. 15 ст. 11 Положения о порядке прохождения военной службы, сержанты назначаются на должности приказом командира полка (отдельного батальона). Назначение вышестоящим командиром является нарушением установленного порядка. Кроме того, сама выписка не содержала реквизитов приказа по личному составу, на который ссылалась. В ходе предварительного следствия не были истребованы должностная инструкция М., документы, регламентирующие его права и обязанности. Не проверено, вступал ли он в исполнение обязанностей в установленном порядке (принимал ли дела и должность). При таких обстоятельствах вывод о наличии у М. статуса должностного лица представляется преждевременным.

Данный пример показал системную проблему: отсутствие в воинских частях чёткого учёта лиц, наделённых организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, а также упущение в оформлении кадровых документов. Следовательно, не будучи специалистом в области военного права, вынужден доверять справкам, представляемым командованием, которые зачастую носят формальный характер¹⁰.

Направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на устранение выявленных недостатков.

(А) Дополнение Уголовного кодекса специальной нормой об ответственности воинских должностных лиц

Представляется необходимым выделить в главе 33 УК РФ самостоятельный состав превышения должностных полномочий воинским должностным лицом. Это позволит:

- учесть специфику объекта посягательства — воинский правопорядок;
- дифференцировать ответственность в зависимости от воинского звания и должностного положения;
- установить квалифицирующие признаки, характерные именно для военной службы (совершение деяния в условиях боевой обстановки, в отношении подчинённого и т. п.).

Предлагаемая редакция:

«Статья 334.1. Превышение воинским должностным лицом должностных полномочий

1. Совершение воинским должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, если эти действия совершены в отношении подчинённого или иного военнослужащего, не находящегося в подчинении, но по службе связанного с виновным, и повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраня-

¹⁰ См. также: Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации. М., 2008. С. 18; Астахов А.А. Справочник по кадровой работе в военных организациях: практическое издание. М., 2009. С. 289.

мых законом интересов общества или государства, — наказывается...

2. То же деяние, совершённое с применением насилия или с угрозой его применения, — ...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершённые в условиях боевой обстановки, — ...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлёкшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, — ...

Примечание. Под воинским должностным лицом в настоящей статье понимается военнослужащий, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющий организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в том числе на основании воинского звания, если это сопряжено с выполнением указанных функций».

(Б) Внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19

Целесообразно дополнить разъяснения Пленума специальным разделом, касающимся особенностей привлечения к ответственности воинских должностных лиц. В частности, указать, что при установлении организационно-распорядительных функций необходимо проверять не только штатное расписание, но и фактическое выполнение лицом обязанностей начальника, а также наличие приказа о возложении соответствующих полномочий.

(В) Создание единого реестра воинских должностных лиц

Наиболее действенным организационным решением проблемы доказывания статуса воинского должностного лица видится создание в Министерстве обороны (и других ведомствах, где предусмотрена военная служба) единого электронного реестра воинских должностных лиц. В реестре должны содержаться следующие сведения:

- воинское звание, фамилия, имя, отчество;
- наименование воинской должности, дата и номер приказа о назначении;
- дата вступления в должность;
- характер выполняемых функций (организационно-распорядительные и/или административно-хозяйственные) с краткой характеристикой;
- сведения о временном исполнении обязанностей (если имели место);
- дата и основание освобождения от должности, исключения из списков части.

Ведение реестра целесообразно возложить на кадровые органы военных округов (флотов) с централизацией данных в Главном управлении кадров Минобороны России. Доступ к реестру должен быть предоставлен военным следственным органам, военной прокуратуре и военным судам в рамках межведомственного взаимодействия с соблюдением требований защиты государственной тайны.

Такой реестр позволит:

- оперативно получать достоверную информацию о статусе лица на любой момент времени;
- исключить возможность фальсификации кадровых документов;
- унифицировать практику привлечения к ответственности в различных гарнизонах;
- вести статистический учёт и анализ должностной преступности в войсках.

(Г) Усиление прокурорского надзора за законностью назначений на должности

Необходимо повысить эффективность надзора военных прокуроров за соблюдением порядка назначения военнослужащих на должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций. Выявленные нарушения должны влечь реагирование вплоть до опротестования незаконных приказов.

Подводя итог, следует констатировать, что проблема определения воинского должностного лица как субъекта превышения должностных полномочий имеет глубокие теоретические корни и выраженные практические последствия. Отсутствие специального уголовно-правового регулирования, несовершенство ведомственного учёта, недостатки в доказывании приводят к тому, что значительное число преступлений остаются безнаказанными либо, напротив, к ответственности привлекаются лица, не обладавшие соответствующим статусом. Предложенные в статье меры — дополнение УК РФ специальной нормой, уточнение разъяснений Пленума Верховного Суда, создание единого реестра воинских должностных лиц — направлены на формирование стройной системы уголовно-правовой охраны воинского правопорядка от превышения власти со стороны командиров и начальников. Их реализация будет способствовать укреплению законности в войсках и повышению авторитета военной службы. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку методик расследования преступлений, совершаемых воинскими долж-

ностными лицами, а также на изучение зарубежного опыта правового регулирования аналогичных отношений.

Список литературы

1. Астахов А.А. Справочник по кадровой работе в военных организациях: практическое издание. М.: За права военнослужащих, 2009. 335 с.
2. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. 2010. № 6. С. 10—15.
3. Военно-уголовное законодательство Российской Федерации: научно-практический комментарий / под общ. ред. Н.А. Петухова. М.: За права военнослужащих, 2004. 304 с.
4. Военно-уголовное право: история, теория, современные проблемы и методология исследования: сборник научных трудов / под общ. ред. Н.А. Петухова. М.: За права военнослужащих, 2010. 447 с.
5. Военно-уголовное право: учебник / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Затекина. М.: За права военнослужащих, 2008. 383 с.
6. Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А.В. Кудашкина, К.В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. 367 с.
7. Затекин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. М.: За права военнослужащих, 2009. 287 с.
8. Затекин О.К., Фатеев К.В. К вопросу о понятии воинского должностного лица по уголовному праву // Военно-уголовное право. 2003. № 9-10. С. 4—9.
9. Степаненко Н.Е., Чумаченко Н.А. К вопросу об обоснованности признания начальников по воинскому званию должностными лицами // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 9. С. 31—38.
10. Шанхаев С.В. Прохождение военной службы по контракту: практические рекомендации. М.: За права военнослужащих, 2008. 208 с.

References

1. Astakhov, A.A. (2009) Spravochnik po kadrovoy rabote v voennykh organizatsiyakh [Hand-

book of personnel management in military organizations]. Practical guide. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 335 p. (In Russ.).

2. Brilliantov, A.V., Yani, P.S. (2010) Dolzhnostnoe litso: organizatsionno-rasporyaditel'nye funktsii [A public officer: organizational and regulatory functions]. *Zakonnost'*, no. 6, pp. 10–15. (In Russ.).

3. Petukhov, N.A. (ed.) (2004) Voennougolovnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii [Military criminal legislation of the Russian Federation]. Scientific and practical commentary. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 304 p. (In Russ.).

4. Petukhov, N.A. (ed.) (2010) Voennougolovnoe pravo: istoriya, teoriya, sovremennye problemy i metodologiya issledovaniya [Military criminal law: history, theory, current problems, and research methodology]. Collection of scientific papers. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 447 p. (In Russ.).

5. Akhmetshin, Kh.M., Zatepin, O.K. (eds.) (2008) Voennougolovnoe pravo [Military criminal law]. Textbook. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 383 p. (In Russ.).

6. Kudashkin, A.V., Fateev, K.V. (eds.) (2008) Voennouyuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Military law encyclopedic dictionary]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 367 p. (In Russ.).

7. Zatepin, O.K. (2009) Kvalifikatsiya prestupleniy protiv voennoy bezopasnosti gosudarstva [Qualification of crimes against the military security of the state]. Monograph. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 287 p. (In Russ.).

8. Zatepin, O.K., Fateev, K.V. (2003) K voprosu o ponyatii voinskogo dolzhnostnogo litsa po ugovnomu pravu [On the concept of a military official under criminal law]. *Voennougolovnoe pravo*, no. 9-10, pp. 4–9. (In Russ.).

9. Stepanenko, N.E., Chumachenko, N.A. (2024) K voprosu ob obosnovannosti priznaniya nachal'nikov po voinskому званию dolzhnostnymi litsami [On the validity of recognizing superiors by military rank as officials]. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voennopravovoe obozrenie*, no. 9, pp. 31–38. (In Russ.).

10. Shankhaev, S.V. (2008) Prokhozhenie voennoy sluzhby po kontraktu [Military service under contract]. Practical recommendations. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh, 208 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.В. Фидельский — доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S.V. Fidelsky – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 70—79.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 70—79.

УДК 343.131
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.008

NIION: 2015-0065-02/26-383
MOSURED: 77/27-010-2026-02-582

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела, и их имплементация в федеральное законодательство

Наталья Николаевна Лунина

Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Москва, Россия, luninan70@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9070-7787>

Аннотация. Статья посвящена правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела и, по сути, содержит упрек законодателю в неторопливости. Как способ преодоления недостаточности законодательного урегулирования порядка проверки сообщения о преступлении, процессуальных обязанностей уполномоченных лиц, участвующих в процессуальной проверке, предложена имплементация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в федеральное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая регламентация, стадия возбуждения уголовного дела, имплементация, правовые позиции Конституционного Суда РФ, федеральное уголовно-процессуальное законодательство.

Для цитирования: Лунина Н.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, касающиеся прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела, и их имплементация в федеральное законодательство // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 70—79. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.008.

The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the rights and legitimate interests of an individual at the stage of initiation of a criminal case, and their implementation into federal legislation

Natalia N. Lunina

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Moscow, Russia, luninan70@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9070-7787>

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of the stage of initiation of a criminal case and, in fact, reproaches the legislator for slowness. The implementation of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation into the federal criminal procedure legislation of the Russian Federation is proposed as a way to overcome the insufficiency of legislative regulation of the procedure for verifying reports of a crime and the procedural duties of authorized persons participating in the procedural audit.

Keywords: legal regulation, stage of initiating a criminal case, implementation, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, federal criminal procedure legislation.

For citation: Lunina, N.N. (2026) The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the rights and legitimate interests of an individual at the stage of initiation of a criminal case, and their implementation into federal legislation. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 70—79. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.008.

«Развитие уголовно-процессуального права выходит на новый уровень и требует все более четкого регулирования соответствующих правовых отношений»¹. Мы присоединяемся к мнению С.С. Крипинева и убеждены, что права личности в уголовном судопроизводстве, в первую очередь право на защиту, невозможно реализовать без ясных, понятных, соответствующих времени, регулирующих актуальные правоотношения норм отраслевого права.

Уверены, что своевременное и актуальное правовое урегулирование уголовно-процессуальной деятельности входит в механизм обеспечения права на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, начиная со стадии возбуждения уголовного дела.

1. Неторопливость законодателя в актуальной правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела

Российские ученые, характеризуя действующее законодательство в целом, указывают на его хаотичность, бессистемность, противоречивость принимаемых нормативно-правовых актов², и уголовно-процессуальное законодательство, в частности, не избежало именно таких характеристик³. К сожалению, исходя из качественного состояния и содержания уголовно-процессуального закона, с этим мнением нельзя не согласиться.

Несмотря на то, что развитие уголовно-процессуальных отношений в России последние два десятилетия было динамичным и уголовно-процессуальное право обогатилось новыми правовыми позициями, воплощенными в решениях Конституционного Суда РФ и постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, последовательного и фундаментального отражения в УПК РФ это не нашло. Вместе с тем ни одна отрасль права так тесно не связана с конституционными правами человека, как уголовно-процессуальная, поскольку привлечение к уголовной ответствен-

ности существенно ограничивает права и свободы личности и любое ограничение должно быть строго основано на законе. Следует отметить, что целеполагание строгого соответствия закону для уголовно-процессуальной деятельности в России является традиционным подходом: это значит, что источником норм уголовно-процессуального права является только закон.

Ни в одном из аспектов научных мнений не наблюдается такого единодушия, как в вопросе системного и последовательного законодательного урегулирования уголовно-процессуальных отношений во всех стадиях уголовного судопроизводства — научным сообществом оно признано недостаточным. Мы же находим, что внимание устраниению этой многолетней проблемы законодателем не оказывается вовсе: доводы и статистические данные будут приведены нами в процессе исследования.

Приведем пример. Так, согласно п. 2 примечания к ст. 199 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное ст. 199 УК РФ, освобождается от уголовной ответственности, если этим лицом (организацией) полностью выполнены условия, определяемые как примечанием, так и Налоговым кодексом Российской Федерации. Данная норма была введена в действие редакцией Федерального закона от 29.12.2009 № 383-ФЗ⁴. Для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в отношении лица, выполнившего условия, изложенные в п. 2 примечания к ст. 199 УК РФ, правоприменителем пункт 2 названной статьи использовался одновременно и как материальная, и как процессуальная норма. *Только 18 марта 2023 года* Федеральным законом № 78⁵ был введен в действие п. 7 ч. 1 ст. 24 УПК РФ как самостоятельная процессуальная норма, позволяющая на основании закона, регулирующего процессуальные действия должностного лица, прекращать производство по уголовному делу на основании п. 2 примечания к ст. 199 УК РФ. Таким образом, на приведение в системное соответствие норм Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ потребовалось четырнадцать лет.

¹ Крипинева С.С. Индивидуализация судебного регулирования и ее значение для осуществления защиты в уголовном судопроизводстве // Обеспечение процессуальных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 7 июля 2023 г.). Краснодар, 2023. С. 59.

² Желдыбина Т.А. Механизм обеспечения процесса законотворчества в России: монография. М., 2017. С. 311.

³ См.: Качалова О.В. Современное российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 95—98.

⁴ Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Федеральный закон от 18.03.2023 № 78-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Между тем «эффективными для оптимизации досудебного производства с учетом современной системы и национальных традиций российского уголовного процесса является объективно обоснованное, выверенное изменение и дополнение уголовно-процессуального законодательства, преимущественно путем конкретизации существующих норм и институтов в целях обеспечения их надлежащей реализации»⁶. С доводом И.В. Губко мы всецело согласны и считаем, что все возможности для такой деятельности в Российской Федерации созданы.

Полагаем, что следует обозначить пределы настоящего исследования — оно в первую очередь посвящено правам и законным интересам личности в стадии возбуждения уголовного дела и проблемам их действительной реализации.

2. Стадия возбуждения уголовного дела, права и законные интересы личности, обязанности органов публичной власти в правотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации

Начнем с того, что практически три десятилетия не утихают дискуссии о самой стадии возбуждения уголовного дела с точки зрения обоснованности ее наличия. Ряд авторов высказался о назревшей, по их мнению, объективной необходимости исключения стадии возбуждения уголовного дела из досудебного уголовного судопроизводства⁷. Считаем, что в данном случае не следует углубляться в анализ противоположных научных мнений, скажем только, что Конституционный Суд РФ последовательно развивал правовые положения, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела, и основополагающей правовой позицией Конституционного Суда РФ по заданному вектору является

1) *признание обязательности стадии возбуждения уголовного дела*. Более того, Конституционный Суд РФ констатирует, что стадия возбуждения уголовного дела начинается с про-

верки сообщения о преступлении⁸. Правовые положения признают конституционность стадии возбуждения уголовного дела и, следовательно, требуют от правоприменителя — участковых уполномоченных, дознавателей и следователей — добросовестного исполнения полномочий, данных законом, начиная с проверки сообщения о преступлении. Современная правовая реальность такова, что недобросовестное отношение к должностным обязанностям, от чего зависит полнота проводимых процессуальных проверок, законность и обоснованность выносимых постановлений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, является неиссякаемым источником жалоб граждан на нарушение их прав и законных интересов в стадии возбуждения уголовного дела. По итогам 2024 года в аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации поступило 126 000 жалоб (число обращений в 2024 году выросло на 31,3 %), в 2025 году поступило 126 777 обращений⁹. Среди жалоб вопросы уголовного судопроизводства занимают лидирующие позиции. Полагаем, что все дискуссионные вопросы настоящего времени, касающиеся стадии возбуждения уголовного дела, можно свести к одному знаменателю: «провозглашенные российской Конституцией ценности и приоритеты не в полной мере воспринимаются правоприменителями, оцениваются ими как декларативные»¹⁰, и если встать на путь признания реального положения уголовно-процессуального правоприменения в Российской Федерации, то дорога к достижению действительной защиты прав и законных интересов личности как цели уголовного судопроизводства будет гораздо короче.

2) В теории уголовно-процессуального права прочно обоснованы доводы о смешанном типе уголовного процесса России, но законодательно данные позиции, касающиеся в первую очередь

⁶ Губко И.В. Современное состояние и перспективы развития досудебного производства в российском уголовном процессе // Право и практика. 2019. № 2. С. 119.

⁷ См.: Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 118; Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001. С. 86; Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6. С. 136.

⁸ Определение КС РФ от 21.10.2008 № 600-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пивоварова Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 175 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Парламентская газета. 2025. 27 марта. URL: <https://www.rnp.ru> (дата обращения: 08.02.2026).

¹⁰ Калиновский К.Б. Предисловие // Конституционализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 30 октября 2021 г.). СПб, 2022. С. 7—8.

процессуального положения должностного лица, его обязанностей, до сих пор как нормы закона в полной мере в УПК РФ не включены.

Коснемся некоторых теоретических мнений. А.В. Ламтева связывает смешанный тип уголовного процесса с положениями ст. 20 УПК РФ: «современный уголовный процесс, рассматриваемый через призму трех видов уголовного преследования, аккумулирует в себе наилучшие достижения отечественного обвинительного, следственного и состязательного типов уголовного процесса»¹¹, А.А. Соловьев полагает, что смешанный тип уголовного процесса «заключается в том, что предварительное расследование базируется на сыскных, а судебное проведение — на состязательных основах», при этом «характерным является проникновение в стадию предварительного расследования состязательных основ»¹². Полагаем, что трудно достичь идеальной точности научных формулировок, но считаем необходимым высказать свою научную точку зрения по заданному вопросу. Мы убеждены, что первоосновой смешанности уголовного процесса является *процессуальное положение должностного лица* (следователя и дознавателя), которое вправе возбудить уголовное дело, тем самым существенно ограничить конституционные права лица, привлекаемого к уголовной ответственности как гражданина, с одновременной обязанностью всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами обеспечивать права такого лица на защиту; более того, одновременная обязанность активно обеспечивать процессуальные права возникает и в отношении лиц, потерпевших от преступления, и лиц, способствующих осуществлению процессуальной деятельности (свидетелей, специалистов, экспертов). Это значит, что «уголовный процесс от начала и до конца является деятельностью органов власти, сопровождаемой действиями привлекаемых ими к участию в процессе граждан»¹³. Очевидно, что такая деятельность основана на полномочиях и обязанностях должностных лиц. И если полномочия следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника органа доз-

нания установлены уголовно-процессуальным законом (ст. 38—41 УПК РФ), то обязанности можно очертить, только анализируя нормы закона в их совокупности. Об этой проблеме уголовно-процессуального закона высказывались Л.М. Володина с соавторами, Б.Я. Гаврилов¹⁴. В.Ю. Мельников, чье мнение объективно подтверждено юридической техникой изложения норм УПК РФ, рассматривал как пробел в законе, требующий устранения, то обстоятельство, что «многие из прав и обязанностей вытекают не из конкретных норм, а из общих положений уголовно-процессуального законодательства», что не способствует их единообразному применению на практике¹⁵. Между тем правовые позиции Конституционного Суда РФ *об обязанностях должностных лиц в стадии возбуждения уголовного дела* были сформулированы еще в период действия УПК РСФСР, затем подтверждены после принятия и вступления в действие УПК РФ: актом возбуждения начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием, что обеспечивает последующие процессуальные действия органов дознания, предварительного следствия и суда *и одновременно влечет необходимость обеспечения права на защиту лица, в отношении которого осуществляется обвинительная деятельность*¹⁶.

3) Об отсутствии законодательной регламентации проверки сообщения о преступлении, процессуального положения участников такой проверки, правового содержания постановления о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела авторы пишут давно и последовательно, но до сих пор законодатель не предпринимает усилий, которые бы наполнили действующий Уголовно-процессуаль-

¹¹ Ламтева А.В. Теория смешанного типа уголовного процесса // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 2 (60). С. 120.

¹² Соловьев А.А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (105). С. 249.

¹³ Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Изд. 4-е, испр. и перераб. М., 1962. С. 73.

¹⁴ Права человека: учебно-методический комплекс / Л.М. Володина, М.С. Матейкович, Е.В. Пономаренко, Н.В. Сухова. Тюмень, 2002. С. 124; Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. М., 2012. С. 33.

¹⁵ Мельников В.Ю. Обязанность и ответственность властных субъектов в уголовном судопроизводстве // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 2 (2). С. 82.

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.03.1999 № 5-П; Определение Конституционного Суда РФ от 17.12.2009 № 1636-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Владимира Борисовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 125 и частями первой и второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

ный кодекс РФ необходимыми нормами, в своей совокупности способными регулировать давно возникшие и существующие уголовно-процессуальные правоотношения в стадии возбуждения уголовного дела¹⁷. Об «основаниях» отказов в возбуждении уголовного дела типа «дверь квартиры никто не открыл»¹⁸ мы уже писали в своих доводах о необходимости совершенствования стадии возбуждения уголовного дела. Должностные лица, вольные в своих процессуальных действиях по причине отсутствия норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих их процессуальные обязанности как в целом, так и в стадии возбуждения уголовного дела, указывают в «основаниях» отказа в возбуждении уголовного дела: «лицо, в отношении которого подано заявление о совершении преступления, по телефону указало, что событий, на которые указывает заявитель, в действительности не происходило»¹⁹. В то время, когда законодатель молчит, Конституционным Судом РФ выявлено, что *постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке*, иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица относительно вероятного события преступления и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это процессуальное решение прокурору, руководителю следственного органа или в суд (ст. 124 и 125, ч. 5 ст. 148 УПК РФ)²⁰. Данное правовое

положение является *рамочным* и фактически указывает на обязанности должностных лиц при осуществлении процессуальной проверки.

Более того, у уполномоченных органов и должностных лиц нет права *разрешать вопрос об отказе в возбуждении уголовного дела без проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств и установление обстоятельств события*, в связи с которым поступило сообщение о преступлении, позволяющих дать ему обоснованную и квалифицированную оценку на предмет наличия или отсутствия признаков преступления, что необходимо для решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела.

4) Конституционный Суд РФ высказался о том, что *должностное лицо не может произвольно выбрать основание для отказа в возбуждении уголовного дела*: при проведении процессуальной проверки объективно должно быть установлено об отсутствии события, а если событие действительно состоялось, следует уяснить, есть ли в таком событии состав преступления²¹.

5) *Лицо, по чьему заявлению о преступлении вынесено постановление об отказе в возбуждении дела, вправе знакомиться с материалами, послужившими основанием для его вынесения*²².

6) Конституционный Суд Российской Федерации указал, что уголовно-процессуальный закон не содержит норм, позволяющих *привлекать лицо в качестве подозреваемого или обвиняемого*, а также изменять и дополнять ранее предъявленное обвинение в связи с совершением лицом преступления, *по признакам которого уголовное дело не возбуждалось*²³.

Изложенное позволяет утверждать, что Конституционным Судом Российской Федерации

¹⁷ См.: Безуглова А.А. Изменения процессуального законодательства в части проверки сообщения о преступлении: проблемы реализации и пути совершенствования // Флагман науки. 2025. Т. 1, № 5-1. С. 473—476; Полякова Е.С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего стадию проверки сообщения о преступлении // Трибуна ученого. 2021. № 3. С. 101—106; Машинская Н.В. Проблемы законодательного регулирования прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении // Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 1. С. 147—151.

¹⁸ Лунина Н.Н. Стадия возбуждения уголовных дел: необходимость совершенствования очевидна // Российский судья. 2023. № 11. С. 26—27.

¹⁹ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению И. по факту мошеннических действий при строительстве частного дома от 10.09.2024 отдела полиции № 5 УМВД по городу Екатеринбург МВД России (КУСП № 22527).

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева» // СПС КонсультантПлюс.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2021 № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.К. Михайлова» // СПС КонсультантПлюс.

²² Постановления Конституционного Суда РФ от 6 ноября 2014 г. № 27-П и от 23 ноября 2017 г. № 32-П; определения от 6 июля 2000 г. № 191-О, от 19 февраля 2003 г. № 78-О, от 29 сентября 2011 г. № 1251-О-О, от 18 октября 2012 г. № 1906-О и от 26 октября 2017 г. № 2276-О.

²³ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. № 343-О и от 21 декабря 2006 г. № 533-О применительно к содержанию статей 171 и 175 УПК РФ.

продлена грандиозная аналитическая деятельность, результатами которой нельзя пренебрегать и не учитывать их в ежедневной правоприменительной деятельности. В.Д. Зорькин, Председатель Конституционного Суда РФ, признавая за решениями Конституционного Суда РФ особое место в общей системе источников права, писал о том, что правовые позиции Конституционного Суда РФ, содержащиеся в решениях, фактически отражают его особого рода правотворчество²⁴. Поддерживая данную научную точку зрения, И.А. Двойменный и С.Ю. Кравцов пришли к заключению, что «осуществление правотворческой функции Конституционным Судом РФ оправдано... в случаях, не терпящих затягивания в урегулировании острых проблем, связанных с реализацией прав и свобод граждан»²⁵, одновременно обозначив имеющиеся противоречия: «на данном этапе судебное правотворчество Конституцией РФ самостоятельным видом правотворчества не признается»²⁶, что объясняется принципом разделения властей в Российской Федерации. Возникает опасение, что созданный массив решений Конституционного Суда РФ, который, по сути, формирует правовое содержание института возбуждения уголовного дела, защиты прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела, останется не в полной мере не только оцененным, но и примененным.

3. Имплементация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в федеральное уголовно-процессуальное законодательство

В разрешение данной проблемы научный вклад внесли Х.И. Гаджиев, В.В. Лазарев, Д.А. Фурсов²⁷, которые предложили и научно обосновали необходимость и возможность имплементации правовых норм, созданных в

процессе конституционного контроля, в законодательство Российской Федерации. И хотя ученые скромно упомянули о том, что предложенная ими идея требует более тщательной разработки, концептуально теоретико-практическое значение и практическая возможность имплементации результатов судебного правотворчества ими обоснована и, более того, основана на Федеральном конституционном законе от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»²⁸; признавая за Конституционным Судом РФ право на нормотворчество, не умаляя принцип разделения властей, оставляя право законодательной инициативы за соответствующими субъектами, они вывели «необходимость совершенствования полновесной системы обратной связи законодателя и правоприменителя»²⁹. Обязанность по приведению законов и иных нормативно-правовых актов в соответствие с Конституцией Российской Федерации в связи с решениями Конституционного Суда возложена на государственные органы и должностных лиц, а именно: Президента РФ, Государственную Думу, Правительство, региональные органы власти³⁰. Правительство Российской Федерации осуществляет законодательную инициативу через Комиссию по законодательной деятельности³¹.

В подтверждение высказанного нами довода об отсутствии комплексного законодательного урегулирования уголовно-процессуальных правоотношений в стадии возбуждения уголовного дела приведем первоисточник, правовую основу практической деятельности государственного исполнительного органа Российской Федерации. Так, распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.12.2025 № 3886-р утвержден план законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2026 год: ни одного законопроекта, касающегося изменений в УПК РФ, документ не содержит³².

²⁴ Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 4.

²⁵ Двойменный И.А., Кравцов С.Ю. Правотворческое содержание решений Конституционного Суда Российской Федерации // РСЭУ. 2018. № 2 (41). С. 165.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 5—16; Лазарев В.В., Фурсов Д.А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // Журнал российского права. 2014. № 11 (215). С. 5—21.

²⁸ Ст. 80 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 (в ред. ФКЗ от 09.11.2020 № 5-ФКЗ) «О Конституционном Суде Российской Федерации».

²⁹ Комиссия Правительства Российской Федерации образована постановлением Правительства РФ от 02.06.2004 № 264 «Об утверждении Положения о Комиссии Правительства Российской Федерации по законопроектной деятельности» в соответствии с Указом Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».

³⁰ URL: <http://government.ru/news/57439/> Дата обращения 10.01.2026.

³¹ URL: <http://duma.gov.ru/legislative/lawmaking/> Дата обращения 10.01.2026.

³² URL: <http://government.ru/news/57439/> (дата обращения: 10.01.2026).

Анализ законопроектов, внесенных в Государственную Думу РФ, показал, что с 1 января по 31 декабря 2025 года правом законодательной инициативы в области уголовно-процессуального законодательства пользовались:

- Президент Российской Федерации — два законопроекта (№№ 1113613-8, 1113614-8) — о ратификации международных договоров;
- Правительство Российской Федерации — пять законопроектов (№№ 835234-8, 863746-8, 938738-8, 1075343-8, 1088467-8) — приняты Государственной Думой;
- депутаты Государственной Думы Российской Федерации — 22 законопроекта (№№ 818450-8, 827872-8, 838583-8, 843894-8, 844440-8, 850452-8, 854737-8, 856221-8, 864005-8, 918140-8, 920079-8, 946321-8, 946321-8, 949035-8, 970397-8, 1031968-8, 1042234-8, 1042238-8, 1048942-8, 1073282-8, 1075309-8, 1092186-8)³³ — большая часть отклонена Государственной Думой.

Среди внесенных Правительством РФ и депутатами Государственной Думы РФ законопроектов не было ни одного, который бы вносил в уголовно-процессуальный закон изменения, регулирующие институт возбуждения уголовного дела, гарантии прав граждан и их законных интересов в стадии возбуждения уголовного дела, обязанности должностных лиц, наделенных правом возбуждения уголовного дела. Полагаем, что последовательная деятельность по приведению уголовно-процессуального законодательства в систему с учетом правовых положений Конституционного Суда РФ важна, необходима и следует такую работу осуществлять.

В решениях Конституционного Суда РФ новейшего времени содержится обращение к законодателю: признание тех или иных норм УПК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации не исключает права федерального законодателя — исходя из предписаний Конституции и с учетом правовых позиций Конституционного Суда — внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из правовых позиций.

Полагаем, что для поддержания единообразия в использовании юридической техники изложения норм УПК РФ не столь важно создавать отдельные статьи с обязанностями должностных лиц, гораздо ценнее — имплементировать правовые позиции Конституционного Суда

РФ в федеральное уголовно-процессуальное законодательство и внести необходимые изменения в действующий уголовно-процессуальный закон, исходя из наличия уже сложившегося правового регулирования:

- ст. 145 УПК РФ следует дополнить частью 2.1, изложив ее в следующей редакции: «В случае принятия решения, предусмотренного пунктом 1 части первой настоящей статьи, орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа обязаны всеми предусмотренными уголовно-процессуальным законом способами обеспечивать права участников уголовного судопроизводства»;
- ст. 145 УПК РФ следует дополнить ч. 1.1, изложив ее в следующей редакции: «Отказ в возбуждении уголовного дела без проведения следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств и установление обстоятельств события, недопустим. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке. Уполномоченное должностное лицо не может произвольно выбрать основание для отказа в возбуждении уголовного дела: при проведении процессуальной проверки объективно должно быть установлено об отсутствии события преступления, состава преступления»;
- ч. 2 ст. 145 УПК РФ следует дополнить: «Заявитель вправе ознакомиться с материалами, послужившими основанием для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела»;
- ст. 24 УПК РФ следует дополнить ч. 2.1, изложив ее в следующей редакции: «Отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления».

Мы убеждены, что отсутствие практической деятельности по имплементации результатов конституционного контроля в действующее федеральное законодательство обедняет Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации как закон, с одной стороны, с другой — те ценные выводы, правовые позиции, новеллы, создан-

³³ URL: <http://duma.gov.ru/legislative/lawmaking> (дата обращения: 10.01.2026).

ные Конституционным Судом Российской Федерации, в недостаточной мере не только применяются, но и *находятся во внимании* представителя публичного органа: в данном случае не стоит забывать и об удобстве использования закона. Мыслится, что только закон первичен, а наличие в нем правовых норм, способных регулировать актуальные правоотношения, подтверждает правовую последовательность государства. По нашему убеждению, закон нельзя подменять правом: право нужно развивать, совершенствовать, такая деятельность не знает границ, поскольку интеллект человека измерить и ограничить невозможно, но уголовно-процессуальный закон требует четкого подчинения систематизации созданного и осмысленного в уголовно-процессуальном праве для того, чтобы слова «верховенство закона» были действительными, а не декларативными. Помимо изложенных аспектов, на наш взгляд, имплементацией решений (в широком смысле этого слова) Конституционного Суда Российской Федерации в федеральное законодательство Российской Федерации разрешается и гораздо более глубокая задача — укрепление конституционности Российской Федерации.

Список литературы

1. Безуглова А.А. Изменения процессуального законодательства в части проверки сообщения о преступлениях: проблемы реализации и пути совершенствования // *Флагман науки*. 2025. Т. 1, № 5-1. С. 473—476.
2. Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. М.: Академия управления МВД России, 2012. 366 с.
3. Губко И.В. Современное состояние и перспективы развития досудебного производства в российском уголовном процессе // *Право и практика*. 2019. № 2. С. 115—120.
4. Двойменный И.А., Кравцов С.Ю. Правотворческое содержание решений Конституционного Суда Российской Федерации // *РСЭУ*. 2018. № 2 (41). С. 160—166.
5. Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998. 213 с.
6. Желдыбина Т.А. Механизм обеспечения процесса законотворчества в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 358 с.
7. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2004. № 12. С. 3—9.
8. Калиновский К.Б. Предисловие // Конституциализация уголовного судопроизводства (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 30 октября 2021 г.) / под ред. К.Б. Калиновского. СПб: Астерион, 2022. С. 6—10.
9. Качалова О.В. Современное российское уголовное судопроизводство: пути оптимизации // *Вестник экономической безопасности*. 2016. № 5. С. 95—98.
10. Крипиневиц С.С. Индивидуализация судебного регулирования и ее значение для осуществления защиты в уголовном судопроизводстве // *Обеспечение процессуальных прав адвокатов в уголовном судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Краснодар, 7 июля 2023 г.)*. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 50—59.
11. Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // *Журнал российского права*. 2019. № 7. С. 5—16. doi: 10.12737/jrl.2019.7.1.
12. Лазарев В.В., Фурсов Д.А. Обоснование идеи имплементации судебных решений в законодательные акты // *Журнал российского права*. 2014. № 11 (215). С. 5—21. doi: 10.12737/6003.
13. Ламтева А.В. Теория смешанного типа уголовного процесса // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2025. Т. 16, № 2 (60). С. 113—122. doi: 10.37973/2227-1171-2025-16-2-113-122.
14. Лунина Н.Н. Стадия возбуждения уголовных дел: необходимость совершенствования очевидна // *Российский судья*. 2023. № 11. С. 23—28. doi: 10.18572/1812-3791-2023-11-23-28.
15. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001. 205 с.
16. Машинская Н.В. Проблемы законодательного регулирования прав лиц, участвующих в проверке сообщения о преступлении // *Правовая парадигма*. 2018. Т. 17, № 1. С. 147—151. doi: 10.15688/1c.jvolsu.2018.1.24.
17. Мельников В.Ю. Обязанность и ответственность властных субъектов в уголовном судопроизводстве // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2014. № 2 (2). С. 80—84.
18. Полякова Е.С. Отдельные проблемы уголовно-процессуального законодательства, регулирующего стадию проверки сообщения о преступлении // *Трибуна ученого*. 2021. № 3. С. 101—106.

19. Права человека: учебно-методический комплекс / Л.М. Володина, М.С. Матейкович, Е.В. Пономаренко, Н.В. Сухова. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2002. 174 с.

20. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6. С. 133–139. doi: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.133-139.

21. Соловьев А.А. Типология уголовного процесса РФ и ее значение для формирования системы принципов // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 1 (105). С. 247–254.

22. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. Изд. 4-е, испр. и перераб. М.: Госюриздат, 1962. 503 с.

References

1. Bezuglova, A.A. (2025) *Izmeneniya protsessual'nogo zakonodatel'stva v chasti proverki soobshcheniya o prestupleniyakh: problemy realizatsii i puti sovershenstvovaniya* [Changes in procedural legislation regarding the verification of reports of crimes: problems of implementation and ways to improve]. *Flagman nauki*, vol. 1, no. 5-1, pp. 473–476. (In Russ.).

2. Gavrillov, B.Ya. (2012) *Aktual'nye problemy zashchity konstitutsionnykh prav i svobod lichnosti v dosudebnom proizvodstve* [Actual problems of protection of constitutional rights and freedoms of the individual in pre-trial proceedings]. Moscow, Academy of Management of the MIA of Russia, 366 p. (In Russ.).

3. Gubko, I.V. (2019) *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya dosudebnogo proizvodstva v rossiyskom ugolovnom protsesse* [Current state and prospects of development of pre-trial proceedings in the Russian criminal process]. *Pravo i praktika*, no. 2, pp. 115–120. (In Russ.).

4. Dvoymenny, I.A., Kravtsov, S.Yu. (2018) *Pravotvorcheskoe soderzhanie resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Law-making contents of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, no. 2, pp. 160–166. (In Russ.).

5. Derishev, Yu.V. (1998) *Optimizatsiya dosudebnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii* [Optimization of pre-trial proceedings in the Russian criminal process]. Ph. D. thesis. Omsk, 213 p. (In Russ.).

6. Zheldybina, T.A. (2017) *Mekhanizm obespecheniya protsessa zakonotvorchestva v Rossii*

[The mechanism of ensuring the lawmaking process in Russia]. Monograph. Moscow, YurLit-inform, 358 p. (In Russ.).

7. Zor'kin, V.D. (2004) *Pretsidentnyy kharakter resheniy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [The precedent nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Journal of Russian Law*, no. 12, pp. 3–9. (In Russ.).

8. Kalinovskiy, K.B. (2022) *Predislovie* [Preface]. In: *Konstitutsializatsiya ugolovnogo sudoproizvodstva (k 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii)*. *Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, October 30, 2021*. Saint Petersburg, Asterion, pp. 6–10. (In Russ.).

9. Kachalova, O.V. (2016) *Sovremennoe rossiyskoe ugolovnoe sudoproizvodstvo: puti optimizatsii* [Modern Russian criminal procedure: the path optimization]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, no. 5, pp. 95–98. (In Russ.).

10. Kripinevich, S.S. (2023) *Individualizatsiya sudebnogo regulirovaniya i ee znachenie dlya osushchestvleniya zashchity v ugolovnom sudoproizvodstve* [Individualization of judicial regulation and its importance for the implementation of protection in criminal proceedings]. In: *Obespechenie protsessual'nykh prav advokатов v ugolovnom sudoproizvodstve. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, July 7, 2023*. Krasnodar, Kuban State University, pp. 50–59. (In Russ.).

11. Lazarev, V.V. (2019) *Doktrina implementatsii resheniy sudebnykh organov v zakonodatel'stvo* [Doctrine of implementation of judicial decisions in legislation]. *Journal of Russian Law*, no. 7, pp. 5–16. (In Russ.). doi: 10.12737/jrl.2019.7.1.

12. Lazarev, V.V., Fursov, D.A. (2014) *Obosnovanie idei implementatsii sudebnykh resheniy v zakonodatel'nye akty* [Justification of the idea of implementation of judicial decisions in legislative acts]. *Journal of Russian Law*, no. 11, pp. 5–21. (In Russ.). doi: 10.12737/6003.

13. Lamteva, A.V. (2025) *Teoriya smeshannogo tipa ugolovnogo protsessa* [The theory of miscellaneous type of criminal procedure]. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, vol. 16, no. 2, pp. 113–122. (In Russ.). doi: 10.37973/2227-1171-2025-16-2-113-122.

14. Lunina, N.N. (2023) *Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnykh del: neobkhodimost' sovershenstvovaniya ochevidna* [The stage of initiating criminal proceedings: the need for improvement]

is clear]. *Rossiyskiy sud'ya*, no. 11, pp. 23–28. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3791-2023-11-23-28.

15. Makarkin, A.I. (2001) *Sostyazatel'nost' na predvaritel'nom sledstvii* [Contentiousness at the stage of preliminary investigation]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 205 p. (In Russ.).

16. Mashinskaya, N.V. (2018) Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya prav lits, uchastvuyushchikh v proverke soobshcheniya o prestuplenii [The problems of legislative regulation of the rights of persons involved in the verification of a crime report]. *Legal Concept*, vol. 17, no. 1, pp. 147–151. (In Russ.). doi: 10.15688/lc.jvolsu.2018.1.24.

17. Mel'nikov, V.Yu. (2014) Obyazannost' i otvetstvennost' vlastnykh sub'ektov v уголовном sudoproizvodstve [Duty and responsibility overbearing subjects in criminal proceedings]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*, no. 2, pp. 80–84. (In Russ.).

18. Polyakova, E.S. (2021) Otdel'nye problemy ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, reguliruyushchego stadiyu proverki soobshcheniya o prestuplenii [Separate problems of criminal procedural legislation regulating the stage of

checking the crime report]. *Tribuna uchenogo*, no. 3, pp. 101–106. (In Russ.).

19. Volodina, L.M., Mateykovich, M.S., Ponomarenko, E.V., Sukhova, N.V. (2002) *Prava cheloveka* [Human rights]. Tyumen, University of Tyumen, 174 p. (In Russ.).

20. Rossinskiy, S.B. (2021) Stadiya vzbuzhdeniya ugolovnogo dela: bezogovorochno uprazdnit' libo popytat'sya ponyat' podlinnye prichiny ee vzniknoveniya? [Initiation of a criminal case: unconditionally abolish or try to understand the true reasons for its occurrence?]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, vol. 16, no. 6, pp. 133–139. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2021.127.6.133-139.

21. Solov'ev, A.A. (2012) Tipologiya ugolovnogo protsessa RF i ee znachenie dlya formirovaniya sistemy printsipov [Typology of criminal process of the Russian Federation and its value for formation of system of principles]. *Tambov University Review. Series: Humanities*, no. 1, pp. 247–254. (In Russ.).

22. Chel'tsov, M.A. (1962) *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [The Soviet criminal trial]. 4th ed. Moscow, Gosyurizdat, 503 p. (In Russ.).

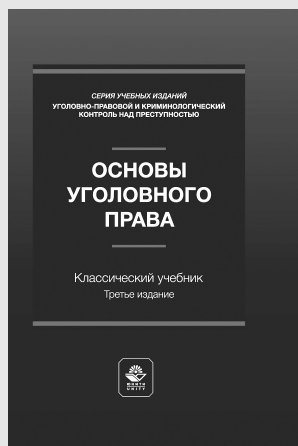
Информация об авторе

Н.Н. Лунина — судья в почетной отставке, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.

Information about the author

N.N. Lunina – Judge in Honorary Retirement, Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnaya, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Основы уголовного права: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / под науч. ред. А.В. Федорова, Н.Г. Кадникова; под общ. ред. С.Я. Лебедева, А.Ю. Кирсанова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2025. — 255 с.

ISBN 978-5-238-03957-2

Материал учебника изложен с учетом изменений и дополнений уголовного законодательства Российской Федерации.

Цель учебника — сориентировать студентов на познание и закрепление основных положений фундаментальной отрасли юриспруденции — уголовного права. Представлены основные принципы, понятия, институты, структура уголовного права, содержание норм общей и особенной частей Уголовного кодекса РФ.

Для студентов высших учебных заведений.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 80–86.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 80–86.

УДК 343.16+343.83+351.74
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.009

NIION: 2015-0065-02/26-384
MOSURED: 77/27-010-2026-02-583

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Служение Отечеству как мотивация к государственной службе в правоохранительных органах

Елена Вадимовна Ильюк

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, Elena.ilyuk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные ценности как основа государственной идеологии, традиционная ценность служения как проявление патриотизма на государственной службе и в правоохранительных органах, ключ к неподкупности и мотивации государственных служащих.

Ключевые слова: государственная идеология, мотивация государственных служащих, ценностные ориентации, традиционные ценности, служение Отечеству, коррупционные риски, предупреждение коррупции.

Для цитирования: Ильюк Е.В. Служение Отечеству как мотивация к государственной службе в правоохранительных органах // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 80–86. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.009.

Service to the Fatherland as motivation for public service in law enforcement agencies

Elena V. Ilyuk

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia, Elena.ilyuk@mail.ru

Abstract. The article examines traditional values as the foundation of state ideology, the traditional value of service as a manifestation of patriotism in public service and law enforcement agencies, the key to the integrity and motivation of public servants.

Keywords: state ideology, public servant motivation, value orientations, traditional values, service to the Fatherland, corruption risks, corruption prevention.

For citation: Ilyuk, E.V. (2026) Service to the Fatherland as motivation for public service in law enforcement agencies. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 80–86. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.009.

Мотивация к труду исследуется в психологии управления, менеджменте, экономике с целью формирования и создания методик воспитания и обучения «эффективного менеджера». Такие же подходы применяются и в отношении государственных служащих. В результате специалисты отмечают недостаточную или низкую эффективность работы государственных служащих, настаивая на необходимости поиска новых подходов.

Так, Е.А. Ефремова, А.Б. Сабурова рассматривают только материальные и нематериальные формы стимулирования, позитивную и негативную мотивацию, систему наказаний и поощре-

ний, отмечая, что с увеличением стажа работы растет и число привлеченных к дисциплинарной ответственности сотрудников, что свидетельствует о снижении эффективности негативной мотивации, т. е. наказания¹. Такие факторы, как преданность делу, помощь людям, служение, долг, авторами как мотиваторы не рассматриваются.

В.И. Шарин отмечает такие «базовые мотивации государственных гражданских служащих: должностной рост, материальное благополучие, профессиональный рост, социальные гарантии, репутация (почет)», при этом «Российская Федерация по эффективности работы государственных гражданских служащих... занимает 118 место», из этого следует вывод о необ-

ходимости «совершенствования механизмов мотивации труда госслужащих»².

Специалисты по психологии управления ищут новые пути, новые концепции по повышению эффективности работы государственных служащих. Е.Б. Мудрова, К.М. Смородина, А.В. Танина «придают все большую значимость вопросу поиска новых подходов к мотивации профессиональной деятельности»³. Е.В. Фомичев отмечает «низкий уровень эффективности функционирования государственной службы» и видит причины в том, что мотивация «ориентирована на достижение интересов не населения и качество оказываемых гражданам услуг, а на собственные чиновничьи интересы, а также защиту интересов определенных социальных групп, организаций и политических кругов». Анализируя зарубежные исследования мотивации государственных служащих, он выделяет теорию мотивации общественного служения (Public Service Motivation, PSM) Дж. Перри и Л. Вайс. К мотиваторам на государственной службе данная теория относит государственный долг. По мнению Е.В. Фомичева, мотивация государственных служащих «носит достиженный характер, ориентирована на удовлетворение личных интересов, а также лоббирование интересов определенных структур, организаций». Он считает необходимой «смену ценностных ориентаций; в частности поворот государственной службы в сторону общества, удовлетворения потребностей населения»⁴.

Недостатки, связанные с низкой мотивацией по защите граждан, отмечаются и в деятельности правоохранительных органов. П.А. Скобликов отмечает: «...граждане все настойчивее обращаются в правоохранительные органы, суды

и просят, требуют: „Защитите же нас, наконец!“» Прежде всего он указывает на необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, когда преступления остаются безнаказанными, правонарушители ощущают вседозволенность и безнаказанность, потерпевшие получают двойной моральный вред: как от преступления, так и от отказа правоохранительных органов их защитить, при котором «разумные и исполнимые законы, тем не менее, не исполняются», вследствие чего «следует искать способы заставить правоприменителей правильно и неуклонно применять закон»⁵.

В чем состоят «новые» подходы к формированию высокой мотивации на государственной службе⁶?

Идеология России и принципы построения российской государственности вырабатывались веками. Российское государство сформировалось как государство защитно-оборонительного типа, а не моноэтническое (как Германия, Франция), здесь все народы находили защиту от внешних врагов, русский народ жил, не выпуская из рук оружия. Для всех народов Россия стала «матерью городов русских», это была Родина-мать. Был характерен не индивидуализм («своя рубашка ближе к телу»), а взаимопомощь и взаимовыручка, коллективизм. Традиции российской государственности тесно связаны с идеологией деятельного патриотизма. В основе была идея, что нужно быть вместе для отражения нападения врагов (единство народов России) и не допускать междоусобных конфликтов-войн, которые ослабляют страну и государство.

Теория деидеологизации в 1980—1990 гг. пришла в Россию и послужила теоретической основой запрета на государственную идеологию в ст. 13 Конституции РФ 1993 г. Однако в 70-е годы XX века за рубежом появляется теория реидеологизации в связи с пониманием нежизнеспособности идеи отказа от идеологии и пониманием возрастания роли идеологии. Именно теория деидеологизации, запрет на государ-

¹ Ефремова Е.А., Сабурова А.Б. Метод «кнута и пряника» в системе мотивации труда сотрудников следственных органов СК России (на примере дисциплинарной практики) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 3. С. 107—112.

² Шарин В.И. Система мотивации профессиональной деятельности государственных гражданских служащих Российской Федерации // Human Progress. 2017. Т. 3, № 4. URL: https://progress-human.com/images/2017/tom3_4/Sharin.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

³ Мудрова Е.Б., Смородина К.М., Танина А.В. Учет современных мотивационных теорий в системе мотивации государственных служащих // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 107.

⁴ Фомичев Е.В. Трудовая мотивация государственных служащих в условиях реформирования российской государственной службы: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Ростов-на-Дону, 2011.

⁵ Скобликов П.А. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ: еще ближе к «гуманности», еще дальше от справедливости // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 53—54, 59.

⁶ Илюк Е.В. Мотивация к службе в правоохранительных органах // Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. 18. Барнаул, 2022. С. 249—255.

ственную идеологию, идеологический вакуум в СМИ, образовании, на государственной службе стали питательной почвой для роста и расцвета деструктивных, чуждых, чужих идеологий.

Как отмечает ряд исследователей, с 90-х гг. прошлого века основной идеологией стала либеральная идеология. Это отмечали А.В. Агутин, А.И. Бастрыкин, Е.Р. Ергашев, К.А. Чуйченко, М.С. Саликов и другие.

А.И. Бастрыкин неоднократно выступал на международных правовых форумах (13 апреля, 12 мая, 22 ноября 2023 года и др.) по вопросу об отмене запрета на государственную идеологию, отмечая, что фактически в Конституции закреплена либеральная идеология. Идею о необходимости внесения изменений в Конституцию относительно отмены запрета на государственную идеологию поддержал и К.А. Чуйченко, выступая на международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге. «В рамках международного юридического форума в Санкт-Петербурге в мае 2023 года министр юстиции К.А. Чуйченко отметил, что „ни одна страна мира“ не имеет в своей конституции запрета на идеологию, как в России, и „придется решить вопрос“ с 13 статей Конституции о запрете государственной идеологии»⁷.

А.В. Агутин, В.В. Гошуляк, Г.В. Синцов отмечают, что либерализм опирается на западную модель мышления, которая связана с культурой западного общества. В исследовании отмечается, что «идеологическими компонентами либерализма являются идеи, весьма чуждые российской общности, например, идея свободы вместо правды», «внутреннее предназначение либерализма заключается в формировании условий для цинизма и эгоизма», «внутренняя сущность либерализма состоит в подрыве пластов жизни российского народа за счет размывания его традиционных духовно-нравственных ценностей». В результате «народ оказывается дезориентированным и дезорганизованным», то есть разрушается единство народа, и в целом авторы делают вывод: «либеральная идеология управления российским народом себя исчерпала»⁸.

⁷ Бычкова Е.И. Трансформация идеологической функции Конституции России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3. С. 131—132.

⁸ Агутин А.В., Гошуляк В.В., Синцов Г.В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и идеология российского уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 817—823.

Е.И. Бычкова также отмечает: «Нет сомнений, что статья 13 Конституции, запрещающая в нашей стране какую-либо официальную идеологию, — дело рук Запада, так же как и часть 4 ст. 15»⁹.

Как указывают О.М. Коломиец с соавторами, «в современной научной терминологии под понятием „идеология“ общества (государства) мы рассматриваем набор идеологем, принципов, духовных, нравственных, этических и моральных норм, составляющих коллективный образ будущего общества, позволяющий формировать вектор его развития и каждого его члена, а также формировать защитную систему общества для противостояния негативным воздействиям извне, дать энергию сопротивления внешней и внутренней угрозам с целью выживания и физического сохранения общества».

«Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества деструктивной идеологии, включая отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству»¹⁰.

Отличие идеологии патриотизма от других идеологий (анархизм, коммунизм, социализм, консерватизм, либерализм) в том, что она базируется на понятиях Отечества, многоэтничного российского народа и его духовно-нравственных ценностях, а не классовой борьбе, экономическом строе, свободе от ответственности, долга. На негативные аспекты либеральной идеологии, которая получила преимущественное развитие в последние 30 лет, обращает внимание ряд авторов.

В результате установления в статье 13 Конституции РФ запрета на государственную идеологию в идеологической сфере страны возник информационный вакуум, который быстро заполнился либеральной идеологией, а цензура, которая могла бы поставить ей ограничения, была запрещена. Либеральная идеология стала ведущей и на государственной службе.

«Идеология играет первостепенную роль как в консолидации общества, так и в деkonsолидации, т. е. в препятствии, в стимулировании разрушительных процессов. Наша страна долгое

⁹ Бычкова Е.И. Указ. соч. С. 130.

¹⁰ Идеология патриотизма — основа воспитания человека в России / О.М. Коломиец, Т.В. Старцева, Н.А. Паскевская, А.А. Коломиец // Образование в XXI веке: материалы VI Международной научно-практической конференции (Иркутск, 16—18 мая 2023 г.). Иркутск, 2023. С. 170—171.

время находилась в ситуации нестабильности, идейной разобщенности, проявляющейся в существовании и противоборстве десятков идеологических течений, партий, движений, что в конечном итоге привело к потере четких политических и духовных ориентиров, разрозненности социальных групп, не способных определить общие цели и пути их достижения»¹¹.

Основные положения государственной идеологии изложены в посланиях Президента Федеральному Собранию, в Стратегии национальной безопасности и Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, в Указе Президента о традиционных ценностях. В.В. Руденко предлагает рассматривать «документы стратегического планирования как отдельный источник конституционного права»¹².

«К характеристикам духовно-нравственных ценностей относятся следующие: являются устойчивыми ценностями; переходят из одного поколения к другому, унаследованы от предшествующих поколений; имеют вневременной характер»¹³.

В.В. Субочев и К.А. Устиленцев отмечают, что, «во-первых, традиционные российские духовно-нравственные ценности формируют мировоззрение граждан России, то есть обеспечивают процесс становления общественного самосознания и национальной идентичности гражданского общества, что обеспечивает сплочение и выживание людей. Во-вторых, традиционные российские духовно-нравственные ценности транслируются от поколения к поколению, что указывает на их исторически апробированный характер... В-третьих, традиционные российские духовно-нравственные ценности лежат в основе единого культурного пространства страны, поскольку они укрепляют гражданское единство...»¹⁴.

Среди важнейших духовно-нравственных ценностей, закрепленных в Указе Президента, следует выделить патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Патриот ставит интересы своей страны выше своих потребностей и целей.

«Патриотизм — чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с её народом. <...> Патриотизм включает активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству»¹⁵.

Законодательство имеет возможность запрещать или ограничивать информационные ресурсы, соответствующие определенным типам идеологии. Они могут быть запрещены в Конституции (запрет государственной идеологии) либо в уголовном или административном законодательстве.

«О значении патриотизма русского человека для развития России не один раз в своих выступлениях говорил Президент РФ В.В. Путин. Так, в декабре 2019 года он выразил мнение, что патриотизм является единственной возможной идеологией современного общества. В октябре 2020 г., отвечая на вопрос ведущего П. Зарубина в программе „Москва. Кремль. Путин“ на Первом канале РТ, Президент РФ раскрыл суть патриотизма для русского человека: „Национальная идея страны — в патриотизме. Я думаю, что ничего другого не может быть...“»¹⁶.

По словам О.М. Коломиец с соавторами, «патриотизм, как качество личности, формулируется одновременно с присвоением человеком традиционных духовно-нравственных ценностей... Учить человека быть патриотом нужно уже с рождения...»¹⁷.

На наш взгляд, идеология патриотизма на государственной службе и службе в правоохранительных органах проявляется прежде всего в служении.

¹¹ Ергашев Е.Р. К вопросу о влиянии правовой идеологии на принципы прокурорского надзорно-охранительного права // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 5 (24). С. 15.

¹² Руденко В.В. Традиционные ценности в дисциплине «Конституционное право России» // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 96.

¹³ Патриотическое воспитание субъекта образовательного процесса: система исследовательских и практических заданий: учебно-методическое пособие / О.М. Коломиец, М.Г. Голубчикова, Н.А. Паскевская, С.А. Харченко, Е.А. Гранкина. М., 2022. С. 10.

¹⁴ Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: pro et contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 31—32.

¹⁵ Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009. С. 9.

¹⁶ Цит. по: Патриотическое воспитание субъекта образовательного процесса: система исследовательских и практических заданий: учебно-методическое пособие / О.М. Коломиец, М.Г. Голубчикова, Н.А. Паскевская, С.А. Харченко, Е.А. Гранкина. С. 5.

¹⁷ Идеология патриотизма — основа воспитания человека в России / О.М. Коломиец, Т.В. Старцева, Н.А. Паскевская, А.А. Коломиец. С. 171—172.

Как сказал Президент, напоминая слова Александра Невского, «каждый будет сражаться там, где стоит». Об этом же говорит и Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин: «Важен вклад каждого сотрудника в общее дело»¹⁸.

Традиционные ценности необходимо закреплять законодательно и защищать, охранять. Ценности подлежат правовому регулированию и правовой защите¹⁹.

Эти же идеи высказывают В.В. Субочев, К.А. Устиленцев: российские духовно-нравственные ценности «сегодня выступают предметом правовой охраны в различных отраслях российского законодательства»²⁰.

Идеи необходимости дальнейшего изменения Конституции все чаще появляются в научных публикациях. Так, Е.И. Бычкова отмечает: «...в будущем может возникнуть необходимость закрепления какой-либо государственной обязательной идеологии в нашей стране, что повлечет за собой неизбежно пересмотр всего текста Конституции и принятие нового Основного закона»²¹. Полностью поддерживаем такое предложение.

Традиционные ценности становятся частью российской правовой системы и влияют на формирование определенного типа правосознания, что требует коррекции государственной политики Российской Федерации.

Государственная идеология связана с системой ценностных ориентаций и стратегией развития страны, которые, на наш взгляд, должны быть обязательны для государственных служащих, государственных СМИ и государственного образования. Она демонстрирует, чему служит человек — золотому тельцу или стране, ее развитию и благополучию.

В заключение следует отметить, что государственная идеология необходима для развития страны, ее независимости и суверенитета; что при прямом запрете на государственную идеологию использовался термин «традиционные духовно-нравственные ценности», которые являются ее основой, содержанием; что госу-

дарственная идеология и традиционные духовно-нравственные ценности незаменимы в процессе воспитания граждан страны, и прежде всего государственных служащих.

Список литературы

1. Агутин А.В., Гошуляк В.В., Синцов Г.В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и идеология российского уголовного судопроизводства // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 4. С. 817—823. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823.
2. Бастрыкин А.И. Александр Бастрыкин: «Важен вклад каждого сотрудника в общее дело» // Правда и закон. 2018. № 2 (4). С. 3—6.
3. Бычкова Е.И. Трансформация идеологической функции Конституции России // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 3. С. 128—133. doi: 10.54217/2588-0136.2024.41.3.018.
4. Ергашев Е.Р. К вопросу о влиянии правовой идеологии на принципы прокурорского надзора охранительного права // Юристь-Правоведь. 2007. № 5 (24). С. 12—16.
5. Ефремова Е.А., Сабурова А.Б. Метод «кну-та и пряника» в системе мотивации труда сотрудников следственных органов СК России (на примере дисциплинарной практики) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 3. С. 107—112. doi: 10.54217/2588-0136.2023.37.3.012.
6. Идеология патриотизма — основа воспитания человека в России / О.М. Коломиец, Т.В. Старцева, Н.А. Паскевская, А.А. Коломиец // Образование в XXI веке: материалы VI Международной научно-практической конференции (Иркутск, 16—18 мая 2023 г.). Иркутск: Иркутский государственный университет, 2023. С. 169—174.
7. Илюк Е.В. Мотивация к службе в правоохранительных органах // Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Вып. 18 / под ред. С.И. Давыдова, Е.Н. Петухова, В.В. Полякова. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2022. С. 249—255.
8. Мудрова Е.Б., Смородина К.М., Танина А.В. Учет современных мотивационных теорий в системе мотивации государственных служащих // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 106—114. doi: 10.25683/VOLBI.2022.60.347.

¹⁸ Бастрыкин А.И. Александр Бастрыкин: «Важен вклад каждого сотрудника в общее дело» // Правда и закон. 2018. № 2 (4). С. 3.

¹⁹ Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 60—68.

²⁰ Субочев В.В., Устиленцев К.А. Указ. соч. С. 35.

²¹ Бычкова. Указ. соч. С. 131.

9. Патриотическое воспитание субъекта образовательного процесса: система исследовательских и практических заданий: учебно-методическое пособие / О.М. Коломиец, М.Г. Голубчикова, Н.А. Паскевская, С.А. Харченко, Е.А. Гранкина. М.: Развитие образования, 2022. 110 с.

10. Руденко В.В. Традиционные ценности в дисциплине «Конституционное право России» // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 5. С. 95–101. doi: 10.34076/2410_2709_2023_5_95.

11. Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 60–68. doi: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-60-68.

12. Скобликов П.А. Законодательная инициатива Верховного Суда РФ: еще ближе к «гуманности», еще дальше от справедливости // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4 (39). С. 52–63.

13. Субочев В.В., Устиленцев К.А. Нормативно-правовое закрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей: pro et contra // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2024. № 2. С. 30–37. doi: 10.54217/2588-0136.2024.40.2.003.

14. Фомичев Е.В. Трудовая мотивация государственных служащих в условиях реформирования российской государственной службы: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Ростов-на-Дону, 2011. 167 с.

15. Шарин В.И. Система мотивации профессиональной деятельности государственных гражданских служащих Российской Федерации // Human Progress. 2017. Т. 3, № 4. URL: https://progress-human.com/images/2017/tom3_4/Sharin.pdf (дата обращения: 14.05.2026).

References

1. Agutin, A.V., Goshulyak, V.V., Sintsov, G.V. (2017) Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i ideologiya rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva [The national security strategy of the Russian Federation and the ideology of Russian criminal legal proceedings]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 11, no. 4, pp. 817–823. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823.

2. Bastrykin, A.I. (2018) Aleksandr Bastrykin: “Vazhen vklad kazhdogo sotrudnika v obshchee delo” [Alexander Bastrykin: “The important contribution of each employee to the common cause”]. *Pravda i zakon*, no. 2, pp. 3–6. (In Russ.).

3. Bychkova, E.I. (2024) Transformatsiya ideologicheskoy funktsii Konstitutsii Rossii [Transformation of the ideological function of the Russian Constitution]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 128–133. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.41.3.018.

4. Ergashev, E.R. (2007) K voprosu o vliyaniy pravovoy ideologii na printsipy prokurorskogo nadzorno-okhranitel'nogo prava [On the influence of legal ideology on the principles of prosecutorial supervision and protective law]. *Yurist-Pravoved*, no. 5, pp. 12–16. (In Russ.).

5. Efremova, E.A., Saburova, A.B. (2023) Metod “knuta i pryanika” v sisteme motivatsii truda sotrudnikov sledstvennykh organov SK Rossii (na primere distsiplinarnoy praktiki) [The “carrot and stick” method in the system of motivation of employees of investigative bodies of the IC of Russia (on the example of disciplinary practice)]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 107–112. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2023.37.3.012.

6. Kolomiets, O.M., Startseva, T.V., Paskevskaya, N.A., Kolomiets, A.A. (2023) Ideologiya patriotizma – osnova vospitaniya cheloveka v Rossii [The ideology of patriotism is the basis of human education in Russia]. In: *Obrazovanie v XXI veke. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, May 16–18, 2023*. Irkutsk, Irkutsk State University, pp. 169–174. (In Russ.).

7. Ilyuk, E.V. (2022) Motivatsiya k sluzhbe v pravookhranitel'nykh organakh [Motivation for service in law enforcement agencies]. In: *Problemy teorii i praktiki ispolneniya ugolovno-protsessual'nykh obyazannostey. Sbornik statey XX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya na Altaye”*. Iss. 18. Barnaul, Altai State University, pp. 249–255. (In Russ.).

8. Mudrova, E.B., Smorodina, K.M., Tanina, A.V. (2022) Uchet sovremennykh motivatsionnykh teoriy v sisteme motivatsii gosudarstvennykh sluzhashchikh [Consideration of modern motivational theories in the motivation system of civil servants]. *Business. Education. Law*, no. 3, pp. 106–114. (In Russ.). doi: 10.25683/VOLBI.2022.60.347.

9. Kolomiets, O.M., Golubchikova, M.G., Paskevskaya, N.A., Kharchenko, S.A., Grankina, E.A. (2022) Patrioticheskoe vospitanie sub'ekta obrazovatel'nogo protsessa: sistema issledovatel'skikh i prakticheskikh zadaniy [Patriotic education of the subject of the educational process: a system of research and practical tasks].

on of the subject of the educational process: system of research and practical tasks]. Moscow, Razvitie obrazovaniya, 110 p. (In Russ.).

10. Rudenko, V.V. (2023) Traditsionnye tsennosti v distsipline "Konstitutsionnoe pravo Rossii" [Traditional values in teaching Constitutional Law of Russia]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 5, pp. 95–101. (In Russ.). doi: 10.34076/2410_2709_2023_5_95.

11. Salikov, M.S., Goncharov, M.V. (2020) Konstitutsionnye tsennosti na novom etape razvitiya Osnovnogo zakona Rossiyskoy Federatsii [Constitutional values at a new stage of development of the Basic Law of the Russian Federation]. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, no. 1, pp. 60–68. (In Russ.). doi: 10.34076/2619-0672-2020-4-1-60-68.

12. Skoblikov, P.A. (2015) Zakonodatel'naya initsiativa Verkhovnogo Suda RF: eshche blizhe k "gumannosti," eshche dal'she ot spravedlivosti [Legislative initiative of the Supreme Court of the Russian Federation: closer to "humanity," further from justice]. *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, no. 4, pp. 52–63. (In Russ.).

13. Subochev, V.V., Ustilentsev, K.A. (2024) Normativno-pravovoe zakreplenie traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey: pro et contra [Normative and legal implementation of traditional Russian spiritual and moral values: pro et contra]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 30–37. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2024.40.2.003.

14. Fomichev, E.V. (2011) Trudovaya motivatsiya gosudarstvennykh sluzhashchikh v usloviyakh reformirovaniya rossiyskoy gosudarstvennoy sluzhby [Labor motivation of civil servants in the context of reforming the Russian civil service]. Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 167 p. (In Russ.).

15. Sharin, V.I. (2017) Sistema motivatsii professional'noy deyatel'nosti gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh Rossiyskoy Federatsii [The system of motivating state civil servants' professional activity in Russian Federation]. *Human Progress*, vol. 3, no. 4. URL: https://progress-human.com/images/2017/tom3_4/Sharin.pdf (accessed May 14, 2026). (In Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Ильюк — доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E.V. Ilyuk – Associate Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Муниципальное право России. 13-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф УМО по юридическому образованию вузов РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева, А.М. Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 559 с.

ISBN: 978-5-238-03848-3

Изложены основные теории местного самоуправления, рассмотрена история возникновения и развития самоуправления в России. Показаны современные подходы к пониманию местного самоуправления, главные направления государственной политики России в этой области. Представлены предмет, метод, система и источники муниципального права. С учетом комплексного характера определено особое место муниципального права в системе российского права. Рассмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в нем. Описаны структура органов местного самоуправления и различные модели ее организации.

Для студентов (курсантов), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей высших юридических образовательных учреждений, органов и должностных лиц местного самоуправления. Может быть использован в учебном процессе по дистанционным образовательным технологиям.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 87—95.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 87–95.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.010

NIION: 2015-0065-02/26-385
MOSURED: 77/27-010-2026-02-584

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Предпосылки разработки методики расследования пенитенциарных преступлений в чрезвычайных ситуациях

Александр Владимирович Акчурин

Академия ФСИН России, Рязань, Россия, akchur79@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

Аннотация. В статье поднимается проблема неразработанности методических рекомендаций расследования преступлений, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в условиях чрезвычайных ситуаций. Исследуется степень научной разработанности теоретических основ расследования преступлений в чрезвычайных ситуациях. Выявляются проблемы криминалистического обеспечения расследования преступлений в чрезвычайных ситуациях, особых условиях, требующие научного осмысления. Формулируется актуальность теоретической разработки аналогичных проблем в сфере расследования пенитенциарных преступлений с учетом специфики правовой регламентации режима особых условий.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления, расследование в условиях чрезвычайных ситуаций, режим особых условий.

Для цитирования: Акчурин А.В. Предпосылки разработки методики расследования пенитенциарных преступлений в чрезвычайных ситуациях // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 87—95. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.010.

Prerequisites for the development of a methodology for investigating penitentiary crimes in emergency situations

Alexander V. Akchurin

Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, akchur79@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1742-1162>

Abstract. The article raises the problem of the lack of developed methodological recommendations for investigating crimes committed by convicts in correctional facilities and pre-trial detention centers in emergency situations. The article examines the degree of scientific development of the theoretical foundations of the investigation of crimes in emergency situations. It identifies the problems of forensic support for the investigation of crimes in emergency situations and special conditions that require scientific analysis. The article also highlights the relevance of theoretical development of similar problems in the field of the investigation of penitentiary crimes, taking into account the specific legal regulation of the special conditions regime.

Keywords: penitentiary crimes, investigation in emergency situations, special conditions regime.

For citation: Akchurin, A.V. (2026) Prerequisites for the development of a methodology for investigating penitentiary crimes in emergency situations. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 87–95. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.010.

Введение. Целенаправленная разработка криминалистических методик расследования пенитенциарных преступлений, осуществляемая на протяжении более шести десятков лет, позволила значительно обогатить отечественную криминалистику научными зна-

ниями¹. Вместе с тем до сих пор отдельные вопросы, требующие методических рекомендаций расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях и следственных

¹ Акчурин А.В., Прысь Е.В. Генезис общей методики расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20, № 2. С. 253—263.

изоляторах, остаются в научном плане не осмысленными, а в теоретическом — не разработанными.

Одним из таких вопросов является методика расследования пенитенциарных преступлений в чрезвычайных ситуациях.

Основная часть. Анализ словарей русского языка², толкующих слово «чрезвычайный», позволяет говорить о том, что чрезвычайность как ключевая характеристика подобных ситуаций обуславливается их нестандартностью, необычностью, исключительностью. Подобные ситуации характеризуются множественностью тех обстоятельств, которые могут сформировать нестандартные условия жизнедеятельности общества и государства.

На законодательном уровне понятие чрезвычайной ситуации закреплено в ст. 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Однако в данном нормативном акте речь идет исключительно о тех обстоятельствах, угрожающих человеку, обществу, окружающей среде или материальной собственности, которые возникли в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы либо распространения заболевания.

Несколько более подробную формулировку предусматривает ст. 3 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», где помимо чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера указываются чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения и требующие проведения масштабных аварийно-спасательных и других неотложных работ.

Одновременно в указанной статье данного законодательного акта наряду с отмеченными обстоятельствами чрезвычайного характера перечисляются ситуации, связанные с попытками насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или

присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

При этом анализ причин возникновения подобных ситуаций позволяет говорить о некоторой объективности возникновения ситуаций природного и техногенного характера, а также экологических ситуаций, которые зачастую нельзя однозначно связать с результатом социальной деятельности, носящей криминальную направленность. В отличие от них, вооруженные мятежи, массовые беспорядки и прочие схожие ситуации, очевидно, носят более субъективный характер и криминальную природу.

О криминалистической значимости выработанных методических рекомендаций, предусматривающих особенности организации расследования преступлений в нестандартных обстоятельствах, говорит само за себя многообразие различного рода чрезвычайных ситуаций последних лет: масштабные лесные пожары, наводнения, пандемия (COVID-19), массовые случаи ракетной и беспилотной опасности и т. п.

Справедливости ради надо отметить, что существенный вклад в формирование теоретической основы расследования преступлений в чрезвычайных условиях внес профессор В.Н. Григорьев, разработав в ходе докторского исследования правовые, организационные и методические аспекты предметной области³. Обосновывая необходимость формирования отдельной теоретической концепции расследования преступлений в чрезвычайных условиях, он сделал упор на специфику закономерностей правового обеспечения, которая обусловлена потребностью как в одномоментном соблюдении обычных законодательно урегулированных процедур в области уголовного судопроизводства, так и в учете особых правовых норм, призванных обеспечить адекватное реагирование на складывающиеся в условиях чрезвычайных обстоятельств практические ситуации, имеющие в конечном счете определен-

² Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М., 1988; Большой толковый словарь русского языка: около 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2004.

³ Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. (Правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.

ную криминалистическую значимость. Не менее важное место в своей концепции В.Н. Григорьев отвел специфике организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Совершенно верно им было замечено, что для такой категории преступлений характерным является то, что помимо «традиционных мероприятий, которые предпринимаются на уровне отдельного уголовного дела: планирование работы следователя, обеспечение квалифицированного руководства следственно-оперативной группой, подборка нормативного и другого материала и иные организационные мероприятия по уголовному делу, необходимые для успешного раскрытия преступлений»⁴, — появляется острая потребность в решении организационных и иного порядка вопросов — «формирование следственных групп для работы в чрезвычайных условиях, их материально-техническое снабжение, обеспечение реального участия различных субъектов в уголовном процессе, организация взаимодействия с местными органами государственной власти и управления»⁵, подразделениями войск национальной гвардии, органов безопасности, Вооруженных Сил и т. д.

Длительный период времени данная тематика не получала дальнейшего активного развития. Лишь отдельные аспекты становились предметом редких научных публикаций. Так, например, Н.Ю. Борзунова и Н.С. Косякова, обращая внимание на специфику организации расследования преступлений в чрезвычайных условиях, отметили ряд сложностей, с которыми приходится сталкиваться в процессе формирования специализированной следственной группы, предназначенной для такой работы: «принятие решения о создании следственной группы для расследования чрезвычайных обстоятельств; доведение предписаний, содержащихся в решении, до исполнителей; выделение в территориальных подразделениях следственных работников и подготовка их к действиям в чрезвычайных условиях; прибытие назначенных следователей к месту производства расследования; сбор следователей в единую группу; процессуальное оформление создания следственной группы; образование структурных подразделений в составе следственной группы; распределение следователей по структурным подразделениям; определение каждому следователю кон-

кретного участка или направления работы»⁶. По их мнению, система подобных действий до последнего времени остается еще не до конца отработанной, что обуславливает возникновение целого ряда проблем, в том числе с принятием решения о создании группы, с выделением следователей для работы в ней.

В последние несколько лет внимание к рассматриваемой проблематике значительно усилилось. Нельзя не отметить вышедшее в свет в 2020 г. учебное пособие «Расследование преступлений в чрезвычайных условиях», подготовленное коллективом авторов под редакцией Я.В. Комиссаровой. В нем раскрыты теоретические, организационно-правовые и криминалистические основы расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Авторский коллектив подробно рассмотрел сущность и значение чрезвычайных условий при расследовании преступлений. Раскрыты вопросы общей характеристики преступлений, составляющих предмет расследования в чрезвычайных условиях, особенности организации расследования, специфика правового обеспечения расследования преступлений в условиях режима чрезвычайного положения, контртеррористической операции, военного положения. Дана криминалистическая характеристика массовых беспорядков, раскрыты некоторые особенности расследования данной категории преступлений. Исследованы вопросы теоретического, организационно-правового и криминалистического обеспечения расследования преступлений в районах вооруженного конфликта, отдельных преступлений, совершаемых военнослужащими в подобных условиях. При этом авторский коллектив поднял ряд проблем в том числе в части организации расследования подобной категории преступлений, анализируя практику, которая показала отсутствие единообразного подхода в организации расследования в условиях чрезвычайной ситуации. Авторами отмечено, что в современной практике встречаются различные формы: «1) задержание обычного порядка организации расследования преступлений, когда им занимаются местные следственные органы; 2) использование следственных сил центрального аппарата правоохранительных органов; 3) привлечение сил территориальных следственных подразделений по авральной методике; 4) создание

⁴ Григорьев В.Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330.

⁵ Там же.

⁶ Борзунова Н.Ю., Косякова Н.С. Специфика и сложность организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2014. № 3. С. 78—79.

специальных следственных подразделений оперативного реагирования»⁷.

С.В. Страхова, анализируя вопросы организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации, приходит к выводу, что «для обеспечения наибольшей эффективности расследования преступлений в таких условиях целесообразно формирование специализированных межведомственных следственно-оперативных групп, в состав которых наряду со следователями, следователями-криминалистами необходимо включать оперативных уполномоченных, а также экспертов и специалистов»⁸. При этом возможность и порядок создания подобных следственно-оперативных групп данный автор предлагает предусмотреть в соответствующих законодательных актах.

Применительно к рассматриваемой проблематике в современной юридической литературе сформировалось еще более широкое обозначение нестандартных условий, в которых следует учитывать определенные особенности процесса расследования преступлений, — «особые условия». С.И. Гирько и С.В. Харченко под таковыми понимают обстановку, сложившуюся в результате возникновения следующих чрезвычайных обстоятельств: введение чрезвычайного положения; при проникновении или действиях на обслуживаемой территории диверсионно-разведывательных и террористических групп; угроза применения или применение оружия массового поражения, что характеризуется повышенной степенью опасности для жизни людей, деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, работы организаций, сохранности материальных ценностей⁹. По их мнению, понятие «особые условия» вбирает в себя термины «чрезвычайные происшествия», «чрезвычайные обстоятельства», «чрезвычайная ситуация». Указанные авторы утверждают, что предложенная ими терминология дол-

жна рассматриваться в качестве универсальной правовой категории, характеризующей деятельность субъектов и объектов управления в экстремальной обстановке. В этой связи перечисленные выше «чрезвычайные» термины «являются обозначением частных случаев особых условий, под которыми в общем плане понимаются обусловленные этими ситуациями неординарные, экстремальные условия принятия и исполнения решений по управлению силами и средствами правоохранительных органов в целях надлежащего обеспечения общественного порядка и общественной безопасности именно в указанных условиях»¹⁰.

Развитие данного подхода прослеживается в монографии «Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях» (2023), подготовленной в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева И.Н. Озеровым¹¹. В ней автором были исследованы вопросы сущности организации раскрытия и расследования преступлений в особых условиях, особенности планирования раскрытия и расследования преступлений, организация проведения исследований, прогнозирования криминогенной обстановки и изучения общественного мнения при раскрытии и расследовании преступлений в особых условиях, вопросы взаимодействия оперативных подразделений со следователем в процессе раскрытия и расследования преступлений в особых условиях.

Еще более фундаментальное исследование было проведено В.О. Давыдовым, представившим в 2025 г. научной общественности его результаты в виде монографической работы «Научные основы криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях». Автор обстоятельным образом и всесторонне исследовал проблематику расследования преступлений в особых условиях, раскрывая концептуальные основы криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях, исследуя проблематику правового, организационного, информационного, научно-методического и научно-технического обеспечения расследования преступлений в особых условиях¹².

⁷ Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: учебное пособие / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М., 2020. С.16.

⁸ Страхова С.В. О некоторых вопросах организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации специализированными следственными группами // Крымские юридические чтения: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 21 июня 2024 г.) / под общ. ред. С.В. Герасимовского; сост. А.Ф. Кравчук, А.П. Сергеева. Воронеж, 2024. С. 262—263.

⁹ Гирько С.И., Харченко С.В. Некоторые вопросы раскрытия и расследования преступлений в особых условиях // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 175.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ Озеров И.Н. Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях: монография. М., 2023.

¹² Давыдов В.О. Научные основы криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях: монография. М., 2025.

В.О. Давыдов, говоря о тех или иных видах преступных деяний в контексте их взаимосвязи с обстановкой особых условий, выделяет две условные группы типичных криминалистически значимых признаков. К первой он относит признаки, обусловленные обстановкой особых условий и являющиеся общими для тех или иных видов преступлений независимо от конкретных обстоятельств, в которых они были совершены. В их числе он называет: иную объективную реальность социального, природного, техногенного или биологического свойства; спонтанность возникновения кризисной ситуации; непредсказуемость её развития во времени, в пространстве и по кругу лиц; напряженность, конфликтность и стрессовость происходящих событий; сохранение влияния детерминант особых условий на обстановку в течение определенного временного периода — от нескольких часов до нескольких суток, месяцев, лет; тяжесть негативных последствий (физического, имущественного, морального ущерба, причиненного охраняемым законом субъектам) для личности, общества и государства; значительное количество и видовое разнообразие преступлений, совершаемых в обстановке особых условий; дезорганизацию процессов повседневной жизнедеятельности социума (в том числе в сфере правопорядка) на определенной территории, объекте или в конкретной зоне ответственности правоохранительных органов; иное правовое регулирование деятельности (режим действия), иную организационную структуру действий, иную тактику действий и ресурсное обеспечение правоохранительных органов. Вторую группу типичных криминалистически значимых признаков, присущих тому или иному виду преступлений, указанный автор обуславливает конкретной обстановкой особых условий¹³.

Очевидно, что в целом расследование преступлений в чрезвычайных ситуациях, или, как более широко называет их ряд упомянутых ранее авторов, особых условиях, — сфера деятельности правоохранительных органов, не являющаяся повседневной. Однако чрезвычайность тех обстоятельств, в которых органы предварительного расследования вынуждены порой функционировать, заставляет ученых и практиков

обращаться к данной проблематике, осмысливая те закономерности, которые связаны с ней, вырабатывая рекомендации методического построения процесса расследования даже в таких нестандартных условиях.

Для уголовно-исполнительной системы функционирование в чрезвычайных условиях — явление не частое. Однако реалии нового времени заставляют переосмысливать деятельность пенитенциарных учреждений в современных условиях. К сожалению, следует констатировать, что в современной юридической литературе, в том числе и тех работах, которые ранее были упомянуты, вопросы расследования пенитенциарных преступлений в чрезвычайных условиях остались в стороне и не стали предметом отдельного исследования.

Применительно к чрезвычайным обстоятельствам коллектив авторов монографии «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения» придерживается ранее представленной общей позиции, выделяя две большие группы экстремальных условий. К первой они относят факторы природного характера (землетрясения, извержения вулканов, наводнения и цунами, ураганы и смерчи, сильные ливни и снегопады, продолжительные морозы и засухи, обвалы, оползни и лавины, природные пожары), ко второй — факторы субъективного характера (войны, локальные международные конфликты, поджоги)¹⁴.

Профессор Н.П. Барабанов к чрезвычайным ситуациям, помимо ситуаций природного и техногенного происхождения, биогенного характера, относил и чрезвычайные ситуации криминального характера. Под последней разнovidностью, складывающейся в условиях исправительного учреждения, он понимал «такую ситуацию, когда криминогенные процессы и явления, происходящие среди осужденных, другие факторы (природные, техногенные, биогенные) обусловили создание сложной оперативной обстановки, вызвали панические настроения, распространение слухов, причинение тяжкого вреда здоровью осужденных или персоналу, совершение осужденными убийств, нападений на персонал, захватов заложников, побегов, групповых хулиганств, неповиновений, массовых

¹³ Давыдов В.О. О некоторых актуальных вопросах криминалистического исследования особых условий в аспекте решения задач криминалистического обеспечения расследования преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2025. Вып. 1. С. 8.

¹⁴ Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: монография / [под общ. ред. А.А. Крымова]; Университет ФСИН России; Академия ФСИН России. М., 2020. С. 121—123.

беспорядков, возникновение угрозы жизни осужденных и персоналу, нарушений устойчивого функционирования исправительного учреждения»¹⁵.

Возникновение подобных ситуаций в исправительных учреждениях нередко происходит в результате осложнения оперативной обстановки, что обусловлено ошибками в действиях должностных лиц, ответственных за принятие решений на начальной стадии ее развития (зачастую в отсутствие начальника исправительного учреждения или заместителей). При этом групповой отказ осужденных от приема пищи или невыход на работу могут перерасти в массовые беспорядки. Совершение убийства или иного пенитенциарного преступления может привести к разбирательствам в среде осужденных, противостоянию различных группировок и вылиться в массовые беспорядки¹⁶.

Такие происшествия для любого исправительного учреждения являются безусловно чрезвычайными. История отечественной уголовно-исполнительной системы содержит множество примеров подобных случаев. Только за последние сто лет было несколько волн массовых беспорядков и групповых неповиновений осужденных в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества. В 30-х годах прошлого столетия активизация уголовно-бандитствующих элементов в местах лишения свободы привела к принятию экстренных мер на уровне НКВД СССР. В отношении случаев бандитизма и разбоя в лагерях НКВД циркулярами ведомства предписывалось заканчивать рассмотрение дел не позднее 5-дневного срока, включая в этот срок и время составления обвинительного заключения. Расстрелы заключенных «за бандитско-хулиганские действия в лагере» не являлись редкостью¹⁷. Первая половина 50-х годов прошлого столетия была ознаменована целой чередой волнений, поднятых заключенными в особых лагерях, что в итоге привело к коренному пересмотру уголовной политики Советского государ-

ства¹⁸. Кризис Советского Союза в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого столетия проявился в резком всплеске массовых беспорядков и захватов заложников в исправительных учреждениях, что обусловило необходимость принятия экстренных мер системного характера — создание отрядов специального назначения в уголовно-исполнительной системе (1990), призванных обеспечить наведение порядка и безопасность в подобных экстренных ситуациях¹⁹. В новейшей истории групповые неповиновения, массовые беспорядки, захваты заложников также не искоренены²⁰.

Ситуации массовых беспорядков формируют условия, в которых становится проще совершить сопутствующие преступления (поджоги, убийства, причинение вреда здоровью и др.), осуществить сокрытие следов содеянного либо сложнее установить конкретные обстоятельства произошедшего. Все это затрудняет процесс расследования, затягивает его сроки. К примеру, по произошедшим в апреле 2020 г. в ИК-15 г. Ангарска массовым беспорядкам, в которых принимали участие более 300 осужденных, только через 5 лет Иркутским областным судом был оглашен приговор, в результате которого 12 участников признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1, 2 ст. 212 УК РФ и ч. 3 ст. 321 УК РФ²¹.

М.С. Мачехин замечает, что «особое значение для следственных органов и администрации учреждений имеет установление организаторов и руководителей массовых беспорядков. Сотрудникам учреждения нужно установить ядро криминальной группы и по возможности нейтрализовать его действия. Как правило, в это небольшое ядро входят зачинщики, организаторы, информаторы, провокаторы и ближнее

¹⁵ Барабанов Н.П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов: монография. Рязань, 2003. С. 24.

¹⁶ Епифанов С.С., Журавлев А.Н., Моисеев Н.Д. Оценка оперативной обстановки (уголовно-исполнительный, оперативно-разыскной и информационно-правовой аспекты): монография. М., 2025. С. 76—77.

¹⁷ Сидоркин А.И. Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930—1950-е гг. // Lex russica. 2015. № 5. С. 101.

¹⁸ Ильягуева А.А. Правовой статус заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР: 1929—1956 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 19.

¹⁹ Поникаров С.В. Эволюционное становление и развитие правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1—4), № 2. С. 199—208.

²⁰ Тихонов А. Крупнейшие бунты в СИЗО и колониях за последние 10 лет // Ведомости. 2024. 23 августа. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/08/23/1057650-krupneishie-bunti> (дата обращения: 27.02.2026).

²¹ Никифоров В. В беспорядках навели порядок // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7535217> (дата обращения: 27.02.2026).

их окружение, а оставшаяся, более широкая группа участников беспорядков — это сочувствующие и колеблющиеся»²².

Необходимо отметить, что чрезвычайные ситуации криминального характера в исправительных учреждениях и следственных изоляторах обладают своей спецификой. Активная деятельность криминальной оппозиции проявляется не только в совершении пенитенциарных преступлений, но и отличается активным привлечением средств массовой информации, тенденциозно освещающих подобные события, использованием интернет-ресурсов для масштабирования фейковых сообщений, вовлечением в процессы противодействия расследованию псевдоправозащитных организаций и иных заинтересованных участников и т. п.

Функционирование исправительных учреждений и следственных изоляторов даже в повседневных условиях предполагает множество особенностей организационного, правового, технического и иного характера. Чрезвычайные же ситуации существенным образом осложняют оперативную обстановку в подобных учреждениях, формируя особенности, усугубляющие эффективную реализацию многих функций и направлений деятельности.

Не исключая возможности использования осужденными сложившейся в результате чрезвычайных обстоятельств обстановки в своих преступных целях, законодатель предусмотрел возможность организационного реагирования на подобные ситуации. Статья 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации регламентирует порядок введения режима особых условий в исправительных учреждениях — в случаях введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайного или военного положения, режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, ограничительных мероприятий (карантина) в исправительном учреждении. Режим особых условий также может быть введен в исправительном учреждении при захвате заложников, массовых беспорядках или групповом неповиновении осужденных, при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на исправительное учреждение, при введении ограничительных мероприятий (карантина) в пределах исправительного учреждения.

²² Мачехин М.С. Массовые беспорядки и групповые неповиновения, совершаемые в исправительных учреждениях: характеристика, причины и меры противодействия: монография. Пермь, 2020. С. 20—21.

Особенности данного режима обусловлены возможностью изменения распорядка дня, ограничения деятельности производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных, введения усиленного варианта охраны и надзора, особого порядка допуска на объекты исправительного учреждения.

Заключение. В целом, несмотря на особенности правовой регламентации деятельности исправительных учреждений в период введения режима особых условий, следует заметить, что какой-либо специфики в организации процесса расследования пенитенциарных преступлений, совершаемых в условиях чрезвычайных ситуаций, в действующем законодательстве на сегодняшний день не предусмотрено. В условиях отсутствия специализированных следственных органов, расследующих пенитенциарные преступления, и с учетом закрытого характера функционирования исправительных учреждений, становится очевидной сложность организационного и методического реагирования органов предварительного расследования в случае возникновения необходимости установления обстоятельств произошедшего противоправного деяния в исправительном учреждении (следственном изоляторе), совершенного в чрезвычайных условиях. Перечисленные обстоятельства в настоящее время обуславливают необходимость разработки методических рекомендаций расследования пенитенциарных преступлений в чрезвычайных ситуациях.

Список литературы

1. Акчурина А.В., Прысь Е.В. Генезис общей методики расследования преступлений, совершаемых осужденными в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20, № 2. С. 253—263. doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).2.253-263.
2. Барабанов Н.П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов: монография. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. 363 с.
3. Большой толковый словарь русского языка: около 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2004. 1268 с.
4. Борзунова Н.Ю., Косякова Н.С. Специфика и сложность организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2014. № 3. С. 77—83.

5. Гирько С.И., Харченко С.В. Некоторые вопросы раскрытия и расследования преступлений в особых условиях // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 174—178.

6. Григорьев В.Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. (Правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 565 с.

7. Григорьев В.Н. Структура теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 330—333.

8. Давыдов В.О. Научные основы криминалистического обеспечения расследования преступлений в особых условиях: монография. М.: Юрлитинформ, 2025. 362 с.

9. Давыдов В.О. О некоторых актуальных вопросах криминалистического исследования особых условий в аспекте решения задач криминалистического обеспечения расследования преступлений // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2025. Вып. 1. С. 3—12. doi: 10.24412/2071-6184-2025-1-3-12.

10. Епифанов С.С., Журавлев А.Н., Моисев Н.Д. Оценка оперативной обстановки (уголовно-исполнительный, оперативно-разыскной и информационно-правовой аспекты): монография. М.: Проспект, 2025. 176 с.

11. Ильягуева А.А. Правовой статус заключенных в исправительно-трудовых лагерях СССР: 1929—1956 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 21 с.

12. Мачехин М.С. Массовые беспорядки и групповые неповиновения, совершаемые в исправительных учреждениях: характеристика, причины и меры противодействия: монография. Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2020. 109 с.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 748 с.

14. Озеров И.Н. Организация раскрытия и расследования преступлений в особых условиях: монография. М.: Московская академия Следственного комитета, 2023. 142 с.

15. Поникаров С.В. Эволюционное становление и развитие правоохранительной деятельности подразделений специального назначения учреждений и органов, выполняющих функции в сфере исполнения уголовных наказаний // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1—4), № 2. С. 199—208. doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.199-208.

16. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: учебное пособие / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2020. 304 с.

17. Сидоркин А.И. Особенности борьбы с бандализмом в местах лишения свободы в 1930—1950-е гг. // Lex russica. 2015. № 5. С. 99—109.

18. Страхова С.В. О некоторых вопросах организации расследования преступлений в условиях чрезвычайной ситуации специализированными следственными группами // Крымские юридические чтения: сборник материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 21 июня 2024 г.) / под общ. ред. С.В. Герасимовского; сост. А.Ф. Кравчук, А.П. Сергеева. Воронеж: Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. С. 257—264.

19. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: монография / [под общ. ред. А.А. Крымова]; Университет ФСИН России; Академия ФСИН России. М.: Криминологическая библиотека, 2020. 360 с.

References

1. Akchurin, A.V., Prys, E.V. (2025) Genezis obshhej metodiki rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody [The genesis of the general methodology for investigating crimes committed by convicts in places of deprivation of liberty]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*, vol. 20, no. 2, pp. 253—263. (In Russ.). doi: 10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).2.253-263.

2. Barabanov, N.P. (2003) Organizacija dejatel'nosti ispravitel'nyh uchrezhdenij po preduprezhdeniju i presecheniju massovyh besporjadkov, zahvatov zalozhnikov, pobegov [Organization of the activities of correctional institutions for the prevention and suppression of mass riots, hostage-taking, and escapes]. Monograph. Rjazan, Academy of Law and Management of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 363 p. (In Russ.).

3. Ushakov, D.N. (ed.) (2004) Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [The Great Explanatory Dictionary of the Russian language]. Moscow, AST, Astrel, 1268 p. (In Russ.).

4. Borzunova, N.Ju., Kosjakova, N.S. (2014) Specifika i slozhnost' organizacii rassledovaniya prestuplenij v uslovijah chrezvychajnoj situacii [Specifity and complexity of the investigation of crimes in emergencies]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii*, no. 3, pp. 77—83. (In Russ.).

5. Girko, S.I., Harchenko, S.V. (2022) Nekotorye voprosy raskrytija i rassledovaniya prestuplenij v osobyh uslovijah [Some issues of disclosure and investigation of crimes in special conditions]. *Voennoe pravo*, no. 6 (76), pp. 174—178. (In Russ.).

6. Grigor'ev, V.N. (1993) Rassledovanie prestuplenij v chrezvychajnyh uslovijah. (Pravovoe obespechenie, organizacija, metodika) [Investigation of crimes in emergency situations. (Legal support, organization, and methodology)]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 565 p. (In Russ.).
7. Grigor'ev, V.N. (2008) Struktura teorii rassledovaniya prestuplenij v chrezvychajnyh uslovijah [The structure of the theory of crime investigation in emergency conditions]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, no. 2, pp. 330–333. (In Russ.).
8. Davydov, V.O. (2025) Nauchnye osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij v osobyh uslovijah [Scientific foundations of forensic support for the investigation of crimes in special conditions]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 362 p. (In Russ.).
9. Davydov, V.O. (2025) O nekotoryh aktual'nyh voprosah kriminalisticheskogo issledovaniya osobyh uslovij v aspekte resheniya zadach kriminalisticheskogo obespecheniya rassledovaniya prestuplenij [On some current issues of forensic study of special conditions in the aspect of solving the problems of forensic support of crimes investigation]. *Izvestija TulGU. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*, no. 1, pp. 3–12. (In Russ.). doi: 10.24412/2071-6184-2025-1-3-12.
10. Epifanov, S.S., Zhuravlev, A.N., Moiseev, N.D. (2025) Ocenka operativnoj obstanovki (ugolovno-ispolnitel'nyj, operativno-razysknoj i informacionno-pravovoj aspekty) [Assessment of the operational situation (criminal executive, operational investigative, and informational legal aspects)]. Moscow, Prospekt, 176 p. (In Russ.).
11. Iljagueva, A.A. (2008) Pravovoj status zakljuchennyh v ispravitel'no-trudovyh lagerjah SSSR: 1929–1956 gg. [The legal status of prisoners in correctional labor camps of the USSR: 1929–1956]. Abstract of Ph. D. thesis. Vladimir, 21 p. (In Russ.).
12. Machehin, M.S. (2020) Massovye besporjadki i gruppovye nepovinoventiya, sovershaemye v ispravitel'nyh uchrezhdenijah: harakteristika, prichiny i mery protivodejstvija [Mass riots and group disobedience in correctional facilities: characteristics, causes, and counteraction measures]. Monograph. Perm, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 109 p. (In Russ.).
13. Ozhegov, S.I. (1988) Slovar' russkogo jazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkij jazyk, 748 p. (In Russ.).
14. Ozerov, I.N. (2023) Organizacija raskrytija i rassledovaniya prestuplenij v osobyh uslovijah [Organization of the disclosure and investigation of crimes in special conditions]. Monograph. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee, 142 p. (In Russ.).
15. Ponikarov, S.V. (2019) Jevoljucionnoe stanovlenie i razvitie pravoohranitel'noj dejatel'nosti podrazdelenij special'nogo naznachenija uchrezhdenij i organov, vypolnjajushhih funkcii v sfere ispolneniya ugolovnyh nakazaniy [Evolutionary formation and development of law enforcement activities of special purpose units of institutions and bodies functioning in the field of execution of criminal penalties]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, vol. 27, no. 2, pp. 199–208. (In Russ.). doi: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4).2.199-208.
16. Komissarova, Ja.V. (ed.) (2020) Rassledovanie prestuplenij v chrezvychajnyh uslovijah [Investigation of crimes in emergency situations]. Textbook. Moscow, Prospekt, 304 p. (In Russ.).
17. Sidorkin, A.I. (2015) Osobennosti bor'by s banditizmom v mestah lishenija svobody v 1930–1950-e gg. [Specific features of fighting banditry in penal institutions in 1930–1950]. *Lex russica*, no. 5, pp. 99–109. (In Russ.).
18. Strahova, S.V. (2024) O nekotoryh voprosah organizacii rassledovaniya prestuplenij v uslovijah chrezvychajnoj situacii specializirovannymi sledstvennymi gruppami [On some issues of the organization of the investigation of crimes in an emergency by specialized investigative groups]. In: *Krymskie juridicheskie chtenija. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, June 21, 2024*. Voronezh, Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, pp. 257–264. (In Russ.).
19. Krymov, A.A. (ed.) (2020) Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v uslovijah stihijnogo bedstvija, vvedeniya chrezvychajnogo ili voennogo polozhenija [Penal enforcement legislation in the conditions of a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law]. Monograph. Moscow, Kriminologicheskaja biblioteka, 360 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Акчурин — заместитель начальника Академии ФСИН России по научной работе, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A.V. Akchurin – Deputy Head for research work of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 96—108.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 96–108.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.011

NIION: 2015-0065-02/26-386
MOSURED: 77/27-010-2026-02-585

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

О зарубежном опыте противодействия использованию «темного» искусственного интеллекта в преступной деятельности

Владимир Батоевич Батоев

Научно-производственное объединение «Специальная техника и связь»
Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия,
vbatoev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-4923>

Аннотация. Интенсивное развитие искусственного интеллекта привело к современной действительности, в которой стало возможным использовать генеративные модели в преступной деятельности. В мировой практике все острее встает вопрос необходимости совершенствования мер противодействия темному искусственному интеллекту, как сквозь призму положений уголовного и уголовно-процессуального права, так и с позиций оперативно-разыскной теории и практики. С точки зрения обеспечения безопасности обществу и государству важно своевременно выявлять передовые зарубежные модели правового регулирования указанной сферы общественных отношений, особенности теории и практики организации деятельности заинтересованных субъектов правоохраны в данном направлении. В работе рассмотрены проблемные вопросы и предложены основные направления совершенствования деятельности правоохранительных органов в части взятия под должный контроль складывающейся неблагоприятной ситуации.

Ключевые слова: темный искусственный интеллект, противодействие, киберпреступность, правовое регулирование, проблемы, *dark artificial intelligence*.

Для цитирования: Батоев В.Б. О зарубежном опыте противодействия использованию «темного» искусственного интеллекта в преступной деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 96—108. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.011.

On foreign experience in countering the use of dark artificial intelligence in criminal activities

Vladimir B. Batoev

Scientific and Production Association “Special Equipment and Communications”
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow,
Russia, vbatoev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8526-4923>

Abstract. The intensive development of artificial intelligence has led to a modern reality in which it has become possible to use generative models in criminal activity. In world practice, the issue of the need to improve measures to counter dark artificial intelligence is becoming more acute, both through the prism of the provisions of criminal and criminal procedure law, as well as from the standpoint of operational investigative theory and practice. From the point of view of ensuring security, it is important for society and the state to timely identify advanced foreign models of legal regulation of this sphere of public relations, as well as the specifics of the theory and practice of organizing the activities of law enforcement stakeholders in this area. The paper considers problematic issues and suggests the main directions for improving the activities of law enforcement agencies in terms of taking proper control of the current unfavorable situation.

Keywords: dark artificial intelligence, counteraction, cybercrime, legal regulation, problems, the dark side of artificial intelligence.

For citation: Batoev, V.B. (2026) On foreign experience in countering the use of dark artificial intelligence in criminal activities. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 96–108. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.011.

Введение

Современная научно-техническая мысль предоставила человечеству высокотехнологичные программные решения для удовлетворения своих потребностей в виде генеративного, агентного, мультимодального, квантового, физическое искусственного интеллекта (далее — ИИ). Одновременно с этим перед практически каждым государством возникла непростая задача по нейтрализации вредоносного использования технологий ИИ в преступных целях¹.

Изучение отечественной и зарубежной научной литературы указывает на широкое применение термина «злонамеренное использование искусственного интеллекта» (malicious use of AI) либо понятия «темный искусственный интеллект» (Dark AI), подразумевающих в обоих случаях использование ИИ решений в деструктивных целях.

Анализ литературы показывает, что к числу основных направлений использования ИИ в криминальных целях относятся: генерация вредоносного программного кода, автоматизация фишинговых атак в социальной инженерии, создание гиперреалистичных дипфейков, использование ИИ в целях оптимизации кибератак и операций манипулирования общественным мнением, а также поддержка террористической и экстремистской деятельности².

В современной научной литературе отсутствует единый подход к пониманию сути термина «темный ИИ». Если его воспринимать в качестве инструмента, то его, как правило, определяют как набор ИИ-технологий, используемый для совершения преступлений; с точки зрения целевой его направленности он определяется через его функционал и достигаемые результаты в виде нарушения социальной ста-

бильности, обмана граждан, взлома информационных систем и др.; с позиций художественной публицистики с темным ИИ ассоциируется автономное, сверхразумное и враждебно настроенное программное обеспечение.

Изучение зарубежной практики позволяет отметить наличие бесчисленного количества различных программных продуктов, относящихся к категории темного ИИ, используемого в преступной деятельности.

Спектр их применения достаточно широк и разнообразен. Так, в качестве примера, к числу наиболее популярных программных решений, по мнению различных экспертов, следует отнести следующие:

- WormGPT — генерация вредоносного кода и контента для социальной инженерии, создание фишинговых писем для ВЕС-атак — компрометации деловой переписки;
- WormGPT 4 — усовершенствованная версия WormGPT, используемая для генерации скриптов кибератак без этических ограничений;
- FraudGPT — создание фишинговых писем, вредоносного программного обеспечения, поддельных веб-сайтов, инструментов для взлома, поиск утечек и уязвимостей;
- GhostGPT — цензурированный ИИ без фильтров, используемый для генерации вредоносного кода, фишинговых писем (например, поддельных цифровых писем), обхода систем безопасности с политикой отсутствия лог-файлов;
- Evil-GPT — генерация скриптов для хищения cookie-файлов браузера, учетных данных и системной информации, а также отправка данных на сервер атакующего;
- KawaiiGPT — вредоносная модель для генерации кода кибератак, распространяется открыто и безвозмездно через крупнейший веб-сервис для хостинга IT-проектов GitHub;
- DarkBert — ИИ-модель, обученная на данных даркнета, используемая для эксплуатации уязвимостей, создания и распространения вредоносного программного обеспечения, включая программы-вымогатели, а также для информирования о наличии критических и еще неизвестных для разработчиков ошибок и уязвимостей в программном обеспечении;
- DarkBart — противоположная версия разговорного ИИ-чат-бота от компании Google Google Bard с интегрированным в нее ИИ-

¹ Бочарова В.С. «Темная сторона» искусственного интеллекта // Актуальные аспекты научных исследований: сборник статей II Международной научно-практической конференции, 19 марта 2024 г. Саратов, 2024. С. 305.

² Сви́дeрcкий А.Н. Социотехнические атаки нового поколения: противодействие использованию генеративного ИИ в фишинге и голосовых мошенничествах // Стратегические вызовы цифровой трансформации в социотехнических системах: материалы XVI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании. Стратегические вызовы цифровой трансформации в социотехнических системах» (г. Москва, 25 ноября 2025 г.). М., 2026. С. 133–135.

сервисом Google Lens, использующим камеру смартфона для распознавания объектов, текста и поиска информации в реальном времени для совершения кибератак;

- Xanthorox AI — автономная модульная платформа с пятью ИИ-моделями на выделенных серверах, используемая для генерации вредоносного программного обеспечения, анализа файлов, обработки изображений, голосового взаимодействия и др.;
- PoisonGPT — «отравление» больших языковых моделей манипулированными данными обучения для внедрения дезинформации в ИИ-системы;
- AutoGPT — перенастройка автономного ИИ-агента для осуществления взлома сетей и сбора данных;
- дипфейк-инструменты (голосовые), используемые для клонирования голоса в целях преступной имитации голосов, а также дипфейк-инструменты (видео) для создания в преступных целях поддельных видеозвонков и видеообращений: DeepFaceLab, DeepSwap.ai, Reface, Swapface, FaceMagic и др.;
- ИИ-генераторы дезинформации для массового создания фейковых текстов, изображений, мемов в целях осуществления манипулирования общественным мнением и вмешательства в политические выборы: например, Golaxy — система точечных информационных операций, применяемая в целях ведения профилей на законодателей и инфлюенсеров с генерацией персонализированного пропагандистского контента³;
- ИИ-сканеры уязвимостей, используемые для автоматического анализа инфраструктуры компаний, поиска устаревших систем и ошибок конфигурации для последующих атак (Darktrace/ActiveAI Security Platform, Snyc, DeepExploit и др.);
- ИИ-решения для алгоритмического спуфинга⁴, используемые в целях размещения

и отмены торговых ордеров для создания ложного представления о рыночном спросе либо предложении и манипулирования ценами на акции (AI-augmented spoofing боты, HFT-алгоритмы с reinforcement learning (RL), pump-and-dump AI-боты в криптовалюте и др.);

- ИИ для осуществления мошеннической схемы pump-and-dump, целью которой является искусственное завышение цены акций либо криптовалюты ложными рекомендациями, иными словами — это генерация фейковых позитивных новостей и рекомендаций для скачкообразного завышения цены актива с последующей продажей на выгодных для мошенников условиях (Volume.li, PumpBot / Telegram PumpBot, AI-Powered PumpBot и др.);
- Kargu-2 — автономный дрон, управляемый ИИ, самостоятельно определяющий и поражающий цели без соответствующего на то решения со стороны человека⁵;
- ИИ-приложения для проектирования токсинов, генерации потенциально смертельных химических соединений (MegaSyn (Collaborations Pharmaceuticals), Chem Crow / LLM-агенты с химическими инструментами, AlphaFold 2 / RFdiffusion (Deep Mind / Baker Lab), MoleculeNet и др.).

Одновременно с этим практика показывает, что традиционные подходы при организации борьбы с киберпреступностью, использующей темный ИИ, остаются недостаточными. В правоохранительной деятельности зарубежных государств назрела объективная потребность в создании и функционировании комплексной системы управления рисками на всех стадиях жизненного цикла ИИ решений, начиная с проведения различных научных исследований и заканчивая разработкой, внедрением, эксплуатацией и трансграничным распространением ИИ.

IP-адрес) для хищения данных, распространения вредоносных программ или обхода систем безопасности, основу которого составляет подмена идентификационной информации, заставляющая пользователя или компьютер доверять мошеннику.

⁵ Гойденко В.К., Рожнов А.В. О прецеденте применения автономного режима наведения беспилотной авиационной системы «STM Kargu-2» // Перспективные системы и задачи управления: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции и XIII молодежной школы-семинара «Управление и обработка информации в технических системах». Таганрог, 2022. С. 187—192.

³ Ильин А.В. Искусственный интеллект как инструмент современных информационных войн: угрозы для национальной безопасности // Время науки: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10 июня 2025 г.). Пенза, 2025. С. 331—334.

⁴ Спуфинг (spoofing) — это метод осуществления кибератаки, при котором злоумышленник выдает себя за надежный источник (человека, устройство, сайт или

Одним из потенциальных направлений совершенствования деятельности правоохранительных органов в рассматриваемой сфере является анализ передового зарубежного опыта. Здесь речь идет о необходимости проведения глубоких научных исследований, направленных на выявление передовых зарубежных моделей по вопросам правового регулирования использования ИИ, построения институциональной архитектуры и практики правоохранительных органов. Основной целью подобных действий является оценка возможности адаптации выявленных эффективных практик при решении вопроса обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, совершаемых с использованием темного ИИ. В отечественной практике зарубежный опыт интересен в первую очередь с точки зрения выработки сбалансированного подхода с опорой на выявленные положительные и отрицательные практики. Отметим, что особый интерес должны представлять правовые и организационные механизмы зарубежных государств и международных организаций в деле предупреждения и пресечения использования темного ИИ в преступных целях.

Основная часть

Одним из первых комплексных научных исследований, системно обозначивших проблему темного ИИ, является научный доклад экспертного коллектива на тему «Злонамеренное использование искусственного интеллекта: прогнозирование, предотвращение и смягчение последствий»⁶. В нем злоупотребления ИИ технологиями анализируются одновременно в цифровой, физической и политической плоскостях, а также предлагаются рекомендации по прогнозированию, предупреждению и смягчению соответствующих рисков.

В унисон с сутью материалов указанного доклада ряд международных структур, включая Межрегиональный научно-исследовательский институт Организации Объединенных Наций (далее — ООН) по вопросам преступности и правосудия (UNICRI)⁷ и Контртеррористичес-

кое управление ООН (UNOCT)⁸, акцентируют внимание на высокой степени вероятности противоправного использования ИИ и необходимости разработки действенных мер по противодействию этому.

Как упоминалось ранее, в зарубежной научной литературе само понятие темного ИИ как таковое в прямой постановке не упоминается. Данный термин, как правило, используется как доктринальная категория, обобщающая различные формы противоправного применения ИИ. Однако в различных стратегических и программных документах все чаще появляются формулировки об ИИ с двойным назначением либо ИИ с высоким уровнем риска, что определенно указывает на необходимость установления специальных режимов обращения с ними. В связи с этим можно заключить: темный ИИ выполняет функцию последовательных действий по выделению целей и ситуаций с дальнейшим снижением их различий (эвристическая функция), одновременно с этим предоставляя возможность объединения под одним термином широкого спектра угроз, а также перечня мер по противодействию им.

Сравнительный анализ зарубежной литературы позволяет выделить несколько существенных признаков темного ИИ. К их числу относятся наличие в структуре противоправного деяния факта применения ИИ-решения; целевая направленность на причинение вреда либо повышение уровня вероятности его наступления посредством использования ИИ; использование специфических свойств ИИ для увеличения масштабируемости, скрытности и эффективности атаки (персонализация, автоматизация, адаптивность); трансграничный характер использования ИИ и сложности в установлении источника (атрибуции).

Как показывает зарубежное уголовное законодательство, использование темного ИИ при подготовке и совершении преступлений не образует самостоятельного состава уголовно наказуемого деяния. В большинстве зарубежных юрисдикций темный ИИ рассматривается как средство совершения преступления либо как обстоятельство,отягчающее степень общественной опасности совершенного деяния. Отсюда следует, что суть правового регулирования противодействия темному ИИ с позиции совершенствования норм уголовного законодательства

⁶ The malicious use of artificial intelligence: forecasting, prevention, and mitigation / M. Brundage, Sh. Avin, J. Clark [et al.]. URL: <https://arxiv.org/abs/1802.07228> (accessed March 10, 2026). doi: 10.48550/arXiv.1802.07228.

⁷ Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ): [офиц. сайт]. URL: <https://unicri.org/about-unicri> (дата обращения: 10.03.2026).

⁸ Контртеррористическое управление ООН (ЮНОКТ): [офиц. сайт]. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/en> (дата обращения: 10.03.2026).

сведена к адаптации имеющихся составов преступлений либо дополнительному введению новых положений в состав имеющихся обстоятельств, отягчающих наказание. Помимо этого, реализуются мероприятия по созданию регуляторных режимов, ограничивающих возможности вредоносного применения ИИ.

Существенное влияние на формирование международной позиции в деле правильного понимания сути использования темного ИИ в преступной деятельности оказали различные аналитические доклады, подготовленные международными организациями, правозащитниками и др. Упомянутый ранее доклад «Злонамеренное использование искусственного интеллекта: прогнозирование, предотвращение и смягчение последствий» условно классифицировал угрозы применения темного ИИ на цифровые, физические и политические. Иными словами, ИИ может соответственно усложнить процесс раскрытия и расследования традиционных киберпреступлений, а также упростить проведение физических кибератак на информационные системы и масштабировать деструктивные информационно психологические операции.

В ООН основной акцент сделан на возможном использовании ИИ террористическими организациями, включая создание сценариев применения ИИ-решений для генерации вредоносного кода, автоматизации взлома паролей, управления беспилотными системами с распознаванием лиц, создания дипфейков для вербовки новых участников, устрашения населения и др.

Одновременно с этим в материалах ООН отмечается, что в ближайшей перспективе все без исключения государства столкнутся с кратным увеличением количества случаев применения темного ИИ в преступных целях.

Этот вопрос уже сейчас активно обсуждается на различных площадках мировыми технологическими лидерами в сфере разработки ИИ-решений. Ими активно публикуются различные научные труды, в которых основная мысль сведена к нарастанию количества фактов использования преступниками в преступных целях разработанных ими ИИ-моделей⁹.

Думается, что такой совокупный интерес к темному ИИ со стороны мирового сообщества, представителей науки и бизнеса дополнительно сигнализирует о необходимости своевременной разработки и внедрения практико-ориентированных мер противодействия использованию темного ИИ в условиях тесного международного сотрудничества.

С учетом содержания международных докладов и проведенных различными государствами национальных оценок потенциальных угроз от противоправного использования ИИ следует выделить основные направления применения темного ИИ в преступной деятельности. К их числу относятся:

- формирование ИИ-киберпреступности нового поколения;
- создание дипфейков, когда ИИ-решения обеспечивают возможность создания гиперреалистичных аудио- и видеосообщений политических и общественных деятелей, высших должностных лиц государств и др. в целях их дискредитации, шантажа, подрыва доверия к государственным институтам власти, распространения порнографии и др.;
- автономизация операций влияния и осуществления кибератак, где ИИ-продукты применяются в целях адаптивного управления бот-сетями, координации масштабных кампаний по дезинформации населения, динамической настройки кибератак в режиме реального времени;
- оказание помощи организованным формам преступности в вопросах ее трансформации из традиционной формы организации преступной деятельности в киберформу;
- кастомизация ИИ-решений двойного назначения, где множество ИИ-технологий наряду с социально полезными функциями обладают высоким уровнем потенциала для злоупотребления ими в криминальных целях.

Основным шагом в деле противодействия использованию темного ИИ в преступных целях должно явиться создание соответствующих степени исходящих угроз базовых правовых условий, в том числе посредством совершенствования норм уголовного законодательства.

Как отмечено ранее, в большинстве зарубежных юрисдикций в настоящее время не наблюдается каких-либо отдельных составов преступлений, непосредственно связанных с темным ИИ. Уголовные законодательства зарубежных

⁹ Темная сторона генеративного искусственного интеллекта в экономике и менеджменте / Е.В. Дробот, И.Н. Макаров, Н.Н. Воробьев, В.И. Соломыкин // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 8. С. 5635—5668; Никифорова Н.А. Анализ светлых и темных сторон искусственного интеллекта // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 5-2. С. 277—279.

стран в основном реализуют меры по адаптации традиционных норм противодействия киберпреступности к новым технологическим условиям. Иными словами, речь идет о признании темного ИИ либо средством совершения преступления, либо квалифицирующим признаком, либо обстоятельством, отягчающим наказание.

Так, в Соединенных Штатах Америки вопросы ответственности за вредоносное использование ИИ-решений в значительной степени решаются через применение уже существующих норм законодательства об ИТ-мошенничестве, кибербезопасности, борьбе с терроризмом и отмыванием денег (Computer Fraud and Abuse Act (CFAA) — 18 U.S.C. § 1030; Wire Fraud Act — 18 U.S.C. § 1343; Deepfake Report Act of 2019; National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2020 (NDAA FY2020); Take It Down Act (2025 г.) и др.). В правоприменительной практике США использование темного ИИ рассматривается как часть способа совершения уголовно наказуемого деяния, что непременно учитывается при оценке умысла, степени организованности группы и общественной опасности преступления.

В европейских странах уголовно-правовые меры противодействия темному ИИ развиваются в тесной связке с наднациональным регулированием ИИ и цифровых услуг. Иными словами, противодействие темному ИИ строится по модели связки уголовного и публичного права, когда, с одной стороны, сохраняются и развиваются традиционные устоявшиеся составы киберпреступлений, а с другой — вводятся специальные регуляторные требования к разработчикам программного обеспечения и операторам ИИ-систем, невыполнение которых влечет за собой наступление административной и уголовной ответственности в соответствии с нормами национального законодательства (EU Artificial Intelligence Act (2024 г.) и др.).

В законодательстве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — Великобритания) в нормах закона Online Safety Act 2023 реализуются меры по адаптации существующих составов преступлений с акцентированием внимания на онлайн-вреде, где использование темного ИИ рассматривается как часть способа совершения соответствующих преступлений, усиливающая степень их общественной опасности. Этот правовой акт вводит концепцию «обязанности о заботе» (duty of care), когда ИТ-платформы несут юридическую ответственность за причинение онлайн-вреда так

же, как и работодатель несет соответствующую ответственность за безопасность сотрудников.

В Австралии в 2024 году вступил в силу федеральный закон Criminal Code Amendment (Deepfake Sexual Material) Act, устанавливающий уголовную ответственность за создание или распространение реалистичных поддельных интимных изображений без согласия граждан, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет.

В Южной Корее в положениях закона «О предотвращении сексуального насилия и защите жертв» (2020 г.) создание порнодипфейков с целью их распространения уже признается уголовно наказуемым деянием и наказывается лишением свободы до 5 лет и штрафом в 50 млн вон¹⁰.

Отдельно следует обратить внимание на опыт одного из технологических лидеров в сфере ИИ — Китайской Народной Республики, где целенаправленно реализуются мероприятия по криминализации злоупотреблений с использованием ИИ в рамках построения передовой модели цифрового суверенитета. В КНР уголовно-правовые меры противодействия темному ИИ развиваются в русле общей политики обеспечения государственной безопасности и информационного контроля. Существующие преступления с применением темного ИИ рассматриваются через гибкое применение традиционных составов Уголовного кодекса КНР (1997 г.) без введения каких-либо отдельных правовых норм, но с внесением дополнений в действующие уголовно-правовые конструкции, существенно отягчающих наказание за совершение преступления с использованием ИИ в преступных целях.

В КНР нормы о национальной безопасности (National Security Law of the PRC — 2015 г.), кибербезопасности (Cybersecurity Law of the PRC — 2016 г.) и в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом (Counter-Terrorism Law of the PRC — 2015 г.) применяются к деяниям, при совершении которых ИИ используется для создания и распространения запрещенного контента, организации массовых беспорядков, подрыва общественного порядка или нападений на объекты критической инфраструктуры.

Особое место в практике КНР занимает борьба с глубокими синтез-технологиями. Создание и распространение дипфейков в КНР рассматривается как противоправное деяние, а в опре-

¹⁰ Кузнецов П.В. Риски злонамеренного использования технологий искусственного интеллекта в Южной Корее: информационно-психологический аспект // Международная жизнь. 2024. № 9. С. 72–79.

деленных случаях как преступление против государственной безопасности или общественно-го порядка. При этом значительная часть правового регулирования реализуется через законодательное установление обязанностей для платформ и провайдеров ИИ сервисов. В КНР обязанности платформ и провайдеров ИИ-сервисов подразумевают следующие обязанности: регистрация алгоритмов (algorithm filing); оценка безопасности (security assessment); контент-модерация (content moderation); маркировка ИИ-контента (labelling); верификация личности пользователей (real-name registration); согласие на редактирование биометрии; защита данных пользователей; техническая безопасность и регулярный аудит алгоритмов.

Несоблюдение правовых предписаний, в том числе невыполнение требований по верификации пользователей, маркировке синтетического контента, хранению лог-файлов и взаимодействию с государственными органами, влечет за собой административную и уголовную ответственность. Такой жесткий подход связан, прежде всего, со своевременным признанием властями КНР использования темного ИИ в противоправной деятельности в качестве потенциальной угрозы политической и общественной стабильности и безопасности. Важно отметить, что власти КНР при решении вопросов борьбы с преступностью отдают предпочтение обеспечению общей коллективной безопасности, что вызывает бурную критику со стороны различных международных правозащитных организаций.

В рамках мониторинга передового зарубежного опыта противодействия использованию темного ИИ в преступной деятельности отдельно следует обратить внимание на вопросы публично-правового и регуляторного регулирования темного ИИ. Здесь важно отметить, что если уголовно-правовые меры противодействия применяются после совершения преступления, то публично-правовые и регуляторные механизмы ориентированы, прежде всего, на упреждение вредоносного использования ИИ посредством реализации мер управления рисками, контроля за разработчиками и провайдерами, а также через установление национальных стандартов обеспечения ИТ-безопасности и транспарентной объяснимости работы ИИ-алгоритмов.

Рискориентированная модель европейских стран характеризуется высоким уровнем детализированности моделей публично-правового регулирования ИИ-решений, основанной на рискориентированном подходе. Это подразумевает классификацию ИИ-систем по уровням

риска на минимальный, ограниченный, высокий и неприемлемый; установление для высокорисковых ИИ-систем жестких требований к управлению данными, обеспечению качества и прозрачности, надзору и кибербезопасности; введение запрета для использования систем неприемлемого риска (например, определенные формы манипулятивных систем, социального скоринга, биометрического мониторинга).

Такой подход позволяет превентивно ограничить распространение наиболее опасных форм ИИ-решений, потенциально относящихся к темному сегменту, еще до того, как их использование причинит какой-либо вред.

Параллельно с этим в США практикуется стратегический и более мягкий подход. Суть его заключается в том, что публично-правовое регулирование ИИ-решений основывается на стратегических и программных документах, а также ведомственных стандартах и руководствах (Executive Order 13859 “Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence” — 2019 г.; Executive Order 14141 “Advancing United States Leadership in AI Infrastructure” — 2025 г.; OMB Memorandum M-24-10 “Advancing Governance, Innovation, and Risk Management for Agency Use of AI” — 2024 г.) и др.

В США исполнительные документы в области ИИ четко определяют рамки: для разработки стандартов и методик оценки рисков ИИ, включая угрозы в сфере кибербезопасности, биобезопасности и дезинформации; внедрения практик безопасной разработки для моделей общего назначения и систем двойного назначения; установления требований к федеральным органам власти по ответственному использованию ИИ и учету рисков злоупотреблений.

Важную роль играют независимые американские и отраслевые регуляторы, которые в пределах своих компетенций интегрируют ИИ-риски в уже существующие режимы надзора: в финансовом секторе, здравоохранении, транспорте, критической инфраструктуре. При этом значительная часть требований отражается в форме рекомендаций либо руководств по наилучшей практике, а также в виде добровольных стандартов. Это обеспечивает высокую степень гибкости и одновременно с этим позволяет обеспечивать быстрое реагирование на появляющиеся новые угрозы, связанные с темным ИИ. При этом реализация механизма осуществляется посредством сотрудничества с ИТ-индустрией и исследовательским сообществом в рамках государственно-частного партнерства, включая совместную разработку стандартов тестирования

безопасности с имитацией реагирования на реальные кибератаки в целях поиска уязвимостей.

Практика Великобритании, в свою очередь, демонстрирует реализацию подхода, который можно условно охарактеризовать как правовое регулирование использования ИИ посредством формулирования базовых принципов безопасного, надежного и ответственного ИИ (National AI Strategy — HM Government, 2021 г.; Initial Guidance for Regulators on Implementing the UK's AI Regulatory Principles — DSIT, 2024 г. и др.).

Цель такого подхода очевидна — государственное участие в формировании направлений деятельности отраслевых регуляторов и частных коммерческих организаций. Более того, основной акцент сделан и на институциональном обеспечении безопасности ИИ, что подразумевает создание и развитие специальных центров и институтов (AI Safety Institute — AISI, 2023 г.) по оценке ИИ-рисков, тестированию моделей ИИ, выявлению ИИ-уязвимостей и разработку практико-ориентированных рекомендаций для государственных органов власти и IT-индустрии.

Здесь же отметим, что в вопросах правового регулирования использования ИИ в различных сферах организации общественных процессов наблюдается тенденция перехода от преимущественно исследовательского к более оборонительному профилю с акцентом на выявлении и нейтрализации угроз, связанных с противоправным использованием ИИ.

Одновременно с этим на законодательном уровне в Великобритании (Online Safety Act, 2023 г.) вводятся и уточняются требования к онлайн-платформам по предотвращению и снижению рисков онлайн-вреда, в том числе от использования медиаконтента, созданного с помощью ИИ. Это подразумевает наделение полномочиями регуляторов по истребованию от ИИ-платформ действий по оценке рисков, связанных с противоправным использованием ИИ, а также по реагированию на инциденты с применением штрафных санкций вплоть до блокировки возможности оказания услуг.

Особый интерес вызывают результаты изучения опыта КНР, отличающегося введением более жестких мер и установлением тотального регуляторного режима для ИИ-решений.

Здесь законодательная модель публично правового регулирования ИИ опирается на ряд нормативных актов (Administrative Provisions on Algorithm Recommendations for Internet Information Services — 2022 г.; Administrative Provisions on Deep Synthesis of Internet Infor-

mation Services — 2023 г.; Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services — 2023 г. и др.), в том числе регулирующих использование алгоритмических рекомендательных систем, генеративных ИИ-сервисов, а также технологий глубокого синтеза, включая создание и использование дипфейков. Это означает, что для провайдеров ИИ-сервисов устанавливаются обязанности по регистрации и одобрению определенных видов алгоритмов, проведению оценок безопасности, обеспечению соответствия контента требованиям законодательства, обязательной маркировке синтетического контента, сохранению логов и технических данных, а также оперативному реагированию на запросы государственных органов. Соответственно, нарушение подобных требований влечет наступление предусмотренной законом ответственности.

Одновременно с этим в отношении использования генеративных ИИ-систем китайскими властями реализуются меры по недопущению распространения информации, подрывающей государственную власть, национальное единство и суверенитет, нормы общественной морали и безопасности. Такой подход представляет особый интерес, так как подобная практика правового регулирования существенно сужает возможности для анонимного и неконтролируемого использования генеративного ИИ. Отсюда формируются серьезные препятствия для какого-либо развития различных форм темного ИИ.

В целом изучение зарубежной практики показывает, что развитие уголовно-правовых и публично-правовых режимов противодействия использованию темного ИИ в преступных целях должно сопровождаться формированием специализированной институциональной архитектуры. Это подразумевает, что как минимум на национальном уровне необходимо реализовать комплекс организационных мер, направленных на создание: центров по обеспечению кибербезопасности и безопасности ИИ, осуществляющих мониторинг угроз, анализ инцидентов и разработку практических рекомендаций; межведомственных рабочих групп, включающих в состав правоохранительные органы и регуляторов; ИИ-платформ для реализации государственно-частного партнерства в целях осуществления обмена информацией об угрозах, индикаторах компрометации и технологиях обнаружения ИИ-генерированного вредоносного контента.

Мировое сообщество уже сейчас придает особое значение усиливающейся роли международного сотрудничества в сфере цифровой безопасности и противодействия киберпреступности, расширяются форматы обмена информацией о новых видах злоупотреблений ИИ, разрабатываются общие подходы к атрибуции и доказательствам, обсуждаются возможности обновления существующих международных договоров с учетом специфики темного ИИ. В настоящее время одним из ключевых событий в вопросах совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия IT-преступности является принятие 24 декабря 2024 г. Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности (United Nations Convention against Cybercrime)¹¹. В данное время она открыта для подписания и ее уже подписали 65 государств.

Отдельно следует обратить внимание на технологические и криминалистические средства противодействия темному ИИ.

Как показывают примеры из зарубежной практики, ключевым направлением технологического противодействия темному ИИ является разработка и внедрение систем детектирования дипфейков, аудиосообщений и иных форм синтетического медиаконтента. Подобные системы основаны на использовании методов анализа, компьютерного зрения и машинного обучения в целях выявления характерных артефактов генерации, микроаномалий в мимике, освещении, текстуре кожи, особенностей движения глаз и других физиологических сигналов.

Одновременно с этим в зарубежных исследованиях подчеркивается, что даже высококачественные модели синтеза голоса оставляют детектируемые следы в спектральной структуре и временных характеристиках сигнала, что позволяет при достаточном объеме обучающих данных создавать надежные классификаторы. Тем не менее важно иметь в виду, что гонка генерации и детекции синтетического медиа носит устойчивый характер, где совершенствование генеративных ИИ-моделей ставит перед разработчиками детекторов непростую задачу по

своевременному обновлению имеющихся алгоритмов и обучающих выборок¹².

Не менее важным направлением противодействия использованию темного ИИ является внедрение механизмов цифровой маркировки ИИ-генерированного контента. Речь идет о встраивании в изображения, видео и текстовые сообщения скрытых или явных водяных знаков, позволяющих подтвердить факт их генерации определенной ИИ-моделью или ИИ-системой. Подобные схемы могут быть основаны на использовании стеганографических методов, изменяющих малозаметные характеристики файла, а также на криптографических протоколах, при которых к объекту привязана проверяемая подпись или определенные метаданные.

ИИ-маркировка, в отличие от классической поведенческой детекции, ориентирована в том числе на поиск аномалий, а также на создание устойчивого канала доверия к происхождению контента. Важно отметить, что подобные механизмы можно использовать в качестве инструмента саморегулирования IT-индустрии посредством добровольного внедрения разработчиками водяных знаков в разрабатываемые ими ИИ-решения. Более того, это можно рассматривать в качестве основы для регуляторного введения требований, обязывающих провайдеров ИИ-сервисов осуществлять маркировку разрабатываемых ими медиа. С точки зрения обеспечения безопасности общества и государства от противоправного использования ИИ подобный механизм создает дополнительные возможности по атрибуции источника противоправного контента и получению доказательств по фактам использования конкретных ИИ-инструментов.

Зарубежный опыт показывает рост значения использования метода *red-teaming* в виде специализированной команды по имитации действий преступников. В этом случае компетентные группы экспертов имитируют действия злоумышленников с целью выявления уязвимостей ИИ-систем до их массового развертывания. В контексте темного ИИ этот метод обеспечивает: тестирование способности ИИ-моделей обходить защитные фильтры и ограничения; выявление сценариев, при которых ИИ-модель может выдавать инструкции по подготовке и совершению преступлений, созданию вредоносного кода

¹¹ United Nations Convention against Cybercrime; Strengthening International Cooperation for Combating Certain Crimes Committed by Means of Information and Communications Technology Systems and for the Sharing of Evidence in Electronic Form of Serious Crimes. 24 Dec. 2024. URL: https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=0800000280670c50&clang=_en (accessed March 18, 2026).

¹² Сергеев С.Ф., Руденко З.А. Проблема «темных паттернов» и синтетических данных в системах с искусственным интеллектом // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9, № 4. С. 145—170.

или опасного контента; оценку риска хищения ИИ-модели или ее параметров в целях дальнейшего использования в противоправных целях.

Важно отметить, что ряд государств и отраслевых регуляторов рассматривают обязательные или рекомендательные процедуры метода *red-teaming* как элемента комплексного управления рисками для высокорисковых и общепрофильных ИИ-моделей, особенно тех, которые могут быть использованы в преступных целях. Здесь с точки зрения уголовно-правовой оценки противоправных деяний также важное значение имеет необходимость обязательной фиксации того, какие меры по предотвращению противоправного использования ИИ были приняты разработчиком и оператором системы.

Развитие темного ИИ требует формирования специализированных компетенций в области криминалистики и судебной экспертизы. Изучение зарубежной практики указывает на реализацию большинством стран мер: по разработке методик фиксации и анализа лог-файлов взаимодействия пользователя с ИИ системой; восстановлению цепочки генерации вредоносного контента от конкретной модели и API до аккаунта пользователя и платежных следов; организации проведения судебных экспертиз, устанавливающих искусственное происхождение информации и по возможности тип или семейство ИИ-моделей, использованных при ее создании.

Одним из ключевых дискуссионных вопросов при выработке мер противодействия использованию темного ИИ является соблюдение баланса между обеспечением безопасности общества и государства и защитой прав и свобод человека, с одной стороны, и стимулированием инноваций, с другой.

С одной стороны, введение императивных запретов и строгих регуляторных режимов, безусловно, эффективно в противодействии использованию темного ИИ в преступных целях. С другой стороны, подобные шаги создают высокие риски для введения запретов и ограничений при проведении легитимных исследований, а также для снижения количества бизнес инициатив. В третьих, чрезмерно «мягкий» подход культивирует появление так называемых серых зон, которые могут быть успешно использованы преступниками при совершении ими преступлений.

В связи с этим использование за рубежом различных ИИ-решений постепенно смещается в сторону дифференцированного, рискориентированного регулирования. При нем наиболее строгие требования применяются к системам высокого и неприемлемого риска, а для низко-

рисковых программных продуктов применяются более упрощенные формы надзора и саморегулирования. При этом остаются открытыми следующие вопросы: о разработке прозрачной системы критериев отнесения конкретного ИИ-решения к той или иной категории; о механизмах пересмотра такой классификации по мере развития информационных технологий.

Не менее важными и требующими особого правового регулирования являются вопросы, связанные с распределением ответственности за использование темного ИИ в преступной деятельности между различными участниками ИИ-экосистемы (разработчиками базовых ИИ-моделей, поставщиками прикладных решений, операторами платформ и конечными пользователями).

Зарубежная практика показывает, что уже сейчас в ряде зарубежных юрисдикций прослеживается тенденция к возложению на разработчиков и провайдеров определенных обязанностей по оценке рисков вредоносного использования их систем; внедрению технических и организационных мер по снижению таких рисков (ограничения, фильтры, мониторинг аномальной активности); сотрудничеству с правоохранительными органами по линии предупреждения, раскрытия и расследования IT-преступлений.

При этом чрезмерно широкое трактование ответственности разработчика чревато эффектом снижения уровня инноваций с последующей стимуляцией ухода компаний в юрисдикции других государств с более упрощенным законодательным регулированием. Одновременно с этим возложение всей ответственности на конечного пользователя игнорирует тот факт, что архитектура модели, ее политика безопасности и доступные интерфейсы существенно влияют на вероятность и масштаб возможных злоупотреблений ИИ.

В дополнение к этому в зарубежной практике особую сложность в деле противодействия темному ИИ представляет правовое регулирование ИИ-технологий двойного назначения, которые могут применяться как в законных, так и в криминальных целях. К их числу можно отнести инструменты автоматического поиска уязвимостей, генерации кода, моделирования биологических систем, анализа шифров и др. Введение полного запрета или криминализация фактов доступа к подобным инструментам, по мнению экспертов, способны негативно отразиться на развитии отраслей обеспечения кибербезопасности, медицины, промышленности и др.

В качестве выхода из такой ситуации зарубежные государства и международные органи-

зации постоянно осуществляют поиск эффективных гибридных решений. Это означает разграничение уровней доступа к мощным ИИ-моделям на ограниченный, лицензируемый и исследуемый доступ для аккредитованных научно-исследовательских и образовательных организаций. При этом здесь же речь идет и о сочетании правовых норм с профессиональными сводами и этическими стандартами, фиксирующими недопустимость определенных криминальных сценариев использования ИИ-решений¹³.

Тем не менее практика показывает, что преступники имеют возможности использования ИИ-моделей с открытым кодом, а также выработанную методику в условиях запретов. Это непременно ставит в иной плоскости вопрос о целесообразности и достаточности одних лишь законодательных ограничений.

Как показывает зарубежная практика, в дискуссиях о мерах по противодействию темному ИИ ярко подчеркивается наличие асимметрии в ресурсах крупных технологических компаний и правоохранительных органов. Речь идет о том, что для эффективной детекции, анализа и предотвращения противоправного использования ИИ-решений требуются мощные вычислительные ресурсы, высококвалифицированный кадровый персонал и доступ к массивам значительных данных. Подобная ситуация порождает «регуляторный разрыв», при котором общество и государство фактически находятся в прямой зависимости от способности представителей IT-индустрии добровольно сотрудничать с ними. В качестве выхода из такой ситуации ряд зарубежных государств предпринимают меры по усилению институциональных мощностей в области обеспечения ИИ безопасности; создают государственные или полуавтономные научно-исследовательские центры изучения и развития ИИ; развивают международное сотрудничество и государственно-частное партнерство по линии выработки мер по противодействию использованию темного ИИ в преступных целях.

Заключение

Таким образом, анализ зарубежного опыта противодействия использованию темного ИИ в преступной деятельности свидетельствует о наличии признаков формирования многоуровневой

системы реагирования на криминальные инциденты с противоправным использованием ИИ-решений.

Это сочетает в себе уголовно правовые, публично правовые, институциональные и технологические меры. На уровне уголовного права большинство зарубежных стран в вопросах квалификации уголовно наказуемых деяний, связанных с использованием темного ИИ, опираются на традиционные уголовно-правовые составы преступлений. Такой подход подразумевает их адаптацию к новой технологической реальности, где противоправное применение ИИ-решений рассматривается как средство совершения преступлений либо квалифицирующее обстоятельство.

В публично-правовой сфере прослеживаются различные модели регулирования: рискориентированный и правоориентированный подход европейских стран, стратегический и во многом «мягкоправовой» подход США, принципиально институциональный курс Великобритании и жесткий режим алгоритмического контроля и информационного суверенитета в КНР. Несмотря на различия, указанные модели регулирования ИИ направлены на встраивание мер противодействия темному ИИ в рамках реализации мероприятий по обеспечению цифровой и национальной безопасности.

Зарубежная практика, особенно деятельность мировых технологических гигантов, демонстрирует активное развитие систем детекции дипфейков, цифровой маркировки контента, процедур *red-teaming* и цифровой криминалистики ИИ. Разрабатываемые ими подходы и используемый при этом высокотехнологичный инструментарий вызывают неподдельный интерес и заслуживают глубокого изучения в целях внедрения передовых практик в деятельность отечественных правоохранительных органов и иных заинтересованных в этом субъектов.

Отдельно отметим, что отечественной науке и практике обеспечения безопасности общества и государства в целом крайне важно развиваться в данном направлении с учетом того, что динамика развития ИИ-решений и наступательного генеративного ИИ требует постоянного обновления применяемых методов и инфраструктурных решений.

Список литературы

1. Бочарова В.С. «Темная сторона» искусственного интеллекта // Актуальные аспекты научных исследований: сборник статей II Международной научно-практической конферен-

¹³ Коломийцев С.Ю. Обзор и анализ основных вопросов этики искусственного интеллекта // Философия и общество. 2025. № 3. С. 86—89.

ции, 19 марта 2024 г. Саратов: Кубик, 2024. С. 304—311.

2. Гойденко В.К., Рожнов А.В. О precedente применения автономного режима наведения беспилотной авиационной системы «STM Kargu-2» // Перспективные системы и задачи управления: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции и XIII молодежной школы-семинара «Управление и обработка информации в технических системах». Таганрог, 2022. С. 187—192.

3. Ильин А.В. Искусственный интеллект как инструмент современных информационных войн: угрозы для национальной безопасности // Время науки: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10 июня 2025 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2025. С. 331—334.

4. Коломийцев С.Ю. Обзор и анализ основных вопросов этики искусственного интеллекта // Философия и общество. 2025. № 3. С. 86—100. doi: 10.30884/jfio/2025.03.06.

5. Кузнецов П.В. Риски злонамеренного использования технологий искусственного интеллекта в Южной Корее: информационно-психологический аспект // Международная жизнь. 2024. № 9. С. 72—79.

6. Никифорова Н.А. Анализ светлых и темных сторон искусственного интеллекта // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 5-2. С. 277—284. doi: 10.17513/vaael.3475.

7. Свицерский А.Н. Социотехнические атаки нового поколения: противодействие использованию генеративного ИИ в фишинге и голозовых мошенничествах // Стратегические вызовы цифровой трансформации в социотехнических системах: материалы XVI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Информационные технологии в науке, бизнесе и образовании. Стратегические вызовы цифровой трансформации в социотехнических системах» (г. Москва, 25 ноября 2025 г.). М.: МГЛУ, 2026. С. 133—135.

8. Сергеев С.Ф., Руденко З.А. Проблема «темных паттернов» и синтетических данных в системах с искусственным интеллектом // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2024. Т. 9, № 4. С. 145—170. doi: 10.38098/ipran.opwp_2024_33_4_007.

9. Темная сторона генеративного искусственного интеллекта в экономике и менеджменте /

Е.В. Дробот, И.Н. Макаров, Н.Н. Воробьев, В.И. Соломыкин // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 8. С. 5635—5668. doi: 10.18334/epp.15.8.123776.

References

1. Bocharova, V.S. (2024) "Temnaya storona" iskusstvennogo intellekta [The "dark side" of artificial intelligence]. In: *Aktual'nye aspekty nauchnykh issledovaniy. Sbornik statey II Mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, March 19, 2024*. Saratov, Kubik, pp. 304—311. (In Russ.).

2. Goydenko, V.K., Rozhnov, A.V. (2022) O pretsedente primeneniya avtonomnogo rezhima navedeniya bespilotnoy aviatsionnoy sistemy "STM Kargu-2" [On the precedent of using the autonomous targeting mode of the unmanned aerial system STM Kargu-2]. In: *Perspektivnye sistemy i zadachi upravleniya. Materialy XVII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii i XIII molodezhnoy shkoly-seminara "Upravlenie i obrabotka informatsii v tekhnicheskikh sistemakh"*. Taganrog, pp. 187—192. (In Russ.).

3. Ilyin, A.V. (2025) Iskusstvennyy intellekt kak instrument sovremennykh informatsionnykh voyn: ugrozy dlya natsional'noy bezopasnosti [Artificial intelligence as a tool of modern information warfare: threats to national security]. In: *Vremya nauki: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statey VII Mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, June 10, 2025*. Penza, pp. 331—334. (In Russ.).

4. Kolomiytsev, S.Yu. (2025) Obzor i analiz osnovnykh voprosov etiki iskusstvennogo intellekta [Review and analysis of the main issues in the ethics of artificial intelligence]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, no. 3, pp. 86—100. (In Russ.). doi: 10.30884/jfio/2025.03.06.

5. Kuznetsov, P.V. (2024) Riski zlonamerennogo ispol'zovaniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v Yuzhnoy Koree: informatsionno-psikhologicheskii aspekt [Risks of malicious use of artificial intelligence technologies in South Korea: information and psychological aspect]. *Mezh-dunarodnaya zhizn'*, no. 9, pp. 72—79. (In Russ.).

6. Nikiforova, N.A. (2024) Analiz svetlykh i temnykh storon iskusstvennogo intellekta [Analysis of the bright and dark sides of artificial intelligence]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, no. 5-2, pp. 277—284. (In Russ.). doi: 10.17513/vaael.3475.

7. Sviderskiy, A.N. (2026) Sotsiotekhnicheskie ataki novogo pokoleniya: protivodeystvie ispol'-

zovaniyu generativnogo II v fishinge i golosovykh moshennichestvakh [New generation socio-technical attacks: countering the use of generative AI in phishing and voting fraud]. In: *Strategicheskie vyzovy tsifrovoy transformatsii v sotsio-tekhnicheskikh sistemakh. Materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh, November 25, 2025*. Moscow, Moscow State Linguistic University, pp. 133–135. (In Russ.).

8. Sergeev, S.F., Rudenko, Z.A. (2024) Problema “temnykh patternov” i sinteticheskikh danykh v sistemakh s iskusstvennym intellektom [Problem of “dark patterns” and synthetic data in artificial intelligence systems]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*, vol. 9, no. 4, pp. 145–170. (In Russ.). doi: 10.38098/ipran.opwp_2024_33_4_007.

9. Drobot, E.V., Makarov, I.N., Vorobyev, N.N., Solomykin, V.I. (2025) Temnaya storona generativnogo iskusstvennogo intellekta v ekonomike i menedzhmente [The dark side of generative artificial intelligence in economics and management]. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 15, no. 8, pp. 5635–5668. (In Russ.). doi: 10.18334/epp.15.8.123776.

Информация об авторе

В.Б. Батоев — старший научный сотрудник НПО «Специальная техника и связь» МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V.B. Batoev – Senior researcher of the Scientific and Production Association “Special Equipment and Communications” of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Наследственное право: Учеб. пособие / Под ред. О.Ю. Ильиной, Р.А. Курбанова, Н.Д. Эриашвили, Т.В. Дерюгиной. 10-е изд., перераб. и доп. 399 с. ISBN 978-5-238-04155-1

Настоящее учебное пособие призвано сформировать квалифицированное представление о круге общественных отношений, входящих в предмет современного наследственного права, приемах и способах регулирования указанных отношений, принципах и источниках данного правового образования. Неотъемлемыми элементами системы знаний сферы наследственного права должны стать теоретические и нормативные положения об основаниях наследования, об условиях и порядке перехода имущества к наследникам, особенностях правового регулирования реализации, оформления и охраны наследства.

На основе анализа научных положений, сравнения ранее действовавшего и нового законодательства, с привлечением судебной и нотариальной практики наряду с освещением традиционных вопросов наследственного права раскрыты содержание и сущность новелл наследственного законодательства, предусматривающих появление частных фондов, совместных завещаний, наследственных договоров, соглашений супругов о распределении имущества на случай смерти и др. Кроме того, период времени, прошедший с момента вступления в силу части третьей ГК РФ, позволил выявить и ряд недостатков действующего наследственного законодательства, что также нашло отражение в издании.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, практикующих юристов и всех тех, кто интересуется вопросами наследственного права.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 109–119.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 109–119.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.012

NIION: 2015-0065-02/26-387
MOSURED: 77/27-010-2026-02-586

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Судебно-экспертная, криминалистическая и экспертно-криминалистическая деятельность: вопросы соотношения

Елена Вячеславовна Иванова

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, ivanova-elena-7@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2589-7726>

Аннотация. В статье рассмотрено соотношение криминалистической, экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Показано, что в части организации и производства судебных экспертиз судебно-экспертная и экспертно-криминалистическая деятельность соотносятся как общее и частное. Судебно-экспертная деятельность экспертно-криминалистических подразделений МВД России реализуется судебно-экспертными учреждениями МВД России, входящими в общую систему судебно-экспертных учреждений, и ограничена организацией и производством судебных экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. Наиболее полно криминалистическая деятельность осуществляется криминалистическими подразделениями Следственного комитета Российской Федерации, функции которых значительно шире технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, относимого к компетенции экспертно-криминалистических подразделений МВД России, и реализуется в иных процессуальных формах.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая деятельность, судебно-экспертная деятельность, криминалистическая деятельность, субъекты, формы.

Для цитирования: Иванова Е.В. Судебно-экспертная, криминалистическая и экспертно-криминалистическая деятельность: вопросы соотношения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 109–119. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.012.

Criminalistic, expert-criminalistic and forensic examination activities: issues of correlation

Elena V. Ivanova

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,
Russia, ivanova-elena-7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2589-7726>

Abstract. The article examines the relationship between criminalistic, expert-criminalistic and forensic examination activities. The author shows that in terms of the organization and production of forensic examinations, forensic examination and expert-criminalistic activities are correlated as general and particular. The forensic examination activities of the expert and criminalistic units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation are carried out by the forensic examination institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, which are part of the overall system of forensic examination institutions, and are limited to the organization and production of forensic examinations in criminal and administrative cases. The criminalistic units of the Investigative Committee of the Russian Federation carry out criminalistic activities most comprehensively. Their functions are much broader than the technic and criminalistic support for the detection and investigation of crimes, which is the responsibility of the expert and criminalistic units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, and are implemented in other procedural forms.

Keywords: expert and criminalistic activities, forensic examination activities, criminalistic activities, subjects, forms.

For citation: Ivanova, E.V. (2026) Criminalistic, expert-criminalistic and forensic examination activities: issues of correlation. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 109–119. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.012.

Расследование тяжких, неочевидных преступлений не обходится без специальных знаний, навыков, средств, приемов и методов, способствующих получению информации, имеющей значение для дела. Ученые анализируют совокупность этих ресурсов, предлагая их систематизировать по разным основаниям. Так, выделяют технико-криминалистические¹, научно-технические² средства и методы, экспертную технику³ и пр. Более общие системы представлены терминами «экспертно-криминалистическое обеспечение»⁴, «экспертно-криминалистическое сопровождение»⁵, «криминалистическое сопровождение»⁶, «криминалистическая деятельность»⁷ и др. Вопросы соотношения этих понятий вызывают дискуссии в научной среде. В частности, разделились мнения о целесообразности введения термина «криминалистическая деятельность». Так, Р.С. Белкин указывал, что «не может быть никакой „криминалистической деятельности“ в процессе расследования, помимо деятельности уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной или административно-правовой»⁸. С такой позицией спорит А.А. Свет-

личный, отмечая, что «термин „криминалистическая деятельность“ имеет право на существование, хотя бы только потому, что есть наука — криминалистика, обладающая своими предметами и объектами исследования, решающая только ей присущие задачи»⁹. Связывал науку и криминалистическую деятельность А.Ф. Во-лынский¹⁰. И.В. Тишутина и И.П. Можаяева полагают, что криминалистическая деятельность представляет собой часть предмета криминалистики как науки¹¹.

Разделились мнения ученых и по вопросу содержания криминалистической деятельности. Например, В.А. Образцов включал в криминалистическую деятельность «решение субъектами уголовного преследования криминалистических и иных задач в уголовном судопроизводстве на основе применения технических средств, методов и другого инструментария, разрабатываемого в криминалистике», относя ее к помощи специалистов¹². А.Ф. Во-лынский содержание криминалистической деятельности видел в выявлении достижений естественных и технических наук, познании их возможностей в решении задач экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности, научном обосновании организации и правовой регламентации их внедрения в следственную практику, разработку соответствующих методик¹³. И.В. Тишутина высказывает мнение, что структуру криминалистической деятельности составляют: деятельность следователя, использующего криминалистические средства и методы, экспертно-криминалистическая деятельность, ориентированная на собирание и предварительное ис-

¹ Сыромля Л.Б. Современные технико-криминалистические средства: виды и принципы применения (в схемах и иллюстрациях). Владивосток, 2025. С. 5.

² Вандер М.Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений: конспект лекций. СПб, 2000.

³ Экспертная техника / отв. ред. М.А. Сонис. М., 2008.

⁴ Лукашин М.В. Некоторые вопросы экспертно-криминалистического обеспечения оперативно-разыскной деятельности по противодействию незаконному обороту огнестрельного оружия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 49—52; Низаева С.Р. Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // XVIII Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» (Москва, 19—21 ноября 2024 года): сборник статей. М., 2025. С. 950—953.

⁵ Коглина В.А. Правовое регулирование экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 86—88.

⁶ Кузьмин Д.А., Родионова Я.В. Криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений // Журнал прикладных исследований. 2025. № 2. С. 165—174.

⁷ Светличный А.А. Криминалистическая деятельность в структуре криминалистического знания: проблемы терминологии // Ius publicum et privatum. 2023. № 2 (22). С. 160—167.

⁸ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 237.

⁹ Светличный А.А. Указ. соч. С. 164.

¹⁰ Во-лынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография. М., 2018.

¹¹ Тишутина И.В., Можаяева И.П. Криминалистическая деятельность и криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие, сущность, соотношение // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2025 г.). Ч. 2. М., 2025. С. 169—175.

¹² Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М., 2007. С. 63.

¹³ Во-лынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 23.

следование следов, их проверку по учетам, и судебно-экспертная деятельность, предполагающая исключительно экспертное исследование интересующих следствие объектов¹⁴. Н.П. Яблоков в криминалистическую включал экспертно-криминалистическую, оперативно-разыскную, профилактическую и научно-педагогическую деятельность¹⁵.

В контексте приведенных точек зрения отметим, во-первых, различие между наукой и деятельностью. Так, существование науки не означает наличие одноименной деятельности (наука физика не влечет появление «физической деятельности»). При этом прикладной характер науки криминалистики, безусловно, тесно связан с деятельностью по расследованию преступлений. Однако, на наш взгляд, предмет науки (например, предмет науки криминалистики включает закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и т. д.) отличается от предмета деятельности, который в зависимости от содержания может включать информацию, знания, создаваемые материальные объекты и др. Криминалистическая деятельность, таким образом, будучи направленной на разработку средств и методов, их применение в целях получения криминалистически значимой информации, получение и интеграцию в практику научных и методических знаний, имеет предметом криминалистические знания, криминалистические средства и криминалистически значимую информацию.

Думается, что криминалистическая деятельность не тождественна и деятельности по расследованию, поскольку включает в том числе получение ориентирующей информации, возникающей до, а в некоторых случаях и не приводящей к деятельности по расследованию преступлений; разработку специальных средств негласного получения информации и др. В связи с этим согласимся с точкой зрения тех авторов, которые полагают, что криминалистическая деятельность имеет иное содержание по сравнению с деятельностью по расследованию.

¹⁴ Тишутина И.В. Использование современных технологий в криминалистической деятельности: проблемы и перспективы // Современное состояние криминалистики и пути совершенствования: теория и практика: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 226.

¹⁵ Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 24.

Отдельного рассмотрения требует соотношение криминалистической, экспертно-криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Смещение именно этих видов деятельности зачастую наблюдается в научных публикациях. Так, А.В. Гусев в криминалистическую деятельность включает экспертно-криминалистическую, отмечая ее соподчиненную роль по отношению ко всей криминалистической деятельности, осуществляемой в ходе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений¹⁶. А.Ф. Волынский в криминалистической деятельности выделял две ее составляющие, осуществляемые «специально созданными организационно обособленными подразделениями (учреждениями) — это экспертно-криминалистическая деятельность (ЭКД) и судебно-экспертная деятельность (СЭД)»¹⁷. Причем отмечается, что эти виды деятельности имеют различные задачи, средства, методы и условия их решения, но ориентированы на общую конечную цель¹⁸.

Важное место в философской концепции деятельности, как особой формы активного отношения человека к окружающей действительности, разрабатываемой праксеологией, занимает ее отношение к нормативной регламентации. Это объясняется тем, что нормативная регламентация становится вспомогательным средством для субъекта, начинающего осваивать конкретную трудовую деятельность¹⁹. Нормы регламентируют условия, средства и результат, который должен быть получен.

Понятия «экспертно-криминалистическая деятельность», «криминалистическая деятельность» встречаются не только в литературе, но и в правовых нормах. Так, определение экспертно-криминалистической деятельности дано в Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД

¹⁶ Гусев А.В. К вопросу о необходимости уточнения понятия «экспертно-криминалистическая деятельность» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 2 (16). С. 59.

¹⁷ Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. С. 23.

¹⁸ Волынский А.Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: от привычных проблем к реалиям практики // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1 (99). С. 54.

¹⁹ Щеколдина С.В. Основные теоретические подходы к феномену «деятельность» // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 50.

России, утвержденном приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7²⁰. Термин «криминалистическая деятельность» употребляется в Инструкции об организации работы криминалистических подразделений в Следственном комитете Российской Федерации²¹.

Термин «судебно-экспертная деятельность» в нормативных правовых актах не раскрывается. Имеется определение государственной судебно-экспертной деятельности, которая, согласно ст. 1 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»²², осуществляется в процессе судопроизводства государственными судебно-экспертными учреждениями и государственными судебными экспертами и состоит в организации и производстве судебной экспертизы.

Исходя из концептуальных положений праксеологии, любая деятельность определяется целью, представляет собой процесс и обеспечивается средствами²³. Кроме того, согласно теории С.Л. Рубинштейна, деятельность всегда субъектна²⁴. Субъектность деятельности означает, что субъект способен к осуществлению деятельности и обладает качествами и компетенциями для достижения результатов этой деятельности.

Следует отметить, что в соответствующих нормативных документах субъекты, реализующие криминалистическую, экспертно-криминалистическую и судебно-экспертную деятельность, определены фрагментарно.

Так, Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ относит к субъектам государственной судебно-экспертной деятельности государственные судебно-экспертные учреждения и государственных судебных экспертов. В то же время статус ряда экспертных организаций до настоящего времени остается не вполне определенным. Так, на неоднозначность экспертных под-

разделений, созданных в структуре государственных образовательных организаций, обращает внимание Е.И. Галяшина²⁵.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» указано, что проведение судебной экспертизы осуществляется судебно-экспертными учреждениями, организациями и лицами, обладающими специальными знаниями. Отсюда следует вывод, что субъектами судебно-экспертной деятельности являются не только учреждения, удовлетворяющие требованиям ст. 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ, но и организации, созданные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». При этом в соответствии со ст. 41 закона действие указанной нормы распространяется на лиц, обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющихся государственными судебными экспертами. Несмотря на то, что задача не конкретизирована, в ст. 9 дано определение судебной экспертизы как процессуального действия, заключающегося в проведении исследований и даче заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В систему судебно-экспертной деятельности Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина также включили «организационно-методическую деятельность государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, производственную деятельность государственных судебных экспертов, а также иных экспертов из числа сведущих лиц, которые, в соответствии с действующим процессуальным законодатель-

²⁰ Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» // СПС «Гарант».

²¹ Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 29.04.2025 № 61 «Об организации работы криминалистических подразделений Следственного комитета Российской Федерации».

²² Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23, ст. 2291.

²³ Щеколдина С.В. Указ. соч. С. 48.

²⁴ Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. М., 1995. С. 233.

²⁵ Галяшина Е.И. О соотношении публичного и диспозитивного начал при назначении экспертизы в уголовном процессе // Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России. М., 2025. С. 237—247.

ством, осуществляют судебно-экспертное исследование объектов экспертизы»²⁶.

Представляется спорным взгляд ряда авторов на судебно-экспертную деятельность, заключающийся в том, что «судебно-экспертная деятельность сама по своей сути вспомогательная, строго говоря, ориентирована не на раскрытие и расследование преступлений, а всего лишь на выполнение „отдельных поручений“ следователя или дознавателя»²⁷. Авторы верно обратили внимание на особую по отношению к раскрытию и расследованию преступлений цель судебно-экспертной деятельности. Можно согласиться и с тем, что в судопроизводстве, в том числе уголовном, производство судебной экспертизы реализуется посредством процессуально регламентированного обращения, названного авторами «поручением». Однако, во-первых, производство судебной экспертизы — это только одна из задач судебно-экспертной деятельности, которая включает, помимо этого, организацию проведения судебной экспертизы и надлежащего функционирования оборудования, разработку ее научного и методического обеспечения. Во-вторых, сущностью судебной экспертизы является установление в результате проведения исследования фактических данных, а не выполнение поручений (аналогично неверным считаем отнесение экспертной деятельности к категории услуг). Этот тезис подтверждают и самостоятельность эксперта в выборе методики, методов и средств исследования, и право эксперта устанавливать обстоятельства, имеющие значение для дела, но в отношении которых эксперту не был поставлен вопрос. Эксперт, выполняя исследование, ориентирован на установление любых фактических данных (как оправдательных, так и обвинительных), в то время как следователь, согласно УПК РФ являющийся стороной обвинения, может ограничиться получением обвинительных доказательств. В связи с этим вряд ли можно согласиться с предложением считать судебно-экспертную деятельность частью криминалистической²⁸, поскольку эти виды деятельности значи-

мо различаются по задачам, формам и субъектам их реализации.

Наиболее близки по содержанию судебно-экспертная и экспертно-криминалистическая деятельность. Это связано с традиционно сложившейся в МВД России системой применения специальных знаний. Как следует из п. 3 ч. 1 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, «экспертно-криминалистическая деятельность заключается в осуществлении федеральным государственным казенным учреждением „Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации“, экспертно-криминалистическими центрами, отделами (отделениями, группами, направлениями) органов внутренних дел и экспертно-криминалистическими отделами (отделениями, группами, направлениями) отдела (отделения, пункта) полиции в составе территориального органа МВД России на районном уровне государственной судебно-экспертной деятельности, а также в применении технических средств и специальных знаний по заданиям уполномоченных законодательством Российской Федерации государственных органов и должностных лиц».

Согласно ст. 2 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», экспертно-криминалистическая деятельность — это правоохранительная деятельность сотрудников полиции. С другой стороны, задачи экспертно-криминалистических подразделений не ограничиваются участием в раскрытии и расследовании преступлений и включают содействие избирательным комиссиям, комиссиям референдума при осуществлении их полномочий в ходе реализации гражданами Российской Федерации избирательных прав, применение технических средств и специальных знаний в оперативно-разыскной деятельности²⁹.

Задачи экспертно-криминалистической деятельности выполняются экспертно-криминалистическими подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые в том числе входят в систему судебно-экспертных учреждений, и заключаются:

- в проведении исследований в целях установления фактических данных или ориентирующей информации (государственная судебно-экспертная деятельность по

²⁶ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М., 2014. С. 34—35.

²⁷ Волынский А.Ф., Чегодаева С.С., Ткач В.Ю. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая — разные виды деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 26.

²⁸ Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства. С. 23.

²⁹ Приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России».

уголовным делам и делам об административных правонарушениях, исследования предметов и документов в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», проведение экспертных исследований в целях обеспечения доказательств);

- применении технических средств по уголовным делам и делам об административных правонарушениях при проведении оперативно-разыскных мероприятий;
- участии в формировании криминалистических учетов;
- консультировании (содействие в постановке вопросов эксперту для разъяснения вопросов, входящих в профессиональную компетенцию лица, обладающего специальными знаниями, и др.).

Эти задачи реализуются как в процессуальных формах (производство судебной экспертизы, участие в процессуальных действиях в качестве специалиста), так и в виде непроцессуального взаимодействия.

Сравнительный анализ целей, субъектов и задач судебно-экспертной и экспертно-криминалистической деятельности показывает, что в части организации и производства судебных экспертиз эти виды деятельности соотносятся как общее и частное. Судебно-экспертная деятельность экспертно-криминалистических подразделений МВД России реализуется судебно-экспертными учреждениями МВД России, входящими в общую систему судебно-экспертных учреждений, и ограничена организацией и производством судебных экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях.

Помимо судебно-экспертной деятельности экспертно-криминалистические подразделения выполняют ряд функций, которые традиционно относят к криминалистическим. Так, применение технических средств в целях раскрытия и расследования преступлений большинством авторов считается частью криминалистической деятельности и относится к технико-криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений³⁰.

³⁰ Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М., 1997. С. 64—69; Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений / под ред. А.М. Багмета. М., 2016. С. 6; Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М., 2016. С. 19.

К системе технико-криминалистического сопровождения ученые относят и информационные данные экспертно-криминалистических учетов объектов, имеющих прямую причинно-следственную связь с событиями преступлений³¹. На значение информации, полученной из криминалистических учетов, для возобновления и дальнейшего расследования преступлений указывают, например, Д.А. Степаненко и А.В. Чашкина³².

Таким образом, экспертно-криминалистические подразделения МВД России выполняют функции по технико-криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений, то есть осуществляют в том числе криминалистическую деятельность. В научной литературе деятельность экспертно-криминалистических подразделений именуют экспертно-криминалистическим сопровождением раскрытия и расследования преступлений³³.

Однако очевидно, что задачи криминалистической деятельности не исчерпываются применением технических средств и методов при помощи специалистов, как это видел, например, В.А. Образцов³⁴, и не сводятся к научному обоснованию организации и правовой регламентации внедрения в следственную практику достижений естественных и технических наук.

В целом заслуживающим внимания представляется видение криминалистической деятельности как системы, состоящей из деятельности по криминалистическому обеспечению и криминалистическому сопровождению раскрытия и расследования преступлений³⁵. Авторы определяют криминалистическую деятельность как комплексную по своему содержанию деятельность, направленную «на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к применению криминалистических методов, средств и рекомендаций в целях раскрытия и расследования преступлений и на реализацию таких условий в повседневной практике деятельности правоохранительных органов»³⁶. Однако содержание включенных в

³¹ Кузьмин Д.А., Родионова Я.В. Указ. соч. С. 165—174.

³² Степаненко Д.А., Чашкина А.В. Роль экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // ГлаголЪ правосудия. 2023. № 3 (33). С. 2—7.

³³ Коглина В.А. Указ. соч. С. 86—88.

³⁴ Образцов В.А. Указ. соч.

³⁵ Тишутина И.В., Можяева И.П. Указ. соч. С. 169—175.

³⁶ Волынский А.Ф. Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное. М., 2019. С. 69.

криминалистическую деятельность дефиниций требует, на наш взгляд, уточнения.

Научный интерес к понятию и содержанию криминалистической деятельности после сдержанной оценки введенной Р.Г. Домбровским³⁷ дефиниции возобновился с созданием в системе Следственного комитета Российской Федерации криминалистических подразделений³⁸.

Задачи, отнесенные к криминалистической деятельности подразделений СК России, перечислены в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 29.04.2025 № 61 и включают в том числе выполнение процессуальных полномочий, которые относят к деятельности следователя-криминалиста³⁹. Так, в профессиональном стандарте следователя-криминалиста⁴⁰ указано, что его трудовые функции состоят в организации и осуществлении криминалистической деятельности, связанной с проведением следственных и иных процессуальных действий с целью предварительного расследования преступлений. Вместе с тем функции, перечисленные в ст. 5 УПК РФ, Г.М. Меретуков считает уголовно-процессуальными⁴¹. На особенности деятельности следователя-криминалиста обращают внимание О.Г. Костюченко и О.В. Волохова, которые полагают, что он осуществляет исключительно «технические» функции, связанные со следственными и процессуальными дей-

ствиями, прежде всего с производством судебных экспертиз⁴².

Между тем практика показывает, что сотрудники криминалистических подразделений выполняют значительно больше задач, в том числе:

- Применяют специальные и технические средства в целях выявления, фиксации и изъятия следов и иных объектов — источников криминалистически значимой информации. Для этих целей применяются: мобильные комплексы по сбору и анализу цифровых данных, программно-аналитические комплексы обработки следственно значимой информации, обнаружители скрытых видеокамер, нелинейные локаторы, металлоискатели, магнитометры, магнитные подъемники, беспилотные летательные аппараты, георадары, эхолоты, гидролокаторы, портативные анализаторы взрывчатых веществ, экспресс-тесты для обнаружения следов биологического происхождения и иных объектов и т. д. В 2025 году криминалистическая и специальная техника применялась 96 899 раз.
- Осуществляют информационно-аналитическое обеспечение деятельности следственных органов Следственного комитета Российской Федерации. Эта функция включает не только формирование и ведение криминалистического учета информации о преступлениях и лицах, их совершивших. Сотрудниками криминалистических подразделений систематически анализируется содержащаяся в централизованном криминалистическом учете криминалистически значимая информация о преступлениях с целью выявления признаков их серийности и иных особенностей, которые позволяют разрабатывать тактические приемы и методические рекомендации для повышения эффективности расследования.
- Выполняют психологическое сопровождение расследования преступлений, в том числе с применением полиграфа. Так, материалы уголовного дела, возбужденного 26.02.1969 прокуратурой Ленинского района Мурманской области по п. «е» ст. 102 УК РСФСР (убийство, сопряженное с из-

³⁷ Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1974.

³⁸ В соответствии с Положением о Следственном комитете Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 14 января 2011 года № 38, криминалистическая деятельность отнесена к полномочиям Следственного комитета Российской Федерации.

³⁹ В соответствии с п. 40.1 ст. 5 УПК РФ следователь-криминалист уполномочен осуществлять предварительное следствие, а также участвовать по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных и иных процессуальных действий или производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству.

⁴⁰ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 марта 2015 г. № 183н «Об утверждении профессионального стандарта «Следователь-криминалист» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201504140028> (дата обращения: 14.04.2026).

⁴¹ Меретуков Г.М. Деятельность следователя-криминалиста: процессуальные и криминалистические аспекты // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 1 (35). С. 153.

⁴² Костюченко О.Г., Волохова О.В. Сравнительная характеристика деятельности специалиста-криминалиста и следователя-криминалиста // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78). С. 72.

насилованием), в 2024 году были изучены аналитической группой по расследованию преступлений прошлых лет. Старший специалист отдела криминалистики сформировал психологический портрет преступника и выдвинул предположение о его чертах личности (тип телосложения, дефекты интеллектуальной сферы и др.). На основании полученной информации был выявлен гражданин Р. 1946 года рождения и доказана его причастность к совершению данного преступления⁴³.

- Организуют взаимодействие с экспертными учреждениями и органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, и т. д.

Криминалистические подразделения Следственного комитета Российской Федерации проводят указанные мероприятия как в форме не процессуального сопровождения, так и реализуя процессуальные функции следователя, специалиста или иного лица. Следует отметить, что производство судебных экспертиз не отнесено к задачам криминалистических подразделений СК России.

Таким образом, задачи криминалистической деятельности подразделений Следственного комитета Российской Федерации значительно шире технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, относимого к компетенции экспертно-криминалистических подразделений МВД России, и реализуются в иных процессуальных формах. Экспертно-криминалистические подразделения МВД России осуществляют также судебно-экспертную деятельность по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. В отличие от криминалистической, судебно-экспертная деятельность в целом осуществляется не только в уголовном, но и в иных процессах и имеет иное содержание и субъектов.

Список литературы

1. Баранов В.П. Убийство в зимнюю ночь: история расследования, которое длилось полвека // Вестник Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 3 (120). С. 15—33.

⁴³ Баранов В.П. Убийство в зимнюю ночь: история расследования, которое длилось полвека // Вестник Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 3 (120). С. 15—33.

2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. 237 с.

3. Вандер М.Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений: конспект лекций. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2000. 60 с.

4. Волинский А.Ф. Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 426 с.

5. Волинский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4 (103). С. 22—28.

6. Волинский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: монография. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 219 с.

7. Волинский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 195 с.

8. Волинский А.Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: от привычных проблем к реалиям практики // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1 (99). С. 47—56.

9. Волинский А.Ф., Чегодаева С.С., Ткач В.Ю. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая — разные виды деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 22—30.

10. Галяшина Е.И. О соотношении публичного и диспозитивного начал при назначении экспертизы в уголовном процессе // Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 237—247.

11. Гусев А.В. К вопросу о необходимости уточнения понятия «экспертно-криминалистическая деятельность» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 2 (16). С. 57—61.

12. Домбровский Р.Г. Предмет криминалистики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1974. 22 с.

13. Коглина В.А. Правовое регулирование экспертно-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 86—88.

14. Костюченко О.Г., Волохова О.В. Сравнительная характеристика деятельности специалиста-криминалиста и следователя-кримина-

листа // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78). С. 69—77. doi: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.069-077.

15. Криминалистика: учебник / под ред. Н.П. Яблокова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. 781 с.

16. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. М.: Новый юрист, 1997. 398 с.

17. Кузьмин Д.А., Родионова Я.В. Криминалистическое сопровождение раскрытия и расследования преступлений // Журнал прикладных исследований. 2025. № 2. С. 165—174. doi: 10.47576/2949-1878.2025.2.2.020.

18. Лукашин М.В. Некоторые вопросы экспертно-криминалистического обеспечения оперативно-разыскной деятельности по противодействию незаконному обороту огнестрельного оружия // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 49—52.

19. Меретуков Г.М. Деятельность следователя-криминалиста: процессуальные и криминалистические аспекты // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2022. № 1 (35). С. 152—158. doi: 10.54217/2411-1627.2022.35.1.021.

20. Низаева С.Р. Экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // XVIII Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» (Москва, 19—21 ноября 2024 года): сборник статей. М.: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. С. 950—953.

21. Образцов В.А. Криминалистика: парные категории. М.: Юрлитинформ, 2007. 296 с.

22. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2014. 464 с.

23. Светличный А.А. Криминалистическая деятельность в структуре криминалистического знания: проблемы терминологии // Ius publicum et privatum. 2023. № 2 (22). С. 160—167. doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.018.

24. Степаненко Д.А., Чашкина А.В. Роль экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // Глаголь правосудия. 2023. № 3 (33). С. 2—7.

25. Сыромля Л.Б. Современные технико-криминалистические средства: виды и принципы применения (в схемах и иллюстрациях). Вла-

дивосток: Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. 59 с.

26. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений / под ред. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ, 2016. 249 с.

27. Тишутина И.В. Использование современных технологий в криминалистической деятельности: проблемы и перспективы // Современное состояние криминалистики и пути совершенствования: теория и практика: сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: КубГАУ, 2023. С. 224—232.

28. Тишутина И.В., Можаяева И.П. Криминалистическая деятельность и криминалистическое обеспечение расследования преступлений: понятие, сущность, соотношение // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертиза в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 25 апреля 2025 г.). Ч. 2. М.: Академия управления МВД России, 2025. С. 169—175.

29. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 233—280.

30. Щеколдина С.В. Основные теоретические подходы к феномену «деятельность» // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 46—61. doi: 10.24412/2308-7196-2022-2-46-61.

31. Экспертная техника / отв. ред. М.А. Солис. М.: РФИЦЭ, 2008. 102 с.

References

1. Baranov, V.P. (2026) Ubiystvo v zimnyuyu noch': istoriya rassledovaniya, kotoroe dlilos' polveka [Murder on a winter night: the story of a half-century-long investigation]. *Vestnik Glavnogo upravleniya kriminalistiki (Kriminalisticheskogo tsentra) Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, no. 3, pp. 15–33 (in Russ.).

2. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Criminology: the problems of today. Topical issues of Russian criminology]. Moscow, Norma, 237 p. (in Russ.).

3. Vander, M.B. (2000) *Primenenie nauchno-tehnicheskikh sredstv pri rassledovanii prestupleniy* [Application of scientific and technical means in crime investigation]. Lecture notes. Saint Petersburg, St. Petersburg Law Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 60 p. (in Russ.).

4. Volynskiy, A.F. (2019) *Kriminalistika i kriminalisticheskaya deyatel'nost'*. Izbrannoe [Criminalistics and criminalistic activity. Selected works]. Moscow, UNITY-DANA, *Zakon i pravo*, 426 p. (in Russ.).

5. Volynskiy, A.F. (2022) *Kriminalisticheskaya deyatel'nost' v sisteme nauchno-tehnicheskogo obespecheniya ugolovnogo sudoproizvodstva* [Forensic activity in the system of scientific and technical support of criminal proceedings]. *Yurist-Pravoved*, no. 4, pp. 22–28 (in Russ.).

6. Volynskiy, A.F. (2018) *Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Forensic support for crime detection and investigation]. Monograph. Moscow, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 219 p. (in Russ.).

7. Volynskiy, A.F. (2016) *Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Forensic support for crime detection and investigation]. Textbook. Moscow, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 195 p. (in Russ.).

8. Volynskiy, A.F. (2024) *Nauchno-tehnicheskoe obespechenie ugolovnogo sudoproizvodstva: ot privychnykh problem k realiyam praktiki* [Scientific and technical support for criminal proceedings: from routine issues to the realities of practice]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, no. 1, pp. 47–56 (in Russ.).

9. Volynskiy, A.F., Chegodaeva, S.S., Tkach, V.Yu. (2013) *Sudebno-ekspertnaya i tekhniko-kriminalisticheskaya – raznye vidy deyatel'nosti* [Forensic expert and technical criminalistic is different kinds of activity]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, no. 2-2, pp. 22–30 (in Russ.).

10. Galyashina, E.I. (2025) *O sootnoshenii publichnogo i dispozitivnogo nachal pri naznachenii ekspertizy v ugolovnom protsesse* [On the correlation between the public and the dispositive principles when appointing an expert in a criminal trial]. In: *Publichnoe i dispozitivnoe nachala v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii*. Moscow, Yurlitinform, pp. 237–247 (in Russ.).

11. Gusev, A.V. (2012) *K voprosu o neobkhodimosti utochneniya ponyatiya «ekspertno-kriminalisticheskaya deyatel'nost'»* [On the need to

clarify the concept of expert-criminalistic activity]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2, pp. 57–61 (in Russ.).

12. Dombrovskiy, R.G. (1974) *Predmet kriminalistiki* [The subject of criminalistics]. Abstract of Ph. D. thesis. Leningrad, 22 p. (in Russ.).

13. Koglina, V.A. (2022) *Pravovoe regulirovanie ekspertno-kriminalisticheskogo soprovozhdeniya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Legal regulation of forensic support for the disclosure and investigation of crimes]. *Forensic Science and Research*, no. 1, pp. 86–88 (in Russ.).

14. Kostyuchenko, O.G., Volokhova, O.V. (2021) *Sravnitel'naya kharakteristika deyatel'nosti spetsialista-kriminalista i sledovatelya-kriminalista* [Comparative characteristics of the activities of a forensic specialist and a forensic investigator]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*, no. 2, pp. 69–77 (in Russ.). doi: 10.17803/2311-5998.2021.78.2.069-077.

15. Yablokov, N.P. (ed.) (2005) *Kriminalistika* [Criminalistics]. Textbook. Moscow, Yurist, 781 p. (in Russ.).

16. Aver'yanova, T.V., Belkin, R.S. (eds.) (1997) *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noy militsii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya* [Forensic support for the activities of the criminal police and preliminary investigation bodies]. Moscow, Novyy yurist, 398 p. (in Russ.).

17. Kuz'min, D.A., Rodionova, Ya.V. (2025) *Kriminalisticheskoe soprovozhdenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Forensic support of crime detection and investigation]. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy*, no. 2, pp. 165–174 (in Russ.). doi: 10.47576/2949-1878.2025.2.2.020.

18. Lukashin, M.V. (2015) *Nekotorye voprosy ekspertno-kriminalisticheskogo obespecheniya operativno-razysknoy deyatel'nosti po protivodeystviyu nezakonnomu oborotu ognestrel'nogo oruzhiya* [Some issues of forensic support for operational and investigative activities aimed at countering the illicit circulation of firearms]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, no. 15-1, pp. 49–52 (in Russ.).

19. Meretukov, G.M. (2022) *Deyatel'nost' sledovatelya-kriminalista: protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Activities of a forensic investigator: procedural and forensic aspects]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 1, pp. 152–158 (in Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2022.35.1.021.

20. Nizaeva, S.R. (2025) *Ekspertno-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy* [Forensic support for the

detection and investigation of crimes]. In: *XVIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Derzhavinskie chteniya", November 19–21, 2024. Sbornik statey*. Moscow, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), pp. 950–953 (in Russ.).

21. Obraztsov, V.A. (2007) *Kriminalistika: parnye kategorii* [Criminalistics: paired categories]. Moscow, Yurlitinform, 296 p. (in Russ.).

22. Rossinskaya, E.R., Galyashina, E.I. (2014) *Nastol'naya kniga sud'i. Sudebnaya ekspertiza. Teoriya i praktika, tipichnye voprosy i nestandartnye situatsii* [Judge's handbook. Forensic expertise. Theory and practice, typical issues, and unusual situations]. Moscow, Prospekt, 464 p. (in Russ.).

23. Svetlichnyy, A.A. (2023) *Kriminalisticheskaya deyatel'nost' v strukture kriminalisticheskogo znaniya: problemy terminologii* [Criminalistic activity in the structure of forensic knowledge: problems of terminology]. *Ius publicum et privatum*, no. 2, pp. 160–167 (in Russ.). doi: 10.46741/2713-2811.2023.22.2.018.

24. Stepanenko, D.A., Chashkina, A.V. (2023) *Rol' ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov v informatsionnom obespechenii raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy proshlykh let* [The role of forensic accounting in the information support of the disclosure and investigation of crimes of the past years]. *Glagol pravosudiya*, no. 3, pp. 2–7 (in Russ.).

25. Syromlya, L.B. (2025) *Sovremennye tekhniko-kriminalisticheskie sredstva: vidy i printsipy primeneniya (v skhemakh i illyustratsiyakh)* [Modern forensic tools: types and principles of application (in diagrams and illustrations)]. Vladivostok, Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 59 p. (in Russ.).

26. Bagmet, A.M. (ed.) (2016) *Tekhniko-kriminalisticheskoe soprovozhdenie rassledovaniya prestupleniy* [Technical and forensic support for crime investigations]. Moscow, Yurlitinform, 249 p. (in Russ.).

27. Tishutina, I.V. (2023) *Ispol'zovanie sovremennykh tekhnologiy v kriminalisticheskoy deyatel'nosti: problemy i perspektivy* [The use of modern technologies in forensic activities: challenges and prospects]. In: *Sovremennoe sostoyanie kriminalistiki i puti sovershenstvovaniya: teoriya i praktika. Sbornik nauchnykh statey po materialam vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University, pp. 224–232 (in Russ.).

28. Tishutina, I.V., Mozhaeva, I.P. (2025) *Kriminalisticheskaya deyatel'nost' i kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestupleniy: ponyatie, sushchnost', sootnoshenie* [Forensic activities and forensic support for crime investigation: concept, essence, and correlation]. In: *Kriminalistika, ugolovnyy protsess i sudebnaya ekspertologiya v XXI veke: vektory razvitiya (k 70-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy Akademii upravleniya MVD Rossii)*. *Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, April 25, 2025. Vol. 2*. Moscow, Academy of Management of the MIA of Russia, pp. 169–175 (in Russ.).

29. Shchedrovitskiy, G.P. (1995) *Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva teorii deyatel'nosti* [Initial concepts and categorical tools of activity theory]. In: *Shchedrovitskiy, G.P. Izbrannye trudy [Selected works]*. Moscow, Shkola kul'turnoy politiki, pp. 233–280 (in Russ.).

30. Shchekoldina, S.V. (2022) *Osnovnye teoreticheskie podkhody k fenomenu "deyatel'nost'"* [The main theoretical approaches to the phenomenon of "activity"]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 46–61 (in Russ.). doi: 10.24412/2308-7196-2022-2-46-61.

31. Sonis, M.A. (ed.) (2008) *Ekspertnaya tekhnika* [Expert technique]. Moscow, RFCFS, 102 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Е.В. Иванова — декан факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

E.V. Ivanova – Dean of the Faculty of Criminalistic Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 120—125.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 120–125.

УДК 343.988
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.013

NIION: 2015-0065-02/26-388
MOSURED: 77/27-010-2026-02-587

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Криминологический портрет жертвы дистанционных хищений

Олег Александрович Старостенко

Краснодарский университет МВД России, Краснодар,
Россия, olegstaros94@gmail.com

Аннотация. В условиях цифровизации всех сфер жизни и роста числа киберпреступлений особое значение приобретает изучение личности жертвы, поскольку именно ее поведение, психологические особенности и уровень цифровой грамотности зачастую становятся ключевыми факторами, облегчающими реализацию преступного замысла.

На основе анализа 245 материалов уголовных дел, результатов опросов 180 потерпевших и 140 сотрудников органов предварительного расследования, а также данных официальной статистики ГИАЦ МВД России за 2020—2025 гг. автором выявлены основные социально-демографические характеристики жертв дистанционных хищений. Установлено, что наиболее уязвимой категорией являются экономически активные граждане с постоянным источником дохода (67 %), преимущественно в возрасте от 30 до 50 лет, что опровергает стереотип о преимущественной виктимности пенсионеров. Выявлена корреляция между уровнем дохода и вероятностью виктимизации: наибольший риск характерен для лиц с доходом от 40 до 60 тыс. рублей (32 %).

Особое внимание уделено разработке авторской типологии жертв в зависимости от доминирующих психологических характеристик и особенностей виктимного поведения. Выделены и описаны шесть типов: доверчивый, корыстный, тревожный, любопытный, легкомысленный и невнимательный. Для каждого типа установлена корреляция с конкретными алгоритмами совершения преступлений (телефонное мошенничество, фишинг, инвестиционные схемы, переход по сомнительным ссылкам и др.), а также определены наиболее эффективные меры виктимологической профилактики.

Полученные результаты могут быть использованы при планировании профилактической работы органов внутренних дел, разработке адресных программ информирования населения, создании специализированных памяток и методических рекомендаций для различных категорий граждан, что позволит повысить эффективность противодействия дистанционным хищениям.

Ключевые слова: жертва, киберпреступность, виктимность, предупреждение, Интернет, типология, личность.

Для цитирования: Старостенко О.А. Криминологический портрет жертвы дистанционных хищений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 120—125. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.013.

Criminological profile of a victim of remote theft

Oleg A. Starostenko

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Krasnodar, Russia, olegstaros94@gmail.com

Abstract. With the digitalization of all spheres of life and the rise in cybercrime, studying the victim's personality is particularly important, as their behavior, psychological characteristics, and level of digital literacy often become key factors facilitating the implementation of criminal intent.

Based on an analysis of 245 criminal case files, surveys of 180 victims and 140 preliminary investigation officers, as well as official statistics from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2020—2025, the author identified the main socio-demographic characteristics of victims of remote theft. It was found that the most vulnerable category is economically active citizens with a regular source of income (67 %), primarily between the ages of 30 and 50, refuting the stereotype that pensioners are predominantly victimized. A correlation was found between income level and the likelihood of victimization: the highest risk is characteristic of individuals with an income of 40,000 to 60,000 rubles (32 %).

Particular attention was given to the development of the author's typology of victims based on dominant psychological characteristics and victim behavior patterns. Six types were identified and described: trusting, self-serving, anxious, curious, frivolous, and inattentive. A correlation was established for each type with specific crime patterns (telephone fraud, phishing, investment schemes, clicking on dubious links, etc.), and the most effective victimization prevention measures were identified.

These results can be used in planning preventive work by law enforcement agencies, developing targeted public awareness programs, and creating specialized leaflets and guidelines for various categories of citizens, thereby increasing the effectiveness of countering remote theft.

Keywords: victim, cybercrime, victimization, prevention, Internet, typology, personality.

For citation: Starostenko, O.A. (2026) Criminological profile of a victim of remote theft. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 120–125. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.013.

Последовательное развитие отечественной криминологической мысли закрепило личность в качестве самостоятельного элемента предметной области криминологии, образовав категорию личности преступника¹. Вместе с тем, как справедливо отмечает Л.В. Франк, «...действительно, если речь идет о значении личности преступника, то почему игнорируется личность жертвы? Ведь общественная опасность исходит не только от преступника, но и от жертвы»². Исходя из этого, формирование комплексной системы научного знания в области предупреждения преступлений и разработка мер антикриминальной практики недостижимы без информации о личности жертвы преступления.

Таким образом, жертва преступлений имеет важнейшее значение для криминологической отрасли знания и практики предупреждения преступлений. Познание свойств личности жертвы дает возможность определить категорию граждан, которые могут становиться жертвой преступления, установить их гендерные, возрастные, профессиональные характеристики, а также выявить социальные и индивидуальные особенности виктимного поведения, которые следует учитывать при организации и осуществлении виктимологической профилактики преступлений.

В контексте дистанционных хищений личность жертвы выступает одним из ведущих элементов механизма совершения преступления. Проявляя неосмотрительность, жертва способствует запуску преступного поведения, нередко провоцирует злоумышленника на совершение противоправных действий, облегчает реализацию последовательных алгоритмов дистанцион-

ных хищений³. В связи с этим виктимологическое предупреждение рассматриваемых преступлений невозможно без знания социально-демографических и социально-психологических признаков жертвы дистанционных хищений⁴.

Последовательное применение совокупности исследовательских операций (анализ 245 материалов уголовных дел, возбужденных на территории Российской Федерации; опрос 180 жертв дистанционных хищений, 140 сотрудников органов предварительного расследования; контент-анализ ресурсов сети Интернет; обобщение официальной статистической информации ГИАЦ МВД России за 2020—2025 гг.) позволило определить социально-демографические характеристики жертв дистанционных хищений, установить их гендерное и возрастное распределение, а также представить зависимость виктимизации от трудовой занятости и среднемесячного денежного дохода.

Проведенное исследование показало, что наибольшее количество жертв дистанционных хищений — это лица, имеющие постоянный источник дохода (работающие), они составляют 67 % от общего количества опрошиваемых. Среди них отдельную категорию образуют служащие — 14 %. Как следует из результатов опросов, нередко жертвы представляют собой категорию граждан, состоящих на пенсионном обеспечении (пенсионеры), — 7 %. Лица, не имеющие постоянного источника дохода (безработные), составляют 2 % от общей совокупности жертв. Граждане, получающие среднее профессиональное и высшее образование (сту-

¹ Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.

² Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Душанбе, 1977.

³ Репецкая А.Л., Петрякова Л.А. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 4. С. 452—462.

⁴ Вишневецкий К.В., Хомутов М.В. Факторы, влияющие на динамику виктимности // Юриспруденция: теория и практика. 2024. № 2. С. 16—22.

денты), становились жертвами дистанционных хищений лишь в 5 % случаев. Полученные данные опровергают распространенное заблуждение о том, что жертвами дистанционных хищений становятся преимущественно социально незащищенные слои населения. Напротив, основную группу риска составляют экономически активные граждане, что объясняется их более интенсивным использованием финансовых инструментов и цифровых сервисов.

Анализ зависимости виктимизации от уровня дохода позволил получить следующие результаты. Среди опрашиваемых жертв дистанционных хищений лица, имеющие доход от 20 до 30 тыс. руб., составляют 14 %. Граждане, доход которых не превышает 20 тыс. руб., становились жертвами дистанционных хищений лишь в 6 % случаев. Граждане с ежемесячным доходом от 30 до 40 тыс. руб. становились жертвами хищений в 21 % случаев. Наибольшие показатели виктимизации демонстрируют лица, получающие денежный доход в размере от 40 до 60 тыс. руб., — 32 %. В свою очередь, жертвы дистанционных хищений с доходом от 60 тыс. руб. и выше образуют 27 % от числа опрашиваемых. Таким образом, прослеживается четкая корреляция между уровнем дохода и вероятностью стать жертвой дистанционного хищения: чем выше доход, тем активнее гражданин вовлечен в финансово-экономические отношения, реализуемые посредством цифровых технологий, что объективно повышает риски виктимизации.

Определив общие социально-демографические признаки жертв дистанционного хищения, можно представить их характеристику и разработать типологию жертв преступлений в зависимости от основных видов дистанционных хищений («преступник — техника», «преступник — жертва — техника», «преступник — жертва»), имеющих собственные виктимологические особенности.

Анализ материалов уголовных дел и обобщение полученной в процессе опроса специалистов информации позволили установить, что жертвой дистанционного хищения «преступник — техника» может быть любое физическое лицо в возрасте от 16 до 55 лет, различного социального статуса и уровня образования, активно использующее персональный компьютер и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Уровень виктимности жертвы дистанционного хищения «преступник — техника» повышается при отсутствии принимаемых ею мер по обеспечению безопасности информационной систе-

мы, средств обработки, хранения и передачи информации. Активное использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет и переход на подозрительные ресурсы увеличивают вероятность повторной виктимизации жертвы. В качестве примера можно привести проникновение вирусного программного обеспечения в информационную систему персонального компьютера с последующей передачей конфиденциальных данных пользователя, благодаря которым совершается изъятие денежных средств. Далее жертва обращается к правоохранительным органам, обновляет конфиденциальные данные учетных записей, принимает меры по очистке персонального компьютера от вредоносного программного обеспечения и т. д. Вместе с тем отсутствие профессионального программного обеспечения и специальных знаний в области IT не позволяет жертве в полной мере устранить вредоносное программное обеспечение⁵. В результате алгоритм совершения дистанционного хищения реализуется заново, а жертва подвергается повторной виктимизации. По данным проведенного опроса, с повторной виктимизацией столкнулись 23 % потерпевших, что свидетельствует о недостаточной эффективности принимаемых ими мер по восстановлению защищенности своих устройств и отсутствии необходимых знаний для радикального устранения угроз.

Отличительными особенностями обладают дистанционные хищения «преступник — жертва — техника». Анализ материалов уголовных дел и обобщение полученной в процессе опроса информации позволили установить, что жертвой дистанционного хищения «преступник — жертва — техника» может быть лицо как женского, так и мужского пола, в возрасте от 24 до 45 лет, имеющее среднее или высшее образование, являющееся специалистом среднего звена, работающее, имеющее средний и выше среднего уровень дохода. Степень виктимности жертвы дистанционного хищения «преступник — жертва — техника» зависит от имеющихся у нее знаний в области IT-безопасности и умений своевременно выявлять маркеры дистанционного хищения (идентифицировать фишинговые сайты, устанавливать достоверность платежных систем и реквизитов, определять нежелательные URL-адреса и т. д.). Сложные технические

⁵ Криптовалюты: цели для кибератак, инструмент для кибермошенничества, сравнение с другими активами / П.В. Ревенков, А.А. Бердюгин, А.Г. Чебарь, В.А. Бердюгин // Банковское дело. 2024. № 10. С. 39—45.

алгоритмы совершения дистанционного хищения рассматриваемого вида, реализуемые преступниками, оказывают серьезное влияние на повторную виктимизацию жертв. Результаты экспертного опроса наглядно демонстрируют, что алгоритмы совершения дистанционного хищения «преступник — жертва — техника» адаптируются злоумышленниками под происходящие социально-политические события и объективные обстоятельства, совершенствуется их техническая составляющая, новейшие механизмы социальной инженерии встраиваются в реализацию алгоритма совершения преступления, что значительно увеличивает вероятность повторной виктимизации жертвы. Так, в период пандемии COVID-19 фиксировался рост числа хищений с использованием фишинговых ресурсов, маскирующихся под официальные сайты по выплате пособий и оформлению пропусков, а в 2022—2023 гг. получили распространение схемы, связанные с предложениями о трудоустройстве за рубежом и получением отсрочки от мобилизации⁶.

Наряду с установленными личностными особенностями жертв указанных видов дистанционных хищений, собственной спецификой обладают хищения «преступник — жертва». Изучение уголовных дел и обобщение материалов проводимых опросов позволили установить, что жертвой данного вида хищения может быть лицо как женского, так и мужского пола, в возрасте от 28 до 70 лет, имеющее среднее или высшее образование, являющееся специалистом среднего звена, безработным или пенсионером. Жертва, как правило, имеет средний уровень дохода, но желает улучшить свое материальное положение или сохранить сбережения. Уровень виктимности жертвы в данном случае во многом зависит от ее возрастных признаков, уровня образованности, имеющихся знаний в области личной имущественной безопасности, а также степени доверчивости, алчности, тревожности и эмоциональности⁷.

Выявленные социально-демографические признаки и психологические особенности отдельных типов жертв дистанционных хищений «преступник — жертва» позволяют определить, что жертвой такого преступления могут быть

практически любые граждане различных возрастных категорий, отличающиеся высокой степенью доверчивости, корыстности, тревожности и эмоциональности. При этом анализ опросов показал, что наиболее уязвимыми перед методами социальной инженерии, применяемыми в данном типе хищений, являются лица пенсионного возраста (58 % от числа жертв данного типа), а также граждане, испытывающие финансовые трудности или, напротив, стремящиеся к быстрому обогащению (32 %).

На основе проведенного анализа представляется возможным выделить следующие типы жертв дистанционных хищений в зависимости от доминирующих психологических характеристик и особенностей виктимного поведения:

- **Доверчивый тип** — характеризуется излишней наивностью, готовностью верить любой поступающей информации, отсутствием критического мышления. Наиболее распространен среди лиц пенсионного возраста и жителей сельской местности. Данный тип жертв наиболее уязвим перед схемами «звонок от родственника, попавшего в беду» и «звонок из службы безопасности банка».
- **Корыстный тип** — движим желанием быстрого и легкого обогащения, склонен к участию в сомнительных инвестиционных проектах, игре на бирже, покупке товаров по заниженным ценам. Характерен для лиц среднего возраста (30—50 лет) с доходом ниже среднего или средним, стремящихся улучшить свое материальное положение. Данный тип наиболее уязвим перед схемами, связанными с инвестированием, онлайн-казино, покупкой товаров на фишинговых сайтах.
- **Тревожный тип** — отличается повышенной эмоциональностью, внушаемостью, склонностью к панике в стрессовых ситуациях. Преступники воздействуют на чувство страха за сохранность денежных средств, за близких родственников. Характерен для лиц старшего возраста, а также для граждан, находящихся в состоянии временной психологической нестабильности.
- **Любопытный тип** — стремится к получению новой информации, склонен к переходу по неизвестным ссылкам, скачиванию файлов из непроверенных источников. Характерен для молодежи и лиц среднего возраста, активно осваивающих ин-

⁶ Воронов С.С. Определяющие факторы, причины и условия кибермошенничества // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 306—310.

⁷ Старостенко О.А. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.

тернет-пространство, но не обладающих достаточным уровнем цифровой грамотности.

- Легкомысленный тип — осознает потенциальные риски, но пренебрегает правилами безопасности в силу лени, невнимательности или уверенности в том, что «меня это не коснется». Характерен для лиц среднего возраста с высоким уровнем дохода, активно использующих цифровые сервисы, но игнорирующих элементарные меры защиты (использование простых паролей, отсутствие двухфакторной аутентификации, переход по непроверенным ссылкам).
- Невнимательный тип — допускает ошибки при вводе данных, не проверяет URL-адреса сайтов, не обращает внимания на детали, отличающие подлинный ресурс от фишингового. Характерен для лиц, совершающих операции в условиях цейтнота или многозадачности.

Проведенный анализ позволяет также установить корреляцию между выделенными типами жертв и конкретными алгоритмами (схемами) совершения дистанционных хищений.

Так, жертвы доверчивого и тревожного типов наиболее часто (в 74 % случаев) становятся объектами преступных посягательств, реализуемых посредством телефонных звонков от имени сотрудников банков, правоохранительных органов или «родственников, попавших в беду». Преступники целенаправленно воздействуют на эмоциональное состояние жертвы, используя фактор внезапности и ограниченности времени для принятия решения.

Жертвы корыстного типа, напротив, в 68 % случаев вовлекаются в преступные схемы, связанные с инвестиционными проектами, игрой на бирже, покупкой криптовалюты или товаров по заведомо заниженным ценам. Как справедливо отмечают опрошенные сотрудники органов предварительного расследования, такие жертвы нередко игнорируют очевидные признаки мошенничества, поскольку их критическое мышление подавляется ожиданием сверхприбыли.

Невнимательный тип жертв в 63 % случаев становится потерпевшим от хищений, совершаемых посредством фишинговых ресурсов, поскольку при беглом просмотре не замечает подмены символов в адресной строке (например, переходит на сайт www.gosuslugiis.com вместо www.gosuslugi.ru).

В свою очередь, любопытный и легкомысленный типы жертв в 81 % случаев становятся потерпевшими от хищений, совершаемых посредством перехода по ссылкам из сомнительных источников (спам-рассылки, всплывающая реклама, сообщения от незнакомцев в мессенджерах). Стремление получить доступ к якобы эксклюзивному контенту или скидкам перевешивает осторожность.

Приведенная типология имеет ключевое значение для выбора дифференцированных мер виктимологической профилактики. Так, для доверчивого и тревожного типов наиболее эффективными будут индивидуальные беседы и распространение наглядных материалов в местах их проживания (отделения почты, банки, многофункциональные центры, советы ветеранов); для корыстного типа — размещение предупреждений на сайтах, предлагающих быстрый заработок, в инвестиционных сообществах и тематических группах в социальных сетях; для любопытного и легкомысленного типов — таргетированная реклама и контент в интернет-пространстве, акцентирующие внимание на необходимости соблюдения правил цифровой гигиены; для невнимательного типа — внедрение всплывающих подсказок и предупреждений на популярных онлайн-платформах (маркетплейсы, портал госуслуг, интернет-банкинг) с напоминанием о необходимости проверки URL-адреса перед вводом конфиденциальных данных.

Таким образом, совокупность проведенных исследовательских операций позволила определить основные социально-демографические и психологические характеристики личности жертв дистанционных хищений. На основании выявленных виктимологических параметров разработана типология личности жертв дистанционных хищений, намечены направления виктимологической профилактики в данной области. Полученные результаты могут быть использованы при планировании профилактической работы органов внутренних дел, разработке адресных программ информирования населения, а также при создании специализированных памяток и методических рекомендаций для различных категорий граждан.

Список литературы

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Акад. МВД СССР, 1980. 526 с.
2. Вишневецкий К.В., Хомутов М.В. Факторы, влияющие на динамику виктимности // Юриспруденция: теория и практика. 2024. № 2. С. 16—22.

3. Воронов С.С. Определяющие факторы, причины и условия кибермошенничества // Юридическая наука. 2025. № 6. С. 306—310.

4. Криптовалюты: цели для кибератак, инструмент для кибермошенничества, сравнение с другими активами / П.В. Ревенков, А.А. Бердюгин, А.Г. Чебарь, В.А. Бердюгин // Банковское дело. 2024. № 10. С. 39—45.

5. Репецкая А.Л., Петрякова Л.А. Виктимологическая характеристика мошенничеств в банковской сфере (по материалам Сибирского федерального округа) // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 4. С. 452—462. doi: 10.17150/2500-4255.2022.16(4).452-462.

6. Старостенко О.А. Виктимологическое предупреждение хищений, совершаемых дистанционно: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 232 с.

7. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии / Тадж. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.

References

1. Avanesov, G.A. (1980) Kriminologiya i sotsial'naya profilaktika [Criminology and social prevention]. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 526 p. (In Russ.).

2. Vishnevetsky, K.V., Khomutov, M.V. (2024) Faktory, vliyayushchie na dinamiku viktimnosti [Factors influencing the dynamics of victimization]. *Jurisprudence: Theory and Practice*, no. 2, pp. 16–22. (In Russ.).

3. Voronov, S.S. (2025) Opredeleyayushchie faktory, prichiny i usloviya kibermoshennichestva [Determining factors, causes and conditions of cyber fraud]. *Yuridicheskaya nauka*, no. 6, pp. 306–310. (In Russ.).

4. Revenkov, P.V., Berdyugin, A.A., Chebar', A.G., Berdyugin, V.A. (2024) Kriptovalyuty: tseli dlya kiberatak, instrument dlya kibermoshennichestva, sravnenie s drugimi aktivami [Cryptocurrencies: targets for cyberattacks, instruments for cyberfraud, comparison with other assets]. *Bankovskoe delo*, no. 10, pp. 39–45. (In Russ.).

5. Repetskaya, A.L., Petryakova, L.A. (2022) Viktimologicheskaya kharakteristika moshennichestv v bankovskoy sfere (po materialam Sibirskogo federal'nogo okruga) [Victimological characteristics of fraud in the banking sphere (based on the materials from Siberian Federal District)]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, vol. 16, no. 4, pp. 452–462. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2022.16(4).452-462.

6. Starostenko, O.A. (2023) Viktimologicheskoe preduprezhdenie khishcheniy, sovershaemykh distantsionno [Victimological prevention of thefts committed remotely]. Ph. D. thesis. Krasnodar, 232 p. (In Russ.).

7. Frank, L.V. (1977) Poterpevschie ot prestupleniya i problemy sovetskoy viktimologii [Crime victims and problems of Soviet victimology]. Dushanbe, Irfon, 237 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.А. Старостенко — старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции.

Information about the author

O.A. Starostenko – Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities in Internal Affairs Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Police Major.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 126—135.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 126–135.

УДК 343.985
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.014

NIION: 2015-0065-02/26-389
MOSURED: 77/27-010-2026-02-588

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Тактические основы, технические средства, информационно-телекоммуникационные технологии в розыскной (поисковой) деятельности следователя на первоначальном этапе расследования

Николай Григорьевич Шурухнов^{1, 2}, Владимир Александрович Шурухнов³

¹НИИ ФСИН России, Москва, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

²Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), Тула, Россия

³Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, shuruhnov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2577-4358>

Аннотация. Представлены взгляды ученых на проблемы розыскной, поисковой деятельности следователя, роль в раскрытии преступлений, обращается внимание на правовые основания их осуществления при разрешении различных следственных ситуаций, доктринальные теоретические разработки соответствующего криминалистического учения (А.А. Закатов).

Авторские устремления направлены на тактику, технические средства, информационные технологии, реализуемые самостоятельно и при производстве следственных, процессуальных действий, организационных, оперативно-разыскных мероприятий, осуществляемых при розыске (поисковой деятельности) следователем на первоначальном этапе расследования. Раскрывается значимость использования сведений, сосредоточенных в информационных системах: биометрических (дактилоскопические данные, содержащиеся в Центральном комплексе централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системы (ЦК ЦИАДИС) МВД России), миграционных (параметры миграции), оперативно-справочных учетах, а также криминальной информации (в том числе обеспечивающей мероприятия по выявлению преступлений против личности, имеющих признаки серийности) ГИАЦ МВД России.

Ключевые слова: розыскная деятельность следователя, первоначальный этап расследования, технические средства, информационные технологии.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Шурухнов Н.Г., Шурухнов В.А. Тактические основы, технические средства, информационно-телекоммуникационные технологии в розыскной (поисковой) деятельности следователя на первоначальном этапе расследования // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 126—135. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.014.

Tactical fundamentals, technical means, and information and telecommunication technologies in investigative search activities at the initial stage of an investigation

Nikolay G. Shurukhnov^{1, 2}, Vladimir A. Shurukhnov³

¹Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

²Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia

³Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, shuruhnov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2577-4358>

Abstract. This abstract presents scholarly perspectives on the problems of investigators' search and discovery activities, their role in solving crimes, and highlights the legal basis for their implementation in resolving various investigative situations. It also explores the doctrinal and theoretical developments of the relevant forensic theory (A.A. Zakatov).

The authors focus on tactics, technical means, and information technologies implemented independently and during investigative and procedural actions, as well as organizational and operational-search measures carried out by investigators during searches (search activities) at the initial stage of an investigation. The importance of using information stored in information systems is emphasized: biometric (fingerprint data contained in the Central Complex of the Centralized Integrated Automated Fingerprint Information System of the Ministry of Internal Affairs of Russia), migration (migration parameters), and operational-reference records, as well as criminal information (including that supporting activities to identify serial crimes against individuals) from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: investigator's investigative activities, initial stage of investigation, technical means, information technology.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Shurukhnov, N.G., Shurukhnov, V.A. (2026) Tactical fundamentals, technical means, and information and telecommunication technologies in investigative search activities at the initial stage of an investigation. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 126–135. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.014.

Введение

Уголовно-процессуальные и криминалистические источники преимущественно связывают розыскную деятельность следователя с основной следственной ситуацией, когда принято решение о приостановлении предварительного следствия в соответствии с основаниями, перечисленными п. 1—4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Это действительно так в силу того, что в этот период проводится самый большой объем розыскной работы следователя, в том числе при взаимодействии с должностными лицами органа дознания. Однако поисковую деятельность нельзя исключать при расследовании любого преступления. Ее проблемность возрастает, если уголовное дело возбуждается «без лица», подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

За январь — декабрь 2024 г., по данным ГИАЦ МВД России, было зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, осталось нераскрытыми 929,7 тыс.¹ Заострим внимание на цифре, указывающей на нераскрытые преступления, и приведем экспертную оценку, в соответствии с которой 70 % решений о возбуждении уголовного дела подследственности следователей и 50 % — дознавателей принималось при отсутствии подозреваемого («без лица»). Это указывает на объем розыска, поиска следователей и дознавателей сразу после возбуждения уголовного дела. В таких случаях уместно сказать о продолжаемой розыскной деятельности, но отличающейся средствами осуществления. Они разнятся начиная с даты принятия решения о приостановлении предварительного следствия.

Рассматривая ретроспективу обозначенных проблем, следует указать, что исследователи связывали ее с прошедшими столетиями: ука-

зание на розыск содержалось в Судебнике Ивана III, принятом в 1497 г. XX век отметился активной разработкой этой комплексной проблемы деятельности следователя. Нельзя не отметить научно-теоретический вклад, внесенный В.И. Поповым. В 1950 г. он подготовил пособие для следователей «Розыскная работа следователя»², привлек внимание криминалистов к проблематике розыска и положил начало ее теоретико-правовой разработке, актуализируя практическую направленность. В 1965 г. им была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Розыскная деятельность при расследовании преступлений»³. Идеи В.И. Попова о системе, объектах, средствах розыскной деятельности следователя были дополнены и развиты в кандидатской диссертации Е.Ф. Коновалова⁴ (1972 г.) и последующих его работах⁵.

Несколько позднее (1987 г.) появилось обоснование криминалистического учения о розыске, которое представил А.А. Закатов в докторской диссертации⁶ и в учебных пособиях⁷, изданных в Волгоградской высшей следственной школе МВД СССР.

² Попов В.И. Розыскная работа следователя: (пособие для следователей). М., 1950.

³ Попов В.И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965.

⁴ Коновалов Е.Ф. Правовые и тактические основы розыскной деятельности следователя органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972.

⁵ Коновалов Е.Ф. Розыскная деятельность следователя: учебно-практическое пособие / под ред. В.П. Лаврова. М., 1974.

⁶ Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1987.

⁷ Закатов А.А. Розыскная деятельность: учеб. пособие. Волгоград, 1988; Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске: учеб. пособие. Волгоград, 1988.

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2025. С. 1, 5.

Укажем, что главы о розыске стали включаться (хотя они были и ранее) в учебники по криминалистике. Если просматривать соответствующие издания под редакцией профессоров А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова, то в них традиционно присутствовала глава «Разыскная деятельность следователя»⁸. Аналогичный подход осуществляет и профессор В.А. Жбанков, издающий учебники по криминалистике под своей редакцией⁹, спрофилированные для образовательных организаций ФТС России.

За последние полвека были подготовлены различные монографические работы¹⁰, в которых рассматривались правовые, организационные, тактические, научно-технические¹¹ вопросы розыскной, поисковой деятельности следователя.

Основная часть

В приведенных и других исследованиях ученых рассматривалось значение терминов «розыск»¹², «поиск»¹³ и словосочетания «разыскная деятельность», предмет, средства розыскной деятельности, проводилось сравнительно-правовое исследование ее осуществления различными уполномоченными субъектами (следо-

ватель, дознаватель, сотрудник органа дознания), а также затрагивалась специфика проведения местного, федерального, международного, межгосударственного розыска.

Для предмета нашего исследования значение имеет установление масштабности, границ, цели, характера, специфики, вида розыскной деятельности субъектов. Поэтому мы обращаемся вновь к работам Е.Ф. Коновалова и исследованию И.Ф. Крылова и А.И. Бастрыкина¹⁴. Исходя из их позиций, представим дефиницию розыска, основанную на конкретности деятельности. В широком значении указанные авторы понимали под ним любую поисковую «...деятельность органов дознания или следователя, других лиц, осуществляемую в процессе расследования и направленную на поиск объектов, могущих иметь значение для расследования»¹⁵. При этом отметили, что «...расследование не ограничивается только поиском. Следовательно, розыск в широком смысле — это один из аспектов деятельности по расследованию»¹⁶. «Для розыска, — резюмировали они, — в узком значении... характерна конкретная направленность»¹⁷.

О конкретной направленности, как различии розысков, говорил ранее Е.Ф. Коновалов, утверждая, что «...нельзя вести речь о розыске в прямом (в *узком понимании* — курсив наш — В.А., Н.Г.) смысле, если мы не располагаем необходимыми сведениями о данном лице или ином объекте»¹⁸. И.Ф. Крылов и А.И. Бастрыкин уточнили данное положение, указав, что розыск в широком значении — «...это розыскная деятельность, направленная на установление предметов, индивидуально-определенные признаки которых в данный момент не известны (розыск неизвестного преступника, следов преступления на месте происшествия и т. д.). Розыск в узком понимании — это розыск конкретного, индивидуально-определенного объекта (розыск конкретного обвиняемого, конкретного похищенного имущества и т. д.) по известным групповым и индивидуальным признакам»¹⁹.

⁸ Шурухнов Н.Г. Розыскная и поисковая деятельность следователя // Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского. М., 1999. С. 261—285; Шурухнов Н.Г. Розыскная деятельность следователя // Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 521—535.

⁹ Криминалистика: учебник / под общ. ред. В.А. Жбанкова. М., 2012. С. 148—157.

¹⁰ Боголюбская Т.В. Правовые и организационные вопросы розыска следователем обвиняемых, местонахождение которых неизвестно: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982; Кагин Е.К. Криминалистические основы розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982; Гончар В.В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Заровнева Г.С., Киселева С.Е. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя: монография. М., 2016.

¹¹ Алешкина Т.Н. Использование научно-технических средств и методов в розыскной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

¹² Розыск — разыскивать, обычно поиски, разыскивание кого-, чего-нибудь. (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2000. С. 683.)

¹³ Поиск — действия ищущего, розыск кого-, чего-нибудь. Разведочные работы по обнаружению чего-нибудь. (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. С. 548.)

¹⁴ Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Л., 1984.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Коновалов Е.Ф. К вопросу о понятии и объектах розыскной деятельности следователя // Труды Высшей школы МВД СССР. Вып. 34. М., 1972. С. 75.

¹⁹ Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Указ. соч. С. 6—7.

Применительно к розыскной деятельности следователя мы говорили «...о поиске известных лиц, заподозренных в совершении преступления, скрывшихся обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей, трупов и их частей, а также известных орудий преступления и других объектов, местонахождение которых неизвестно»²⁰. Другими словами, следователь имеет дело с розыском известных, установленных объектов.

Как показывает практика, на первоначальном этапе расследования складываются различные следственно-розыскные ситуации, в содержании которых может отсутствовать (и нередко отсутствует) информация о лицах, причастных к совершению противоправного деяния, объектах, следах, способствующих раскрытию преступления. Наибольшая сложность — это отсутствие лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Конкретизируя ранее приведенные данные ГИАЦ МВД России, укажем, что в 2024 г. из зарегистрированных 1911,3 тыс. преступлений 902,3 тыс. остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого²¹. Вне всяких сомнений, отсутствие данных о субъектах преступлений указывает на отрицательный результат обнаружения следов при осмотре места происшествия, ничтожность установления очевидцев и свидетелей противоправного деяния, отсутствие конкретизирующей информации в системах видеонаблюдения. Разрешение подобных малосодержательных ситуаций предполагает интенсификацию установления месторасположения разыскиваемых объектов, поиска комплекса предполагаемых улик совершенного преступления.

С этой целью нужно проводить совокупность различных действий, мероприятий, использовать информационные технологии, осуществлять взаимодействие. Специально укажем, что практическая результативность обусловлена их комплексностью в рамках тактических операций.

Наибольший объем информации, способствующей разрешению следственно-розыскных ситуаций, как показывает практика, дают качественный осмотр места происшествия и предварительные исследования обнаруженных следов. По ходу осмотра следует логично анализировать

действия преступника во время подготовки, совершения и сокрытия преступления. Такая аналитическая деятельность дает возможность выявить корреляции между ними и получить новые данные. Так, бессмысленные разрушения объектов, не являющихся преградами, специфика похищенных предметов могут указывать на возраст преступников; место проникновения и его размер — на телосложение; время пребывания на месте происшествия — на применяемые орудия и предварительную информированность преступников об интерьере помещения, расположении ценностей. Физическое воздействие посредством ударов руками, ногами, различными предметами, приемов единоборств, ограничивающих передвижение жертвы, перемещение с использованием транспортного средства указывают на совершение преступления группой лиц²².

Внимательное считывание следов рук²³ позволяет определить количество лиц, находившихся на месте происшествия; рост человека; пол (по размерам частей кисти); возраст; особенности строения руки, оставившей след; наличие шрамов, мозолей.

В ситуациях, когда на оконном стекле, стеклянных, глянцевых поверхностях мебели удаётся выявить следы кожного покрова лица, следует иметь в виду, что многочисленные мелкие бороздки кожного покрова, направленные вертикально (от нижней губы к свободному краю подбородка), характерны для худощавого человека. У полного за счет повышенного отложения подкожного жира микробороздки направлены веерообразно: они расходятся от губ к нижнему краю подбородка. С увеличением полноты начинают появляться мелкие горизонтальные (поперечные) бороздки, которые отсутствуют у худощавых людей.

Предварительное исследование следов обуви позволяет определить направление движения, скорость передвижения; способ проникновения на место происшествия; приблизительно

²⁰ Шурухнов Н.Г. Розыскная деятельность следователя // Криминалистика / Н.Г. Шурухнов. М., 2002. С. 391.

²¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2024 года. С. 2, 5.

²² Калюжный А.Н., Шурухнов Н.Г. Методика расследования преступлений против свободы личности. М., 2024. С. 121—139.

²³ Об утверждении порядка проведения идентификации личности человека по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени и перечня категорий лиц, в отношении которых обязательная государственная дактилоскопическая регистрации не проводится в случае идентификации их личности в результате проверки по отпечаткам пальцев (ладоней) рук в режиме реального времени: приказ МВД России от 19.06.2018 № 384.

возраст, пол, рост, вес; число присутствовавших на месте лиц. При обнаружении и исследовании микрообъектов можно установить отдельные данные об одежде разыскиваемого, его месте пребывания; профессию.

В процессе розыскной деятельности следователю желательно сочетать осмотр места происшествия с применением служебно-разыскной собаки и прочесыванием местности. Для этого задействованные лица выстраиваются в цепочку и по заранее определенному маршруту ведут обследование. Последнее предназначено для внимательного поиска различных объектов, представляющих интерес для расследования. Лица, принимающие участие в этом, должны инструктироваться и иметь необходимые криминалистические и специальные средства (металлообнаружители — «Кондор-3», «Стерхмастер») в зависимости от объектов поиска. Исследования показывают, что один человек, двигаясь в цепи по среднепересеченной местности, может осмотреть полосу до 10 м.

Поквартирные (подворные) обходы при розыске проводятся как в целях обнаружения разыскиваемого, так и в целях выявления свидетелей и очевидцев происшедшего. Устанавливаются лица, случайно или в силу выполнения служебных обязанностей оказавшиеся на месте происшествия: дворники; сторожа; рабочие (занятые уборкой территории, строительными, дорожными, монтажными работами); почтальоны; продавцы; родители, гуляющие с детьми; лица, выгуливающие собак; водители, регулярно перевозящие бытовые отходы.

При розыске преступника в многоквартирном жилом доме действенными могут оказаться поквартирный обход и опрос проживающих, так как разыскиваемого могли видеть на путях подхода к зданию, около домофона, в лифте, на лестничных площадках.

В частном секторе города, в сельских населенных пунктах розыск осуществляется путем подворного обхода и опроса проживающих. При отсутствии данных о конкретных лицах, располагающих необходимой информацией о скрывшемся, поиск очевидцев осуществляется в массе людей, в основном неосведомленных. Такие лица подвергаются опросу, носящему розыскную направленность (обычно это короткие неформальные беседы). Если выясняется, что собеседник располагает сведениями, которые могут представлять интерес для розыска, то об этом незамедлительно сообщается следователю.

В тех случаях, когда принимается решение о производстве допросов лиц, располагающих

информацией, представляющей интерес, желательно, чтобы их производство осуществлял субъект расследования. Это позволяет концентрировать информацию и в последующем целенаправленно доводить до сведения заинтересованных лиц.

В целях обнаружения разыскиваемых лиц, трупов и их частей, различных объектов, а также информации о них может проводиться обыск. Принимая решение о производстве данного следственного действия, следователь должен владеть комплексом ориентирующих данных о местах, где могут скрываться объекты розыска, сведениями об индивидуальных признаках разыскиваемых, в том числе чтобы использовать конкретные технические средства.

Создание достоверных моделей разыскиваемых лиц, трупов и их частей, предметов, подготовка розыскных ориентировок — ответственный этап розыскной деятельности²⁴. Субъективные портреты желательно составлять при участии лиц, видевших разыскиваемого. В этих целях используются разнообразные компьютерные программы — «Кадр», «КЛИМ 3Д Лайт», программные комплексы «Фоторобот 5.5».

Исходя из психологии запоминания и восприятия, в розыскные ориентировки по признакам внешности следует включать общефизические, анатомические, функциональные признаки, а также сопутствующие, особые и броские приметы. Исключение признаков, относящихся к средним параметрам, создает четкость образа разыскиваемого. Память человека удерживает предложения из 11—13 слов. Зачастую на практике розыск проводится по одной-двум броским или особым приметам.

Располагая индивидуально-определенными признаками об объектах розыска, следователь информирует о них сотрудников, задействованных в охране общественного порядка, обеспечении безопасности дорожного движения, несущих патрульно-постовую службу, участковых уполномоченных, работников служб криминальной полиции, на территории которой ведется розыск. Имеющуюся информацию желательно хранить на флешках, это позволяет в считанные минуты перенести ее на другие электронные носители, передать по каналам связи в другие

²⁴ Более подробно см.: Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. (Криминалистический, судебно-медицинский, антропологический, уголовно-процессуальный и организационный аспекты). М., 1997. С. 15—114.

органы внутренних дел и подключить дополнительные силы.

Как показывает практика, привлечение общественности, обращение к средствам массовой информации иногда дают дополнительные возможности в решении задач розыскной деятельности. В некоторых случаях важные очевидцы устанавливаются после обращения органов расследования к коллективам предприятий, учреждений, организаций и населению с просьбой о том, чтобы лица, осведомленные о местонахождении объекта розыска, сообщили следователю или в полицию. Значительным резервом в получении розыскной информации является правильно организованное взаимодействие следователя с уполномоченными должностными лицами предприятий, осуществляющих частную детективную и охранную деятельность.

Проверки по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учетам придают розыскной (поисковой) деятельности следователя значительный импульс. Изучение практики показывает интенсивность использования субъектами расследования «...сведений о судимости и (или) факте уголовного преследования либо прекращения уголовного преследования...», полученных из Оперативно-справочного центра ГИАЦ МВД России (приложение № 1, п. 11.5, 11.6)²⁵. Мы же ориентируем на возможность получения дактилоскопических сведений, содержащихся в Центральном комплексе централизованной интегрированной автоматизированной дактилоскопической информационной системы МВД России (ЦК ЦИАДИС-МВД) (приложение № 9, п. 9.1, 10.2)²⁶; сведений для выявления «...преступлений против личности, имеющих признаки серийности» (приложение № 11, п. 9.4)²⁷

²⁵ Положение об Оперативно-справочном центре федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»: приложение № 1 к приказу Федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ФКУ «ГИАЦ МВД России») «Об утверждении Положений о самостоятельных подразделениях ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 14.11.2024 № 170.

²⁶ Положение о Центре биометрических учетов федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»: приложение № 9 к приказу ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 14.11.2024 № 170.

²⁷ Положение о Центре криминальной информации федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»: приложение № 11 к приказу ФКУ «ГИАЦ МВД России» от 14.11.2024 № 170.

(Центр криминальной информации (ЦКИ) ГИАЦ МВД России); миграционных данных (Центр миграционных учетов (ЦМУ) ГИАЦ МВД России).

Укажем, что подсистема интегрированного банка данных ГИАЦ МВД России федерального уровня (ИБД-Ф) «Опознание» (биометрическая идентификация), в основе которой лежит принцип распознавания лиц, основанный на сверхточных нейронных сетях, при введении изображения предполагаемого правонарушителя производит его обработку и выдает рекомендованный список лиц для идентификации. Оператор, ответственный за обслуживание аппаратно-программного комплекса, просматривает предложенные варианты и осуществляет операции отождествления правонарушителя в соответствии с предполагаемыми приметами.

Федеральная информационная система биометрических данных россиян, иностранных граждан объединяет ресурсы дактилоскопической и фотоскопической информации, лабораторий ДНК-анализа, комплексов биометрической идентификации личности и фиксации передвижения транспортных средств, систем проверки по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учетам²⁸.

Для эффективности розыска лиц, а также других объектов важное значение имеет наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, поступающую в адрес не только скрывшегося лица, но и его родственников, знакомых, и выемка ее в почтово-телеграфных учреждениях, а также контроль и запись телефонных и иных переговоров подозреваемого, обвиняемого (по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких), получение информации о соединениях абонентов и (или) абонентских устройств.

Еще раз укажем, что в целях повышения эффективности розыскной деятельности на первоначальном этапе расследования необходимо проводить тактические операции (их содержанием будут перечисленные средства). Сочетание следственных действий, организационных, технических и оперативно-розыскных мероприятий всегда дает положительные результаты, позволяет решить как тактические, так и стратегические задачи розыска. Содержание этих мероприятий, а также время, место, последовательность реали-

²⁸ Степаненко Д.А., Чашкина А.В. Роль экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // ГлаголЪ правосудия. 2023. № 3 (33). С. 2—7.

зации, использование сил, средств, информационных технологий должны охватываться единым тактическим розыскным замыслом.

Тактические операции следует проводить в местах вероятного появления преступника, оперативного перекрытия возможных мест сбыта похищенного, ориентирования граждан, работников предприятий, организаций и учреждений на возможное появление злоумышленников и попытку совершения ими новых противоправных деяний. Следует иметь в виду, что успех тактических операций во многом зависит от целенаправленного планирования розыска, правильной организации работы лиц, привлеченных к его проведению, четкого взаимодействия между ними.

Как бы заканчивая рассмотрение поставленных в названии проблем, следует сказать еще об одном важном средстве. На современном этапе всеобъемлющей информатизации значимым становится розыск компьютерного оборудования, программного обеспечения, информации в интернете. В нем можно отыскать массу общедоступной информации, которая проиндексирована поисковыми системами. Это источник получения данных для раскрытия и расследования преступлений, установления лиц, причастных к противоправному деянию, выяснения их места нахождения. Информационной системой получения интересующих данных является OSINT (Open Source Intelligence, открытые источники разведки) — система сбора и анализа информации из общедоступных ресурсов в интернете²⁹.

Заключение

Подводя итог, обратим внимание на несколько положений.

1. Мы привели обширный перечень средств розыскной (поисковой) деятельности следователя на первоначальном этапе расследования преступлений, без привязки к расследованию конкретных составов преступлений. При этом содержательно как бы выделили две следствен-

ные ситуации, когда производится расследование и когда предварительное следствие приостановлено в соответствии с положениями ст. 208 УПК РФ. Они отличаются по уголовно-процессуальной форме, средствам, полномочиям, правам и обязанностям субъектов, принимающих участие в досудебном производстве. Специально отметим, что законодатель в ч. 3 ст. 209 УПК РФ специально говорит, что «после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается».

2. В случаях, когда по приостановленному делу неотложные следственные действия выполнялись органом дознания, но установить лицо, совершившее преступление, не удалось, орган обязан по собственной инициативе принять розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя (дознателя) об их результатах (ч. 4 ст. 157 УПК РФ).

3. Розыскная деятельность следователя — продолжаемый процесс, начинающийся с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и заканчивающийся прекращением уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). При этом реализуемые для этой цели средства разнятся после принятия решения о приостановлении предварительного следствия. С этого момента следователь не вправе проводить следственные действия.

4. Осуществляя розыскную (поисковую) деятельность, следователю важно знать, какую информацию для установления определенных обстоятельств, способствующих раскрытию преступления, можно получить при взаимодействии с такими подразделениями Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, с информационными центрами территориальных органов МВД России, как Оперативно-справочный центр (ОСЦ), Центр биометрических учетов (ЦБУ), Центр криминальной информации (ЦКИ), Центр миграционных учетов (ЦМУ), а также в системах оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов органов внутренних дел Российской Федерации (ГИАЦ МВД России, ЭКЦ МВД России, их низовые подразделения).

5. Информационной системой получения интересующих данных является OSINT (Open Source Intelligence, открытые источники разведки), система сбора и анализа информации из общедоступных ресурсов в интернете. Отправной точкой поиска с использованием данной системы

²⁹ Мерedit Д. OSINT. Руководство по сбору и анализу открытой информации в интернете. Астана, 2025; Шестак В.А., Хуртин Т.И. О целесообразности правовой регламентации разведки по открытым источникам (OSINT) в уголовно-процессуальном законодательстве // Образование и право. 2025. № 5. С. 562—568; Шурухнов Н.Г. Информационная система в арсенале розыскной (поисковой) деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: объекты, средства, приемы, технологии (по материалам зарубежных изданий) // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 46—53.

выступает видимая, легальная сеть. Речь идет о процессе сбора, оценки, интерпретации и систематизации информации, находящейся в открытом доступе. Одним из ведущих принципов OSINT является получение данных только из открытых, доступных источников, исключая взлом, несанкционированный доступ или иные незаконные действия. OSINT-аналитик (специалист) работает лишь с тем, что может найти любой человек. Поиск позволяет отыскивать информацию и получить ответы на конкретные вопросы об обстоятельствах совершения преступления, пребывании скрывшегося на определенной территории, о месте работы и жительства, семейном положении, переписке с определенными адресатами, приобретении движимого и недвижимого имущества, обучении, повышении квалификации в образовательной организации, нарушении правил безопасности дорожного движения, выплате штрафов.

Список литературы

1. Алешкина Т.Н. Использование научно-технических средств и методов в розыскной деятельности следователя: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 23 с.
2. Боголюбская Т.В. Правовые и организационные вопросы розыска следователем обвиняемых, местонахождение которых неизвестно: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 24 с.
3. Гончар В.В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 23 с.
4. Дубягин Ю.П. Руководство по розыску и расследованию неочевидных убийств. (Криминалистический, судебно-медицинский, антропологический, уголовно-процессуальный и организационный аспекты). М.: Буквица, 1997. 480 с.
5. Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1987. 39 с.
6. Закатов А.А. Криминалистическое учение о розыске: учеб. пособие. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1988. 25 с.
7. Закатов А.А. Розыскная деятельность: учеб. пособие. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1988. 40 с.
8. Заровнева Г.С., Киселева С.Е. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя: монография. М.: Проспект, 2016. 112 с.
9. Кагин Е.К. Криминалистические основы розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 18 с.
10. Калужный А.Н., Шурухнов Н.Г. Методика расследования преступлений против свободы личности. М.: Юрлитинформ, 2024. 288 с.
11. Коновалов Е.Ф. К вопросу о понятии и объектах розыскной деятельности следователя // Труды Высшей школы МВД СССР. Вып. 34. М., 1972. С. 73—81.
12. Коновалов Е.Ф. Правовые и тактические основы розыскной деятельности следователя органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. 88 с.
13. Коновалов Е.Ф. Розыскная деятельность следователя: учебно-практическое пособие / под ред. В.П. Лаврова. М.: Высшая школа МВД СССР, 1974. 55 с.
14. Криминалистика: учебник / под общ. ред. В.А. Жбанкова. М.: Российская таможенная академия, 2012. 514 с.
15. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. 218 с.
16. Мереди́т Д. OSINT. Руководство по сбору и анализу открытой информации в интернете. Астана: Sprint Book, 2025. 224 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2000. 944 с.
18. Попов В.И. Розыскная деятельность при расследовании преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965. 36 с.
19. Попов В.И. Розыскная работа следователя: (пособие для следователей). М.: Госюриздат, 1950. 58 с.
20. Степаненко Д.А., Чашкина А.В. Роль экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении раскрытия и расследования преступлений прошлых лет // ГлаголЪ правосудия. 2023. № 3 (33). С. 2—7.
21. Шестак В.А., Хуртин Т.И. О целесообразности правовой регламентации разведки по открытым источникам (OSINT) в уголовно-процессуальном законодательстве // Образование и право. 2025. № 5. С. 562—568. doi: 10.24412/2076-1503-2025-5-562-568.
22. Шурухнов Н.Г. Информационная система в арсенале розыскной (поисковой) деятельности субъектов раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: объекты, средства, приемы, технологии (по материалам зарубежных изданий) // Пенитенциарная наука. 2026. Т. 20, № 1 (73). С. 46—53. doi: 10.46741/2686-9764.2026.73.1.006.

23. Шурухнов Н.Г. Разыскная деятельность следователя // Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. С. 521—535.

24. Шурухнов Н.Г. Разыскная деятельность следователя // Криминалистика / Н.Г. Шурухнов. М.: Юристъ, 2002. С. 390—407.

25. Шурухнов Н.Г. Разыскная и поисковая деятельность следователя // Криминалистика / под ред. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право, 1999. С. 261—285.

References

1. Aleshkina, T.N. (2001) Ispol'zovanie nauchno-tekhnicheskikh sredstv i metodov v razysknoy deyateli'nosti sledovatelya [Use of scientific and technical means and methods in investigative activities]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 23 p. (In Russ.).

2. Bogolyubskaya, T.V. (1982) Pravovye i organizatsionnye voprosy rozyska sledovatelem obvinyaemykh, mestonakhozhdenie kotorykh neizvestno [Legal and organizational issues of investigator's search for accused persons whose whereabouts are unknown]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p. (In Russ.).

3. Gonchar, V.V. (2007) Deyatel'nost' sledovatelya po rozysku podozrevaemykh i obvinyaemykh [Investigator's activities in searching for suspects and accused]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 23 p. (In Russ.).

4. Dubyagin, Yu.P. (1997) Rukovodstvo po rozysku i rassledovaniyu neochevidnykh ubiystv. (Kriminalisticheskiy, sudebno-meditsinskiy, antropologicheskii, ugolovno-protsessual'nyy i organizatsionnyy aspekty) [Guide to the search and investigation of unexplained murders (forensic, anthropological, criminal procedure, and organizational aspects)]. Moscow, Bukvitsa, 480 p. (In Russ.).

5. Zakatov, A.A. (1987) Kriminalisticheskoe uchenie o rozyske [Forensic theory of search]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Kiev, 39 p. (In Russ.).

6. Zakatov, A.A. (1988) Kriminalisticheskoe uchenie o rozyske [Forensic theory of search]. Textbook. Volgograd, Higher Investigative School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 25 p. (In Russ.).

7. Zakatov, A.A. (1988) Razysknaya deyateli'nost' [Search activities]. Textbook. Textbook. Volgograd, Higher Investigative School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 40 p. (In Russ.).

8. Zarovneva, G.S., Kiseleva, S.E. (2016) Kriminalisticheskie aspekty razysknoy i poiskovoy deyateli'nosti sledovatelya [Forensic aspects of investigative search and search activities]. Monograph. Moscow, Prospekt, 112 p. (In Russ.).

9. Kagin, E.K. (1982) Kriminalisticheskie osnovy rozyska lits, skryvshikhnya ot sledstviya i suda [Forensic foundations of searching for persons who have hidden from investigation and trial]. Abstract of Ph. D. thesis. Sverdlovsk, 18 p. (In Russ.).

10. Kalyuzhnyy, A.N., Shurukhnov, N.G. (2024) Metodika rassledovaniya prestupleniy protiv svobody lichnosti [Methodology of investigation of crimes against personal freedom]. Moscow, Yurlitinform, 288 p. (In Russ.).

11. Konovalov, E.F. (1972) K voprosu o ponyatii i ob'ektakh razysknoy deyateli'nosti sledovatelya [On the concept and objects of search activity of an investigator]. In: *Trudy Vyshey shkoly MVD SSSR. Iss. 34*. Moscow, pp. 73–81. (In Russ.).

12. Konovalov, E.F. (1972) Pravovye i takicheskie osnovy razysknoy deyateli'nosti sledovatelya organov vnutrennikh del [Legal and tactical foundations of search activities of internal affairs investigators]. Ph. D. thesis. Moscow, 88 p. (In Russ.).

13. Konovalov, E.F. (1974) Razysknaya deyateli'nost' sledovatelya [Search activities of an investigator]. Textbook. Moscow, Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 55 p. (In Russ.).

14. Zhibankov, V.A. (ed.) (2012) Kriminalistika [Forensic science]. Textbook. Moscow, Russian Customs Academy, 514 p. (In Russ.).

15. Krylov, I.F., Bastrykin, A.I. (1984) Rozysk, doznanie, sledstvie [Search, inquiry, investigation]. Textbook. Leningrad, Leningrad State University, 218 p. (In Russ.).

16. Meredith, D. (2025) OSINT. Rukovodstvo po sboru i analizu otkrytoy informatsii v internete [The OSINT Handbook. A practical guide to gathering and analyzing online information]. Astana, Sprint Book, 224 p. (In Russ.).

17. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (2000) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, 944 p. (In Russ.).

18. Popov, V.I. (1965) Razysknaya deyateli'nost' pri rassledovanii prestupleniy [Search activities in crime investigation]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 36 p. (In Russ.).

19. Popov, V.I. (1950) Razysknaya rabota sledovatelya: (posobie dlya sledovatelye) [Search activities of the investigator (a manual for investigators)]. Moscow, Gosyurizdat, 58 p. (In Russ.).

20. Stepanenko, D.A., Chashkina, A.V. (2023) Rol' ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov v informatsionnom obespechenii raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy proshlykh let [The role of forensic accounting in the information support of the disclosure and investigation of crimes of the past years]. *Glagol' pravosudiya*, no. 3, pp. 2–7. (In Russ.).

21. Shestak, V.A., Khurtin, T.I. (2025) O tselesoobraznosti pravovoy reglamentatsii razvedki po otkrytym istochnikam (OSINT) v ugovolno-protsessual'nom zakonodatel'stve [On the expediency of legal regulation of Open Source Intelligence (OSINT) in criminal procedure legislation]. *Obrazovanie i pravo*, no. 5, pp. 562–568. (In Russ.). doi: 10.24412/2076-1503-2025-5-562-568.

22. Shurukhnov, N.G. (2026) Informatsionnaya sistema v arsenale razysknoy (poiskovoy) deyatel'nosti sub'ektov raskrytiya i rassledo-

vaniya prestupleniy proshlykh let: ob'ekty, sredstva, priemy, tekhnologii (po materialam zarubezhnykh izdaniy) [Information system in the arsenal of investigative (search) activities of subjects of disclosure and investigation of crimes of previous years: objects, means, techniques, technologies (based on foreign publications)]. *Penitentiary Science*, vol. 20, no. 1, pp. 46–53. (In Russ.). doi: 10.46741/2686-9764.2026.73.1.006.

23. Shurukhnov, N.G. (2017) Razysknaya deyatel'nost' sledovatelya [Search activities of the investigator]. In: Volynskiy, A.F., Lavrov, V.P. (eds.) *Kriminalistika. 2nd ed.* Moscow, UNITY-DANA, Zakon i pravo, pp. 521–535. (In Russ.).

24. Shurukhnov, N.G. (2002) Razysknaya deyatel'nost' sledovatelya [Search activities of the investigator]. In: Shurukhnov, N.G. *Kriminalistika*. Moscow, Yurist, pp. 390–407. (In Russ.).

25. Shurukhnov, N.G. (1999) Razysknaya i poiskovaya deyatel'nost' sledovatelya [Investigative and search activities of the investigator]. In: Volynskiy, A.F. (ed.) *Kriminalistika*. Moscow, Zakon i pravo, pp. 261–285. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Г. Шурухнов — ведущий научный сотрудник АУСАД ФКУ НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права и процесса Тульского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор;

В.А. Шурухнов — заведующий кафедрой криминалистики факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the authors

N.G. Shurukhnov – Leading Researcher of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tula Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor;

V.A. Shurukhnov – Head of the Department of Criminalistics of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 136–142.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 136–142.

УДК 342.951:351.813.23
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.015

NIION: 2015-0065-02/26-390
MOSURED: 77/27-010-2026-02-589

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Сапборды: проблемы законодательного регулирования и пути решения

Николай Николаевич Ильин

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, Nick703@yandex.ru

Аннотация. Анализ действующего законодательства показал, что использование сапбордов недостаточно урегулировано. Проблема привлечения к ответственности лиц за нарушения, связанные с использованием сапбордов, в научной литературе и правоприменительной практике не получила широкого освещения. Это связано с тем, что сапборды не являются воднотранспортными средствами. Автором раскрыты проблемы, связанные с отсутствием определения понятия «сапборд» в нормативных правовых актах, отсутствием на федеральном уровне четких правил пользования сапбордом, предъявляемых к сапбордам обязательных технических требований, а также предложены пути их решения, в частности предложено дополнить соответствующие статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: водный транспорт, плавучий объект, плавучее средство, сапборд, судно, транспортное средство.

Для цитирования: Ильин Н.Н. Сапборды: проблемы законодательного регулирования и пути решения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 136–142. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.015.

Paddleboards: legislative challenges and solutions

Nikolai N. Ilyin

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, Nick703@yandex.ru

Abstract. Analysis of the current legislation shows that the use of paddleboards is insufficiently regulated. The problem of holding individuals accountable for violations related to the use of paddleboards is not widely covered in scientific literature and law enforcement practice. This is due to the fact that paddleboards are not water transport vehicles. The author reveals the problems associated with the lack of a definition of the concept of paddleboard in regulatory legal acts, the lack of clear rules for using a paddleboard at the federal level, mandatory technical requirements for paddleboards, and suggests ways to solve them, in particular, it is proposed to supplement the relevant articles of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: water transport, floating object, floating vehicle, paddleboard, vessel, vehicle.

For citation: Ilyin, N.N. (2026) Paddleboards: legislative challenges and solutions. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 136–142. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.015.

Введение

Нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств водного транспорта, как правило, приводят к авариям и инцидентам, последствиями которых могут быть смерть человека или вред его здоровью, разрушение или затопление судна, вред окружающей среде и др.

В соответствии с официальной статистикой, приводимой Управлением государственного мор-

ского и речного надзора Федеральной службы по надзору в сфере транспорта, в 2024 году на море произошло 96 аварийных случаев, что на 16 (20 %) аварийных случаев больше, чем в 2023 году (чаще всего регистрировались случаи посадки на мель и навала, сопровождавшиеся повреждениями судовых устройств и механизмов); 26 аварийных случаев (как и в 2023 году) были связаны с гибелью людей и травматизмом, в них погибло 26 человек и 5 человек были тяжело травмированы. На внутренних водных путях произошло 115 транспортных происше-

© Ильин Н.Н., 2026

ствий, что на 13 (10 %) транспортных происшествий меньше, чем в 2023 году (чаще всего регистрировались случаи удара (навала), посадки на мель и столкновения судов)¹.

Согласно статистическим данным о происшествиях на воде, полученным из МЧС России, с начала 2025 года в России зафиксировано 285 аварий с участием маломерных судов. К основным причинам аварий относятся управление в нетрезвом виде и превышение загрузки судов по пассажироместимости и по массе груза². Указанные нарушения могут образовать составы преступления, предусмотренные ст. 263 или ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Причины аварий и инцидентов с участием транспортных средств водного транспорта могут быть установлены с помощью судебных воднотранспортных экспертиз на основе применения специальных технических и технологических знаний в области внутреннего водного и морского транспорта³. Анализ изученной судебной, следственной и экспертной практики свидетельствует о том, что перед экспертами, помимо вопросов о причинах и обстоятельствах транспортного происшествия, ставятся вопросы, направленные на установление типа транспортного средства⁴, что особенно важно в тех случаях, когда судно не зарегистрировано⁵. В данном случае посредством предоставления таких судов (как правило, маломерных) в пользование другим лицам могут оказываться услуги, не отвечающие требованиям безопасности, образуя состав преступления, предусмотренный ст. 238 УК РФ.

¹ Обзор аварийности судов на море и внутренних водных путях Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: [https://rostransnadzor.gov.ru/storage/Госморречнадзор/Анализ состояния аварийности/Обзор 2024.pdf](https://rostransnadzor.gov.ru/storage/Госморречнадзор/Анализ%20состояния%20аварийности/Обзор%202024.pdf) (дата обращения: 27.01.2026).

² МЧС предупредило о главных опасностях, которые грозят любителям водных процедур [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/06/10/mchs-predupredilo-o-glavnykh-opasnostyakh-kotorye-grozyat-lyubitelyam-vodnykh-procedur.html> (дата обращения: 27.01.2026).

³ Ильин Н.Н. Водный транспорт как объект судебной транспортной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 3. С. 88.

⁴ Ильин Н.Н. Транспортно-технические судебные экспертизы: вопросы теории и практики: монография. М., 2020. С. 74—75.

⁵ Правила государственной регистрации маломерных судов, используемых в некоммерческих целях: утверждены приказом МЧС России от 27.07.2023 № 777 // СПС КонсультантПлюс.

Основная часть

Нормативные правовые акты, регулирующие деятельность в области внутреннего водного и морского транспорта, а также иные документы не содержат понятия «транспортное средство водного транспорта». В некоторых из них содержатся определения понятия «судно».

В соответствии со ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее — КВВТ России) под судном понимается «самоходное или несамоходное плавучее сооружение, предназначенное для использования в целях судоходства, в том числе судно смешанного (река — море) плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран и другие технические сооружения подобного рода». В ст. 7 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации указывается, что судном является самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания (рыбопромысловые, маломерные, прогулочные, спортивные парусные суда, морские плавучие платформы, автономные суда — полуавтономные или полностью автономные). В п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» дается разъяснение о том, что «к самоходным транспортным плавающим средствам следует относить те из них, которые оснащены двигателями (например, суда, яхты, катера, моторные лодки), а также иные плавающие конструкции, приводимые в движение с помощью мотора».

Аналогичная ситуация наблюдается и в международных нормативных правовых актах, где также содержатся только частные определения понятия «судно». Так, в соответствии с правилом 3 (п. «а») Конвенции о Международных правилах предупреждения столкновений судов в море 1972 года под судном понимаются все виды плавучих средств, включая неводоизмещающие суда, экранопланы и гидросамолеты, используемые (или которые могут быть использованы) в качестве средств передвижения по воде. В п. 4 ст. 2 Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 года судном считается эксплуатируемое в морской среде судно на подводных крыльях или на воздушной подушке, подводное судно, плавучее средство, а также стационарные или плавучие платформы.

Соответственно, с точки зрения законодателя понятие «судно» включает в себя как самоходные, так и несамоходные сооружения, предназначенные для использования в водной среде.

В уголовном праве содержание понятий «судно» и «водный транспорт» совпадает. Так, А.И. Коробеев относит к транспортным средствам водного транспорта «все самоходные суда, а также иные самодвижущиеся плавучие средства, имеющие не только собственный двигатель, но и возможность передвижения посредством другого судна»⁶. Среди иных признаков водных транспортных средств может быть их регистрация в бассейновых судовых инспекциях или морских торговых портах⁷, однако, по нашему

мнению, при расследовании, например, оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, также важны будут конструктивность и функциональная предназначенность судна.

В настоящее время существуют сравнительно новые виды воднотранспортных средств и плавучих объектов, классификация которых затруднительна ввиду их конструктивных особенностей. К их числу следует отнести сапборды, представляющие собой плавательное средство в виде широкой доски, на которой человек стоит⁸, держит равновесие и управляет движением с помощью специального весла (см. рис. 1); современные виды сапбордов могут иметь в своей конструкции даже электрический двигатель (см. рис. 2).

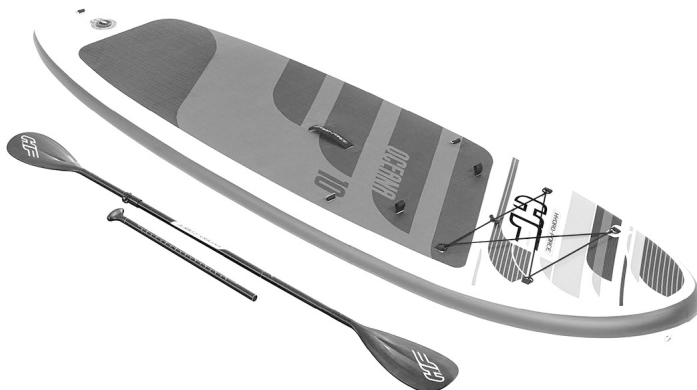

Рис. 1. Классический сапборд⁹

Рис. 2. Сапборд, оснащенный электрическим двигателем (приводом)¹⁰

⁶ Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М., 2015. С. 257.

⁷ Корма В.Д. Основы расследования происшествий, связанных с техногенными источниками повышенной опасности / под общ. ред. Е.П. Ищенко. М., 2007. С. 38—39.

⁸ На отдельных моделях сапбордов предусмотрена возможность осуществлять движение сидя на специальном сиденье.

⁹ Рисунок взят из сети Интернет.

¹⁰ Рисунок взят из сети Интернет.

Катание на сапбордах входит в число опасных развлечений, которые могут привести к гибели человека. Так, в 2024 году было зафиксировано более 200 случаев уноса в открытое море людей на сапбордах¹¹. Кроме того, лица, использующие сапборды, могут быть участниками происшествия в случаях их столкновения с различными судами.

Приведем пример. К., являясь лицом, управляющим маломерным судном (катером), нарушил правила безопасности движения и эксплуатации внутреннего водного транспорта, осуществив наезд на движущихся на сапборде лиц, в результате чего одному из них был причинен тяжкий вред здоровью¹².

Анализ действующего законодательства показал, что использование сапбордов недостаточно урегулировано¹³.

1. Понятие «сапборд» официально не содержится ни в одном нормативном правовом акте; имеются лишь указания на него в отдельных документах и актах. В данном случае возникает проблема: к какому типу объекта относится сапборд?

В соответствии со ст. 3 КВВТ России есть понятие «плавающий объект», под которым понимается несамоходное плавучее сооружение, не являющееся судном, в том числе плот (по смыслу к нему можно отнести и сапборд). Однако в подзаконных нормативных правовых актах, в которых устанавливаются требования по классификации и освидетельствованию плавучих объектов (например, в приказе Минтранса России от 14 апреля 2016 г. № 102 «Об утверждении Положения о классификации и об освидетельствовании судов»), не закреплена информация о плавучих объектах вида «плот».

¹¹ ГИМС МЧС России напоминает гражданам правила безопасного использования SUP-досок [Электронный ресурс]. URL: <https://82.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/5545210> (дата обращения: 27.01.2026).

¹² Приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила (Свердловская область) № 1-35/2025 1-467/2024 от 1 апреля 2025 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DCwZPSSUTOrO> (дата обращения: 20.02.2025).

¹³ Проблема привлечения к уголовной или административной ответственности за нарушения, связанные с использованием сапбордов, в научной литературе и правоприменительной практике не получила широкого освещения. Это связано с тем, что сапборды не являются воднотранспортным средством или иным объектом, регулируемым Уголовным кодексом Российской Федерации. Лица, которые предоставляют в пользование сапборды, фактически не оказывают услугу, а отдают их в аренду.

В национальном стандарте ГОСТ Р 71530—2024 «Безопасность на водных объектах. Спасательные станции, спасательные посты. Общие требования»¹⁴ содержится положение о том, что на каждом спасательном посту, обеспечивающем безопасность на водных объектах, рекомендуется иметь в своем оснащении минимум два спасательных сапборда. Следует отметить, что сапборд в данном случае представлен в качестве водного (спасательного) инвентаря, а не воднотранспортного средства.

Согласно п. 3.5 национального стандарта ГОСТ Р 54601—2022 «Туризм и сопутствующие услуги. Безопасность активных видов туризма. Общие положения»¹⁵ сапборды отнесены к плавсредствам, т. е. средствам передвижения на воде. В то же время в национальном стандарте ГОСТ Р 57805—2017 «Туристские услуги. Водный туризм. Общие требования»¹⁶ сапборды не включены в перечень видов активного отдыха с использованием специального снаряжения (оборудования), к которым отнесены серфинг, виндсерфинг, кайтбординг (кайтинг), вейкбординг, водные лыжи, дайвинг (п. 4.10).

В проекте закона г. Санкт-Петербурга «О внесении изменения в статью 1 Закона Санкт-Петербурга „О туристской деятельности в Санкт-Петербурге“» предлагается уточнить понятие «водный туризм», согласно чему он может осуществляться с использованием воднотранспортных средств или водного инвентаря (катамаранов, аквалангов, сапбордов)¹⁷.

¹⁴ ГОСТ Р 71530—2024. Безопасность на водных объектах. Спасательные станции, спасательные посты. Общие требования: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 июля 2024 г. № 978-ст // СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ ГОСТ Р 54601—2022. Туризм и сопутствующие услуги. Безопасность активных видов туризма. Общие положения: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2022 г. № 1703-ст // СПС КонсультантПлюс.

¹⁶ ГОСТ Р 57805—2017. Туристские услуги. Водный туризм. Общие требования: национальный стандарт Российской Федерации: утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 октября 2017 г. № 1466-ст // СПС КонсультантПлюс.

¹⁷ Проект закона г. Санкт-Петербурга «О внесении изменения в статью 1 Закона Санкт-Петербурга «О туристской деятельности в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.assembly.spb.ru/search/document/777365734/> (дата обращения: 27.01.2026).

2. Отсутствие четкого определения сапборда порождает отсутствие четких правил пользования на федеральном уровне. В связи с тем, что сапборды не относятся к маломерным судам, а являются средствами активного отдыха, правила их пользования устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления (могут включать рекомендации, предлагаемые Государственной инспекцией по маломерным судам МЧС России).

Например, постановление Совета министров Республики Крым от 31 марта 2015 г. № 149 «Об утверждении Правил пользования маломерными судами на водных объектах на территории Республики Крым» (далее — постановление Совета министров Республики Крым № 149) в 2025 году дополнено пунктом 7, регламентирующим порядок безопасного плавания на сапбордах, парусно-парашютных средствах активного отдыха на водных объектах (доски для кайтбординга, виндсерфинга и т. д.). Данной нормой введены возрастные ограничения на самостоятельное управление сапбордами¹⁸, а также правила плавания на них¹⁹. Установлено, что при плавании на сапбордах, парусно-парашютных средствах активного отдыха на водных объектах наличие удостоверения на право управления не требуется.

¹⁸ К самостоятельному управлению сапбордами, парусно-парашютными средствами активного отдыха на водных объектах допускаются лица, достигшие 16-летнего возраста. Лицам, достигшим 7-летнего возраста, разрешается управлять сапбордами, парусно-парашютными средствами активного отдыха на водных объектах при обязательном сопровождении совершеннолетними лицами (на каждое лицо, достигшее 7-летнего возраста, должно приходиться не менее одного совершеннолетнего лица). Дети, не достигшие 7-летнего возраста, к плаванию на сапбордах, парусно-парашютных средствах активного отдыха на водных объектах не допускаются.

¹⁹ Лица должны быть одеты в индивидуальные спасательные средства (спасательные жилеты) и соблюдать установленные постановлением Совета министров Республики Крым № 149 правила маневрирования. Запрещается отплывать от берега на расстояние более 0,27 морской мили (500 метров) и плавать при высоте волны более 0,25 метра; управлять плавучим средством в состоянии опьянения, с нарушением норм загрузки, пассажироместимости, ограничений по району и условиям плавания; заходить в запретные для плавания и временно опасные для плавания районы; двигаться в границах акваторий портов, баз-стоянок, зон купания пляжей, у пристаней; останавливаться в пределах судового хода и др.

3. Отсутствие предъявляемых к сапбордам обязательных технических требований, что может привести к их повреждению и затоплению. Так, сапборды могут сдуваться в воде из-за низкого качества материала, используемого при изготовлении. Это связано с особенностями технологий производства и выбором материалов, которые не обеспечивают достаточную прочность и жесткость сапборда²⁰.

Заключение

На основании проведенного исследования следует сделать следующие выводы:

1. Сапборды, по нашему мнению, целесообразно отнести к дополнительному (иному) виду плавучих средств. Таким образом, сапборд — это *несамоходное плавучее средство, конструктивно (в виде доски) и функционально предназначенное для эксплуатации в морской и (или) внутренней водной среде с целью активного отдыха или осуществления туристской деятельности, приводимое в движение с помощью весла*. Данное определение позволяет выделить следующие признаки сапборда:

- несамостоятельность;
- конструктивность;
- эксплуатация в морской и (или) внутренней водной среде для осуществления различных целей;
- осуществление движения с помощью весла.

Само понятие «несамоходное плавучее средство» или «иные плавучие средства» следует включить в ст. 3 КВБТ России. В том случае, когда сапборд оснащен электрическим двигателем (приводом) определенной мощности, его следует признавать маломерным судном и регистрировать в установленном порядке.

2. Необходимо разработать национальный стандарт (ГОСТ) с целью установления обязательных технических требований к сапбордам (несамоходным плавучим средствам или иным плавучим средствам), которые в последующем целесообразно включить в ст. 3 КВБТ России.

На основе правил пользования сапбордами, уже установленных органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления (с учетом рекомендаций Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России), необходимо за-

²⁰ Постановлением Совета министров Республики Крым № 149 установлен запрет на эксплуатацию сапбордов при наличии свищей и пробоев обшивки корпуса, повреждений набора корпуса или отсутствии его элементов, предусмотренных конструкцией (п. 7.7).

репить правила на федеральном уровне. Помимо этого, предлагается более серьезно подойти к решению вопроса о придании статуса деятельности по предоставлению сапбордов в пользование другим людям — считать это услугой²¹ в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) (утв. приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст), некачественное оказание которой может привести к квалификации деяния по ст. 238 УК России. Лица, предоставляющие данную услугу, должны выполнить ряд требований, среди которых проведение обязательного инструктажа.

3. С учетом предлагаемых изменений целесообразно дополнить также соответствующие статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ):

- включить в примечание к ст. 11.7 КоАП РФ «Нарушение правил плавания» категорию «несамоходное плавучее средство» или «иное плавучее средство» и включить ч. 5 ст. 11.7 КоАП РФ «Нарушение правил плавания», предусматривающую административную ответственность за нарушения правил плавания на самоходном плавучем средстве (неиспользование спасательного жилета; отплытие от берега на расстояние более 0,27 морской мили (500 метров) и плавание при высоте волны более 0,25 метра; плавание с нарушением норм загрузки, пассажироместимости, ограничений по району и условиям плавания; заход в запретные для плавания и временно опасные для плавания районы или преднамеренная остановка в запрещенных местах; движение в границах акваторий портов, баз-стоянок, в пределах судового хода и др.; пересадка людей с одного плавучего средства на другое или на маломерное судно во время движения);
- включить ч. 1.1 и ч. 2.1 ст. 11.9 КоАП РФ «Управление судном судоводителем или иным лицом, находящимися в состоянии опьянения», предусматривающие административную ответственность за управление самоходным плавучим сред-

ством лицом, находящимся в состоянии опьянения;

- для лиц, оказывающих услуги гражданам по предоставлению сапбордов (несамоходных плавучих средств или иных плавучих средств), предусмотреть административную ответственность за нарушение правил обеспечения безопасности (например, предоставление сапборда с повреждениями или без спасательного жилета), включив соответствующую норму в ст. 11.10 КоАП РФ, а также за предоставление сапбордов лицам, находящимся в состоянии опьянения, включив соответствующую норму в ст. 11.13 КоАП РФ.

Список литературы

1. Ильин Н.Н. Водный транспорт как объект судебной транспортной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17, № 3. С. 87—93. doi: 10.30764/1819-2785-2022-3-87-93.
2. Ильин Н.Н. Транспортно-технические судебные экспертизы: вопросы теории и практики: монография. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.
3. Корма В.Д. Основы расследования происшествий, связанных с техногенными источниками повышенной опасности / под общ. ред. Е.П. Ищенко. М.: Юрлитинформ, 2007. 190 с.
4. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 486 с.
5. Санькова Е.В. Справочник следователя по вопросам, возникающим в процессе расследования преступлений, связанных с оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности, несовершеннолетним. М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. 422 с.

References

1. Ilyin, N.N. (2022) Vodnyy transport kak ob"ekt sudebnoy transportnoy ekspertizy [Water transport as an object of forensic vehicle examination]. *Theory and Practice of Forensic Science*, vol. 17, no. 3, pp. 87–93. (In Russ.). doi: 10.30764/1819-2785-2022-3-87-93.
2. Ilyin, N.N. (2020) Transportno-tekhnicheskie sudebnye ekspertizy: voprosy teorii i praktiki [Transport and technical forensic examinations: issues of theory and practice]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 288 p. (In Russ.).

²¹ Санькова Е.В. Справочник следователя по вопросам, возникающим в процессе расследования преступлений, связанных с оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности, несовершеннолетним. М., 2024.

3. Korma, V.D. (2007) Osnovy rassledovaniya proisshestviy, svyazannykh s tekhnogennymi istochnikami povyshennoy opasnosti [Fundamentals of investigation of incidents related to technogenic sources of high hazard]. Moscow, Yurlitinform, 190 p. (In Russ.).

4. Korobeev, A.I. (2015) Transportnye prestupleniya i transportnaya prestupnost' [Transport crimes and transport crime]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 486 p. (In Russ.).

5. San'kova, E.V. (2024) Spravochnik sledovatelya po voprosam, vznikayushchim v protsesse rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s okazaniem uslug, ne otvechayushchikh trebovaniyam bezopasnosti, nesovershennoletnim [Investigator's handbook on issues arising in the process of investigating crimes related to the provision of services that do not meet safety requirements to minors]. Moscow, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, 422 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Н. Ильин — заведующий научно-исследовательским отделом факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N.N. Ilyin – Head of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Малахов В.П. **Мифологизации права в общественном сознании.** Монография. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. 351 с.

ISBN: 978-5-238-03649-6

Все принципиальные положения и все содержание монографии объединены тремя идеями, придающими общеправовой теории методологический и мировоззренческий смысл и уровень: 1) мифологизации права — не историко-культурный атавизм, не порок современной общеправовой теории и не "побочный эффект", характерный исключительно для общественного правосознания, а фундаментальный и органичный элемент любой формы общественного сознания права; 2) мифологизации права представляют собой сложный синтез понимания права, складывающегося в рамках каждой из форм общественного сознания; 3) лишенная мифологического компонента правовая теория возможна только как догма, как чисто прикладное знание.

Исследование предназначено для занимающихся или просто интересующихся проблемами правовой жизни современного общества и личности, которые получают свое выражение и решение как в общеправовой теории, так и в правосознании.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 143—148.

Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 143–148.

УДК 346.26

doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.016

NIION: 2015-0065-02/26-391

MOSURED: 77/27-010-2026-02-590

Научная специальность: 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки

Правовое регулирование страхования предпринимательских рисков в отечественной экономике

Ольга Валентиновна Староверова

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия,

staroverova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9095-3865>

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию страхования предпринимательских рисков в отечественной экономике. В статье рассмотрены проблемы, отрицательно сказывающиеся на функционировании института страхования предпринимательских рисков, и тенденции в сфере страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации. Автором предложены возможные направления, которые способны позитивно повлиять в том числе на рассматриваемый вид страхования.

Ключевые слова: институт страхования, страхование предпринимательских рисков, корпоративное страхование, страховая отрасль, страховые услуги, страховая культура.

Для цитирования: Староверова О.В. Правовое регулирование страхования предпринимательских рисков в отечественной экономике // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 143—148. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.016.

Legal regulation of business risk insurance in the domestic economy

Olga V. Staroverova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

staroverova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9095-3865>

Abstract. The article is devoted to the legal regulation of business risk insurance in the domestic economy. The article discusses the problems negatively affecting the functioning of the institute of business risk insurance and trends in the field of business risk insurance in the Russian Federation. The author suggests possible directions that can have a positive impact, including on the type of insurance in question.

Keywords: institute of insurance, business risk insurance, corporate insurance, insurance industry, insurance services, insurance culture.

For citation: Staroverova, O.V. (2026) Legal regulation of business risk insurance in the domestic economy. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 143–148. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.016.

Институт страхования имеет огромное значение для экономического развития государства. Одним из важнейших его видов следует признать страхование рисков в предпринимательской деятельности, поскольку именно оно может оказать существенное влияние на развитие бизнеса. Можно уверенно сказать, что рассматриваемый вид страхования выступает гарантом сохранения финансовых средств. Страхование предпринимательских рисков стало применяться сравнительно недавно, однако об-

ладает огромным потенциалом для развития в нашей стране¹.

При этом правовое регулирование страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации закреплено в главе 48 «Страхование» Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и Законе РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и защищает бизнес от убытков из-за нарушений обязательств контра-

¹ Свирид Т. Корпоративное страхование. Какие возможности открывает страхование для здоровья сотрудников // Финансовая газета. 2017. № 39. С. 8—9.

гентами или изменения условий деятельности, и об этом писал еще в 2012 году А.Г. Савин². Регулирование охватывает только риск убытков самого страхователя, причем надзор осуществляет Банк России, который в 2025 году продолжал усиливать контроль за прозрачностью и финансовой устойчивостью отрасли. Кроме того, ЦБ РФ работает над совершенствованием системы оценки рисков банковских групп, а также внедрением новых методик, позволяющих более точно определять необходимый уровень капитала страховщиков. Банк России, продолжая совершенствовать регулирование для повышения устойчивости банков и снижения рисков для их кредиторов и вкладчиков, до конца I квартала 2026 года планирует завершить подготовку изменений, позволяющих учесть в оценке экономического положения банков риск их недобросовестного поведения³. Это особенно важно в условиях экономической нестабильности, когда компании должны быть готовы к резким изменениям рыночной конъюнктуры⁴.

Страхование предпринимательских рисков носит, как правило, добровольный характер, но является важным инструментом обеспечения стабильности бизнеса. Между тем нестабильность на рынке труда и недостаточные гарантии предпринимателям требуют от владельцев бизнеса снижения всевозможных расходов.

В настоящее время на страхование предпринимательских рисков оказывает воздействие комплекс факторов (проблем), отрицательно сказывающихся на функционировании этого института.

Во-первых, в последнее время в нашей стране отмечается *понижение уровня платежеспособности населения*. Длительное понижение реальных доходов граждан признано наиболее затяжным за последние десятилетия. По предварительной оценке, в 2025 году объем денежных доходов населения России составил около

868,8 млрд руб., увеличившись по сравнению с 2024 годом на 13,2 % (среднедушевые денежные доходы населения)⁵. Вместе с этим большое число юридических лиц объявило о своей несостоятельности.

Во-вторых, негативным фактором страхования предпринимательских рисков в России является *низкая клиентоориентированность страховой отрасли*. Рынок заинтересован в долгосрочных продуктах и успешных клиентах, обладающих опытом и функционирующих не менее трех лет. В то же время к предприятиям, лишь начинающим свое развитие, применяются завышенные тарифы. Соответственно, наблюдается весьма невысокое проникновение услуг страховщиков в область малого предпринимательства. Спрос на страхование предпринимательских рисков есть у крупных компаний, функционирующих по межгосударственным стандартам управления рисками⁶.

Далее рассмотрим тенденции в сфере страхования предпринимательских рисков в Российской Федерации.

Общеизвестно, что *тенденции страхового рынка в различных субъектах России во многом аналогичны*. Однако у ряда регионов существуют отличия, а также предпосылки для того, чтобы занять лидирующие позиции на общероссийском рынке. Это происходит потому, что в ряде субъектов Российской Федерации страховые организации появились раньше, чем в других, соответственно, на данной основе зародились региональные страховщики, весьма успешно осуществляющие свою деятельность и поныне. Региональные компании порой предлагают внушительный набор продуктов для предпринимателей. Страхователи нередко отдают предпочтение именно *региональным страховщикам*.

Еще одной тенденцией в сфере страхования предпринимательских рисков, на наш взгляд, должна быть *ориентация на привлечение клиентов и снижение убыточности*. Безусловно, преследуя цель повысить доходы, целесообразно повысить тарифы, однако в таком случае страхователи могут отказаться от услуг.

² Савин А.Г. Страхование рисков предпринимательской деятельности: гражданско-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2012.

³ Обзор банковского регулирования: ближайшие планы и реализованные инициативы // Банк России: [офиц. сайт]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=28165> (дата обращения: 12.03.2026).

⁴ Анализ и прогноз развития рынка страхования в России в 2025 году. URL: <https://b2b.polis.online/blog/korporativnym-klientam/analiz-i-prognoz-razvitiya-rynka-strakhovaniya-v-rossii-v-2025-godu> (дата обращения: 12.03.2026).

⁵ Росстат представляет данные о численности населения с денежными доходами ниже границы бедности в IV квартале 2025 года // Федеральная служба государственной статистики: [офиц. сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/279457> (дата обращения: 12.03.2026).

⁶ Рябичева О.И. Снижение предпринимательских рисков методом страхования в России // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 115—123.

Институт корпоративного страхования служит важным инструментом поддержки предпринимателей, особенно в кризисный для экономики период, в связи с тем, что непосредственно данный вид страхования обеспечивает защиту от большого числа рисков, в том числе предпринимательских. Обозначим круг возможных проблем страховых организаций, с которыми они могут столкнуться, осуществляя страхование предпринимательских рисков.

Одной из основных проблем выступает *недостаточный уровень отечественной страховой культуры*. Плохая осведомленность и ориентация в страховых продуктах препятствуют предпринимателям оптимально применять возможности рассматриваемого страхования, а также разглядеть выгоды и преимущества от этого. В свое время Ю.Н. Верещагина и Л.А. Савиных писали⁷: некоторые коммерческие субъекты полагают, что осуществление страхования не является выгодным, что свидетельствует об их плохой информированности, а возможно, и недоверчивом отношении к сфере страхования, сформировавшемся у населения в 90-х годах прошлого века.

Еще одной существенной проблемой выступает *недостаточное проникновение страховых услуг в малое предпринимательство*. Для корпоративного страхования также необходимы клиенты. Недостаточное проникновение страховых услуг в сегмент малого предпринимательства связано с высокой стоимостью покрытия, недооценкой рисков самими предпринимателями и ограниченным набором специализированных продуктов, что сдерживает развитие корпоративного страхования. Для роста рынка необходим активный спрос и адаптация страховых предложений под потребности бизнеса⁸. Однако для страховых организаций требуются клиенты в том числе из малого и среднего предпринимательства, поскольку им необходимо присутствие различных сегментов, кого могли бы заинтересовать продукты от конкретных страховщиков. Спрос на страхование предпринимательских рисков в нестабильный для эко-

номики период в основном наблюдался от крупных компаний. Таким образом, вовлеченность малых предпринимателей в добровольные виды страхования довольно невелика, а это создает определенные препятствия для развития страхования предпринимательских рисков⁹.

В качестве большой проблемы для всего страхового рынка и для страхования предпринимательских рисков выступает *дестабилизация на общемировых финансовых рынках*. В этом случае есть вероятность отрицательной динамики ВВП, упадка сферы кредитования, падения спроса на страховые услуги. В основном это отражается на добровольных видах страхования, в числе которых и страхование предпринимательских рисков. Немалая часть коммерческих субъектов в нестабильный период урезают затраты на страхование, что отражается на падении страховых премий.

Наряду с этим проблемой страхования предпринимательских рисков является *недостаток надзора за страховщиками, нередко, нацеливаясь на прибыль, применяющими демпинг страховых тарифов*.

Компании осуществляют важнейшие расчеты раньше, чем подписывают соглашение с коммерческими субъектами. В случае обнаружения в расчетах каких-либо отклонений от норм убыточности страховщик может эти риски не охватывать страхованием. Тем не менее некоторые страховщики, понижая тарифы на страхование предпринимательских рисков, привлекают к себе предпринимателей, предлагая более оптимальные условия, однако выгодные тарифы часто не служат гарантией вовремя выплачиваемых страховых компенсаций. Таким образом, мошенничество в сфере страхования — большая проблема для предпринимателей. Политика предотвращения убытков страховщиков и страховое мошенничество оказывают негативное воздействие на имидж страховых компаний. В 2025 году страховой рынок РФ столкнулся с масштабным мошенничеством (ущерб >3,5 млрд руб. за 10 месяцев) и вынужденной жесткой политикой превенции убытков, что наносит двойной удар по имиджу компаний: клиенты страдают от задержек выплат из-за проверок, а действия мошенников создают репутацию ненадежности. Однако, как заявил вице-президент Всероссийского союза страховщиков Сергей Ефремов, «уровень возбужденных правоохрани-

⁷ Верещагина Ю.Н., Савиных Л.А. Роль корпоративного страхования в процессе слияния и поглощения на страховом рынке // Гуманитарные науки в XXI веке. 2014. № 21. С. 79—82.

⁸ Калачева Е.А., Калачева И.В. Оценка доступности страховых услуг на российском финансовом рынке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 10, № 1. С. 170—180.

⁹ Жолаева М.А. Конкурентоспособность страховых компаний // Вестник университета «Туран». 2014. № 3 (63). С. 167—174.

тельных дел по итогам страхового мошенничества снизился за 9 месяцев 2025 года и составил 21 % по сравнению с 31 % по итогам всего 2024 года»¹⁰. По результатам различных анкетирований частичное несоблюдение страховщиками положений страхового соглашения выступает весьма распространенным явлением¹¹.

Обозначенные проблемы в большинстве своем внешние, однако в целях укрепления позиций в сфере страхования предпринимательских рисков, в том числе в период экономического спада, существует потребность изменений и внутри страховых компаний. Определим возможные направления для решения отмеченных проблем, которые способны позитивно повлиять в том числе на рассматриваемый вид страхования.

Для устранения плохой осведомленности и ориентации предпринимателей в страховых продуктах требуется установить с ними *коммуникационное взаимодействие*: необходимо оповещать о возможностях и преимуществах страхования рисков в предпринимательской деятельности. Стоит отметить, что многие страховщики значительно продвинулись в данном направлении, однако требуется значительно увеличить круг охватываемых субъектов, в частности направить воздействие на представителей малого бизнеса. Такое коммуникационное взаимодействие будет способствовать и решению второй проблемы — недостаточного проникновения страховых услуг в малое предпринимательство.

Для вовлечения указанных субъектов коммерческой деятельности в страхование предпринимательских рисков требуется реализация дополнительных семинаров, посвященных возможностям ведения бизнеса в период экономического спада. Также возможно действовать через *центры по поддержке предпринимателей*, функционирующие во всех регионах страны. Указанные центры проводят тренинги и мастер-классы по предпринимательской деятельности. В эти занятия целесообразно внедрить и курс в сфере страхования, который может значительно повысить уровень страховой культуры у предпринимателей. Вместе с этим возмож-

но установление некоторых преимуществ для начинающих предпринимателей, которые впервые приняли решение по страхованию своих рисков. Необходимо осуществлять отслеживание потенциальных клиентов, это также позволит увеличить число страхователей¹².

В период экономического спада страховщикам следует стремиться не к наращиванию доли рынка, а к сохранению своей рентабельности и стабильности страхового портфеля. Требуется, как и в обычное время, соблюдать свои основные принципы деятельности, предотвращая повышение убыточности, в частности при оценке рисков. Сегодня для страховых компаний важна эффективная борьба со страховым мошенничеством, требующая комплексного подхода. Такой подход может включать проведение перед подписанием договора детальной экспертизы, обучение независимых экспертов, эффективный контроль за действиями агентов, выработку критериев совместной работы страховых компаний, оптимизацию взаимодействия страховщиков и правоохранительных органов.

Как известно, предпринимателям-работодателям, помимо прочего, требуется нести еще и ряд дополнительных затрат, касающихся социального страхования, пенсионного обеспечения¹³, медицинского обслуживания¹⁴ и обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний¹⁵ своих сотрудников, при этом подбираются замещающие кадры с соответствующими навыками, учитываются увеличившиеся потребности кандидатов. Для развития корпоративных страховых программ государство использует модель налоговых льгот. Расходы компании на добровольное медицинское и пенсионное страхование, а также на страхование жизни сотрудников учитываются в составе расходов на оплату труда (по ст. 255 НК

¹⁰ Уровень возбужденных дел по признакам страхового мошенничества снижается с начала 2025 г. // Страхование сегодня: [сайт]. URL: <https://www.insur-info.ru/press/206064> (дата обращения: 12.03.2026).

¹¹ Юлдашев Р.Т., Шутова О.А. Место корпоративной культуры в реализации стратегии клиентоориентированной страховой компании // Страховое дело. 2013. № 9. С. 36—42.

¹² Газиян С. Комплаенс в страховании: практика построения и трансформации // Бухгалтерия и банки. 2019. № 9. С. 40—52.

¹³ Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51, ст. 4831.

¹⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

¹⁵ Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3803.

РФ) и уменьшают налогооблагаемую базу по налогу на прибыль.

Эти условия нуждаются в серьезном подходе, поскольку необходимо осуществлять управление прибылью компании и в то же время обеспечивать ее долгосрочное развитие привлечением компетентных сотрудников, имеющих мотивацию и сфокусированных на своей деятельности.

Соответственно, модель корпоративного страхования, которое регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации (глава 48), Законом РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и профильными федеральными законами, объединяя обязательные и добровольные виды страхования, необходимо выстраивать так, чтобы была возможность обеспечить все вышеуказанное. Согласно Закону № 4015-1 целью добровольного корпоративного страхования (социальный пакет и управление рисками) является защита имущественных и личных интересов компании и ее сотрудников. Результаты, к которым мы пришли путем анализа тенденций предпринимательского страхования в нашей стране, свидетельствуют, что оптимально разработанные для сотрудников страховые льготы могут привлечь в организацию необходимые квалифицированные кадры. А с учетом имеющихся способов оптимизации расходов качественный корпоративный план по страхованию способен выступить в качестве действенного инструмента по обеспечению финансовой устойчивости компании.

Согласимся с мнением исследователей¹⁶, которые считают, что международное сотрудничество обеспечивает трансфер передового опыта, привлечение зарубежных инвестиций и адаптацию глобальных страховых практик к российским экономическим условиям. Риск-менеджмент предусматривает создание эффективных механизмов страховых резервов, перестрахования и диверсификации рисков, что повышает устойчивость страховых компаний в условиях экономической нестабильности.

В настоящее время в России условия страхования предпринимательских рисков несовершенны, а потенциал в этой области высок. Меж-

ду тем страхование предпринимательских рисков признается в качестве объективной потребности коммерческих субъектов. К такому выводу можно прийти, в том числе обратившись к практике государств с развитой экономикой.

И наконец, словно подведение итога, звучит разумная мысль О.И. Рябичевой, что страхование предпринимательских рисков остается значимым, но недостаточно развитым инструментом управления рисками для российского бизнеса. Внедрение инноваций и предложений с гибкими условиями, а также возможное обсуждение обязательного страхования предпринимательских рисков могут способствовать повышению доверия предпринимателей к страховой отрасли. Эти меры помогут снизить финансовые риски компаний и укрепить их устойчивость на рынке¹⁷.

Не вызывает сомнений, что страхование предпринимательских рисков имеет значение не только для хозяйственной деятельности конкретного предпринимателя, но и для всей российской экономики. Один из наиболее популярных видов предпринимательского риска, непременно страхуемого в западных странах, — это вынужденная остановка в производстве. В нашей стране страхование данного риска имеет не меньшее значение, поскольку приостановление деятельности дестабилизирует не только соответствующую организацию, но и экономику всего государства, прерывая продвижение на рынок экономических благ и необходимых услуг. Следовательно, потребность страхования предпринимательских рисков очевидна, на что указывает и наличие немалых перспектив совершенствования этой области страхования и огромного потенциала, который обеспечивает обширное и перспективное поле деятельности для участников страховых и предпринимательских правоотношений.

Список литературы

1. Верещагина Ю.Н., Савиных Л.А. Роль корпоративного страхования в процессе слияния и поглощения на страховом рынке // Гуманитарные науки в XXI веке. 2014. № 21. С. 79—82.
2. Газиян С. Комплаенс в страховании: практика построения и трансформации // Бухгалтерия и банки. 2019. № 9. С. 40—52.
3. Жолаева М.А. Конкурентоспособность страховых компаний // Вестник университета «Туран». 2014. № 3 (63). С. 167—174.

¹⁶ Малышев А.А., Староверова О.В. Способы стимулирования рынка страхования жизни в современных российских условиях (на примере накопительного и инвестиционного страхования жизни) // Финансовая жизнь. 2025. № 1. С. 27—31.

¹⁷ Рябичева О.И. Указ. соч. С. 115—123.

4. Калачева Е.А., Калачева И.В. Оценка доступности страховых услуг на российском финансовом рынке // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2025. Т. 10, № 1. С. 170—180. doi: 10.21603/2500-3372-2025-10-1-170-180.

5. Малышев А.А., Староверова О.В. Способы стимулирования рынка страхования жизни в современных российских условиях (на примере накопительного и инвестиционного страхования жизни) // Финансовая жизнь. 2025. № 1. С. 27—31.

6. Рябичева О.И. Снижение предпринимательских рисков методом страхования в России // Региональная и отраслевая экономика. 2024. № 6. С. 115—123. doi: 10.47576/2949-1916.2024.6.6.017.

7. Савин А.Г. Страхование рисков предпринимательской деятельности: гражданско-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2012. 160 с.

8. Свирид Т. Корпоративное страхование. Какие возможности открывает страхование для здоровья сотрудников // Финансовая газета. 2017. № 39. С. 8—9.

9. Страхование право: учебник для вузов / под науч. ред. О.Ю. Ильиной, А.И. Комзолова; под общ. ред. Ю.Т. Ахвледиани, О.А. Рузаковой, Т.В. Лариной. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2026. 303 с.

10. Юлдашев Р.Т., Шутова О.А. Место корпоративной культуры в реализации стратегии клиентоориентированной страховой компании // Страхование дело. 2013. № 9. С. 36—42.

References

1. Vereshchagina, Yu.N., Savinykh, L.A. (2014) Rol' korporativnogo strakhovaniya v protsesse sliyaniya i pogloshcheniya na strakhovom rynke [The role of corporate insurance in the process of mergers and acquisitions in the insurance market]. *Gumanitarnye nauki v XXI veke*, no. 21, pp. 79—82. (In Russ.).

2. Gaziyan, S. (2019) Komplaens v strakhovanii: praktika postroeniya i transformatsii [Compliance in insurance: the practice of building and transformation]. *Bukhgalteriya i banki*, no. 9, pp. 40—52. (In Russ.).

3. Zholaeva, M.A. (2014) Konkurentosposobnost' strakhovykh kompaniy [Competitiveness of insurance companies]. *Bulletin of "Turan" University*, no. 3, pp. 167—174. (In Russ.).

4. Kalacheva, E.A., Kalacheva, I.V. (2025) Otsenka dostupnosti strakhovykh uslug na rossiyskom finansovom rynke [Availability assessment of insurance services on the Russian financial market]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, vol. 10, no. 1, pp. 170—180. (In Russ.). doi: 10.21603/2500-3372-2025-10-1-170-180.

5. Malyshev, A.A., Staroverova, O.V. (2025) Sposoby stimulirovaniya rynka strakhovaniya zhizni v sovremennykh rossiyskikh usloviyakh (na primere nakopitel'nogo i investitsionnogo strakhovaniya zhizni) [Methods of stimulating the life insurance market in modern Russian conditions (a case study of endowment and investment life insurance)]. *Finansovaya zhizn'*, no. 1, pp. 27—31. (In Russ.).

6. Ryabicheva, O.I. (2024) Snizhenie predprinimatel'skikh riskov metodom strakhovaniya v Rossii [Reduction of entrepreneurial risks by insurance in Russia]. *Regional'naya i otraslevaya ekonomika*, no. 6, pp. 115—123. (In Russ.). doi: 10.47576/2949-1916.2024.6.6.017.

7. Savin, A.G. (2012) Strakhovanie riskov predprinimatel'skoy deyatel'nosti: grazhdansko-pravovoe regulirovanie [Insurance of business risks: civil law regulation]. Ph. D. thesis. Volgograd, 160 p. (In Russ.).

8. Svirid, T. (2017) Korporativnoe strakhovanie. Kakie vozmozhnosti otkryvaet strakhovanie dlya zdorov'ya sotrudnikov [Corporate insurance. The opportunities that insurance opens up for the health of employees]. *Finansovaya gazeta*, no. 39, pp. 8—9. (In Russ.).

9. Il'ina, O.Yu., Komzolov, A.I., Akhvlediani, Yu.T., Ruzakova, O.A., Larina, T.V. (eds.) (2026) Strakhovoe pravo [Insurance law]. Textbook. 8th ed. Moscow, UNITY-DANA, 303 p. (In Russ.).

10. Yuldashev, R.T., Shutova, O.A. (2013) Mesto korporativnoy kul'tury v realizatsii strategii klientoorientirovannoy strakhovoy kompanii [The place of corporate culture in the implementation of the strategy of a client-oriented insurance company]. *Strakhovoe delo*, no. 9, pp. 36—42. (In Russ.).

Информация об авторе

О.В. Староверова — профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

O.V. Staroverova — Professor of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 149—156.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 149–156.

УДК 330.342.24
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.017

NIION: 2015-0065-02/26-392
MOSURED: 77/27-010-2026-02-591

Научная специальность: 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика

Сравнительный анализ подходов к реализации цифровых повесток ОЭСР и БРИКС

Ангелина Вадимовна Ягудина¹, Александр Владимирович Токолов²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹angelinayagudina@gmail.com

²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

altok40@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9863-6419>

Аннотация. Цифровая трансформация стала приоритетом для международных организаций, однако концептуальное расхождение в подходах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) и БРИКС остаётся недостаточно изученным. Отсутствует единство в определении самого понятия «цифровая повестка».

Цель исследования — выявить концептуальные различия в цифровых повестках ОЭСР (инициатива Going Digital) и БРИКС и предложить направления для гармонизации.

Методы. Использованы формально-юридический анализ, сравнительно-правовой метод, контент-анализ официальных документов ОЭСР и БРИКС, а также обобщение доктринальных позиций российских и зарубежных учёных.

Результаты. ОЭСР делает ставку на мягкую координацию и измеримые показатели (Going Digital Toolkit, National Digital Strategy Comprehensiveness Indicator — NDSC, AI Incident Monitor — AIM), тогда как БРИКС — на принцип цифрового суверенитета, что ведёт к фрагментации подходов.

Выводы. Предложены направления гармонизации: адаптация индикаторов NDSC для стран БРИКС, сотрудничество в сфере искусственного интеллекта, совместные инфраструктурные проекты широкополосного доступа, а также усиление координации БРИКС в рамках «Группы двадцати» и ООН.

Ключевые слова: цифровая трансформация, ОЭСР, БРИКС, цифровая повестка, Going Digital, цифровой суверенитет, искусственный интеллект, NDSC.

Вклад авторов: Токолов А.В. — постановка цели и задач исследования, разработка концепции и методологии, поиск источников, доработка, редактирование; Ягудина А.В. — сбор и обработка материалов, анализ источников и нормативных правовых актов, написание текста.

Для цитирования: Ягудина А.В., Токолов А.В. Сравнительный анализ подходов к реализации цифровых повесток ОЭСР и БРИКС // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 149—156. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.017.

Comparative analysis of approaches to the implementation of digital agendas of the OECD and BRICS

Angelina V. Iagudina¹, Alexander V. Tokolov²

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹angelinayagudina@gmail.com

²Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russia, altok40@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9863-6419>

Abstract. Digital transformation has become a priority for international organisations, but the conceptual divergence in the approaches of the OECD and BRICS remains insufficiently studied. There is no unity in the definition of the concept of digital agenda.

The objective is to identify conceptual differences in the digital agendas of the OECD (Going Digital) and BRICS and propose directions for harmonisation.

Methods. Formal legal analysis, comparative legal method, content analysis of official OECD and BRICS documents, as well as synthesis of doctrinal positions of Russian and foreign scholars.

Results. The OECD relies on soft coordination and measurable indicators (Going Digital Toolkit, National Digital Strategy Comprehensiveness Indicator — NDSC, AI Incident Monitor — AIM), while BRICS relies on the principle of digital sovereignty, which leads to fragmentation of approaches.

Conclusions. Directions for harmonisation are proposed: adaptation of NDSC indicators for BRICS countries, cooperation in the field of artificial intelligence, joint broadband infrastructure projects, as well as strengthening BRICS coordination within the G20 and the UN.

Keywords: digital transformation, OECD, BRICS, digital agenda, Going Digital, digital sovereignty, artificial intelligence, NDSC.

Contribution of the authors: Tokolov A.V. — setting research objectives, development of the concept and methodology, search for sources, revision, editing; Iagudina A.V. — collection and processing of material, analysis of sources and regulatory legal acts, text writing.

For citation: Iagudina, A.V. & Tokolov, A.V. (2026) Comparative analysis of approaches to the implementation of digital agendas of the OECD and BRICS. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 149—156. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.017.

Введение

Цифровая трансформация представляет собой процесс внедрения цифровых технологий во все сферы жизни общества — от экономики и государственного управления до образования и здравоохранения. Она меняет структуру рынков, формы занятости, способы коммуникации и механизмы публичного управления. Как отмечают ученые¹, страны, успешно интегрирующие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в экономику, получают устойчивое преимущество в темпах роста ВВП, однако степень этого эффекта зависит от уровня их технологического развития.

Внутри цифровой трансформации ключевым понятием является «цифровая повестка». В научной литературе отсутствует его унифицированное определение. Н.Б. Кондратьева² трактует цифровую повестку как комплекс мер по формированию единого цифрового пространства, направленный на предотвращение территориального и социального неравенства. П.Э. Прохоров подходит к понятию через инструментальную призму: цифровая повестка — это не только документ, но и процесс мониторинга и оценки цифровых стратегий, для чего ОЭСР разработала специальный инструментарий (Going Digital Toolkit)³. Среди основных признаков

цифровой повестки выделяют: 1) наличие официально утверждённого документа (или системы документов); 2) закрепление стратегических целей на определённый период; 3) определение инструментов реализации и механизмов мониторинга⁴. Четвёртый признак выделяют исследователи среди самой ОЭСР — междисциплинарность: цифровая повестка должна охватывать не только технологические, но и социальные, экономические и институциональные аспекты⁵. Исходя из сказанного, под цифровой повесткой можно понимать официальный документ или систему документов, закрепляющую на определённый период стратегические цели и инструменты цифровой трансформации на национальном или наднациональном уровне, а также процесс их реализации и мониторинга.

Среди множества цифровых повесток особое место занимают повестки международных организаций, поскольку они задают ориентиры для национальных стратегий. Две наиболее влиятельные, но концептуально различные модели предлагают ОЭСР и объединение БРИКС. Цель статьи — выявить концептуальные различия в этих подходах и предложить направления для гармонизации.

Методы исследования: использованы общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и специально-юридические — формально-юридический (толкование документов ОЭСР и БРИКС), сравнительно-правовой (сопоставление подходов), контент-анализ официальных до-

¹ Gomes S., Lopes J.M., Ferreira L. The impact of the digital economy on economic growth: The case of OECD countries // RAM. Revista de Administração Mackenzie. 2022. Vol. 23, no. 6. P. 1—31. doi: 10.1590/1678-6971/eRAMD220029.en.

² Кондратьева Н.Б. Цифровая повестка: проблемы и рекомендации для ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. Вып. 2, ч. 2. М., 2019. С. 342—344.

³ Прохоров П.Э. Платформа «Going Digital Toolkit» как инструмент мониторинга цифровой трансформации в Российской Федерации // Статистика и Экономика. 2019. Т. 16, № 5. С. 18—20.

⁴ Assessing the digital divide in OECD and BRICS countries: implications for public policy / N.I. Lavrikova, L.R. Magomaeva, G.A. Kochyan, S.V. Ponomarev, E.P. Borshchevskaya // International Journal of Technology, Policy and Management. 2024. Vol. 24, no. 3. P. 290—292.

⁵ OECD Digital Economy Outlook 2024. Vol. 2. Strengthening connectivity, innovation and trust. Paris: OECD Publishing, 2024. doi: 10.1787/3adf705b-en.

кументов (отчёты “Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives” — 2019, “OECD Digital Economy Outlook” — 2024, доклады об управлении данными — 2022, “Going Digital Integrated Policy Framework” — 2026, Стратегия экономического партнёрства БРИКС на 2025 год, Казанская декларация 2024 г.), а также обобщение доктринальных позиций российских и зарубежных учёных.

1. Цифровая повестка ОЭСР: инициатива Going Digital

ОЭСР начала формирование своей цифровой повестки задолго до 2017 года. Зарубежные авторы⁶ в диахроническом анализе документов ОЭСР за 1994—2024 годы показывают эволюцию от логики «секьюритизации» (безопасность информационных систем) к парадигме цифрового управления, где центральное место занимают цифровое гражданство, инклюзивность и участие граждан в со-создании публичных политик. В 2017 году на конференции с участием Министерства экономики и энергетики Германии была запущена инициатива Going Digital с итоговым документом, принятым в 2019 году⁷. Её цель — оценка тенденций цифровой трансформации и разработка направленных на снижение цифрового неравенства рекомендаций для законодателей. Проект охватывает такие области, как ИИ, широкополосное подключение, управление данными, цифровое правительство и кибербезопасность. В его реализации участвуют не только эксперты ОЭСР, но и представители Международного транспортного форума и Международного энергетического агентства, что обеспечивает междисциплинарный подход и позволяет избежать фрагментарной политики.

Инициатива прошла четыре этапа. Первый этап (2017—2019) был посвящён доступности широкополосной сети. В докладе “Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives”⁸ отмечалось, что только 7 % жителей стран ОЭСР имели оптоволоконное подключение, к 2023 году этот показатель вырос до 41 %⁹. Также вводились «регуляторные песочницы» и подчёркивалась

необходимость сокращения гендерного разрыва в цифровой сфере. Исследователи¹⁰ на эмпирических данных 36 стран ОЭСР за 2000—2019 годы подтвердили, что использование интернета положительно влияет на ВВП на душу населения во всех группах стран, тогда как влияние мобильной телефонии значимо только для инновационных экономик, а фиксированный широкополосный доступ отрицательно коррелирует с ростом в развитых странах, но положительно — в переходных экономиках. ОЭСР постепенно углубляла свою цифровую повестку. В 2019—2020 годах она перешла от простого обеспечения доступа к качеству услуг и созданию правил для искусственного интеллекта — в этот период запустили OECD.AI Policy Observatory¹¹, а также и Глобальное партнёрство по искусственному интеллекту (GPAI)¹². В следующие два года (2021—2022) организация сделала упор на данные, объявив их ключевым ресурсом для экономики. В вышедших тогда докладах “Going Digital to Advance Data Governance for Growth and Well-being”¹³ и “Going Digital Guide to Data Governance Policy Making”¹⁴ прямо говорилось, что данные — это актив. Наконец, начиная с 2023 года ОЭСР соединила цифровую трансформацию с экологией, выдвинув концепцию «экологичной цифровизации», которая предполагает уменьшение углеродного следа, создаваемого ИКТ.

Для мониторинга цифрового развития ОЭСР применяет несколько инструментов: Going Digital Toolkit, индикатор NDSC (National Digital Strategy Comprehensiveness Indicator) и систему AI Incident Monitor (AIM). Исследования¹⁵

¹⁰ Gomes S., Lopes J.M., Ferreira L. Op. cit. P. 1—31.

¹¹ Официальный сайт ОЭСР, посвященный повестке: The OECD Artificial Intelligence Policy Observatory — OECD.AI. URL: <https://oecd.ai/en/> (дата обращения: 26.04.2026).

¹² Официальный сайт органа: Global Partnership on Artificial Intelligence. URL: <https://www.oecd.org/en/about/programmes/global-partnership-on-artificial-intelligence.html> (дата обращения: 27.04.2026).

¹³ Доклад «Переход на цифровые технологии для улучшения управления данными в целях роста и благополучия» от 14.12.2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2022/12/going-digital-to-advance-data-governance-for-growth-and-well-being_246d8cab.html (дата обращения: 27.04.2026).

¹⁴ Доклад «Руководство по переходу на цифровые технологии при разработке политики управления данными» от 14.12.2022. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2022/12/going-digital-guide-to-data-governance-policy-making_28519d90.html (дата обращения: 27.04.2026).

¹⁵ Gierten D., Leshner M. Assessing national digital strategies and their governance // OECD Digital Economy Papers. 2022. No. 324. doi: 10.1787/baffceca-en.

⁶ Sysoyeva L., Martínez-Usarralde M.-J. From security to digital governance in OECD: evolution and some current considerations since the digital transformation // Salud, Ciencia y Tecnología — Serie de Conferencias. 2025. Vol. 4. 1401. doi: 10.56294/setconf20251401.

⁷ Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives. Paris: OECD Publishing, 2019. doi: 10.1787/9789264312012-en.

⁸ Там же.

⁹ Broadband statistics / OECD. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/broadband-statistics.html> (accessed April 25, 2026).

показывают, что NDSC помогает не только количественно оценить, насколько полно национальная цифровая стратегия охватывает ключевые аспекты, но и выявить недостатки — например, в управлении данными или кибербезопасности. При этом внедрение этих наработок остаётся на усмотрение каждой страны. Характерный пример: ни одно государство до сих пор не реализовало в полном объёме все шесть блоков Tax Administration 3.0¹⁶.

Таким образом, цифровая повестка ОЭСР представляет собой систему мягкой координации, основанную на измеримых показателях и междисциплинарном подходе. Она эволюционировала от инфраструктурных вопросов к управлению данными и климатической повестке. Однако эффективность рекомендаций ОЭСР неравномерна: североевропейские и азиатские страны-члены демонстрируют высокие результаты, тогда как страны Латинской Америки и Восточной Европы отстают¹⁷.

2. Цифровая повестка БРИКС: от экономического сотрудничества к цифровому суверенитету

БРИКС как объединение крупных развивающихся экономик начал формировать свою цифровую повестку позже ОЭСР. Первые инициативы в сфере ИКТ были заявлены в 2015 году. А. Игнатов¹⁸ отмечает, что на начальном этапе акцент делался на экономических аспектах — развитие рынка программного обеспечения, информационного оборудования, а также международная информационная безопасность в рамках политического сотрудничества.

Ключевым понятием в повестке БРИКС стал «цифровой суверенитет». А. Игнатов, Е. Зиновьева¹⁹ определяют его как независимость госу-

дарства в цифровой сфере и способность к самостоятельной реализации информационной политики внутри страны и на международной арене. Стоит отметить, что страны БРИКС по-разному наполняют это понятие конкретным содержанием²⁰. Китай делает ставку на контроль над производственными цепочками и данными (Great Firewall, национальные стандарты 5G). Россия акцентирует управление интернет-инфраструктурой (суверенный Рунет, закон о «приземлении» данных). Индия развивает уникальную платформу UPI и концепцию IndiaStack, стремясь к технологической автономии. Бразилия балансирует между открытостью цифрового рынка и усилением контроля над платформами. ЮАР, имея дефицит кадров и инфраструктуры, делает упор на преодоление цифрового разрыва.

Исходя из разных путей развития ИКТ, можно сформулировать соответствующую классификацию стран БРИКС²¹: Китай — массовое внедрение и государственный контроль; Индия — стартапы и языковое разнообразие; Бразилия — агросектор и экологический мониторинг; Южная Африка — медицинское применение ИИ; Россия — интеграция ИИ в суверенные цифровые платформы в условиях санкционного давления. Авторы²² делают вывод, что именно ИИ может стать ключевым инструментом сокращения технологического неравенства внутри объединения, но для этого необходимы согласованные действия в области инвестиций, образования и локализации технологий.

Технологический разрыв между членами БРИКС, по замечанию М.А. Макаковой и С.С. Ткаченко, не позволяет ждать быстрых результатов даже после принятия Рамочного соглашения о партнёрстве в цифровой экономике²³. До-

¹⁶ Digitalization of Tax Administration: a review of the Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) guidelines / S.B. Dhaliwal, D. Sohail, K. Hafer, S. Azam, B. Hafer // Accounting & Taxation. 2023. Vol. 15, no. 1. P. 55—81.

¹⁷ Sysoyeva L., Martínez-Usarralde M.-J. Op. cit.

¹⁸ Игнатов А.А. Сравнительное исследование политики реализации цифрового суверенитета государства странами — членами БРИКС // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 3. С. 60—83.

¹⁹ Игнатов А., Зиновьева Е. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // Российский совет по международным делам: [офиц. сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks> (дата обращения: 14.04.2026).

²⁰ Digital sovereignty in the BRICS countries / eds. M. Jiang, L. Belli. Cambridge University Press, 2025.

²¹ Ергунова О.Т., Киселева Е.Г., Сомов А.Г. ИИ-технологии как инструмент сокращения технологического неравенства в странах БРИКС // XXI Международный научно-практический семинар «Мировая экономика и бизнес-администрирование» (Минск, 24—25 апреля 2025 г.). Международная научно-техническая конференция «Инжиниринг и инновации в промышленности» (Минск, 15 мая 2025 г.): сборник материалов и докладов. Минск, 2025. С. 84—86.

²² Там же.

²³ Макакова М.А., Ткаченко С.С. Инновационное развитие стран БРИКС и его влияние на внешнеэкономическую деятельность // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248, № 4. С. 437.

кумент закрепил вроде бы важные направления: цифровые инструменты для глобальных общественных благ, электронную аутентификацию, безопасность данных, сотрудничество в области ИИ и запуск рабочей группы по цифровой экономике. Однако практическая отдача пока маловероятна.

К тому же у самого объединения сохраняются системные проблемы. Зарубежные исследователи указывают: развивающиеся страны — члены БРИКС не накопили культуру систематического сбора данных, нужных для оценки цифровой экономики. Глобальные же индексы (DESI, NRI, EGDI) игнорируют местные особенности: бесплатные цифровые сервисы, неформальную электронную торговлю через соцсети²⁴. М.В. Ларионова обращает внимание на ещё один негативный фактор: у развивающихся стран нет собственной консолидированной платформы, поэтому «Группа семи» и ОЭСР беспрепятственно продвигают свои стандарты через «Группу двадцати» и ООН, что рискует законсервировать глобальное цифровое неравенство²⁵.

Таким образом, цифровая повестка БРИКС ориентирована на цифровой суверенитет и невмешательство во внутренние цифровые политики — и это закономерно, ведь речь идёт о приоритетах именно развивающихся экономик. Однако отсутствие единых метрик, консенсусной процедуры принятия решений и культуры сбора данных ведёт к фрагментации и снижает эффективность сотрудничества.

3. Сравнительный анализ цифровых повесток ОЭСР и БРИКС

Сравнение двух подходов выявляет несколько ключевых различий.

Во-первых, по целеполаганию: ОЭСР ориентируется на создание «инклюзивного, устойчивого и доверенного цифрового будущего» с акцентом на глобальную координацию, БРИКС — на экономический рост, цифровой суверенитет и международную информационную безопасность. Во-вторых, ОЭСР использует жёстко структурированную систему индикаторов (NDSC, AIM) и механизмы «мягкого права» (рекомен-

дации, обзоры, добровольные стандарты), БРИКС же в инструментах полагается на национальные стратегии, рамочные соглашения и рабочие группы (DBTF, PartNIR), что ведёт к фрагментации. В рамках мониторинга ОЭСР разработала инструменты, позволяющие количественно оценить прогресс. В БРИКС отсутствуют аналогичные метрики, что затрудняет сравнительный анализ и выработку совместных решений. В управлении данными ОЭСР выступает за свободу потоков (Data Free Flow with Trust — DFFT) и против неоправданной локализации. БРИКС, напротив, делает ставку на локализацию данных.

По нашему мнению, ни одна из моделей не является универсальной. ОЭСР задаёт измеримые стандарты, но создаёт перекося в пользу развитых стран. БРИКС защищает суверенитет, но жертвует измеримостью и координацией. Наиболее разумная альтернатива — создание гибридных метрик, адаптированных к институциональным особенностям стран БРИКС (например, учёт неформальной цифровой занятости, доступности бесплатных сервисов). Специалисты²⁶ также предлагают для развивающихся стран гибридные метрики, сочетающие производственный, доходный и расходный подходы.

4. Направления гармонизации

Исходя из проведённого анализа, можно предложить конкретные пути сближения подходов. Со стороны БРИКС целесообразно заимствовать у ОЭСР инструменты мониторинга, в первую очередь адаптацию индикаторов NDSC и AIM для стран объединения с включением показателей доступности цифровых услуг в сельской местности, доли населения, использующего бесплатные цифровые платформы, а также учёта неформального сектора цифровой занятости. Кроме того, БРИКС может использовать методологию ОЭСР в проведении обзоров национальных цифровых политик (Digital Government Reviews) и отраслевые рекомендации, в частности в области управления данными и защиты персональной информации, где ОЭСР имеет многолетний опыт²⁷. В свою очередь, ОЭСР может заимствовать у БРИКС концепцию цифрового суверенитета, признавая право государств на локализацию данных для обеспечения национальной безопасности, что особенно актуаль-

²⁴ Measuring the impact of the digital economy in developing countries: A systematic review and meta-analysis / A. Oloyede, N. Faruk, N. Noma, E. Teberah, A. Nwaulune // *Heliyon*. 2023. Vol. 9, no. 2. doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e17654.

²⁵ Ларионова М.В. Тенденции и риски формирования глобального цифрового управления // *Вестник международных организаций*. 2025. Т. 20, № 1. С. 205.

²⁶ Measuring the impact of the digital economy in developing countries: A systematic review and meta-analysis / A. Oloyede, N. Faruk, N. Noma, E. Teberah, A. Nwaulune.

²⁷ Gierten D., Leshner M. Op. cit.

но для развивающихся стран. Также полезным является опыт развития цифровых платформ в условиях ограниченных ресурсов — индийская IndiaStack, бразильская система электронного выставления счетов, а также подходы к сокращению цифрового разрыва в сельских районах, включая мобильные платёжные системы типа М-PESA²⁸.

М.В. Ларионова и П.А. Доронин предлагают разработать Рекомендации (руководство) БРИКС по регулированию цифровых платформ, которые могли бы стать альтернативой «брюссельскому эффекту» (экстерриториальному применению правил ЕС)²⁹. А.В. Шелепов рекомендует России усиливать координацию в БРИКС по вопросам кибербезопасности и управления данными, чтобы не оказаться в изоляции при формировании новых глобальных цифровых правил³⁰. Таким образом, гармонизация возможна на основе отказа от крайностей — как от полной открытости, так и от жёсткого суверенитета.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Цифровая повестка ОЭСР представляет собой наиболее комплексный подход, прошедший эволюцию от инфраструктурных решений к управлению данными и климатической повестке. ОЭСР предлагает структурированные инструменты мониторинга, чего не хватает БРИКС, где координирующим механизмом остаётся рабочая группа DBTF и рамочное соглашение 2022 года.

Концептуальное различие лежит в понимании управления данными: ОЭСР выступает за равноправные потоки данных (Data Free Flow with Trust), в то время как БРИКС делает ставку на цифровой суверенитет и локализацию данных. Эмпирические исследования показывают, что эффективность цифровой трансформации зависит не столько от выбранной модели, сколько от наличия качественной статисти-

ки, адаптированных метрик и инвестиций в человеческий капитал.

По нашему мнению, наиболее разумной альтернативой является не копирование какой-либо одной модели, а создание открытой системы гибридных метрик, учитывающих как стандарты ОЭСР, так и приоритеты цифрового суверенитета БРИКС. Целесообразно инициировать в рамках БРИКС разработку модельного закона о трансграничных потоках данных и кибербезопасности, а также создать рабочую группу по адаптации NDSC и AIM к реалиям стран объединения.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую верификацию адаптированного NDSC для стран БРИКС и на разработку механизмов взаимного признания цифровых сертификатов и электронных подписей между странами-участницами.

Список литературы

1. Ергунова О.Т., Киселева Е.Г., Сомов А.Г. ИИ-технологии как инструмент сокращения технологического неравенства в странах БРИКС // XXI Международный научно-практический семинар «Мировая экономика и бизнес-администрирование» (Минск, 24–25 апреля 2025 г.). Международная научно-техническая конференция «Инжиниринг и инновации в промышленности» (Минск, 15 мая 2025 г.): сборник материалов и докладов. Минск: Четыре четверти, 2025. С. 84–86.
2. Игнатов А.А. Сравнительное исследование политики реализации цифрового суверенитета государства странами — членами БРИКС // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 3. С. 60–83. doi:10.17323/1996-7845-2025-03-04.
3. Игнатов А., Зиновьева Е. «Цифровой суверенитет» в повестке объединения БРИКС // Российский совет по международным делам: [официальный сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Кондратьева Н.Б. Цифровая повестка: проблемы и рекомендации для ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. Вып. 2, ч. 2. М.: ИНИОН РАН, 2019. С. 342–344.
5. Ларионова М.В. Тенденции и риски формирования глобального цифрового управления // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 1. С. 202–228. doi: 10.17323/1996-7845-2025-01-11.

²⁸ Digitalization of Tax Administration: a review of the Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) guidelines / S.B. Dhaliwal, D. Sohail, K. Hafer, S. Azam, B. Hafer. P. 55–81.

²⁹ Ларионова М.В., Доронин П.А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 87.

³⁰ Шелепов А.В. Влияние политики лидеров цифровизации — членов «Группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 1. С. 106–107.

6. Ларионова М.В., Доронин П.А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 2. С. 70—92. doi: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.

7. Ларионова М.В., Шелепов А.В. Возможно ли лидерство «Группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов? // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18, № 1. С. 7—32. doi: 10.17323/1996-7845-2023-01-01.

8. Максакова М.А., Ткаченко С.С. Инновационное развитие стран БРИКС и его влияние на внешнеэкономическую деятельность // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248, № 4. С. 424—440. doi: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-424-440.

9. Прохоров П.Э. Платформа «Going Digital Toolkit» как инструмент мониторинга цифровой трансформации в Российской Федерации // Статистика и Экономика. 2019. Т. 16, № 5. С. 15—30. doi: 10.21686/2500-3925-2019-5-15-30.

10. Шелепов А.В. Влияние политики лидеров цифровизации — членов «Группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 1. С. 96—113. doi: 10.17323/1996-7845-2022-01-04.

11. Assessing the digital divide in OECD and BRICS countries: implications for public policy / N.I. Lavrikova, L.R. Magomaeva, G.A. Kochyan, S.V. Ponomarev, E.P. Borshchevskaya // International Journal of Technology, Policy and Management. 2024. Vol. 24, no. 3. P. 285—302. doi: 10.1504/IJTPM.2024.139453.

12. Digital sovereignty in the BRICS countries / eds. M. Jiang, L. Belli. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 314 p. doi: 10.1017/9781009531085.

13. Digitalization of Tax Administration: a review of the Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) guidelines / S.B. Dhaliwal, D. Sohail, K. Hafer, S. Azam, B. Hafer // Accounting & Taxation. 2023. Vol. 15, no. 1. P. 55—81.

14. Gierten D., Leshner M. Assessing national digital strategies and their governance // OECD Digital Economy Papers. 2022. No. 324. doi: 10.1787/baffceca-en.

15. Gomes S., Lopes J.M., Ferreira L. The impact of the digital economy on economic growth: The case of OECD countries // RAM. Revista de Administração Mackenzie. 2022. Vol. 23, no. 6.

P. 1—31. doi: 10.1590/1678-6971/eRAMD220029.en.

16. Measuring the impact of the digital economy in developing countries: A systematic review and meta-analysis / A. Oloyede, N. Faruk, N. Noma, E. Tebepah, A. Nwaulune // Heliyon. 2023. Vol. 9, no. 2. doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e17654.

17. Sysoyeva L., Martinez-Usarralde M.-J. From security to digital governance in OECD: evolution and some current considerations since the digital transformation // Salud, Ciencia y Tecnología — Serie de Conferencias. 2025. Vol. 4. 1401. doi: 10.56294/setconf20251401.

References

1. Ergunova, O.T., Kiseleva, E.G., Somov, A.G. (2025) II-tekhnologii kak instrument sokrashcheniya tekhnologicheskogo neravenstva v stranakh BRIKS [AI technologies as a tool for reducing technological inequality in BRICS countries]. In: XXI Mezhdunarodnyy nauchno-prakticheskiy seminar “Mirovaya ekonomika i biznes-administrirvanie” (April 24–25, 2025). Mezhdunarodnaya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya “Inzhiniring i innovatsii v promyshlennosti” (May 15, 2025). Sbornik materialov i dokladov. Minsk, pp. 84–86. (In Russ.).

2. Ignatov, A.A. (2025) Sravnitel'noe issledovanie politiki realizatsii tsifrovogo suvereniteta gosudarstva stranami – chlenami BRIKS [Comparative study of policies for implementing state digital sovereignty by BRICS members]. International Organisations Research Journal, vol. 20, no. 3, pp. 60–83. (In Russ.). doi: 10.17323/1996-7845-2025-03-04.

3. Ignatov, A., Zinovieva, E. (2024) “Tsifrovoy suverenitet” v povestke ob"edineniya BRIKS [BRICS agenda for digital sovereignty]. Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovoy-suverenitet-v-povestke-obedineniya-briks> (accessed April 14, 2026). (In Russ.).

4. Kondrat'eva, N.B. (2019) Tsifrovaya povestka: problemy i rekomendatsii dlya EAES [Digital agenda: problems and recommendations for the EAEU]. In: Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Vol. 2, iss. 2. Moscow, INION RAN, pp. 342–344. (In Russ.).

5. Larionova, M.V. (2025) Tendentsii i riski formirovaniya global'nogo tsifrovogo upravleniya [Trends and risks in shaping global digital governance]. International Organisations Research Journal, vol. 20, no. 1, pp. 202–228. (In Russ.). doi: 10.17323/1996-7845-2025-01-11.

6. Larionova, M.V., Doronin, P.A. (2024) Problemy regulirovaniya tsifrovyykh platform: trudnosti i vozmozhnosti mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Problems of digital platforms regulation: challenges and perspectives for international cooperation]. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no. 2, pp. 70–92. (In Russ.). doi: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.
7. Larionova, M.V., Shelepov, A.V. (2023) Vozmozhno li liderstvo “Gruppy dvadtsati” po voprosam upravleniya dannymi? Est’ li shans na sblizhenie podkhodov? [Opportunities and constraints for G20 leadership in data governance: Is there a chance for convergence in approaches?]. *International Organisations Research Journal*, vol. 18, no. 1, pp. 7–32. (In Russ.). doi: 10.17323/1996-7845-2023-01-01.
8. Maksakova, M.A., Tkachenko, S.S. (2024) Innovatsionnoe razvitie stran BRIKS i ego vliyanie na vneshneekonomicheskuyu deyatel’nost’ [Innovative development of BRICS countries and its impact on their foreign economic activities]. *Nauchnye trudy Vol’nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, vol. 248, no. 4, pp. 424–440. (In Russ.). doi: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-424-440.
9. Prokhorov, P.E. (2019) Platforma “Going Digital Toolkit” kak instrument monitoringa tsifrovoy transformatsii v Rossiyskoy Federatsii [Going Digital Toolkit platform as a monitoring tool of the digital transformation in the Russian Federation]. *Statistics and Economics*, vol. 16, no. 5, pp. 15–30. (In Russ.). doi: 10.21686/2500-3925-2019-5-15-30.
10. Shelepov, A.V. (2022) Vliyanie politiki liderov tsifrovizatsii – chlenov “Gruppy dvadtsati” na mekhanizmy mezhdunarodnogo regulirovaniya i usloviya razvitiya tsifrovoy ekonomiki [The influence of the G20’s digitalization leadership on development conditions and governance of the digital economy]. *International Organisations Research Journal*, vol. 17, no. 1, pp. 96–113. (In Russ.). doi: 10.17323/1996-7845-2022-01-04.
11. Lavrikova, N.I., Magomaeva, L.R., Kochyan, G.A., Ponomarev, S.V., Borshchevskaya, E.P. (2024) Assessing the digital divide in OECD and BRICS countries: implications for public policy. *International Journal of Technology, Policy and Management*, vol. 24, no. 3, pp. 285–302. doi: 10.1504/IJTPM.2024.139453.
12. Jiang, M., Belli, L. (eds.) (2025) Digital sovereignty in the BRICS countries. Cambridge, Cambridge University Press, 314 p. doi: 10.1017/9781009531085.
13. Dhaliwal, S.B., Sohail, D., Hafer, K., Azam, S., Hafer, B. (2023) Digitalization of Tax Administration: a review of the Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD) guidelines. *Accounting & Taxation*, vol. 15, no. 1, pp. 55–81.
14. Gierten, D., Leshner, M. (2022) Assessing national digital strategies and their governance. *OECD Digital Economy Papers*, no. 324. doi: 10.1787/baffceca-en.
15. Gomes, S., Lopes, J.M., Ferreira, L. (2022) The impact of the digital economy on economic growth: The case of OECD countries. *RAM. Revista de Administração Mackenzie*, vol. 23, no. 6, pp. 1–31. doi: 10.1590/1678-6971/eRAMD220029.en.
16. Oloyede, A., Faruk, N., Noma, N., Tebepah, E., Nwaulune, A. (2023) Measuring the impact of the digital economy in developing countries: A systematic review and meta-analysis. *Heliyon*, vol. 9, no. 2. doi: 10.1016/j.heliyon.2023.e17654.
17. Sysoyeva, L., Martínez-Usarralde, M.-J. (2025) From security to digital governance in OECD: evolution and some current considerations since the digital transformation. *Salud, Ciencia y Tecnología – Serie de Conferencias*, vol. 4, 1401. doi: 10.56294/sctconf20251401.

Информация об авторах

А.В. Ягудина — студентка 4-го курса юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

А.В. Токолов — доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

A.V. Iagudina – Fourth-year student of the Faculty of law of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

A.V. Tokolov – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Combating Crimes in the Sphere of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Candidate of Law.

Историческое развитие уголовно-правового регулирования должностных преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий

Кирилл Сергеевич Комарских

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,

komarsckih@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7334-9371>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена цифровой трансформацией системы государственного управления, сопровождающейся активным внедрением информационных технологий, государственных информационных систем и электронных реестров в деятельность органов публичной власти.

Цель исследования заключается в выявлении закономерностей исторического развития уголовно-правового регулирования должностных преступлений и определении особенностей их совершения в условиях цифровизации государственного управления.

В результате исследования установлено, что формирование уголовно-правовых норм о должностных преступлениях непосредственно связано с эволюцией механизмов осуществления государственной власти и организацией государственного управления.

Научная новизна исследования заключается в комплексном историко-правовом анализе трансформации должностных преступлений в условиях цифровизации государственного управления и обосновании положения о том, что использование информационных технологий формирует новые механизмы противоправного воздействия на систему публичной власти, требующие дальнейшего развития уголовно-правовых средств охраны интересов государственной службы.

Ключевые слова: должностные преступления, уголовно-правовая охрана государственной власти, интересы государственной службы, цифровизация публичного управления, информационные технологии, государственные информационные системы, электронные данные, злоупотребление служебными полномочиями, преступления в сфере компьютерной информации.

Научный руководитель: Ю.В. Голик, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Для цитирования: Комарских К.С. Историческое развитие уголовно-правового регулирования должностных преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 157–165. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.018.

Historical development of criminal liability for official crimes committed using information technologies

Kirill S. Komarskikh

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,

Russia, komarsckih@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7334-9371>

Abstract. The relevance of the study is due to the digital transformation of the public administration system, accompanied by the active introduction of information technologies, state information systems, and electronic registers into the activities of public authorities.

The purpose of the study is to identify the patterns of the historical development of the criminal law regulation of official crimes and to determine the specific features of their commission in the context of the digitalization of public administration.

As a result of the study, it has been established that the formation of criminal law norms on official crimes is directly connected with the evolution of the mechanisms of exercising state power and the organization of public administration.

The scientific novelty of the study lies in a comprehensive historical and legal analysis of the transformation of official crimes in the context of the digitalization of public administration and in substantiating the proposition that the use of information technologies forms new mechanisms of unlawful influence on the system of public authority, which require further development of criminal law means for the protection of the interests of public service.

Keywords: official crimes, criminal law protection of state authority, interests of public service, digitalization of public administration, information technologies, state information systems, electronic data, abuse of official powers, crimes in the field of computer information.

Scientific supervisor: Yu.V. Golik, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

For citation: Komarskikh, K.S. (2026) Historical development of criminal liability for official crimes committed using information technologies. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 157 – 165. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.018.

Введение

Цифровая трансформация государственного управления, стимулированная государственной стратегией научно-технологического развития, принципиально изменила механизм реализации должностных полномочий¹. Активное внедрение информационных технологий, государственных информационных систем, электронных реестров и автоматизированных управленческих решений приводит к существенной модернизации управленческих процессов, обеспечивая повышение эффективности государственного администрирования, ускорение обработки информации и расширение возможностей взаимодействия органов власти с гражданами и организациями. Одновременно указанные процессы формируют новые риски противоправного воздействия на систему публичного управления, связанные с использованием цифровых технологий в противоправных целях.

Высокая степень общественной опасности преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, подтверждается статистическими данными. В Российской Федерации в период 2020—2024 гг. наблюдается устойчивая тенденция к росту числа преступлений в сфере информационных технологий, что свидетельствует о расширении масштабов цифровой преступности и усилении ее влияния на общественные отношения². М.З. Кегадуев и Л.Р. Комарова отмечают, что компьютерная преступ-

ность характеризуется стремительным ростом, а причиняемый ею ущерб исчисляется десятками миллиардов долларов и представляет угрозу национальной безопасности³. Аналогичной позиции придерживается И.А. Ефремова, указывая на устойчивую тенденцию роста таких преступлений, высокий уровень их латентности (до 80—90 %), а также значительную долю тяжких и особо тяжких деяний в их структуре⁴.

В современных исследованиях отмечается, что цифровые технологии становятся самостоятельным фактором криминализации общественных отношений. В частности, М.С. Игнатенко рассматривает использование цифровых финансовых инструментов и виртуальных пространств как новый этап эволюции должностной преступности, создающий дополнительные сложности для правового регулирования и противодействия таким деяниям⁵. Особенность указанных противоправных деяний заключается в том, что они нередко совершаются посредством воздействия на информационную инфраструктуру государственного управления и способны причинять вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям без непосредственного материального ущерба. В научной литературе отмечается, что развитие информационных технологий заметно меняет структуру преступности. Появляются новые способы посягательств: хищение пер-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358> (дата обращения: 15.03.2026).

² Саркисян А.Ж., Коимшиди Г.Ф. ИТ-преступность в Российской Федерации в 2020—2024 гг. и ее прогноз на 2025 год // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 1. С. 78—85.

³ Кегадуев М.З., Комарова Л.Р. Проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации // Научные междисциплинарные исследования: сборник статей IX Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 12 января 2021 г.). М., 2021. С. 202.

⁴ Ефремова И.А. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и противодействия им // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 1. С. 123.

⁵ Игнатенко М.С. Должностная криптопреступность: новый вызов системе государственного управления // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24, № 6. С. 52—63.

сональных данных, различные формы финансового мошенничества, неправомерный доступ к информации. Перечень таких действий уже не выглядит закрытым и продолжает расширяться по мере усложнения цифровой среды⁶.

Связь между преступлениями против государственной власти и использованием информационных технологий чаще рассматривается фрагментарно, без выхода на обобщающую модель. Это отражается и на правоприменении. В литературе неоднократно указывается на проблемы в нормативном регулировании и на сложности, возникающие при квалификации таких деяний. Особенно это заметно в случаях, когда посягательство связано с функционированием государственного управления, а форма его реализации — цифровая⁷.

Зарубежные исследования также фиксируют эти изменения. Д.С. Уолл обращает внимание на то, что распространение облачных сервисов, социальных платформ и криптовалют изменило сам характер киберпреступности. Ранее она была во многом «закрытой» и требовала специальных навыков. Сейчас ситуация иная. Фактически происходит расширение круга лиц, способных осуществлять противоправную деятельность в цифровой среде. Доступ к инструментам упрощается, барьеры снижаются. В результате такие деяния уже не ограничиваются узким кругом подготовленных специалистов и приобретают более массовый характер. Указанная тенденция, по мнению исследователя, приводит к расширению масштабов, вариативности и интенсивности угроз, направленных на функционирование систем государственного управления⁸. Зарубежные исследователи также отмечают, что киберпреступность приобретает транснациональный характер, создавая сложности для правоприменения в вопросах юрисдикции, защиты приватности и допустимости цифровых доказательств⁹. В этой связи исследование уголовно-

правового регулирования должностных преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, приобретает особую научную и практическую значимость.

Цель настоящего исследования — выявление закономерностей исторического развития уголовно-правового регулирования должностных преступлений и определение влияния информационных технологий на трансформацию соответствующих преступных деяний.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- исследовать основные этапы становления и развития уголовно-правовой ответственности за должностные преступления в отечественном законодательстве;
- выявить особенности правового регулирования служебных преступлений на различных исторических этапах развития государства и права;
- проанализировать современные тенденции трансформации уголовно-правовой охраны государственной власти и интересов государственной службы в условиях использования информационных технологий.

Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, позволившие проследить эволюцию норм о должностных преступлениях и выявить тенденции их трансформации в цифровую эпоху.

1. Формирование уголовно-правового запрета должностных злоупотреблений в дореволюционном российском праве

Историческое становление уголовно-правового запрета должностных злоупотреблений в российском праве связано с формированием системы государственного управления и развитием правового регулирования служебной деятельности представителей власти. По мере укрепления централизованной государственной власти возрастала необходимость правовой охраны установленного порядка осуществления публичных полномочий и предотвращения злоупотреблений со стороны лиц, наделенных властными функциями. В этой связи в отечественном законодательстве постепенно формировались нормы, направленные на установление ответственности должностных лиц за неправомерное использование предоставленных им полномочий.

Уголовно-правовой запрет должностных злоупотреблений восходит к Соборному уложению 1649 г., установившему ответственность воевод

⁶ Мочалов Н.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 219.

⁷ Банюкова Д.В. Правовое регулирование преступлений в сфере информационных технологий // E-SCIO. 2022. № 7. С. 190—194.

⁸ Wall D.S. Cybercrime. The transformation of crime in the information age. 2nd ed. Polity, 2024. P. 189—192.

⁹ Atrey I. Cybercrime and its legal implications: analysing the challenges and legal frameworks surrounding cybercrime, including issues related to jurisdiction, privacy, and digital evidence // International Journal of Research and Analytical Reviews. 2023. Vol. 10, no. 3. P. 183—197.

и приказных лиц за превышение власти, мздоимство и использование статуса в личных интересах¹⁰. Уже на ранних этапах развития российского законодательства прослеживается стремление государства закрепить правовые механизмы защиты интересов службы. Одновременно предпринимаются попытки ограничить произвольное использование властных полномочий со стороны должностных лиц.

Дальнейшее развитие уголовно-правового регулирования в этой сфере уже напрямую связано с преобразованиями системы государственного управления в Российской империи. Административные реформы XVIII—XIX вв. привели к усложнению управленческой структуры, расширению аппарата и увеличению объема функций, выполняемых должностными лицами. Это потребовало более точного и детализированного закрепления оснований их ответственности. Постепенно в законодательстве закрепляется понимание должностных преступлений как самостоятельной группы деяний. Речь идет уже не просто о нарушениях служебной дисциплины, а о посягательствах на порядок осуществления государственной власти и деятельность органов управления. Е.А. Овчинникова справедливо указывает, что формирование соответствующих норм носило последовательный, эволюционный характер. Оно шло параллельно усложнению государственного аппарата и расширению управленческих функций, что, по сути, и определяло содержание уголовно-правовых запретов. Указанная тенденция свидетельствует о постепенном формировании самостоятельного института уголовной ответственности за посягательства на интересы государственной службы¹¹.

Существенный этап развития уголовно-правового регулирования в рассматриваемой сфере связан с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.¹² Данный нормативный акт систематизировал нормы об

ответственности должностных лиц и закрепил широкий перечень преступлений против порядка управления. Уложение исходило из того, что общественная опасность противоправных деяний обусловлена прежде всего их направленностью на нарушение нормальной деятельности государственного аппарата и подрыв авторитета власти. В связи с этим законодатель уделял значительное внимание регулированию ответственности представителей власти, устанавливая специальные нормы, учитывающие особенности их служебного статуса.

Следующий этап связан с подготовкой и принятием Уголовного уложения 1903 г.¹³ Этот акт часто рассматривается как один из наиболее проработанных для своего времени. В нем нормы о должностных преступлениях получили более четкое и структурированное закрепление. Законодатель прямо фиксирует ответственность за злоупотребление властью, превышение полномочий, использование служебного положения в личных интересах и иные действия, нарушающие порядок управления.

Фактически к началу XX века основные подходы уже сформированы. Дальше они не исчезают, а переходят в последующие этапы развития законодательства. И в советский, и в современный период базовые принципы сохраняются: ограничение произвольного использования власти и защита нормального функционирования государственного аппарата.

2. Развитие уголовно-правового регулирования должностных преступлений в советский и постсоветский период

Развитие уголовно-правового регулирования должностных преступлений в советский период происходило в условиях радикальной трансформации политической и правовой системы государства. Формирование новой модели государственного управления и расширение функций публичной власти обусловили необходимость переосмысления уголовно-правовой охраны деятельности органов власти и служебной дисциплины. В советском уголовном праве должностные преступления рассматривались прежде всего как деяния, подрывающие деятельность госу-

¹⁰ Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 3: Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. С. 75—257.

¹¹ Овчинникова Е.А. История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 171—175.

¹² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М.: Юридическая литература, 1988. С. 160—309.

¹³ Уголовное уложение 1903 года // Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юридическая литература, 1994. С. 240—320.

дарственного аппарата и препятствующие реализации задач социалистического государства.

Одним из первых нормативных актов, закрепивших уголовную ответственность за должностные злоупотребления в советском праве, стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.¹⁴ В нем были предусмотрены нормы, направленные на пресечение противоправных действий должностных лиц, связанных с неправомерным использованием служебных полномочий. Законодатель закрепил ответственность за злоупотребление властью, превышение власти и служебное бездействие, а также за иные формы неправомерного поведения должностных лиц. Особенность правового регулирования данного периода заключалась в том, что уголовно-правовые нормы были ориентированы на защиту интересов нового государственного строя и обеспечение функционирования органов советской власти.

В советский период (УК РСФСР 1922 и 1926 гг.¹⁵) акцент уголовно-правовой охраны сместился на защиту интересов нового государственного строя. При этом существенно расширялся перечень криминализированных деяний и детализировались формы злоупотребления властью, превышения полномочий и халатности.

Следующий этап развития связан с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.¹⁶ Законодатель впервые последовательно выделяет соответствующие нормы в отдельный блок. Это позволило сгруппировать составы преступлений и выстроить их как взаимосвязанную систему. За счет этого регулирование ответственности лиц, выполняющих управленческие функции, становится более упорядоченным и предсказуемым. Существенное внимание в данном нормативно-правовом акте уделялось обеспечению законности и служебной дисциплины в деятельности государственных органов.

Особенность регулирования должностных преступлений в советском уголовном праве заключалась в том, что их общественная опасность связывалась прежде всего с нарушением нормального функционирования государственного

аппарата. Законодатель исходил из того, что деятельность органов государственной власти должна осуществляться в строгом соответствии с установленными правилами и служебными обязанностями. Любые отклонения от этих требований, связанные с неправомерным использованием властных полномочий или ненадлежащим исполнением служебных обязанностей, рассматривались как посягательство на интересы государства.

Постсоветский этап характеризуется принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ), выделившего преступления против государственной власти и службы в самостоятельную главу 30¹⁷. Это позволило систематизировать нормы, регулирующие ответственность лиц, наделенных управленческими полномочиями, и обеспечить более последовательное правовое регулирование соответствующих общественных отношений.

Реализация государственной антикоррупционной политики в 2000-х гг. сопровождалась детализацией квалифицирующих признаков, ужесточением санкций и расширением оснований ответственности. Развитие уголовного законодательства постсоветского периода свидетельствует о постепенной адаптации правовых механизмов к изменяющимся условиям функционирования государственного аппарата.

3. Цифровизация государственного управления как фактор трансформации должностных преступлений

Цифровизация государственного управления представляет собой объективный этап развития государственного аппарата, связанный с внедрением информационных технологий в процессы принятия и реализации управленческих решений. И.В. Захаров и А.И. Режецкая указывают, что цифровая трансформация государственного управления приводит к изменению форм реализации публичной власти и характера управленческих функций¹⁸. При этом цифровизация оказывает существенное влияние и на уголовное право, трансформируя как способы совершения преступлений, так и подходы к их уголовно-правовой оценке. Как отмечают Г.Р. Галеева,

¹⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 15, ст. 153.

¹⁵ Уголовный кодекс РСФСР: утв. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1926. № 80, ст. 600.

¹⁶ Уголовный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

¹⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

¹⁸ Захаров И.В., Режецкая А.И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 27—38.

С.В. Дубовиченко и А.А. Иванов, внедрение цифровых технологий обуславливает появление новых форм преступного поведения, требующих адаптации уголовно-правовых норм¹⁹. Анализ исторических прецедентов позволяет сделать вывод о том, что внедрение коммуникационных технологий в сферу управления не приводит к формированию принципиально новых видов преступлений, однако существенно трансформирует способы их совершения. Использование цифровых средств обуславливает рассредоточение преступного взаимодействия, снижает необходимость непосредственного контакта между участниками противоправной деятельности и одновременно расширяет круг как потенциальных исполнителей, так и потерпевших²⁰.

Современный этап развития системы государственного управления характеризуется масштабным внедрением цифровых технологий в деятельность органов публичной власти. Массовое внедрение государственных информационных систем, электронных реестров и алгоритмизированных процедур управления создало новую среду для реализации должностных полномочий. Исследователи указывают на всепроникающий характер цифровой трансформации, затрагивающей не только регулятивное законодательство, но и сферу уголовно-правовой охраны. Так, П.А. Григорьев обоснованно отмечает, что процессы цифровизации обуславливают трансформацию механизмов уголовно-правовой защиты общественных отношений, в том числе связанных с обращением сведений публичных реестров²¹.

Одновременно цифровая трансформация государственного управления формирует новые условия, влияющие на характер противоправного поведения должностных лиц. В научной литературе отмечается, что процессы цифровизации общества и широкое распространение информационно-телекоммуникационных технологий приводят не только к модернизации социально-экономических процессов, но и к по-

явлению новых угроз общественной безопасности, связанных с ростом киберпреступности²².

В последние десятилетия информационные технологии становятся неотъемлемым элементом функционирования государственного аппарата. Значительная часть управленческих действий в настоящее время осуществляется с использованием электронных информационных ресурсов — государственных информационных систем, баз данных, цифровых платформ. Без их применения функционирование органов власти уже невозможно. Соответственно, деятельность должностных лиц во многом связана с обработкой и использованием цифровой информации, обладающей юридическим значением. Именно это создает дополнительные возможности для неправомерного воздействия на управленческие процессы.

Развитие цифровых технологий в системе государственного управления меняет сам механизм совершения должностных преступлений. Противоправное воздействие все чаще осуществляется не через принятие формальных управленческих решений, а через работу с цифровой информацией и параметрами функционирования информационных систем. Вместе с этим трансформируются и формы противоправного поведения должностных лиц. И.Б. Колчевский и Г.Э. Бицадзе подчеркивают, что данные преступления характеризуются транснациональностью, высокой технологичностью и требуют системного уголовно-правового анализа их природы, способов совершения и условий возникновения²³.

Развитие цифровой инфраструктуры государственного управления обуславливает появление новых способов противоправного использования служебных полномочий. Информационные технологии постепенно становятся одним из ключевых инструментов реализации управленческих функций, что неизбежно отражается на механизмах совершения должностных преступлений.

Заключение

Исторический анализ демонстрирует, что институт ответственности за должностные преступления эволюционировал параллельно с ус-

¹⁹ Галеева Г.Р., Дубовиченко С.В., Иванов А.А. Цифровизация уголовного права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2023. Т. 2, № 4. С. 70—81.

²⁰ Dickinson K.M. Communications technology, crime, and regulation: a historical perspective. Ph. D. thesis. Leeds, 2024. P. 237—239.

²¹ Григорьев П.А. Уголовно-правовая охрана обращения сведений публичных реестров в условиях цифровизации // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 131—139.

²² Щербаков К.А., Баласян Г.В. Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений в условиях цифровизации общества // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 12 (93), ч. 1. С. 428—443.

²³ Колчевский И.Б., Бицадзе Г.Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 40—47.

ложением государственного аппарата, постепенно закрепляя защиту законности публично-го управления в качестве ключевого объекта.

Со временем складывается устойчивая модель: должностные преступления рассматриваются как посягательства на нормальное функционирование государственного аппарата и законность реализации публичных полномочий. Именно этот аспект становится определяющим. Материалы дореволюционного и советского периода это подтверждают. В центре уголовно-правовой охраны длительное время находились отношения, обеспечивающие деятельность органов власти и государственной службы. Злоупотребление полномочиями, их превышение и иные формы использования должностного статуса вопреки интересам службы воспринимаются как действия, способные подорвать не только конкретные управленческие процессы, но и авторитет власти в целом.

Цифровая трансформация сместила вектор противоправного воздействия с традиционных административных решений на работу с цифровой информацией, алгоритмами государственных электронных систем и электронными реестрами. Речь идет уже не только о принятии незаконных решений, но и о воздействии на цифровую информацию, параметры работы систем и результаты их функционирования.

Перспективы развития уголовно-правового регулирования должностных преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, связаны с систематизацией норм главы 30 и главы 28 УК РФ, устранением терминологических коллизий (в том числе в свете ст. 274.2 УК РФ) и закреплением обязанностей операторов государственных информационных систем по содействию расследованию киберинцидентов в публичной сфере, что соответствует современным подходам к гармонизации национального и транснационального киберправа²⁴.

Рассматриваемые изменения указывают на то, что механизм совершения должностных преступлений уже не остается прежним, он трансформируется. Это напрямую ставит вопрос о дальнейшем развитии уголовно-правовых средств защиты интересов государственной службы. Очевидно, что обновление законодательства должно учитывать, как именно меняются управленческие процессы под влиянием цифровых технологий. Важно обеспечить не только формальное регулирование, но и реальную защиту

функционирования государственных информационных систем и иных цифровых ресурсов. Дальнейшее развитие уголовно-правового регулирования в этой сфере неизбежно связано с учетом новых форм реализации публичной власти. Меняются механизмы управления — меняется и характер посягательств. Без комплексного анализа этих процессов выстроить эффективную систему уголовно-правовой охраны государственной власти и интересов службы в цифровых условиях затруднительно.

Список литературы

1. Банюкова Д.В. Правовое регулирование преступлений в сфере информационных технологий // Е-SCIO. 2022. № 7. С. 190—194.
2. Галеева Г.Р., Дубовиченко С.В., Иванов А.А. Цифровизация уголовного права // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2023. Т. 2, № 4. С. 70—81. doi: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_70.
3. Григорьев П.А. Уголовно-правовая охрана обращения сведений публичных реестров в условиях цифровизации // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 3 (77). С. 131—139. doi: 10.33184/pravgos-2024.3.15.
4. Ефремова И.А. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и противодействия им // Правоприменение. 2025. Т. 9, № 1. С. 122—131. doi: 10.52468/2542-1514.2025.9(1).122-131.
5. Захаров И.В., Режецкая А.И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 27—38. doi: 10.17323/tis.2025.27357.
6. Игнатенко М.С. Должностная криптопреступность: новый вызов системе государственного управления // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24, № 6. С. 52—63. doi: 10.22394/1682-2358-2024-6-52-63.
7. Кегадуев М.З., Комарова Л.Р. Проблемы противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации // Научные междисциплинарные исследования: сборник статей IX Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 12 января 2021 г.). М.: КДУ, 2021. С. 202—205.
8. Колчевский И.Б., Бицадзе Г.Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 40—47.
9. Мочалов Н.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, совершенных с использованием информационных технологий // Вестник науки. 2023. № 11 (68). С. 211—220.

²⁴ Kosseff J. Upgrading Cybersecurity Law // Houston Law Review. 2023. Vol. 61, no. 1. P. 58—59, 66—67.

10. Одинодворцева Е.А. История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления // Криминологический журнал. 2023. № 3. С. 171–175. doi: 10.24412/2687-0185-2023-3-171-175.

11. Саркисян А.Ж., Коимшиди Г.Ф. IT-преступность в Российской Федерации в 2020–2024 гг. и ее прогноз на 2025 год // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2025. № 1. С. 78–85. doi: 10.54217/2411-1627.2025.47.1.008.

12. Токторов Э.С., Акматова А.Т. Уголовно-правовая характеристика преступлений против государственной власти // Аграрное и земельное право. 2022. № 7 (211). С. 137–141. doi: 10.47643/1815-1329_2022_7_137.

13. Щербаков К.А., Баласян Г.В. Проблемы уголовно-правовой квалификации киберпреступлений в условиях цифровизации общества // Вестник науки. 2025. Т. 4, № 12 (93), ч. 1. С. 428–443.

14. Atrey I. Cybercrime and its legal implications: analysing the challenges and legal frameworks surrounding cybercrime, including issues related to jurisdiction, privacy, and digital evidence // International Journal of Research and Analytical Reviews. 2023. Vol. 10, no. 3. P. 183–197.

15. Dickinson K.M. Communications technology, crime, and regulation: a historical perspective. Ph. D. thesis. Leeds, 2024. 272 p.

16. Kosseff J. Upgrading Cybersecurity Law // Houston Law Review. 2023. Vol. 61, no. 1. P. 51–90.

17. Wall D.S. Cybercrime. The transformation of crime in the information age. 2nd ed. Cambridge: Polity, 2024. 356 p.

References

1. Banyukova, D.V. (2022) Pravovoe regulirovanie prestupleniy v sfere informatsionnykh tekhnologiy [Legal regulation of crimes in the field of information technology]. *E-SCIO*, no. 7, pp. 190–194. (In Russ.).

2. Galeeva, G.R., Dubovichenko, S.V., Ivanov, A.A. (2023) Tsifrovizatsiya ugolovnogo prava [Digitalization of criminal law]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, vol. 2, no. 4, pp. 70–81. (In Russ.). doi: 10.51965/2076-7919_2023_2_4_70.

3. Grigor'ev, P.A. (2024) Ugolovno-pravovaya okhrana obrashcheniya svedeniy publichnykh reestrov v usloviyakh tsifrovizatsii [The protection of circulation of data contained in public registers under criminal law in the context of

digitalization]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, no. 3, pp. 131–139. (In Russ.). doi: 10.33184/pravgos-2024.3.15.

4. Efremova, I.A. (2025) Osobennosti kvalifikatsii prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii i protivodeystviya im [Peculiarities of qualification of crimes in the field of computer information and counteraction to them]. *Law Enforcement Review*, vol. 9, no. 1, pp. 122–131. (In Russ.). doi: 10.52468/2542-1514.2025.9(1).122-131.

5. Zakharov, I.V., Rezhetskaya, A.I. (2025) Tsifrovizatsiya publichnogo upravleniya: pravovye osnovy stanovleniya i razvitiya [Digitalization of public administration: legal foundations of establishment and development]. *Works on Intellectual Property*, vol. 53, no. 2, pp. 27–38. (In Russ.). doi: 10.17323/tis.2025.27357.

6. Ignatenko, M.S. (2024) Dolzhnostnaya kriptoprestupnost': novyy vyzov sisteme gosudarstvennogo upravleniya [Official cryptocurrency crime: a new challenge to the system of public administration]. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, vol. 24, no. 6, pp. 52–63. (In Russ.). doi: 10.22394/1682-2358-2024-6-52-63.

7. Kegaduev, M.Z., Komarova, L.R. (2021) Problemy protivodeystviya prestupleniyam v sfere komp'yuternoy informatsii [Problems of countering crimes in the field of computer information]. In: *Nauchnye mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statey IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Saratov, January 12, 2021*. Moscow, KDU, pp. 202–205. (In Russ.).

8. Kolchevskiy, I.B., Bitsadze, G.E. (2021) Prestupleniya v sfere informatsionnykh tekhnologiy: ponyatie, struktura [Crimes in the field of information technology: concept, structure]. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 40–47. (In Russ.).

9. Mochalov, N.A. (2023) Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy, sovershennykh s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy [Criminal and legal characteristics of crimes committed with the use of information technology]. *Vestnik nauki*, no. 11, pp. 211–220. (In Russ.).

10. Odnodvortseva, E.A. (2023) Istoriya razvitiya rossiyskogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za dolzhnostnye prestupleniya [The history of the development of Russian legislation on responsibility for official crimes]. *Criminological Journal*, no. 3, pp. 171–175. (In Russ.). doi: 10.24412/2687-0185-2023-3-171-175.

11. Sarkisyan, A.Zh., Koimshidi, G.F. (2025) IT-prestupnost' v Rossiyskoy Federatsii v 2020–2024 gg. i ee prognoz na 2025 god [IT crime in the Russian Federation in 2020–2024 and its forecast for 2025]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 1, pp. 78–85. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2025.47.1.008.

12. Toktorov, E.S., Akmatova, A.T. (2022) Ugolovno-pravovaya kharakteristika prestupleniy protiv gosudarstvennoy vlasti [Criminal and legal characteristics of crimes against state power]. *Agrarian and Land Law*, no. 7, pp. 137–141. (In Russ.). doi: 10.47643/1815-1329_2022_7_137.

13. Shcherbakov, K.A., Balasyan, G.V. (2025) Problemy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii kiberprestupleniy v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [Problems of criminal law qualification of cybercrimes in the context of digitalization of so-

ciety]. *Vestnik nauki*, vol. 4, no. 12-1, pp. 428–443. (In Russ.).

14. Atrey, I. (2023) Cybercrime and its legal implications: analysing the challenges and legal frameworks surrounding cybercrime, including issues related to jurisdiction, privacy, and digital evidence. *International Journal of Research and Analytical Reviews*, vol. 10, no. 3, pp. 183–197.

15. Dickinson, K.M. (2024) Communications technology, crime, and regulation: a historical perspective. Ph. D. thesis. Leeds, 272 p.

16. Kosseff, J. (2023) Upgrading Cybersecurity Law. *Houston Law Review*, vol. 61, no. 1, pp. 51–90.

17. Wall, D.S. (2024) Cybercrime. The transformation of crime in the information age. 2nd ed. Cambridge, Polity, 356 p.

Информация об авторе

К.С. Комарских — аспирант Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, инспектор управления общественно-политической работы Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

K.S. Komarskikh – Postgraduate student at the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Inspector of the Directorate for Socio-Political Work of the Investigative Committee of the Russian Federation.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Социальная конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / под науч. ред. И.В. Грошевой, А.Н. Сухова; под общ. ред. И.И. Аминова. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03933-6

В учебнике раскрываются понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и классификация. Особое внимание уделяется освещению истории развития как западной, так и отечественной социальной конфликтологии. Излагается социально-психологический подход к пониманию различных видов конфликта.

Содержатся не только теоретические, но и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Анализируются различные технологии их превенции.

Для студентов-бакалавров и магистрантов, обучающихся по гуманитарным специальностям, в том числе психологов, социологов, политологов, социальных работников, юристов, экономистов, преподавателей, менеджеров, политиков и госслужащих.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 166—172.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 166–172.

УДК 343.137.9:342.534.2
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.019

NIION: 2015-0065-02/26-394
MOSURED: 77/27-010-2026-02-593

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Согласие Государственной Думы на направление уголовного дела в суд: процессуальное излишество или профессиональная необходимость?

Роман Алексеевич Кочнев

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, roman-kochnev-work@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается институт получения согласия Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата в суд. Автором рассмотрена правовая природа происхождения указанных уголовно-процессуальных гарантий. Сделан вывод об избыточности получения указанного согласия и необходимости упразднить существующую гарантию.

Ключевые слова: направление уголовного дела в суд, депутатская неприкосновенность, специальные субъекты, депутатский иммунитет.

Научный руководитель: Н.В. Романенко, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, доктор юридических наук, доцент.

Для цитирования: Кочнев Р.А. Согласие Государственной Думы на направление уголовного дела в суд: процессуальное излишество или профессиональная необходимость? // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 166—172. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.019.

State Duma consent to refer a criminal case to court: procedural redundancy or professional necessity?

Roman A. Kochnev

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg,
Russia, roman-kochnev-work@mail.ru

Abstract. The article examines the process of obtaining the State Duma consent to refer a criminal case against a deputy to court. The author considers the legal origins of these criminal procedural guarantees. The author concludes that obtaining such consent is excessive and that the existing guarantee must be abolished.

Keywords: referral of a criminal case to court, deputy inviolability, special subjects, parliamentary immunity.

Scientific supervisor: N.V. Romanenko, Professor of the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Doctor of Law, Associate Professor.

For citation: Kochnev, R.A. (2026) State Duma consent to refer a criminal case to court: procedural redundancy or professional necessity? *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 166–172. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.019.

В настоящий момент уголовно-процессуальные гарантии для депутатов Государственной Думы закреплены в нескольких нормативно-правовых актах. Основным документом является Конституция Российской Федерации¹.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «Гарант».

В ч. 1 ст. 98 Конституции РФ приведен закрытый перечень конституционно-правовых гарантий, которыми обладают депутаты Государственной Думы. В частности, таковой является их неприкосновенность. Режим неприкосновенности распространяется на различные сферы правовых отношений депутатов. В сфере уголовно-процессуальных отношений неприкосновенность подразумевает невозможность задержания, заключения под стражу и проведения обыска. Без лишения неприкосновенно-

сти осуществление подобных действий невозможно.

Непосредственным нормативно-правовым актом в области уголовного судопроизводства при регулировании вопроса уголовного преследования депутатов Государственной Думы является Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее — УПК РФ). В статьях 447—451 УПК РФ упорядочивается процедура возбуждения уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы, привлечения его в качестве обвиняемого, задержания, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и проведения обыска.

Вместе с тем регулирование процедуры уголовного преследования депутатов Государственной Думы осуществляется и иными нормативными актами, которые действуют параллельно с УПК РФ. Статья 19 Федерального закона от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³ (далее — ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы») посвящена институту неприкосновенности депутата Государственной Думы. Несмотря на наличие статьи 98 в Конституции РФ и главы 52 в УПК РФ, часть 5 статьи 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы» содержит иную, не упомянутую в названных ранее нормативно-правовых актах уголовно-процессуальную гарантию деятельности депутатов Государственной Думы. Она запрещает направление уголовного дела в суд после окончания предварительного следствия в отношении депутата Государственной Думы без согласия непосредственно Государственной Думы.

Как было справедливо отмечено А.Д. Прошляковым и Л.А. Пупышевой, в статьях 447—451 УПК РФ не содержится никакого указания на такое санкционирование⁴. Оно также отсутствует и в ст. 98 Конституции РФ. Оно существует исключительно в ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы».

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Парламентская газета. 2001. 22 декабря (№ 241—242).

³ Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2, ст. 74; СПС КонсультантПлюс.

⁴ Прошляков А.Д., Пупышева Л.А. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования без ссылок на нормы УПК РФ // Законодательство и практика. 2021. № 2 (47). С. 51.

Для понимания правовой природы указанной гарантии мы также обратились к главе 24.1 постановления ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»⁵ (далее — Регламент), регулирующий порядок рассмотрения вопроса о лишении депутата Государственной Думы неприкосновенности. Рассматриваемая гарантия упоминается лишь в ч. 1 ст. 185.2 Регламента, но не имеет раскрытия по своему содержанию и перечисляется наравне с другими гарантиями.

Подобное расхождение в содержании уголовно-процессуальных гарантий порождает как практические, так и теоретические вопросы. До 1 июля 2002 года сфера уголовного преследования депутатов Государственной Думы регулировалась исключительно Конституцией РФ, которая была принята раньше, и ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы», так как новый Уголовно-процессуальный кодекс еще не был принят, а Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года эту сферу отношений не регулировал. По этой причине при уголовном преследовании лиц с особым правовым статусом правоприменитель был вынужден обращаться к так называемым профильным законам⁶. Однако даже после вступления в силу УПК РФ и появления в нем главы 52, регуливающей вопросы уголовного преследования специальных субъектов, профильные законы не утратили свое действие. Более того, их положения не только сохраняют силу на сегодняшний день, но и имеют приоритет по отношению к УПК РФ, что было подчеркнуто Конституционным Судом РФ⁷.

⁵ Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 801; СПС КонсультантПлюс.

⁶ Стельмах В.Ю. Особенности нормативной регламентации порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26—28 мая 2022 г.). Омск, 2022. С. 91.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27, ст. 2804.

Поэтому отсутствие указания в Конституции РФ, как в Основном законе РФ, этого важного условия осуществления уголовного преследования депутата Государственной Думы вызывает сомнения относительно правовой допустимости существования такой нормы, закрепленной в ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы». При необходимости ее закрепления как неотъемлемого условия производства надлежащего предварительного расследования это могли исправить путем внесения изменений в ст. 98 Конституции РФ, но вместо этого внесли норму лишь в отдельный федеральный закон через полгода после принятия Конституции РФ.

Следовательно, представляется возможным сделать вывод о том, что Конституция РФ не содержит указания на регулирование вопроса о парламентском санкционировании направления уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд. В этой связи хочется отметить справедливое утверждение А.Д. Прошлякова и О.С. Головачук о том, что положения главы 52 УПК РФ «стали действовать параллельно и одновременно с предписаниями других законодательных актов разной юридической силы, которые противоречили УПК РФ»⁸. По этой причине вопрос о праве Государственной Думы санкционировать процедуру направления уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд является актуальным.

Историко-юридический анализ ст. 451 УПК РФ открывает, на наш взгляд, достаточно неоднозначные подробности совершенствования законодателем главы 52 УПК РФ. Дело в том, что до внесения изменений в УПК РФ Федеральным законом от 24.07.2002 № 98-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁹ статья 451 УПК РФ состояла из двух частей, при этом часть 1 ст. 451 УПК РФ содержала следующую норму: *«В случае, когда уголовное дело в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы было возбуждено либо привлечение его в каче-*

*стве обвиняемого состоялось с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы, Генеральный прокурор Российской Федерации после окончания предварительного расследования представляет в соответствующую палату Федерального Собрания Российской Федерации ходатайство о даче согласия на направление уголовного дела в суд»*¹⁰. Другими словами, с момента введения в действие УПК РФ статья 451 УПК РФ просуществовала ровно 26 дней в том виде, в котором ее содержание было тождественным ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы». С 27 июля 2002 года по настоящий момент данная норма в УПК РФ отсутствует.

Для понимания логики законодателя мы обратились к пояснительной записке к проекту указанного федерального закона¹¹. В ней содержатся лишь общие формулировки. Так, например, указывается, что *«в ходе мониторинга УПК Российской Федерации в нем были обнаружены отдельные пробелы и выявлены неточности, устранить которые призван законопроект»*, и *«вносятся уточнения в статьи 450 и 451 УПК РФ, регулирующие порядок производства следственных и иных процессуальных действий в отношении отдельных категорий лиц, с целью приведения их в соответствие со статьей 448 УПК РФ»*. Полагаем, что содержание пояснительной записки недостаточно раскрывает причины, по которым законодатель решил существенно изменить содержание ст. 451 УПК РФ.

Отсутствие дальнейшего закрепления такой гарантии, как получение согласия Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд, в УПК РФ с 27 июля 2002 года также порождает сомнения в оправданности существования данной гарантии на сегодняшний день. В частности, является ли ошибкой в законотворческой технике, что гарантия, существующая в

⁸ Головачук О.С., Прошляков А.Д. Соотношение норм УПК России, федеральных конституционных и федеральных законов при применении мер уголовно-процессуального принуждения к лицам, указанным в статье 447 УПК // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 8.

⁹ Федеральный закон от 24.07.2002 № 98-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Парламентская газета. 2002. 27 июля (№ 140—141).

¹⁰ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2002) // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Законопроект № 216800-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по вопросу об уточнении порядка продления срока содержания под стражей и производства следственных и иных процессуальных действий в отношении отдельных категорий лиц)» // Официальный сайт СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/216800-3> (дата обращения: 20.01.2026).

специальном федеральном законе и имплементированный им во вновь созданный кодифицированный закон, была исключена из последнего? Или же законодатель осознанно исключил ее из УПК РФ, так как в Конституции РФ подобная гарантия упомянута не была?

Предположим, что мы разделяем подход, при котором является обязательным получение согласия Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд. В таком случае с точки зрения юридической техники представляется правильным указать обязательность получения согласия Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата в суд в ст. 448 или ст. 451 УПК РФ, исходя из стадии уголовного судопроизводства, по завершении которой требуется осуществить данное действие.

Однако на текущий момент это не сделано, поэтому отсутствие данной нормы в положениях УПК РФ выводит ее из поля зрения следователя, прокурора и суда, потенциально приводя к существенному нарушению уголовно-процессуального закона, влияющему на исход дела. Последствием такого нарушения является отмена приговора вышестоящей инстанцией. В конце 2023 года Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор Московского городского суда в отношении депутата Государственной Думы Б., направив дело на новое рассмотрение из-за наличия указанной правоприменительной ошибки¹².

До этого упомянутый депутат Государственной Думы Б., подвергнутый на тот момент уголовному преследованию¹³, внес в Государственную Думу законопроект, направленный на изменение ст. 451 УПК РФ¹⁴. Законопроектом

предполагалось установить обязанность получения Генеральным прокурором Российской Федерации согласия Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд. Правительством Российской Федерации подготовлен отрицательный отзыв на указанный законопроект. В нем Правительство РФ, комментируя содержание ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы», ссылается на статью 7 УПК РФ, устанавливающую приоритет УПК РФ над другими федеральными законами. Содержание указанного отзыва также не дает четкого понимания, почему статья 451 УПК РФ в июле 2002 года претерпела существенные изменения.

Верховный Суд РФ справедливо отметил, что «Конституционным Судом Российской Федерации неоднократно высказана правовая позиция, что при коллизии законов приоритет Уголовно-процессуального кодекса РФ, на который указано в ч. 2 ст. 7 УПК РФ, не является безусловным, не действует в отношении законодательных актов, предусматривающих дополнительные правовые гарантии для лиц, в силу занимаемых ими должностей имеющих особый правовой статус (определения от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 2 марта 2006 года № 54-О, от 17 июня 2013 года № 946-О)»¹⁵. Однако Правительство РФ в своем отзыве правовые позиции КС РФ не отразило и ограничилось буквальным толкованием ст. 7 УПК РФ.

В то же время остается нераскрытым главный вопрос: насколько целесообразно существование нормы, которая предписывает получить согласие Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд, когда изначально было получено согласие Государственной Думы на лишение депутата неприкосновенности, в строгом соответствии с ч. 2 ст. 98 Конституции РФ? Процитируем позицию Конституционного Суда РФ в случае с некогда существовавшей аналогичной обязанностью со стороны органов уголовного преследования при направлении уголовного дела в суд в отношении депутатов законодательных (представительных) органов субъектов РФ: «предварительное следствие уже завершено и, следовательно, речь, по существу, идет о необходимости получения согласия на

¹² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2023 № 5-УД23-104-А1 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ Постановление ГД ФС РФ от 06.12.2018 № 5332-7 ГД «О даче согласия на лишение неприкосновенности депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Белоусова Вадима Владимировича и возбуждение в отношении его уголовного дела» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 50, ст. 7731.

¹⁴ Законопроект № 144770-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части нормативного обеспечения конституционных гарантий парламентского иммунитета сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы)» // Официальный сайт СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/144770-8> (дата обращения: 20.01.2026).

¹⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2023 № 5-УД23-104-А1.

передачу дела в суд, т. е. фактически о том, позволить ли суду рассматривать дело»¹⁶.

При этом стоит отметить, что уже на этапе инициирования уголовного преследования в отношении депутата Государственной Думы происходит процедура лишения неприкосновенности и получения соответствующего согласия, как это предписывает ст. 98 Конституции и ст. 448 УПК РФ. Ни один из этих нормативных правовых актов, а также ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы» не содержат причин, по которым Государственной Думой может быть отказано в направлении уголовного дела в суд.

Отсутствие какой-либо мотивировки при принимаемом решении в рамках голосования не может быть уместным в рамках уголовного преследования. В особенности после завершеного предварительного расследования, когда предъявлено обвинение, собраны изобличающие доказательства, утверждено обвинительное заключение. В таком случае становится непонятно: какова дальнейшая перспектива проведенной органами предварительного расследования работы и как восстановить права потерпевших?

Действительно, суть этой процедуры заключается в том, чтобы решить, может суд рассматривать уголовное дело в отношении депутата Государственной Думы или нет. Поскольку дело еще не направлено в суд, то конституционный принцип независимости судей не нарушен. Основным назначением данной процедуры выступает проверка соблюдения конституционно-правовых гарантий неприкосновенности депутата органами предварительного расследования. Но есть ли гарантия того, что такая проверка не выйдет за пределы формальной оценки и не сведется к потенциальному возможному вмешательству в работу правоохранительных органов? Как справедливо отмечает Н.В. Романенко, такие органы, как Государственная Дума, «решая вопрос о даче согласия на преследование своего коллеги или об отказе в нем, выступают не как властные органы государства, а как сотоварищи, соратники, сотрудники принадлежащего к

этому сообществу лица, теряя при этом элемент публичности»¹⁷.

В ч. 1 ст. 185.5 Регламента указано, что решение считается принятым, если за него проголосовало большинство от общего числа депутатов, которое составляет 450 человек. Полагая, что нельзя полагаться исключительно на мнение парламентариев. Среди указанных лиц могут быть не только соучастники в преступлении, но и просто однопартийцы, коллеги по профильному комитету, знакомые или друзья. Считаем, что парламентское согласие на лишение депутата Государственной Думы неприкосновенности — это механизм, который максимально подвержен влиянию разного рода обстоятельств, что может негативно отразиться на борьбе с преступностью. Поэтому видится достаточным не распространять этот порядок дополнительно на процедуру направления уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд.

Мы считаем процессуальным излишеством существование такой процедуры, как получение согласия Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд, так как в настоящей момент имеется ряд правовых пробелов относительно указанной процедуры.

Во-первых, Конституция РФ и УПК РФ не усматривают среди гарантий депутатской неприкосновенности обязанность органов следствия и прокуратуры получать согласие на направление уголовного дела в суд. Во-вторых, Конституция РФ предполагает однократное снятие режима неприкосновенности — через представление Генерального прокурора Российской Федерации, за которым следует соответствующее санкционирование, например, возбуждения уголовного дела. Уголовно-процессуальные гарантии порождаются режимом неприкосновенности, следовательно, взятые по отдельности, они не представляют собой каждый самостоятельный вид неприкосновенности. Полагаем, что если первоначально Государственная Дума лишила неприкосновенности депутата и дала согласие на возбуждение в отношении него уголовного дела, то доводы Генерального прокурора Российской Федерации показались достаточными и убедительными. Задача Государственной Думы на данном этапе — удостовериться в

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 16, ст. 1601.

¹⁷ Романенко Н.В. О согласии на преследование неприкосновенных лиц за совершение преступлений и административных правонарушений // Журнал российского права. 2017. № 5 (245). С. 106.

том, что потенциальное уголовное преследование депутата не будет связано с его политической деятельностью, будет обоснованным и законным. Поэтому получать дополнительное согласие еще и на направление уголовного дела в суд видится нецелесообразным.

При даче согласия на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд, на наш взгляд, Государственная Дума превращается из органа, санкционирующего снятие депутатской неприкосновенности, в орган процессуального контроля. Своим отказом в даче указанного согласия Государственная Дума способна нивелировать результаты предварительного расследования без каких-либо установленных законом критериев отказа и установленной законом процессуальной формы¹⁸. При таких обстоятельствах это видится недопустимым, поскольку нарушается конституционный принцип разделения властей¹⁹.

Считаем, что законодателю следует признать утратившей силу ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы», в которой закреплено требование получить согласие Государственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд. Это позволит избежать противоречия между нею и положениями ст. 98 Конституции РФ и ст. 447—451 УПК РФ. В таком случае будет исключена возможность принятия необоснованного и предвзятого решения, целью которого будет не защитить нарушение прав депутата Государственной Думы, а освободить его от уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности будет происходить не напрямую (у Государственной Думы нет таких полномочий), а опосредованно — через барьерную функцию отказа в даче согласия на направление уголовного дела в суд. Полагаем, что даже опосредованная возможность освобождать кого-либо от уголовной ответственности недопустима и имеет расхождение с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом.

Таким образом, на сегодняшний день в вопросе необходимости получения согласия Госу-

дарственной Думы на направление уголовного дела в отношении депутата Государственной Думы в суд имеется неопределенность. Она заключается в том, что законодатель исключил соответствующую норму из ст. 451 УПК РФ, но при этом она продолжает существовать в ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы» и все так же отсутствует в ст. 98 Конституции РФ. Несмотря на приведенную в работе позицию Правительства РФ, правовые позиции Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ относительно приоритета специального закона над УПК РФ продолжают действовать, а их несоблюдение влечет за собой отмену приговора суда ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона. Полагаем, что законодателю будет проще признать утратившей силу ч. 5 ст. 19 ФЗ «О статусе депутата Государственной Думы». В таком случае будут устранены существующие противоречия, а объем депутатской неприкосновенности не пострадает, поскольку в полном объеме сохранятся гарантии, уставленные ст. 98 Конституции РФ.

Список литературы

1. Головачук О.С., Прошляков А.Д. Соотношение норм УПК России, федеральных конституционных и федеральных законов при применении мер уголовно-процессуального принуждения к лицам, указанным в статье 447 УПК // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 5. С. 8—12.
2. Прошляков А.Д., Пупышева Л.А. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования без ссылок на нормы УПК РФ // *Законодательство и практика*. 2021. № 2 (47). С. 50—51.
3. Романенко Н.В. О согласии на преследование неприкосновенных лиц за совершение преступлений и административных правонарушений // *Журнал российского права*. 2017. № 5 (245). С. 105—110. doi: 10.12737/article_58f48b4953aae2.43726511.
4. Стельмах В.Ю. Особенности нормативной регламентации порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования // *20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26—28 мая 2022 г.)*. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 90—93.

¹⁸ Якубина Ю.П. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2013. № 9 (152). С. 240.

¹⁹ Халиулин А.Г., Решетова Н.Ю. Лишение парламентской неприкосновенности с целью осуществления уголовного преследования // *Законность*. 2016. № 3 (977). С. 37—38.

5. Халиулин А.Г., Решетова Н.Ю. Лишение парламентской неприкосновенности с целью осуществления уголовного преследования // Законность. 2016. № 3 (977). С. 35—39.

6. Якубина Ю.П. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 237—240.

References

1. Golovachuk, O.S., Proshlyakov, A.D. (2018) Sootnoshenie norm UPK Rossii, federal'nykh konstitutsionnykh i federal'nykh zakonov pri primenении mer ugovno-protssessual'nogo prinuzhdeniya k litsam, ukazannym v stat'e 447 UPK [Correlation between Criminal Procedural Code of the Russian Federation, federal constitutional and federal laws as regards criminal procedural coercive measures against persons, mentioned in the Article 447 Criminal Procedural Code of the Russian Federation]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 5, pp. 8–12. (In Russ.).

2. Proshlyakov, A.D., Pupysheva, L.A. (2021) Prekrashchenie ugovnogo dela ili ugovnogo presledovaniya bez ssylok na normy UPK RF [Dismissal of a criminal case or criminal prosecution with no reference to the norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation]. *Zakonodatel'stvo i praktika*, no. 2, pp. 50–51. (In Russ.).

3. Romanenko, N.V. (2017) O soglasii na presledovanie neprikosnovennykh lits za sovershenie prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy [Consent to the prosecution of inviolable persons for the commission of crimes and administrative offences]. *Journal of Russian Law*, no. 5, pp. 105–110. (In Russ.). doi: 10.12737/article_58f48b4953aae2.43726511.

4. Stelmakh, V.Yu. (2022) Osobennosti normativnoy reglamentatsii poryadka privilecheniya k ugovnoy otvetstvennosti lits, nadelennykh immunitetom ot ugovnogo presledovaniya [Peculiarities of the regulatory framework for the procedure for bringing to criminal liability persons granted immunity from criminal prosecution]. In: *20 let deystviya Ugovno-protssessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: uroki i perspektivy. Tezisy dokladov i soobshcheniy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, May 26—28, 2022*. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 90–93. (In Russ.).

5. Khaliulin, A.G., Reshetova, N.Yu. (2016) Lishenie parlamentskoy neprikosnovennosti s tseyu osushchestvleniya ugovnogo presledovaniya [Depriving of parliamentary immunity for the purposes of criminal prosecution]. *Zakonost'*, no. 3, pp. 35—39. (In Russ.).

6. Yakubina, Yu.P. (2013) Osobennosti proizvodstva po ugovnym delam v otnoshenii otdel'nykh kategoriy lits [Peculiarities of criminal proceedings in regard to some individuals]. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, no. 9, pp. 237–240. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.А. Кочнев — аспирант кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, заместитель директора Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

Information about the author

R.A. Kochnev – Postgraduate student in the Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Deputy Director of the Institute of the Prosecutor's Office of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 173—180.

Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 173–180.

УДК 343.35 + 343.52

doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.020

NIION: 2015-0065-02/26-395

MOSURED: 77/27-010-2026-02-594

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Вопросы уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей при злоупотреблении полномочиями в сфере государственного оборонного заказа

Александр Валерьевич Сероухов

Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,

Москва, Россия, serouh197777@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются ситуации, когда руководители компаний, задействованных в выполнении государственного оборонного заказа, могут быть привлечены к ответственности по статье 187 УК РФ за организацию нецелевого расходования выделенных бюджетных средств, в том числе в случаях, когда их действия не охватываются составом злоупотребления полномочиями (ст. 201.1 УК РФ).

Сформулированы критерии отграничения уголовно наказуемого неправомерного оборота средств платежей от гражданско-правовых нарушений порядка расчетов при выполнении гособоронзаказа.

Ключевые слова: уголовная ответственность за операции с поддельными платежными документами, специальный счет исполнителя оборонного заказа, ограничения по перечислению, незаконный вывод средств, документы оплаты как предмет преступления.

Для цитирования: Сероухов А.В. Вопросы уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей при злоупотреблении полномочиями в сфере государственного оборонного заказа // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 173—180. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.020.

Issues of criminal liability for the misappropriation of payment funds in cases of abuse of authority in the field of state defense orders

Alexander V. Seroukhov

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,

Russia, serouh197777@mail.ru

Abstract. The article analyzes situations where the heads of companies involved in the implementation of the state defense order may be held accountable under Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation for organizing the misappropriation of allocated budget funds, including cases where their actions do not constitute abuse of authority (Article 201.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The article formulates criteria for distinguishing between criminal offenses related to the misappropriation of payment funds and civil law violations of the procedure for making payments in the implementation of the state defense order.

Keywords: criminal liability for transactions involving forged payment documents, special account of the defense order executor, restrictions on transfers, illegal withdrawal of funds, payment documents as the subject of a crime.

For citation: Seroukhov, A.V. (2026) Issues of criminal liability for the misappropriation of payment funds in cases of abuse of authority in the field of state defense orders. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 173–180. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.020.

Гособоронзаказ выступает одним из ключевых инструментов, обеспечивающих суверенитет и оборону Российской Федерации. В свете появления новых глобальных вызовов, включая военные конфликты, объемы государ-

ственного оборонного заказа в последние годы неуклонно растут.

Ввиду особой важности данного направления правовое регулирование отношений в сфере гособоронзаказа является комплексным. Наряду с Гражданским кодексом РФ здесь действуют специальные нормы, ключевой среди которых является Федеральный закон от 29.12.2012

№ 275-ФЗ¹ (далее — Закон № 275-ФЗ). Как неоднократно отмечала судебная практика, положения этого закона приоритетны по отношению к нормам ГК РФ².

Статья 8 Закона № 275-ФЗ обязывает исполнителей по контракту в сфере гособоронзаказа открывать отдельные банковские счета в строго определенных (уполномоченных) кредитных организациях. Расчеты заказчиков с головным исполнителем производятся исключительно на данный счет. Аналогичный принцип действует и внутри кооперации: каждый следующий исполнитель получает оплату только на свой отдельный счет, обязательно указывая в платежном документе идентификатор государственного контракта.

Таким образом, на законодательном уровне закреплена обязанность всех участников кооперации использовать для взаиморасчетов только отдельные банковские счета. Факт их открытия должен быть предварительно согласован исполнителем с государственным заказчиком³.

Основной смысл и предназначение специального режима такого счета — гарантировать, что средства будут перечисляться либо на аналогичные счета других участников кооперации в рамках гособоронзаказа, либо на цели, прямо связанные с исполнением заказа (например, для выплат сотрудникам)⁴.

При этом исполнитель контракта не несет издержек на обслуживание счета, открываемого для расчетов по гособоронзаказу⁵.

Одновременно законодателем в ч. 4 ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ закреплено положение, в силу которого на денежные средства, размещенные на отдельном счете, проценты не начисляются. Следовательно, участники кооперации по гособоронзаказу лишаются возможности извлекать

доход в форме банковских процентов. Подобное регулирование объясняется особым правовым режимом специального счета, ориентированным исключительно на контроль за целевым характером операций и строгую отслеживаемость каждого платежа.

Наличие временно свободных средств на счете организации, которые невозможно использовать в производственных и иных целях иногда достаточно продолжительное (до нескольких месяцев) время, даже без намерения похитить указанные средства, вступает в противоречие с теорией и практикой коммерческих отношений, обязывающих бизнесмена использовать любые доступные ресурсы для развития.

Со стороны государства обеспечение сохранности средств на специальном счете является гарантией исполнения и оплаты гособоронзаказа. С точки зрения любого руководителя организации не использовать такие средства нерационально и недопустимо. Указанные противоречия, особенно при наличии реальных трудностей по различным направлениям деятельности организации, руководители зачастую разрешают в пользу развития собственного бизнеса и извлечения прибыли. В таких случаях государственные средства, находящиеся на специальном счете, путем злоупотребления полномочиями «временно заимствуются» на различные цели (пополнение оборотных средств, приоритетное финансирование завершающихся проектов, предоставление займов, размещение на депозите и т. п.). Расчет строится на том, что, пока эти средства не нужны для гособоронзаказа, их можно использовать для извлечения прибыли, а затем вернуть на специальный счет или иным способом исполнить обязательства по заказу.

Однако такой руководитель не может произвольно перечислить средства со специального счета по своему усмотрению, поскольку их использование допустимо лишь на цели, связанные с исполнением гособоронзаказа. Чтобы извлечь деньги со специального счета, необходимо «обмануть» систему, что практически возможно путем заключения фиктивного договора с подконтрольным контрагентом и направления в уполномоченный банк платежного поручения, содержащего ложные сведения о целях платежа такому контрагенту. К таким ложным сведениям могут относиться сведения, которые имитируют расходы в рамках гособоронзаказа: приобретение сырья, выполнение работ субподрядчиками, прочие выплаты, якобы связанные с исполнением контракта. Подобная информа-

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7600.

² Определение Верховного Суда РФ от 24.02.2022 № 309-ЭС21-29247 по делу № А71-10824/2019 // СПС Консультант Плюс.

³ Апарышев И.В. О банковском сопровождении расчетов по государственному оборонному заказу опорным банком для оборонно-промышленного комплекса // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 6. С. 27.

⁴ Ильин А.Ю., Гулиева Л.М. Финансовый контроль при реализации государственного оборонного заказа // Налоги: газета. 2017. № 2. С. 26.

⁵ Письмо Банка России от 08.07.2016 № 12-1-4/1524 // СПС КонсультантПлюс.

ция конструируется таким образом, чтобы уполномоченный банк, проверяя платеж по формальным признакам, не мог выявить подлог и давал согласие на перевод средств указанному контрагенту.

Чтобы проверить подобные операции, руководитель (или иное уполномоченное лицо) использует свое положение, дающее ему власть над банковским счетом и денежными потоками организации. Как следствие, факт направления средств в обход установленных законом целей становится основанием для квалификации таких действий как злоупотребления полномочиями.

В связи с изложенным на практике могут возникать вопросы о том, охватываются ли действия по изготовлению и использованию платежных поручений, содержащих ложные сведения об основаниях платежа, составом злоупотребления полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа или образуют самостоятельный состав преступления.

Для ответа на данный вопрос необходимо разобраться, на какие отношения посягают указанные действия.

Статья 201.1 УК РФ охраняет в качестве приоритетного объекта общественные отношения в предпринимательском и корпоративном секторе. Дополнительно под защиту попадают публичные интересы государства при реализации гособоронзаказа. Причем именно наличие оборонного заказа является тем квалифицирующим признаком, который конструирует данный состав.

Действия же по изготовлению и использованию платежных поручений, содержащих ложные сведения об основаниях платежа, направлены прежде всего на обман сотрудников уполномоченного банка и по этому признаку посягают на общественные отношения в сфере регулирования деятельности кредитно-финансовых учреждений, связанной с оборотом средств платежей. Указанные действия посягают на основы экономической безопасности и финансовой устойчивости государства, нормальный порядок осуществления безналичных расчетов, что является объектом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ⁶.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 18 постановления от 30 ноября 2017 г. № 48⁷ разъяснил следующее: если лицо изготовило поддельные

платежные поручения для последующего хищения, но не смогло довести его до конца по независящим от него причинам, то содеянное надлежит квалифицировать как приготовление к хищению и одновременно как оконченное преступление по ст. 187 УК РФ.

Вопрос о том, могут ли быть признаны поддельными платежные документы, изготовленные правомочным лицом с использованием подлинных бланков, печатей и штампов, был разрешен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2020 г. № 43⁸. По смыслу разъяснений, данных Пленумом, документы признаются поддельными, если установлено наличие в них признаков как незаконного изменения отдельных частей подлинного документа путем подчистки, дописки, замены элементов и др., искажающего его действительное содержание, так и изготовления нового документа, содержащего заведомо ложные сведения, в том числе с использованием подлинных бланка, печати, штампа (пункт 8 постановления).

В российском законодательстве имеется определение законного платежного средства (статья 140 Гражданского кодекса Российской Федерации) и электронного средства платежа (пункт 19 статьи 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»), однако отсутствует определение средства платежа как такового, которое охватывало бы все возможные средства и (или) способы, позволяющие осуществлять денежные операции или оплату товаров и услуг⁹.

Из диспозиции ст. 187 УК РФ следует, что для признания средств платежа предметом указанного преступления необходимо их соответствие критерию предназначения (для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств). На практике таковыми признаются в том числе поддельные распоряжения о переводе денежных средств, доку-

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324—327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

⁹ Клыков Д.А. Некоторые проблемные аспекты определения предмета преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 2. С. 55.

⁶ Согоян В.Л., Самойлова Ю.Б. Незаконный оборот средств платежей: специфика применения нормы // Уголовный процесс. 2024. № 4 (232). С. 54—61.

менты или средства оплаты (например, платежные поручения и иные распоряжения о переводе денежных средств). Указанная практика подтверждена в том числе положением Банка России от 29.06.2021 № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», в соответствии с п. 1.13 которого платежные поручения, инкассовые поручения, платежные требования, платежные ордера, банковские ордера, платежные распоряжения являются расчетными (платежными) документами.

Статистика показывает, что за последние годы наблюдается значительный рост количества преступлений, предусмотренных ст. 201.1 УК РФ, но общее количество направленных в суд уголовных дел указанной категории относительно невелико (за 2022 год — 7 уголовных дел, за 2023 — 10, за 2024 — 15, за 2025 — 38). Отчасти это связано с тем, что диспозицией ст. 201.1 УК РФ предусмотрено причинение существенного вреда охраняемым законом интересам общества или государства при выполнении государственного оборонного заказа. При совершении злоупотребления полномочиями руководители организаций стремятся не допускать таких тяжелых последствий, в связи с чем в их действиях зачастую отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 201.1 УК РФ.

В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос: может ли само по себе неправомерное перечисление денежных средств с отдельного счета в обход установленного режима (без срыва сроков гособоронзаказа, без поставки некачественной продукции) рассматриваться как «существенный вред» по смыслу ст. 201.1 УК РФ? Анализ пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21¹⁰ позволяет утверждать, что нет — формальное нарушение режима спецсчета без реального ущерба обороноспособности или имущественного вреда не образует последствий, предусмотренных ст. 201.1. В таких случаях именно ст. 187 УК РФ выступает единственным инструментом уголовно-правовой оценки, поскольку ее состав формальный и не требует причинения вреда. Напротив, если вывод средств со спецсчета привел, например, к переносу военных учений или к расходам на устранение

дефектов поставленной продукции, содеянное должно квалифицироваться по совокупности ст. 201.1 и ст. 187 УК РФ.

Официальная судебная статистика по ст. 187 УК РФ в разрезе государственного оборонного заказа отсутствует, однако по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ общее число осужденных по ч. 1 ст. 187 УК РФ в 2023—2025 гг. составляет порядка 400—500 человек ежегодно. При этом, как показывает анализ опубликованных приговоров, большинство преступлений связано с незаконным обналичиванием и выводом средств, в том числе с использованием подконтрольных организаций. Внедрение режима специальных счетов по гособоронзаказу не исключает аналогичных схем, что делает актуальным уголовно-правовой анализ именно в данной сфере.

Анализ судебных решений позволяет утверждать: лицо может быть осуждено по ч. 1 ст. 187 УК РФ (неправомерный оборот средств платежей) даже в тех случаях, когда его деяния не содержат признаков злоупотребления полномочиями¹¹. Ключевые правовые позиции, выработанные судами, можно обобщить в следующих тезисах.

1. Неправомерный оборот не требует наличия злоупотребления полномочиями (ст. 201.1)

В деле Ермаковой (приговор Советского районного суда г. Нижнего Новгорода от 08.06.2021, оставлен без изменения вышестоящими инстанциями, КС РФ — определение от 25.04.2023 № 1006-О) директор ООО изготавливала и направляла в банк платежные поручения с ложными сведениями о фиктивных договорах. Суд квалифицировал действия по ч. 1 ст. 187 УК РФ, не усмотрев признаков ст. 201.1. Этот пример иллюстрирует самостоятельность состава ст. 187 УК РФ¹².

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Чернышев Д.Б. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 3. С. 87—92.

¹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 1006-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермаковой Юлии Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Искажение только несущественных реквизитов при реальном исполнении обязательства не образует состава

В деле Олесева (приговор Якутского городского суда от 19.05.2025) руководитель перечислил деньги за реально выполненные субподрядные работы не на счет субподрядчика, а на счет третьего лица по его указанию. Суд отказал в квалификации по ст. 187 УК РФ, указав, что недостоверные сведения в одном реквизите (получатель) при отсутствии ложных сведений о самом факте и объеме работ не делают платежное поручение подложным.

3. Для состава достаточно пригодности документа к денежным операциям; цель вывода средств не обязательна¹³

В кассационном определении Верховного Суда РФ от 04.06.2024 № 5-УД24-26-К2 разъяснено, что условие о предназначении средства платежа характеризует его объективные свойства. Поддельные кассовые ордера использовались для имитации банковского оборота (создание видимости операций), что признано оконченным преступлением по ст. 187 УК РФ. Суд подчеркнул, что умысел направлен на совершение действий с поддельными средствами платежа, а не на достижение имущественного результата¹⁴.

4. Момент окончания преступления различается в зависимости от действия

При совершении преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, умысел направлен на совершение самих действий, указанных в диспозиции (изготовление, хранение, перевозка в целях использования или сбыта, а равно использование). Состав данного преступления является формальным. Однако момент окончания различается: для использования поддельного платежного поручения (направление в банк) преступление окончено независимо от наступления последствий; для изготовления и хранения обязательным признаком является цель использо-

вания или сбыта — без ее доказывания эти действия не образуют оконченного состава по ч. 1 ст. 187 УК РФ (возможна квалификация как приготовление по ч. 1 ст. 30 УК РФ)¹⁵.

Складывающаяся судебная практика указывает, что под неправомерным оборотом средств платежей в сфере государственного оборонного заказа следует понимать изготовление и (или) использование платежных документов (в том числе подлинных по форме, но содержащих ложные сведения), которое позволяет осуществить перевод денежных средств с отдельного счета в нарушение режима, установленного ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ. Неправомерность означает, что платеж не соответствует ни одному из разрешенных законом оснований (расчеты с исполнителями по кооперации, выплаты работникам, уплата налогов и сборов, прямо связанных с исполнением гособоронзаказа)¹⁶. При этом цель последующего использования средств (на нужды организации, возврат на счет и т. п.) не влияет на квалификацию, если сам перевод был осуществлен с помощью подложного документа.

Исходя из данного определения, объективная сторона состава преступления по ч. 1 ст. 187 УК РФ будет иметь место при одновременном соблюдении следующих условий:

- в платежный документ (распоряжение о переводе денежных средств) внесены ложные сведения, которые относятся к существенным реквизитам, определяющим законность и целевой характер платежа (под существенными реквизитами в контексте ст. 187 УК РФ следует понимать такие данные платежного поручения, которые непосредственно определяют законность и целевой характер перевода: назначение платежа, основание перевода, идентификатор контракта, получателя средств), — данный подход выработан судебной практикой (см., например, апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2025 г. по делу Олесева, где неверное указание получателя при реальном исполнении обязательства признано несущественным);

¹³ Кумаитова Э.М. Актуальные проблемы определения предмета неправомерного оборота средств платежей // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых (Пермь, 4—5 апреля 2025 г.). Пермь, 2025. С. 454—459.

¹⁴ Справочная информация по делу № 5-УД24-26-К2 (жалоба осужденного) // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrif.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁵ Иванова Е.А. К вопросу о признаках неправомерного оборота средств платежей // Legal Bulletin. 2020. Т. 5, № 3. С. 80.

¹⁶ Нудель С.Л., Печегин Д.А. Документ оплаты как предмет неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // Комментарий судебной практики / ИЗИСП. Вып. 26. М., 2020. С. 150—157.

- ложные сведения искажают действительное содержание операции и вводят в заблуждение уполномоченный банк, который без таких искажений не произвел бы перечисление;
- документ использован (направлен в банк) — в этом случае цель его использования не имеет значения, преступление окончено;
- если документ только изготовлен или хранится, обязательна цель его последующего использования или сбыта; отсутствие такой цели исключает уголовную ответственность по ч. 1 ст. 187 УК РФ за эти действия.

При наличии указанных признаков и использовании подложного документа (направлении в банк) деяние образует оконченное преступление¹⁷, даже если фактически денежные средства были возвращены на специальный счет или использованы на нужды, косвенно связанные с гособоронзаказом. Для изготовления или хранения без доказанной цели использования/сбыта состав по ч. 1 ст. 187 УК РФ отсутствует.

При этом содеянное не образует состава преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, если:

- недостоверные сведения внесены только в один несущественный реквизит платежного поручения (например, неверно указан банк получателя при фактическом исполнении обязательства надлежащему лицу);
- искажение реквизитов не влияет на законность и целевое назначение платежа в рамках исполнения государственного оборонного заказа либо иного контракта;
- платежный документ удостоверяет реально существовавшее обязательство (факт выполнения работ, поставки товара), а изменение реквизитов продиктовано, например, указанием субподрядчика о перечислении платы третьему лицу, и при этом договором субподряда допускается такая замена;
- выявленные расхождения являются следствием бухгалтерской или технической ошибки, а не умышленного обмана сотрудников банка.

В указанных случаях отсутствует главный признак — заведомая ложность сведений, направленная на неправомерный вывод средств из контролируемого оборота¹⁸.

Все указанные обстоятельства необходимо тщательно исследовать при проведении проверок и расследовании уголовных дел.

Таким образом, действия руководителя организации — исполнителя государственного оборонного заказа, выражающиеся в изготовлении и использовании платежных поручений с заведомо ложными сведениями о назначении платежа, посягают как на интересы государственного оборонного заказа, так и на установленный порядок безналичных расчетов. Отсутствие признаков злоупотребления полномочиями (ст. 201.1 УК РФ) не исключает уголовной ответственности по ст. 187 УК РФ — в таких случаях подлежит квалификации только неправомерный оборот средств платежей. Вопрос о квалификации при наличии всех признаков ст. 201.1 УК РФ является дискуссионным. С одной стороны, изготовление и использование поддельных платежных поручений выступает способом злоупотребления полномочиями, что могло бы указывать на конкуренцию общей и специальной нормы. Однако по аналогии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 неправомерный оборот средств платежей не поглощается злоупотреблением полномочиями, поскольку посягает на дополнительный объект — установленный порядок безналичных расчетов. В связи с этим преобладающим в доктрине и практике является подход, требующий квалификации по совокупности ст. 187 и ст. 201.1 УК РФ. Тем не менее в каждом конкретном случае необходимо оценивать, не является ли подделка документов единственным и неразрывным этапом злоупотребления, что может обосновывать вменение только ст. 201.1.

В целях устранения выявленных противоречий и обеспечения единообразной квалификации содеянного представляется необходимым дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 21 следующим пунктом:

«8.1. Если злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа (ст. 201.1 УК РФ) выразилось в изготовлении, хранении, перевозке или использовании поддельных платежных поручений, содержащих заведомо ложные сведения о существенных реквизитах (назначение платежа, основание перевода, идентификатор государственного контракта, получатель средств), и эти действия были направлены на перевод денежных средств с отдельного счета в нарушение режима, установленного ст. 8.3 Закона № 275-ФЗ, содеянное

¹⁷ Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // Законность. 2019. № 4. С. 30—35.

¹⁸ Нудель С.Л., Печегин Д.А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // Уголовное право. 2020. № 3. С. 27—38.

подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 201.1 и ст. 187 УК РФ. При этом под существенными реквизитами следует понимать данные, искажение которых вводит в заблуждение уполномоченный банк относительно целевого характера платежа. Внесение недостоверных сведений только в несущественные реквизиты (например, неверное указание корреспондентского счета банка получателя) при фактическом исполнении основного обязательства не образует состава преступления по ст. 187 УК РФ».

Данное дополнение позволит правоприменителям четко отграничивать уголовно наказуемый неправомерный оборот средств платежей от гражданско-правовых нарушений, а также устранил существующие противоречия в судебной практике.

При проведении проверок и расследовании уголовных дел в сфере государственного оборонного заказа следователям необходимо:

- в обязательном порядке анализировать платежные поручения на предмет соответствия фактических оснований платежа содержанию реквизитов;
- устанавливать, не являлось ли искажение сведений способом обхода режима специального счета;
- при выявлении подложных (в том числе содержащих ложные сведения) распоряжений о переводе денежных средств решать вопрос о возбуждении уголовного дела по ст. 187 УК РФ, независимо от наличия или отсутствия признаков хищения, причинения имущественного ущерба либо существования вреда по ст. 201.1 УК РФ;
- при наличии сомнений в существенности искажения реквизитов назначать судебно-техническую экспертизу платежных документов для определения их подлинности и достоверности содержащихся сведений.

Статья 187 УК РФ является эффективным и самостоятельным инструментом противодействия неправомерному обороту средств платежей при выполнении государственного оборонного заказа, который подлежит применению даже при отсутствии состава злоупотребления полном

лений комплекс: вопросы права. 2020. № 6. С. 24—30.

2. Иванова Е.А. К вопросу о признаках неправомерного оборота средств платежей // *Legal Bulletin*. 2020. Т. 5, № 3. С. 71—81.

3. Ильин А.Ю., Гулиева Л.М. Финансовый контроль при реализации государственного оборонного заказа // *Налоги: газета*. 2017. № 2. С. 25—27.

4. Клыков Д.А. Некоторые проблемные аспекты определения предмета преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2023. № 2. С. 51—56.

5. Кумаитова Э.М. Актуальные проблемы определения предмета неправомерного оборота средств платежей // *Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых (Пермь, 4—5 апреля 2025 г.)*. Пермь: ПГНИУ, 2025. С. 454—459.

6. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Вопросы квалификации неправомерного оборота средств платежей (по признаку предмета) // *Уголовное право*. 2020. № 3. С. 27—38.

7. Нудель С.Л., Печегин Д.А. Документ оплаты как предмет неправомерного оборота средств платежей (ст. 187 УК РФ) // *Комментарий судебной практики / ИЗиСП*. Вып. 26. М.: Контракт, 2020. С. 150—157.

8. Согоян В.Л., Самойлова Ю.Б. Незаконный оборот средств платежей: специфика применения нормы // *Уголовный процесс*. 2024. № 4 (232). С. 54—61.

9. Чернышев Д.Б. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2022. Т. 13, № 3. С. 87—92. doi: 10.37973/KUI.2022.30.93.008.

10. Яни П.С. Мошенничество с использованием электронных средств платежа // *Законодательство*. 2019. № 4. С. 30—35.

References

1. Aparyshev, I.V. (2020) O bankovskom soprovozhdenii raschetov po gosudarstvennomu oboronnomu zakazu opornym bankom dlya oboronno-promyshlennogo kompleksa [On the banking support of settlements under the state defense order by a reference bank for the military-industrial complex]. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: voprosy prava*, no. 6, pp. 24—30. (In Russ.).

Список литературы

1. Апарышев И.В. О банковском сопровождении расчетов по государственному оборонному заказу опорным банком для оборонно-промышленного комплекса // *Оборонно-промыш-*

2. Ivanova, E.A. (2020) K voprosu o priznakakh nepravomernogo oborota sredstv platezhey [On the issue of signs of illegal circulation of payment means]. *Legal Bulletin*, vol. 5, no. 3, pp. 71–81. (In Russ.).

3. Ilyin, A.Yu., Gulieva, L.M. (2017) Finansovyy kontrol' pri realizatsii gosudarstvennogo oboronnogo zakaza [Financial control in the implementation of the state defense order]. *Nalogi*, no. 2, pp. 25–27. (In Russ.).

4. Klykov, D.A. (2023) Nekotorye problemnye aspekty opredeleniya predmeta prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 187 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Problematic issues of determining the target of the crime provided by Article 187 of the Criminal Code of Russian Federation]. *Problems of Law Enforcement Activity*, no. 2, pp. 51–56. (In Russ.).

5. Kumaitova, E.M. (2025) Aktual'nye problemy opredeleniya predmeta nepravomernogo oborota sredstv platezhey [Actual problems of determining the subject of illegal turnover of funds of payments]. In: *Norma. Zakon. Zakonodatel'stvo. Pravo. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, April 4–5, 2025*. Perm, PSU, pp. 454–459. (In Russ.).

6. Nudel, S.L., Pechegin, D.A. (2020) Voprosy kvalifikatsii nepravomernogo oborota sredstv platezhey (po priznaku predmeta) [The issues of

classification of unlawful circulation of means of payment (on account of a subject)]. *Ugolovnoe pravo*, no. 3, pp. 27–38. (In Russ.).

7. Nudel, S.L., Pechegin, D.A. (2020) Dokument oplaty kak predmet nepravomernogo oborota sredstv platezhey (st. 187 UK RF) [Payment document as an object of unlawful circulation of payment means (Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. In: *Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Kommentariy sudebnoy praktiki, vol. 26*. Moscow, Kontrakt, pp. 150–157. (In Russ.).

8. Sogoyan, V.L., Samoylova, Yu.B. (2024) Nezakonnyy oborot sredstv platezhey: spetsifika primeneniya normy [Illegal circulation of payment means: specifics of the application of the norm]. *Ugolovnyy protsess*, no. 4, pp. 54–61. (In Russ.).

9. Chernyshev, D.B. (2022) K voprosu o predmete prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 187 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [The subject of the crime provided by Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, vol. 13, no. 3, pp. 87–92. (In Russ.). doi: 10.37973/KUI.2022.30.93.008.

10. Yani, P.S. (2019) Moshennichestvo s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha [Online payment fraud]. *Zakonnost'*, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Сероухов — преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Information about the author

A.V. Seroukhov – Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee.

К вопросу об объекте и объективной стороне должностных преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа

Евгений Валерьевич Шмиров

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета,

Санкт-Петербург, Россия, Shmiroff.ev@yandex.ru

Аннотация. В условиях проведения специальной военной операции расходы Российской Федерации на укомплектование вооруженных сил страны современным оборудованием стали одним из важнейших векторов государственной политики. Вместе с тем наметилась тенденция роста преступности в вышеуказанной сфере правоотношений, обусловившего расширение государственной собственности при реализации контрактных обязательств по выполнению государственного оборонного заказа. При этом рост преступности в указанной сфере напрямую поставил под угрозу национальную безопасность страны.

С целью обеспечения национальной безопасности федеральным законодателем приняты меры по борьбе с преступлениями в сфере государственного оборонного заказа. Эти меры выразились не только в криминализации ряда деяний, но и в усилении уголовной ответственности и уточнении объекта преступного посягательства в соответствующих главах Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем сходство признаков составов преступлений в сфере государственного оборонного заказа с признаками иных должностных преступлений обуславливает неоднозначный подход правоприменителей к квалификации преступлений, совершенных в этой сфере, в том числе определению места ряда вышеуказанных преступлений в гл. 23 и гл. 30 УК РФ.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, меры уголовной ответственности, объект преступления, объективная сторона преступления, должностные преступления, государство, Россия, уголовное законодательство, административная преюдиция, национальная безопасность.

Научный руководитель: В.И. Тюнин, профессор кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Шмиров Е.В. К вопросу об объекте и объективной стороне должностных преступлений, совершаемых в сфере государственного оборонного заказа // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 181–187. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.021.

On the subject and objective aspects of official crimes committed in the field of state defense order

Evgeny V. Shmirov

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian

Federation, Saint Petersburg, Russia, Shmiroff.ev@yandex.ru

Abstract. In the context of a special military operation, the spending of the Russian Federation on manning the country's armed forces with modern equipment has become one of the most important vectors of state policy. At the same time, there has been a growing trend in crime in the above-mentioned area of legal relations, which has led to the plundering of state property in the implementation of contractual obligations to fulfill the state defense order. At the same time, the increase in crime in this area has directly jeopardized the national security of the country.

In this regard, in order to ensure national security, the federal legislator has taken measures to combat crimes in the field of the state defense order. These measures resulted not only in criminalizing a number of acts, but also in strengthening criminal liability and clarifying the object of criminal encroachment in the relevant chapters of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, the similarity of the elements of crimes in the sphere of the state defense order with the signs of other official offenses leads to an ambiguous approach by law enforcement officers to the qualification of crimes committed in this area, including determining the location of a number of the above crimes in Chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: state defense order, criminal liability measures, object of the crime, objective side of the crime, official crimes, state, Russia, criminal legislation, administrative prejudice, national security.

Scientific supervisor: V.I. Tyunin, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor.

For citation: Shmirov, E.V. (2026) On the subject and objective aspects of official crimes committed in the field of state defense order. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 181–187. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.021.

Современные вызовы и угрозы со стороны стран Запада, противостояние России с Америкой, стремящейся к мировой гегемонии, предъявляют нашей стране высокие требования по стратегии государственной политики в военно-техническом обеспечении обороноспособности страны, национальной безопасности. В то же время в связи с тем, что данная сфера правоотношений связана с оборотом значительного объема финансовых активов государства, с целью пресечения должностных злоупотреблений законодательством России приняты меры по охране вышеуказанной сферы от противоправных посягательств должностных лиц.

Текущая экономическая и политическая обстановка в России обусловила изменение законодательства, регламентирующего сферы экономической деятельности. Она предопределила функциональные изменения административного и уголовного законодательства, а именно, законодательство дополнено новыми составами, устанавливающими ответственность за совершение деяний в сфере государственного оборонного заказа.

Так, Федеральный закон от 29 декабря 2017 года № 469-ФЗ¹ дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 201.1 и 285.4, установив уголовную ответственность за совершение умышленного преступления (при условии корыстного мотива или иной личной заинтересованности) в рамках выполнения государственного оборонного заказа.

Новый этап в развитии административного и уголовного законодательства России о регламентации административно-правовых и уголовно-правовых отношений применительно к сфере государственного оборонного заказа ознаменован началом проведения специальной военной операции по освобождению Донбасса от неонацистского киевского режима, совершающего преступления в отношении как своих граждан, так и российских граждан, проживающих на Украине. Президент Российской Федерации в своем выступлении 24 февраля 2022 года перед гражданами страны подчеркнул, что Россия «шаг за шагом, аккуратно и последовательно» будет решать задачи специальной военной операции. Несомненно, для выполнения поставленных задач по борьбе с внешним агрессором требуется значительный объем денежных средств для фи-

нансирования оборонно-промышленного сектора Российской Федерации. Следует отметить, что объемы расходов на национальную оборону в России с момента начала специальной военной операции за 2022 год возросли на 1,2 трлн. руб., то есть составили 4,679 трлн руб. вместо утвержденных Минфином России 3,5 трлн руб.²

Учитывая, что расходы государственного бюджета на сферу оборонно-промышленного комплекса, в том числе государственного оборонного заказа, возросли, растет и количество преступлений, совершенных в сфере стратегически важных государственных оборонных контрактов, в том числе со стороны должностных лиц, выступающих от лица заказчика (к примеру, уголовное дело в отношении экс-замглавы управления Минобороны по гособоронзаказу Леонида Харламова)³. Данные обстоятельства потребовали немедленного реагирования со стороны государства, в связи с чем в сентябре 2022 года в максимально сжатые сроки были внесены поправки в Уголовный кодекс РФ. Изменениям подверглись гл. 23 и 30 УК РФ, которые были дополнены новыми составами преступлений, посягающих на государственный оборонный заказ, а именно следующими статьями: ст. 201.2, 201.3 (размещенными в гл. 23 УК РФ), ст. 285.5 и 285.6 (размещенными в гл. 30 УК РФ)⁴.

С целью объективного восприятия особенностей дополнения Уголовного кодекса РФ вышеуказанными новыми составами преступлений следует обратиться к структуре составов деяний, размещенных в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (ст. 285.4, 285.5 и 285.6).

Проанализируем объект и объективную сторону указанных видов должностных преступлений, совершаемых в сфере выполнения государственного оборонного заказа.

² Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов: утв. Минфином России. URL: https://sudact.ru/law/osnovnye-napravleniia-biudzhethnoi-nalogovoi-i-tamozhenno-tarifnoi-politiki_4 (дата обращения: 15.05.2026).

³ Экс-составитель оборонзаказа получил пять лет колонии по делу о взятках // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/11/2022/6380768a9a79472c12a1c1f7> (дата обращения: 15.05.2026).

⁴ Федеральный закон от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

¹ Федеральный закон от 29.12.2017 № 469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 285.4 УК РФ, выступают общественные отношения, которые возникают в процессе осуществления деятельности государственного заказчика по формированию проектной документации, технического задания, определению требований к потенциальным исполнителям, и деятельность субъектов, выступающих со стороны поставщика, головного исполнителя и соисполнителя, направленная на подбор квалифицированных кадров, определение круга исполнителей, которые соответствуют предъявляемому законом и установленным в проектно-сметной документации заказчика техническим заданием требованиям. Таким образом, данные правоотношения возникают в процессе деятельности государственного заказчика и исполнителя по государственному контракту об оборонном заказе, строго регламентированной законодательством РФ, определяющим порядок, условия и основания такого взаимодействия сторон контракта. В рамках указанных правоотношений реализуются полномочия должностных лиц, которые выступают представителями от крупных государственных компаний, а также компаний, в которых преобладающее число акций принадлежит Российской Федерации (к примеру, Госкорпорация «Росатом», АО «Производственное объединение „Севмаш“», АО «Северное производственное объединение „Арктика“»). При этом деяние, предусмотренное ст. 285.4 УК РФ, по отношению к простому злоупотреблению полномочиями (ст. 285) является его специальным видом, учитывая правовую специфику криминализации данного деяния. Санкция преступления, совершенного в сфере государственного оборонного заказа (ст. 285.4), является более строгой как за совершение простого деяния, так и квалифицированного его вида. Следует отметить, что дополнительным объектом здесь выступают те же законные права и интересы общества и государства, но непосредственно направленные на нормальное функционирование обороноспособности государства.

Основной непосредственный объект должностного преступления, предусмотренного ст. 285.5 УК РФ (общественные отношения, возникающие в сфере выполнения контрактных обязательств по гособоронзаказу), совпадает с объектом злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, предусмотренного ст. 285.4 УК РФ.

Дополнительным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 285.5 УК РФ, являются охраняемые законом интересы

общества или государства, связанные с надлежащим выполнением условий гособоронзаказа.

Сфера действия ст. 285.6 УК РФ является более узкой в сравнении со ст. 285.4 УК РФ и распространяется лишь на отношения, возникающие при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) гособоронзаказа.

Родовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 285.4, 285.5, 285.6 УК РФ, в отличие от родового объекта преступлений, подлежащего уголовно-правовой охране в соответствии со ст. 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ, являются охраняемые законом интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Однако в выполнении государственного оборонного заказа в соответствии с требованиями Закона о гособоронзаказе⁵ помимо коммерческих и иных организаций негосударственного сектора, защита служебных интересов которого обеспечивается нормами, закрепленными в главе 23 УК РФ, могут участвовать те организации, которые перечислены в п. 1 примечаний к ст. 285 УК РФ.

Таким образом, непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 285.4, 285.5, 285.6 УК РФ, являются общественные отношения, содержанием которых являются интересы службы в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям, являющихся головным исполнителем или исполнителем по государственному оборонному заказу.

Как правило, преступные деяния должностных лиц в сфере государственного оборонного заказа содержат в себе активные целенаправленные действия субъекта, при которых он использует предоставленные ему законом служебные полномочия не для выполнения законных функций. Здесь реализуется объективная сторона должностного преступления в сфере государственного оборонного заказа.

Второе слагаемое преступного поведения при совершении данных преступлений — это действие (бездействие) вопреки интересам службы.

⁵ Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7600. (См. п. 1 ст. 3.)

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что для объективной стороны должностных преступлений, совершенных в сфере государственного оборонного заказа, требуется наличие, как и в структуре любого состава преступления, следующих обязательных элементов.

Во-первых, наличие общественно опасного деяния лица, то есть конкретных действий, которые обуславливают наступление неблагоприятных последствий, имеющих признаки уголовно наказуемого деяния.

Во-вторых, такое преступление совершается должностным лицом, обладающим определенным возложенным на него законом, подзаконными актами, должностными инструкциями перечнем полномочий, действующим исключительно вопреки интересам службы, имеющим корыстный умысел или иную личную заинтересованность, в связи с чем совершающим именно преступное деяние.

В-третьих, возникновение негативных последствий, причиняющих ущерб не только государству, но и обществу, в связи с тем, что из-за срыва контракта по государственному оборонному заказу возникает прямая угроза национальной безопасности, а значит, всему государству и его гражданам.

В-четвертых, за преступным действием должностного лица, которое с целью реализации личных интересов ставит под угрозу нормальное обеспечение контрактных отношений по выполнению условий государственного оборонного заказа, всегда следуют общественно опасные последствия в виде хищения государственной собственности, отсутствия своевременного выполнения условий по госконтракту на поставку определенного оборудования для нужд военно-промышленного комплекса страны и т. п. В указанном случае наличие прямой причинно-следственной связи между преступным действием лица и негативными социально-экономическими последствиями очевидно.

В-пятых, противоправное деяние такого должностного лица не должно являться малозначительным в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Диспозиция статьи 285.4 УК РФ практически идентична диспозиции ст. 285 УК РФ, за исключением сферы общественных отношений, в которой совершается преступное деяние, — сферы выполнения государственного оборонного заказа. Равно как и диспозиция статьи 201.1 мало чем отличается от диспозиции статьи 201 УК РФ.

При анализе объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 285.4 УК

РФ, следует отметить, что преступное поведение должностного лица по рассматриваемому выше преступлению имеет место в том случае, когда закупочная процедура в соответствии с нормами федерального законодательства (Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ) осуществлена и определен конкретный поставщик. Иными словами, преступные действия, совершенные при размещении заказа по государственному оборонному заказу, а равно при отборе исполнителей, не охватываются ст. 285.4 УК РФ.

Таким образом, из сферы действия 285.4, равно как и ст. 201.1 УК РФ, выпадают различные преступные схемы, осуществляемые до начала выполнения контракта, например сговор для создания условий победы определенно го исполнителя⁶.

С целью устранения пробела в диспозиции ч. 1 ст. 285.4, равно как и ст. 201.1 УК РФ, считаем необходимым уточнить название и диспозицию статьи, заменив слова «при выполнении государственного оборонного заказа» словами «при формировании, размещении и выполнении государственного оборонного заказа». Инициативу внесения изменений в диспозицию ч. 1 ст. 285.4, равно как и ст. 201.1 УК РФ, как это предусмотрено п. 10 ч. 1 ст. 10 Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ, поддержали 40,2 % опрошенных нами правоприменителей, 24,8 % респондентов высказались против, 35 % затруднились с ответом⁷.

Объективная сторона преступлений (ст. 285.5, за исключением ч. 2 ст. 285.5, и ст. 285.6 УК РФ) представлена административной преюдицией. Так, в случае совершения повторного деяния, которое по конструктивным особенностям соответствует административному правонарушению (ст. 285.5, за исключением ч. 2 ст. 285.5, и ст. 285.6 УК РФ), в связи с криминализацией деяния такое лицо (при наличии признака повторности в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию) будет подлежать уголовной ответственности. Решение законодателя криминализировать ряд противоправных деяний в сфере выполнения

⁶ Любый И.В. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2022. С. 108.

⁷ Результаты анкетирования (в рамках диссертационного исследования Е.В. Шмирова) сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, наделенных полномочиями по расследованию уголовных дел в сфере государственного оборонного заказа.

государственного оборонного заказа (ст. 285.5, за исключением ч. 2 ст. 285.5, и ст. 285.6 УК РФ) обусловлено предъявлением повышенных требований к должностным лицам, выступающим от лица государственного заказчика. Такое решение вполне обоснованно и продиктовано необходимостью не столько соблюдения процедур, регламентированных федеральным законодательством о закупочной деятельности, сколько увеличения оборотов промышленного производства и укрепления военного потенциала государства в условиях борьбы за внешнюю независимость, а также за внутренний правопорядок. Именно выполнение поставленных задач по наращиванию объема оборонно-промышленного потенциала страны в кратчайшие сроки предопределяет дальнейшее состояние всех структурных элементов государства.

Вместе с тем весьма затруднительно в правоприменительной деятельности применение условий, указанных в примечании к ст. 285.5, равно как и 201.2 УК РФ, согласно которым лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности за совершение им повторного нарушения, которое квалифицируется как уголовно наказуемое деяние (принцип действия административной преюдиции).

Так, по мнению Н.А. Егоровой, А.Г. Егорова⁸, отсутствие в примечании к вышеуказанным уголовно-правовым нормам такого условия, как «своевременность устранения нарушений», порождает не только отсутствие единообразия в применении правоприменителем законных оснований для освобождения лица от уголовной ответственности, но также и в целом обоснованность его применения в случае, если лицо устранило допущенные им нарушения закона лишь после того, как об этом стало известно правоохранительным органам.

Соглашаясь с мнением ученых, мы полагаем, что основанием для освобождения такого лица от уголовной ответственности за совершение вышеуказанных преступлений в сфере гособоронзаказа будет являться именно факт осознанного и своевременного устранения допущенных им нарушений закона не под страхом того, что об этом стало известно правоохранительным

органам, и что уголовного преследования такому лицу в противном случае не избежать.

Следует также отметить, что далеко не в каждом случае наступление общественно опасных последствий при совершении преступления, предусмотренного ст. 285.4 УК РФ, должно приводить именно к материальному ущербу.

Как справедливо отмечает В.Н. Борков, несмотря на имущественный характер контрактных отношений, общественную опасность злоупотребления при выполнении гособоронзаказа нельзя связывать только с конкретными суммами денежных средств, так как ущерб от поставки некачественной продукции в вооруженные силы выходит за рамки материального⁹.

По одному из уголовных дел суд установил в качестве признака общественно опасного последствия содеянного причинение Министерству обороны РФ имущественного вреда в размере 639 630,00 руб., а также подрыв авторитета воинских должностных лиц в связи с формированием у руководства коммерческой организации мнения о возможности их подкупа¹⁰.

По мнению Н.В. Бугаевской, «смещение акцента с обычной служебной деятельности на выполнение задач в сфере обороны и безопасности государства позволило некоторым ученым усомниться в правильности определения видового объекта и помещения законодателем статей о должностных злоупотреблениях в сфере гособоронзаказа именно в главу 30 УК РФ, а не в иные главы УК РФ раздела X»¹¹.

В частности, Н.А. Егорова предлагает включить ст. 285.4, равно как и ст. 201.1 УК РФ, в главу 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», поскольку причиняемый вред, являющийся последствием данных деяний, связан с обеспечением внешней безопасности Российской Федерации¹².

⁹ Борков В.Н. Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа // Законность. 2018. № 3. С. 53.

¹⁰ Апелляционное определение Балтийского флотского военного суда от 30.01.2020 № 22-04/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ Бугаевская Н.В. Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа // 60-я Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава ТулГУ с всероссийским участием (Тула, 5—9 февраля 2024 г.): сборник докладов: в 2 ч. Ч. 2. Тула, 2024. С. 409.

¹² Егорова Н.А. Злоупотребление служебными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 133.

⁸ Егорова Н.А., Егоров А.Г. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом (ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 14.

По справедливому замечанию А.Я. Асниса, «поместив ст. 201.1 УК РФ в главу 23 УК РФ, законодатель признал родовым объектом соответствующего посягательства общественные отношения, обеспечивающие интересы службы в коммерческих и иных организациях негосударственного сектора». При этом непосредственным объектом рассматриваемого преступления являются «вовсе не интересы работодателя, а охраняемые законом интересы общества и (или) государства при выполнении государственного оборонного заказа»¹³.

Поддерживая С.Л. Нуделя в том, что дискуссионным представляется включение ст. 201.2 и 201.3 УК РФ (*равно как и ст. 201.1 УК РФ*) в гл. 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» УК РФ, при том что идентичные по содержанию (за исключением субъекта преступления) ст. 285.5 и 285.6 УК РФ (*равно как и ст. 285.4 УК РФ*) обоснованно включены в гл. 30 УК РФ как охраняющие установленный порядок заключения и выполнения контрактов по государственному оборонному заказу¹⁴, мы являемся сторонниками единых оснований уголовной ответственности (независимо от вида субъекта, совершающего преступления в сфере государственного оборонного заказа), поскольку объект и объективная сторона деяний, предусмотренных ст. 285.4, 285.5, 285.6 УК РФ и ст. 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ, идентичны, и считаем целесообразным исключить из содержания УК РФ ст. 201.1—201.3, заменив их в главе 30 УК РФ новыми статьями. Это обусловлено тем, что преступления, предусмотренные ст. 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ, посягают в первую очередь на интересы государственной власти, государственных органов, органов местного самоуправления, поскольку вопросы национальной безопасности являются ключевой задачей государственной политики в условиях современных реалий. Вместе с тем реализация контрактов по государственному оборонному заказу, безусловно, затрагивает стратегические ресурсы государства, следовательно, совершаемые полномочными лицами преступные действия, а также их бездействие

(при нарушении сроков поставок, выполнения стратегически важных работ, при уклонении от заключения или при отказе от заключения соответствующего контракта, выполнения условий контракта по государственному оборонному заказу) обуславливают наступление общественно опасных последствий, при которых происходит хищение государственной собственности, а также возникает прямая угроза формированию и своевременному развитию оборонно-промышленного комплекса государства, что, несомненно, ставит под угрозу национальную безопасность, выступающую, по нашему мнению, основным объектом преступного посягательства данных видов должностных преступлений.

Кроме того, условия выполнения контрактных обязательств по государственному оборонному заказу связаны с использованием исключительно государственных активов, применяемых в экономических правоотношениях. В связи с чем представляется спорным определение основного объекта рассматриваемых выше составов преступлений (ст. 201.1, 201.2, 201.3 УК РФ) как «интересов службы в коммерческих и иных организациях» и размещение их в гл. 23 УК РФ.

Список литературы

1. Аснис А.Я. Новеллы УК РФ об ответственности за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа: проблемы толкования и применения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 147—156.
2. Борков В.Н. Повышена ответственность за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа // Законность. 2018. № 3. С. 49—53.
3. Бугаевская Н.В. Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа // 60-я Научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава ТулГУ с всероссийским участием (Тула, 5—9 февраля 2024 г.): сборник докладов: в 2 ч. Ч. 2. Тула: ТулГУ, 2024. С. 408—412.
4. Егорова Н.А. Злоупотребление служебными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 132—138. doi: 10.36511/2078-5356-2019-4-132-138.
5. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Новые составы преступлений против интересов службы, связанные с государственным оборонным заказом

¹³ Аснис А.Я. Новеллы УК РФ об ответственности за злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа: проблемы толкования и применения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6. С. 151.

¹⁴ Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 1. С. 16—17.

(ст. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 2 (65). С. 9—19. doi: 10.25724/VAMVD.A110.

6. Любый И.В. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2022. 225 с.

7. Нудель С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 1. С. 5—22. doi: 10.12737/jrp.2023.001.

References

1. Asnis, A.Ya. (2018) Novelty UK RF ob otvetstvennosti za zloupotrebleniya pri vypolnenii gosudarstvennogo oboronnoy zakaza: problemy tolkovaniya i primeneniya [Novelties of the Criminal Code on liability for abuse in the performance of the state defense order: problems of interpretation and application]. *Gaps in Russian Legislation*, no. 6, pp. 147–156. (In Russ.).

2. Borkov, V.N. (2018) Povyshena otvetstvennost' za zloupotrebleniya pri vypolnenii gosudarstvennogo oboronnoy zakaza [Liability for improper fulfillment of a government defense order]. *Zakonnost'*, no. 3, pp. 49–53. (In Russ.).

3. Bugaevskaya, N.V. (2024) Narushenie dolzhnostnym litsom usloviy gosudarstvennogo kontrakta po gosudarstvennomu oboronnomu zakazu libo usloviy dogovora, zaklyuchennogo v tselyakh vypolneniya gosudarstvennogo oboronnoy zakaza [Violation by an official of the terms of a state contract for a state defense order or the terms of an agreement concluded for the purpose of fulfilling a state defense order]. In:

60-ya Nauchno-prakticheskaya konferentsiya professorsko-prepodavatel'skogo sostava TulGU s vserossiyskim uchastiem, February 5–9, 2024. Vol. 2. Tula, TulSU, pp. 408–412. (In Russ.).

4. Egorova, N.A. (2019) Zloupotrebleniye sluzhebnyimi polnomochiyami pri vypolnenii gosudarstvennogo oboronnoy zakaza [Abuse of authority in the execution of the state defense order]. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 4, pp. 132–138. (In Russ.). doi: 10.36511/2078-5356-2019-4-132-138.

5. Egorova, N.A., Egorov, A.G. (2023) Novye sostavy prestupleniy protiv interesov sluzhby, svyazannye s gosudarstvennym oboronnyim zakazom (st. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [New crimes against service related to the government defence order (Art. 201.2, 201.3, 285.5, 285.6 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 2, pp. 9–19. (In Russ.). doi: 10.25724/VAMVD.A110.

6. Lyubyy, I.V. (2022) Ugolovno-pravovye меры protivodeystviya zloupotrebleniyam v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd [Criminal law measures to counteract abuses in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs]. Ph. D. thesis. Omsk, 225 p. (In Russ.).

7. Nudel, S.L. (2023) Modernizatsiya ugolovnoy politiki: problemy pravovogo regulirovaniya [Modernization of criminal policy: problems of legal regulation]. *Journal of Russian Law*, vol. 27, no. 1, pp. 5–22. (In Russ.). doi: 10.12737/jrp.2023.001.

Информация об авторе

Е.В. Шмиров — аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, руководитель следственного отдела по городу Онега следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, капитан юстиции.

Information about the author

E.V. Shmirov – Postgraduate student of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Onega Investigation Department of the Investigative Department for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug of the Investigative Committee of the Russian Federation, Captain of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 188—196.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2026, no. 2, pp. 188–196.

УДК 351.74:070
doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.022

NIION: 2015-0065-02/26-397
MOSURED: 77/27-010-2026-02-596

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации: вопросы правового регулирования, организационного и научно-методического обеспечения

Валентина Николаевна Юрченкова

Академия управления МВД России, Москва,
Россия, yurchenkovav@bk.ru

Аннотация. В научной статье, опираясь на базу фундаментальных и прикладных исследований, на результаты изучения сложившейся практики взаимодействия, представлены проблемные вопросы, касающиеся теоретических, правовых, организационных и научно-методических основ взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации. Автор обращает внимание, что система теоретических, правовых, организационных и научно-методических основ взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации еще недостаточно выстроена, что способствует сложностям, ошибкам в правотворчестве и правоприменении.

В статье обозначены далеко не все имеющиеся проблемы, которые, безусловно, требуют отдельного всестороннего исследования. Автором предпринята попытка тезисного освещения вышеперечисленных проблемных вопросов, разрешение которых усматривается лишь при условии дальнейшего развития теоретико-методологических положений, являющихся базисом для формирования прикладных рекомендаций.

Ключевые слова: правовое регулирование, организационное обеспечение, научно-методическое обеспечение, органы внутренних дел, средства массовой информации, СМИ, концепция.

Научный руководитель: И.П. Можаяева, заместитель начальника научно-исследовательского центра начальника отдела планирования и контроля научных исследований Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент, полковник полиции.

Для цитирования: Юрченкова В.Н. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации: вопросы правового регулирования, организационного и научно-методического обеспечения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2026. № 2. С. 188—196. doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.022.

Interaction between law enforcement agencies and the media: issues of legal regulation, organizational, scientific and methodological support

Valentina N. Yurchenkova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Moscow, Russia, yurchenkovav@bk.ru

Abstract. This research article, drawing on fundamental and applied research and the results of studying established practices, presents problematic issues related to the theoretical, legal, organizational, scientific and methodological foundations of interaction between internal affairs agencies and the media. The author notes that the system of theoretical, legal, organizational, scientific and methodological foundations for interaction between internal affairs agencies and the media is not yet sufficiently developed, which contributes to difficulties and errors in lawmaking and law enforcement.

The article does not address all the existing problems, which undoubtedly require separate, comprehensive research. The author attempts to briefly address the aforementioned problematic issues, the resolution of which is envisaged only through the further development of theoretical and methodological principles that form the basis for the development of practical recommendations.

Keywords: legal regulation, organizational support, scientific and methodological support, internal affairs agencies, mass media, media, concept.

Scientific supervisor: I.P. Mozhaeva, Deputy Head of the Scientific Research Center — Head of the Department of Planning and Control of Scientific Research at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor, Police Colonel.

For citation: Yurchenkova, V.N. (2026) Interaction between law enforcement agencies and the media: issues of legal regulation, organizational, scientific and methodological support. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 188–196. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2026.48.2.022.

Введение. Организация взаимодействия органов внутренних дел (далее — ОВД) с многочисленными институтами гражданского общества, включая средства массовой информации (далее — СМИ), входит в число системообразующих направлений правоохранительной деятельности, о чем справедливо отмечают ученые и практики¹, обращая внимание на различные аспекты и уровни указанного взаимодействия.

Потребность в поиске новых форм и методов организации взаимодействия ОВД и институтов гражданского общества не теряет своей актуальности не только по причине закрепления на государственном уровне в документах стратегического планирования, а также в связи с необходимостью консолидации усилий по противодействию, сложившейся в силу геополитического переустройства мирового порядка, вызовов и угроз национальной безопасности страны.

Следует отметить, что в теории взаимодействия выделяются как различные аспекты, уровни, так и многочисленные виды взаимодействия, имеющие свою специфику с учетом сфер познания. Например, взаимодействие рассматривается как взаимосвязь, как деятельность, как процесс, как функция, как форма и т. д.

Эффективность отдельных направлений деятельности напрямую зависит от разграничения уровней взаимодействия всех субъектов. При этом следует особо подчеркнуть наличие многоаспектных систем классификаций и многочисленных видов взаимодействия с учетом различных сфер деятельности и научных знаний.

Важно подчеркнуть, что деятельность по взаимодействию ОВД со СМИ также имеет многоаспектный и многоуровневый характер. Применительно к теоретическим основам взаимодействия ОВД со СМИ целесообразно выделять

философский, правовой, социологический, управленческий, уголовно-процессуальный и криминалистический, оперативно-разыскной и другие² аспекты и их уровни. Это, следовательно, затрудняет процесс познания теории и методологии взаимодействия ОВД со СМИ.

Основная часть. Несмотря на особое внимание исследователей, представителей различных областей научных знаний к институтам «органы внутренних дел», «гражданское общество» и «средства массовой информации», особенности правового регулирования и организационных основ обеспечения их взаимодействия, выраженных в сформированном с учетом современных реалий механизме, до настоящего времени не являлись предметом самостоятельного комплексного исследования.

Важно констатировать, что система теоретических, правовых, организационных и научно-методических основ взаимодействия ОВД со СМИ еще недостаточно выстроена. Существующие негативные тенденции предопределили необходимость комплексного научного осмысления всех аспектов и уровней взаимодействия ОВД со СМИ.

Тезисно обозначим основные проблемы.

1. *Теоретико-методологические вопросы*, касающиеся, во-первых, унификации познания теоретической конструкции «взаимодействие органов внутренних дел со СМИ»; во-вторых, понятия и сущности взаимодействия; в-третьих, соотношения данного понятия с терминами «содействие», «сотрудничество», «участие», «коммуникация»; в-четвертых, понятия «средства массовой информации», их роли в системе обеспечения информационной безопасности.

Наибольший плюрализм в вопросах понятия и сущности вышеуказанных терминов наблюдается в исследованиях правоведов, что приводит к расхождению в правотворчестве и правоприменении.

Особое внимание понятию, цели, принципам, типам и формам взаимодействия полиции и институтов гражданского общества уделит в научной статье Е.В. Киричёр³, подчеркнув, что исследование вопросов взаимодействия полиции

¹ Киричёр Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11, 12.00.02. М., 2015; Кононов А.М., Петрова О.В. К вопросу о применении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в соглашениях МВД России и его территориальных органов на региональном уровне с государственными органами и негосударственными организациями // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 117—125; Саетгараев В.Ф. Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2023. С. 261—268.

² Теохаров А.К. Совершенствование взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации по выявлению и предупреждению преступлений // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 174—179.

³ Киричёр Е.В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1093—1103.

и институтов гражданского общества, изучение действующей нормативной правовой базы в данной сфере позволяет сделать вывод, что законодатель использует множество различных терминов, не давая им необходимой для понимания интерпретации.

Так, Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴ (далее — Закон о полиции) закрепляет взаимодействие и сотрудничество в качестве одного из основополагающих принципов организации деятельности полиции (ст. 10). В данной норме используются термины «взаимодействие», «содействие».

Также наряду с указанными терминами законодатель использует такие, как «участие», «помощь». При этом нормы Закона о полиции не дают определения данных понятий, в том числе понятия «сотрудничество».

Наличие «терминологического хаоса» в национальном законодательстве обуславливает потребность в единстве нормотворческой терминологии, позволяющей установить унифицированный перечень терминов, что обеспечивает единообразие в толковании.

2. Вопросы дальнейшего построения системы *правового регулирования взаимодействия ОВД со СМИ*, а также выработки рекомендаций по повышению ее эффективности.

Традиционно система правового регулирования взаимодействия органов внутренних дел со СМИ имеет многоуровневую иерархию, объединяющую законодательство Российской Федерации, международные правовые акты, нормативные правовые и организационно-распорядительные акты МВД России, регламентирующие вопросы организационно-управленческой деятельности. Для выявления возможных правовых коллизий и пробелов в сфере регламентации организации регулирования взаимодействия ОВД со СМИ важно исследовать указанную иерархию норм.

Система *правового регулирования взаимодействия ОВД со СМИ* в современных условиях представлена иерархией нормативных правовых актов, которые определяют механизм рассматриваемой деятельности, компетенцию взаимодействующих субъектов. Данную систему правового регулирования возможно классифицировать в зависимости от оснований и различных уровней.

Важность комплексного научного осмысления всех аспектов и уровней взаимодействия ОВМ со СМИ, наличие не решенных на протяжении десятилетий проблем системного характера предопределяют необходимость познания правового регулирования *отдельных направлений указанного взаимодействия*: во-первых, правовое регулирование отношений в правоохранительной сфере; во-вторых, правовое регулирование отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации; в-третьих, правовое регулирование взаимодействия ОВД с системой органов публичной власти (федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления)⁵, организаций и институтов гражданского общества, включая СМИ.

Правотворческая и правоприменительная практика в сфере взаимодействия ОВД со СМИ формируется, на наш взгляд, с учетом задач и функций указанной деятельности.

Организация взаимодействия ОВМ со СМИ, осуществляемая по направлениям деятельности (уголовно-процессуальной, управленческой и криминалистической, оперативно-разыскной; особенности взаимодействия со СМИ в процессе осуществления административно-юрисдикционной деятельности, в сфере информационного сопровождения деятельности МВД России в СМИ и др.), имеет четкое правовое регулирование, соответствующее уровням взаимодействия.

Обращая внимание на отсутствие консолидированного нормативного правового акта, который регулирует основные направления, функции, задачи, а также тенденции развития рассматриваемой деятельности, считаем обоснованным предложение, неоднократно высказываемое в научных кругах и среди практиков, на которых возложена обязанность по взаимодействию со СМИ, о выработке единого концептуального подхода.

Идею о целесообразности разработки и нормативного закрепления Единой концепции системного взаимодействия МВД России со СМИ, общественными объединениями, организациями и населением предлагает в своих трудах

⁴ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

⁵ Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 195—196.

Р.М. Янбухтин⁶. Вышеуказанная позиция не единожды обосновывалась учеными (А.И. Тамбовцев, А.Н. Калюжный, Е.В. Киричёр)⁷, ряд которых предлагает рассмотреть возможность формирования Концепции применительно к различным сферам, например в сфере противодействия коррупции (Р.Р. Алиуллов, В.Ф. Саетгараев)⁸.

По нашему мнению, в целях совершенствования организации взаимодействия ОВД со СМИ необходимо разработать и утвердить *Концепцию совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества*, актуальную на современный период.

Концепция исходила бы из необходимости принятия мер организационно-правового, научно-методического характера, направленных на выработку эффективных подходов к организации прямой и обратной информационной связи с институтами гражданского общества, способствующих максимальному использованию возможностей гражданского общества, включая СМИ, в интересах оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности⁹.

⁶ Янбухтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. 2. С. 217.

⁷ См.: Тамбовцев А.И. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации: достоинства и недостатки действующих нормативных правовых актов // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 1 (25). С. 103; Калюжный А.Н. Административно-правовые основы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2005; Киричёр Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11, 12.00.02. М., 2015.

⁸ См.: Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф. Формы и методы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 20—25; Саетгараев В.Ф. Указ. соч. С. 261—268.

⁹ Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и общественными объединениями на 2005—2008 годы: приказ МВД России от 5 сентября 2005 г. № 718 (утратил силу).

3. Вопросы дальнейшего формирования *организационного механизма взаимодействия ОВД и СМИ*. Современные геополитические угрозы и вызовы обусловили потребность в модернизации сложившейся системы взаимодействия, поиске новых форм взаимодействия. В этой связи актуальной является потребность в совершенствовании критериев эффективности взаимодействия ОВД со СМИ.

Критерием взаимодействия, как справедливо отмечает Е.В. Киричёр, выступает социальная стабильность общества, социализация личности, различные формы и методы взаимодействия. Развивая указанную идею, предлагаем разработать критерии эффективности взаимодействия полиции с общественными объединениями и иными институтами гражданского общества¹⁰, включая СМИ.

Исследуя *организационный механизм* взаимодействия ОВД и СМИ, необходимо обратить внимание, что он формируется за счет совокупности следующих взаимосвязанных и взаимодействующих элементов:

- во-первых, организации структурного построения субъектов взаимодействия (ОВД и СМИ) с учетом уровней управления (федеральный, региональный, районный, персонифицированный);
- во-вторых, организации процесса функционирования и деятельности субъектов и объектов взаимодействия (ОВД и СМИ), в том числе с учетом традиционных функций управления, которые пронизывают все открытые системы социального управления;
- в-третьих, целенаправленности взаимодействия с учетом направлений данной деятельности и реализуемых мероприятий;
- в-четвертых, условий и факторов, обуславливающих процесс взаимодействия, сформированных средств, приемов и методов взаимодействия;
- в-пятых, организации рационального планирования взаимодействия, контроля, оценки деятельности с учетом уровня ожидаемых результатов.

В соответствии с распоряжением МВД России от 27 ноября 2025 г. № 1/15374¹¹ с 1 янва-

¹⁰ Киричёр Е.В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы. С. 1093—1103.

¹¹ Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции УОС МВД России: распоряжение МВД России от 27 ноября 2025 г. № 1/15374.

ря 2026 г. введена в действие отраслевая методика оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции УОС МВД России. Отраслевая методика определяет порядок изучения эффективности деятельности территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях по направлениям «информирование населения, государственных органов и общественных организаций о деятельности проинспектированного органа» и «работа со средствами массовой информации», а также порядок выставления *фактической оценки направлений деятельности территориального органа МВД России компетенции УОС МВД России*. При этом задачами фактической оценки направлений являются¹²:

1) определение и оценка соответствия организации деятельности территориального органа МВД России по взаимодействию с институтами гражданского общества и СМИ требованиям законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов МВД России;

2) изучение и оценка соответствия информации, представляемой территориальным органом МВД России в УОС МВД России, реальному положению дел;

3) выявление причин и условий, способствующих возникновению нарушений и недостатков в деятельности территориального органа МВД России;

4) оказание практической и методической помощи в решении возникающих проблемных вопросов.

4. *Научно-методическое обеспечение взаимодействия ОВД и СМИ*, отвечающее современным тенденциям развития науки и техники, обусловленное совокупностью направлений, воздействующих на оперативно-служебную деятельность сотрудников и руководителей (заместителей руководителей) подразделений информации и общественных связей с целью ее оптимизации.

Важно обратить внимание, что руководство страны и МВД России в последние годы неоднократно обозначали две первоочередные про-

блемы — технологическая и цифровая трансформация, а также кадровый дефицит и потребность в профессиональном кадровом составе. Президент Российской Федерации 4 марта 2026 г. отметил, что «...серьезной проблемой МВД остается существенный некомплект личного состава»¹³.

«Вместе с тем ни одно техническое достижение на данном этапе не может заменить самый ценный ресурс — это ресурс человеческий», — на это справедливо обратил внимание Министр внутренних дел Российской Федерации¹⁴. В этой связи формирование эффективной системы научно-методического обеспечения направлений оперативно-служебной деятельности может выступить одним из компенсаторов дефицита кадров и недостаточного уровня профессионализма.

Своевременное научно-методическое обеспечение призвано через совокупность направлений воздействовать на оперативно-служебную деятельность сотрудников и руководителей (заместителей руководителей) подразделений информации и общественных связей с целью ее оптимизации.

Познание понятия и сущности научно-методического обеспечения деятельности в рамках разрешения проблем организации оперативно-служебной деятельности по отдельным направлениям не раз становилось предметом исследования ученых¹⁵.

¹³ Расширенное заседание коллегии МВД // Президент России: [офиц. сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/79255 (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁴ Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // МВД Медиа: [сайт]. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kolleгии-mvd-rossii-2026/> (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁵ См.: Степущенко О.А. Научно-методическое обеспечение деятельности МВД по Республике Татарстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 132—135; Манжукова О.А. Научно-методическое обеспечение деятельности МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: организационный и правовой аспекты (по материалам ГУВД по г. Москве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009; Игошин Н.А. Научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки сотрудников полиции: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 163—169; Болдырев У.К. К вопросу об организации научно-методического обеспечения правоохранительной деятельности полиции // Закон и право. 2017. № 2. С. 86—88; Можаяева И.П. Совершенствование организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как перспективное направление научного обеспечения органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 221—228 и др.

¹² См. приложение № 2 к Порядку выставления статистических оценок по направлениям деятельности территориального органа МВД России компетенции УОС МВД России, утвержденному распоряжением МВД России от 27 ноября 2025 г. № 1/15374 «Об утверждении отраслевой методики оценки направлений деятельности территориальных органов МВД России компетенции УОС МВД России».

Обращаясь к Положению об УОС, в котором закреплены основные задачи и функции УОС¹⁶, следует отдельно выделить те, которые характеризуют *направления научно-методического обеспечения взаимодействия ОВД и СМИ и мероприятия, осуществляемые в целях достижения ожидаемого результата*. В их числе:

- организационно-методическое обеспечение деятельности подразделений информации и общественных связей, разработка рекомендаций и методических пособий (п. 11.32.);
- изучение эффективности деятельности подразделений информации и общественных связей по вопросам, относящимся к компетенции УОС (п. 11.33);
- разработка проектов типовых положений о подразделениях информации и общественных связей территориальных органов МВД России (п. 11.34);
- организация и проведение совещаний-семинаров с руководителями подразделений информации и общественных связей (п. 11.35);
- участие в разработке программ по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования сотрудников и работников подразделений информации и общественных связей по специализациям соответствующей направленности (п. 11.36).

Ключевой составляющей при совершенствовании научно-методического обеспечения взаимодействия ОВД со СМИ является комплекс мероприятий по повышению квалификации сотрудников ОВД. Положительный опыт по данному направлению выработан в Академии управления МВД России путем внедрения новых форм обучения¹⁷, в том числе оборудования

пресс-центра, ситуационного центра, обеспечивающего мониторинг эффективности оперативно-служебной деятельности¹⁸.

В целях обеспечения соответствия квалификации сотрудников подразделений информации и общественных связей меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды на протяжении нескольких лет преподается учебная дисциплина «Организация общественных связей в государственном и муниципальном управлении». Программа дисциплины нацелена на получение слушателями знаний, умений и навыков по организации мероприятий по поддержанию общественных связей, проведению коммуникационных кампаний, разработке программ информационного воздействия на целевые аудитории и участию в их реализации.

Кроме того, успешно реализуется дополнительная профессиональная программа повышения квалификации руководителей (заместителей руководителей) подразделений информации и общественных связей образовательных организаций МВД России, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, руководителей

России, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, руководителей (заместителей руководителей) управлений (отделов) УОС МВД России (с применением исключительно дистанционных образовательных технологий). М.: Академия управления МВД России, 2026. 27 с.)

¹⁶ Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20.12.2024 № 905.

¹⁷ Рабочая программа учебной дисциплины «Организация общественных связей в государственном и муниципальном управлении» подготовлена в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление, утвержденное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1000. (Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации руководителей (заместителей руководителей) подразделений информации и общественных связей образовательных организаций МВД России, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях, руководителей (заместителей руководителей) управлений (отделов) УОС МВД России (с применением исключительно дистанционных образовательных технологий). М.: Академия управления МВД России, 2026. 27 с.)

¹⁶ Об утверждении Положения об Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 20.12.2024 № 905.

¹⁷ Рабочая программа учебной дисциплины «Организация общественных связей в государственном и муниципальном управлении» подготовлена в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — магистратура по направлению подготовки 38.04.04 Государственное и муниципальное управление, утвержденное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13.08.2020 № 1000. (Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации руководителей (заместителей руководителей) подразделений информации и общественных связей образовательных организаций МВД

(заместителей руководителей) управлений (отделов) УОС МВД России (с применением исключительно дистанционных образовательных технологий). Цель реализации программы — удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие, обеспечение соответствия квалификации руководителей, сотрудников меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды.

Заключение. Совершенствование теоретических, правовых, организационных и научно-методических основ взаимодействия ОВД со СМИ должно осуществляться системно, с использованием эффективных и достоверных средств, приемов и методов и быть направлено: 1) на выявление сложностей правового регулирования, теоретико-прикладных проблем, требующих разрешения, в ходе осуществления служебной деятельности в ОВД и многоаспектной деятельности СМИ; 2) проведение научных исследований, направленных на разрешение всего комплекса проблем взаимодействия ОВД со СМИ; 3) рациональное планирование в сфере научного обеспечения взаимодействия ОВД и СМИ; 4) создание научной продукции прикладного и фундаментального характера, направленной на повышение эффективности взаимодействия ОВД со СМИ; 5) апробацию и внедрение научной и научно-технической продукции в деятельность ОВД; 6) изучение международной практики и возможности внедрения отдельных эффективных направлений в национальную модель взаимодействия рассматриваемых субъектов; 7) организацию и проведение конференций, семинаров и совещаний с участием представителей СМИ по вопросам взаимодействия с органами внутренних дел; 8) разработку программ образовательной направленности с учетом инновационного практико-ориентированного подхода; 9) оказание практической и методической помощи в решении возникающих проблемных вопросов и др.

Список литературы

1. Алиуллов Р.Р., Саетгараев В.Ф. Формы и методы взаимодействия подразделений полиции в сфере реализации оперативно-служебных задач // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3 (21). С. 20—25.
2. Болдырев У.К. К вопросу об организации научно-методического обеспечения правоохранительной деятельности полиции // Закон и право. 2017. № 2. С. 86—88.
3. Игошин Н.А. Научно-методическое обеспечение профессиональной подготовки сотруд-

ников полиции: постановка проблемы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 3 (33). С. 163—169.

4. Калюжный А.Н. Административно-правовые основы взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2005. 217 с.

5. Киричëк Е.В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: понятие, цели, принципы, типы и формы // Lex Russica. 2014. № 9. С. 1093—1103.

6. Киричëк Е.В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.11, 12.00.02. М., 2015. 537 с.

7. Княжев В.Б., Грищенко Л.Л. К вопросу о создании ситуационного центра Академии управления МВД России в целях дальнейшего совершенствования уровня подготовки (обучения) руководящего состава органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 54—58.

8. Княжев В.Б., Майдыков А.Ф. К вопросу о современных угрозах национальной безопасности и их влиянии на деятельность правоохранительных органов // Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и механизм ее реализации: сборник трудов военно-научной конференции (Москва, 19 октября 2016 г.) М.: Военная академия Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, 2016. С. 212—218.

9. Кобзарь-Фролова М.Н. Система органов публичной власти Российской Федерации: понятие, характерные признаки, взаимодействие // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18, № 2. С. 192—203. doi: 10.19073/2658-7602-2021-18-2-192-203.

10. Кононов А.М., Петрова О.В. К вопросу о применении понятий «взаимодействие» и «сотрудничество» в соглашениях МВД России и его территориальных органов на региональном уровне с государственными органами и негосударственными организациями // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49). С. 117—125.

11. Манжукова О.А. Научно-методическое обеспечение деятельности МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации: организационный и правовой аспекты (по материалам ГУВД по г. Москве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.

12. Можяева И.П. Совершенствование организации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений как перспективное направление научного обеспечения органов внутренних дел // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 221—228.

13. Саеггараев В.Ф. Организационно-правовой механизм сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. М., 2023. 295 с.

14. Степушенко О.А. Научно-методическое обеспечение деятельности МВД по Республике Татарстан // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1. С. 132—135.

15. Тамбовцев А.И. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации: достоинства и недостатки действующих нормативных правовых актов // Актуальные вопросы публичного права. 2014. № 1 (25). С. 92—110.

16. Теохаров А.К. Совершенствование взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации по выявлению и предупреждению преступлений // Философия права. 2024. № 2 (109). С. 174—179.

17. Янбухтин Р.М. Правоохранительные органы и СМИ: проблемы и принципы взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (57), ч. 2. С. 213—217.

References

1. Aliullov, R.R., Saetgaraev, V.F. (2015) *Formy i metody vzaimodeystviya podrazdeleniy politzii v sfere realizatsii operativno-sluzebnnykh zadach* [Forms and methods of interaction between police units in the implementation of operational and service tasks]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 3, pp. 20–25. (In Russ.).

2. Boldyrev, U.K. (2017) *K voprosu ob organizatsii nauchno-metodicheskogo obespecheniya pravookhranitel'noy deyatel'nosti politzii* [On the issue of organizing scientific and methodological support for law enforcement activities of the police]. *Law & Legislation*, no. 2, pp. 86–88. (In Russ.).

3. Igoshin, N.A. (2015) *Nauchno-metodicheskoe obespechenie professional'noy podgotovki sotrudnikov politzii: postanovka problemy* [On the issue of scientific and methodological support of professional law enforcement training]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 3, pp. 163–169. (In Russ.).

4. Kalyuzhnyy, A.N. (2005) *Administrativno-pravovye osnovy vzaimodeystviya organov vnutrennikh del so sredstvami massovoy informatsii* [Administrative and legal foundations of interaction between internal affairs bodies and the mass media]. Ph. D. thesis. Moscow, 217 p. (In Russ.).

5. Kirichek, E.V. (2014) *Vzaimodeystvie politzii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, tseli, printsipy, tipy i formy* [The interaction of the police and institutions of civil society in the Russian Federation: the concept, objectives, principles, types and forms]. *Lex Russica*, no. 9, pp. 1093–1103. (In Russ.).

6. Kirichek, E.V. (2015) *Organizatsionno-pravovoy mekhanizm obespecheniya konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyakh vzaimodeystviya politzii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii* [Organizational and legal mechanism for ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of interaction between the police and civil society institutions in the Russian Federation]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 537 p. (In Russ.).

7. Knyazhev, V.B., Grishchenko, L.L. (2017) *K voprosu o sozdaniy situatsionnogo tsentra Akademii upravleniya MVD Rossii v tselyakh dal'neyshego sovershenstvovaniya urovnya podgotovki (obucheniya) rukovodyashchego sostava organov vnutrennikh del* [Further measures to improve training of senior commanders for the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: equipping the Ministry's Academy of Management with a situation management center]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, no. 1, pp. 54–58. (In Russ.).

8. Knyazhev, V.B., Maydykov, A.F. (2016) *K voprosu o sovremennykh ugrozakh natsional'noy bezopasnosti i ikh vliyaniy na deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov* [On the issue of modern threats to national security and their impact on the activities of law enforcement agencies]. In: *Strategiya natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i mekhanizm ee realizatsii. Sbornik trudov voenno-nauchnoy konferentsii, October 19, 2016*. Moscow, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, pp. 212–218. (In Russ.).

9. Kobzar-Frolova, M.N. (2021) *Sistema organov publichnoy vlasti Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, kharakternye priznaki, vzaimodeystvie* [The system of public authorities of the Russian Federation: concept, characteristics, interaction]. *Siberian Law Review*, vol. 18, no. 2, pp. 192–203. (In Russ.). doi: 10.19073/2658-7602-2021-18-2-192-203.

10. Kononov, A.M., Petrova, O.V. (2020) K vo-
prosu o primeneniі ponyatiy “vzaimodeystvie” i
“sotrudnichestvo” v soglasheniyakh MVD Rossii
i ego territorial’nykh organov na regional’nom
urovne s gosudarstvennymi organami i negosudarst-
vennymi organizatsiyami [On the application of
the concepts of “interaction” and “cooperation”
in agreements of the Ministry of Internal Affairs
of Russia and its territorial bodies on regional level
with state authorities and nongovernmental
organization]. *Scientific portal of the Russia Ministry
of the Interior*, no. 1, pp. 117–125. (In Russ.).

11. Manzhukova, O.A. (2009) Nauchno-
metodicheskoe obespechenie deyatel’nosti MVD,
GUVd, UVD po sub’ektam Rossiyskoy Federatsii:
organizatsionnyy i pravovoy aspekty (po materia-
lam GUVd po g. Moskve) [Scientific and metho-
dological support for the activities of the Ministry
of Internal Affairs, Main Directorate of Internal
Affairs, and Directorate of Internal Affairs in
the constituent entities of the Russian Federation:
organizational and legal foundations (based on the
materials of the Main Directorate of Internal
Affairs in Moscow)]. Abstract of Ph. D. thesis.
Moscow, 24 p. (In Russ.).

12. Mozhaeva, I.P. (2018) Sovershenstvovanie
organizatsii deyatel’nosti po raskrytiyu i rassledo-
vaniyu prestupleniy kak perspektivnoe napravlenie
nauchnogo obespecheniya organov vnutrennikh del
[Perfection of the organization of activity on the
disclosure and investigation of crimes as a
perspective direction of scientific support bodies of
internal affairs]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo
instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 221–228. (In Russ.).

13. Saetgaraev, V.F. (2023) Organizatsionno-
pravovoy mekhanizm sotrudnichestva organov
vnutrennikh del i institutov grazhdanskogo obshchest-

va v sfere protivodeystviya korruptsii [Organizational
and legal mechanism for cooperation between
internal affairs bodies and civil society institu-
tions in the sphere of combating corruption].
Ph. D. thesis. Moscow, 295 p. (In Russ.).

14. Stepushchenko, O.A. (2010) Nauchno-
metodicheskoe obespechenie deyatel’nosti MVD po
Respublike Tatarstan [Scientific and methodolo-
gical support for the activities of the Ministry of
Internal Affairs of the Republic of Tatarstan].
*Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD
Rossii*, no. 1, pp. 132–135. (In Russ.).

15. Tambovtsev, A.I. (2014) Vzaimodeystvie
organov vnutrennikh del so sredstvami massovoy
informatsii: dostoinstva i nedostatki deystvuyushchikh
normativnykh pravovykh aktov [Interaction of
internal affairs bodies with the media: advantages
and shortcomings of the current normative legal
acts]. *Aktual’nye voprosy publichnogo prava*,
no. 1, pp. 92–110. (In Russ.).

16. Teokharov, A.K. (2024) Sovershenstvova-
nie vzaimodeystviya organov vnutrennikh del so
sredstvami massovoy informatsii po vyyavleniyu
i preduprezhdeniyu prestupleniy [Improving the
interaction of internal affairs agencies with the
mass media on the detection and prevention of
crimes]. *Philosophiya prava*, no. 2, pp. 174–179.
(In Russ.).

17. Yanbukhtin, R.M. (2015) Pravookhrani-
tel’nye organy i SMI: problemy i printsipy vzaimo-
deystviya [Law enforcement bodies and mass
media: problems and principles of interaction].
*Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridiches-
kie nauki, kul’turologiya i iskusstvovedenie.
Voprosy teorii i praktiki*, no. 7-2, pp. 213–217.
(In Russ.).

Информация об авторе

В.Н. Юрченкова — старший инспектор отделения учета кадров отдела кадров управления по работе с личным составом Академии управления МВД России, адъюнкт заочной формы обучения факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России, майор полиции.

Information about the author

V.N. Yurchenkova – Senior Inspector of the Personnel Accounting Department of the Personnel Management Department of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Postgraduate student at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major.